

С. А. АРУТЮНОВ

НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ

развитие
и
взаимодействие

vk.com/templeton

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

N. N. MIKLUKHO-MAKLAY INSTITUTE OF ETHNOGRAPHY

vk.com/templeton

vk.com/templeton
S. A. ARUTIUNOV

PEOPLES
AND
CULTURES
their development
and
interaction

Chief Redactor
academician YU. V. BROMLEY

MOSKOW «NAUKA»
1989

С. А. АРУТЮНОВ

НАРОДЫ
И
КУЛЬТУРЫ
развитие
и
взаимодействие

Ответственный редактор
академик Ю. В. БРОМЛЕЙ

МОСКВА «НАУКА»
1989

Рецензенты:

доктор исторических наук А. И. ПЕРШИЦ,
кандидат исторических наук В. Я. ПЕТРУХИН

vk.com/templeton

Арутюнов С. А.

А86 Народы и культуры: развитие и взаимодействие. — М.:
Наука. 1989. — 247 с.

ISBN 5-02-009923-6

Автор ставит своей задачей рассмотреть на конкретных примерах из жизни самых различных древних и современных народов общие закономерности, по которым происходит сложение и развитие этнических особенностей культуры, самосознания, языка; как происходит передача отдельных элементов культурного достояния от одних народов к другим, какие культуры характерны для общностей различных эпох и т. д. Значительная часть примеров взята из жизни народов, среди которых автор лично проводил полевые исследования: народов Японии, Индии, Кавказа, Крайнего Севера и др.

Для историков, этнографов и читателей, интересующихся историей культуры народов мира.

This book is aimed at an analysis of the most general regularities which determine the formation and development of ethnically specific features in culture, language and identity. They are viewed against a background of various exact examples taken from the life and history of many modern and ancient populations. The book describes the ways of transmission of various elements in the ethnic thesaurus from one people to another people, the cultural patterns which are the most characteristic for ethnic communities in various periods of history. A large part of examples is taken by the author from the ethnographic realities of those populations, where he participated in field research programs, i. e. in Japan, India, Caucasus, Arctic regions of the USSR etc.

А 0505000000-245
042(02) — 89 — 195 — 89 — Кн. 1

ББК 63.5

ISBN 5-02-009923-6

© Издательство «Наука», 1989

ГЕНЕЗИС ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
И ЭТНОГЕНЕЗ
(вместо введения)

Основным содержанием этой книги является рассмотрение культуры этноса как основного предмета изучения этнографической науки¹.

Этносы — явление чисто человеческое. В этом, в частности, состоит отличие этнических подразделений человечества от подразделений расовых. Расовые различия — явление биологическое. Надо полагать, что различия расового характера имелись и в древнейшем человечестве, и даже у обезьяноподобных предков человека, хотя к ним никак нельзя возводить непосредственно современные расовые группы человечества, большинство отличительных признаков которых сформировалось относительно поздно. Этнических же различий, разумеется, вообще не могло быть у обезьяноподобных предков человека. Их не могло быть, очевидно, и у древнейших людей — архантропов. Дело в том, что в основе этнических различий лежит такое чисто человеческое явление, как культура.

Вряд ли найдется какое-либо иное научное понятие, о котором написано больше, чем о культуре. И в то же время, как ни у одного другого понятия, определения его многообразны, противоречивы и толкование его весьма различно у разных исследователей. Уже хрестоматийным стал опыт А. Кребера и К. Клакхона, собравших около 170 разных определений культуры². Не входя в обсуждение этих определений, заявим сразу же, что в данной работе мы принимаем пользующееся широким признанием в советской культурологической науке понимание культуры, данное в труде Э. С. Маркаряна³, как внебиологически выработанный и передаваемый способ человеческой деятельности. Надо сказать, что в советской литературе распространено также понимание культуры как совокупности результатов материальной и духовной деятельности человека. Однако нельзя противопоставлять друг другу способ и результат, они находятся в неразрывном диалектическом единстве. Любой способ, будь то способ выплавки металла или выпечки хлеба, или письменной фиксации человеческой речи, способ приветствия или способ принимать новорожденного, есть результат опыта многих поколений, результат поисков и работы мысли. И в то же время любой результат деятельности, будь то народная пословица или каравай печеного хлеба, есть сам по себе способ: в первом случае способ передачи информации, накопленной народом мудрости, во втором случае — способ питания определенного народа.

Если попытаться более детально и глубоко раскрыть такое понимание культуры, то содержание ее предстанет как совокупность способов, которыми институционализируются различные виды человеческой деятель-

ности. Основные виды этой деятельности по своему содержанию общи для всего человечества, в определенной степени они заданы его биологической организацией и общепланетарной средой его существования, в которой развивалась как бытовая, так и трудовая деятельность человека. Люди повсюду трудятся, производят средства своего существования, обеспечивают себя пищей, организуют среду своего обитания, обеспечивают себя жилищем и одеждой, воспроизводят самих себя, т. е. рожают и воспитывают детей, отдыхают, спят и т. д. Все это суть разные виды человеческой деятельности или поведения, идентичные для всех людей по своему основному содержанию. Но формы, которые принимает у разных человеческих коллективов эта деятельность, институциональны и переменчивы. Для разных этносов характерны разные, специфические формы трудовой деятельности, будь то охота, рыбная ловля, земледелие, животноводство или ремесло, разные трудовые приемы и методы во всех этих отраслях хозяйства, разные формы организации своего отдыха и досуга, разные методы воспитания детей. Даже такие, казалось бы, чисто биологические явления, как половой акт или роды, осуществляются человеком разными приемами, в которых имеются определенные и очень существенные этнические различия. Этнические различия проявляются в том, как люди одеваются, как они едят, в их любимых позах стояния или сидения, хотя все люди на земле одеваются, едят, стоят и сидят. В этих различиях проявляется и то, что разные этносы обладают и характеризуются разными культурами.

Возьмем наиболее простую, элементарную форму человеческого поведения — «спать». Понятие «спать» выражается разными словами в разных языках. Различаются и наиболее распространенные способы сна, и следовательно, первые конкретные образы, возникающие у людей разных этносов в связи с этим словом. Для южноамериканского индейца «спать» — это прежде всего спать в гамаке, для корейца — это спать на оядоле (обогреваемой приподнятой части пола). То есть параллельно с речевым языком существует и язык внеязыковой, т. е. материальной или поведенческой части культуры. Когда говорят друг с другом два человека одной культуры, например швед со шведом, то указание типа: «Пойди на кухню и приготовь себе завтрак» — дополняется представлением о самой обстановке кухни, о тех или других предметах утвари, о наборе продуктов, которые сами по себе уже несут понятную в контексте данной культуры информацию, содержат в себе развернутую программу деятельности, более широкую, чем та, что была дана в речевой форме. Однако она будет непонятна человеку другой культуры, например венцу или эвенку, даже если речевое указание было им понято. И наоборот, эвенк-охотник, входящий в безлюдную таежную избушку, понимает программу-информацию, оставленную в виде предметов культуры его предшественником, тогда как горожанин-швед в подобной ситуации может оказаться совершенно беспомощным. Именно эта заложенная в материальных предметах информация, читаемая определенным образом в общем контексте данной культуры, определяющая конкретную деятельность, и отличает материальную культуру разных народов.

Любая форма, любое проявление культуры так или иначе связаны с этносом, так как они имеют некоторое распространение среди представителей данного этноса. Такой вид культуры, как массовый или профессио-

нальный спорт, безусловно интернационален, хотя и имеются отдельные национальные виды спорта. Но даже интернациональные виды спорта по-разному распространены среди разных этносов. Одни народы практически равнодушны к футболу, у других (в частности у латиноамериканских) он может выступать своего рода национальным символом, а подчас служить знаменем крайнего национализма и даже поводом к межгосударственным конфликтам. Для целей этнокультурного анализа, следовательно, важно не явление культуры само по себе и даже не то, каким образом оно отражается в процессе общего культурного, социального и экономического развития данного общества, а то, каким образом оно влияет на осознание обществом своего этнического единства, на его этническую самооценку, как это явление оценивается и воспринимается обществом в отношении к его этническому бытию.

Наиболее привычно в качестве основного этнического показателя прежде всего упоминать язык. Однако язык — это тоже всего лишь институционализованная форма общей для человека речевой деятельности, и как таковая она должна быть включена в наиболее широкое понимание культуры. Язык есть неотъемлемая часть культуры, но часть очень обширная и очень специфичная, в силу чего она обычно выделяется и противопоставляется остальной культуре народа — материальной и духовной, хотя в свою очередь значительная часть духовной культуры не может существовать иначе, как в языковой форме. Следует отметить, что язык, будучи частью культуры в самом широком смысле слова, обычно противопоставляется в формулировке «язык и культура» остальной, более узкой, внеязыковой части культуры. Делается это в силу особой объемности языка, его специфичности и непосредственной связи с мышлением. По этой же причине, кстати, сказать, существует и формулировка «литература и искусство», хотя понятие «искусство» в самом широком смысле включает в себя как один из своих видов и литературу.

Будучи в своих конкретных и внутренних закономерностях предметом рассмотрения особых дисциплин — языкознания, искусствоведения, литературоведения, эти специфические составные части культуры обладают в числе прочих также и этнической спецификой и поэтому не могут оставаться вне поля зрения этнографии, которая в отличие от вышеуказанных дисциплин обращает внимание не на внутренние закономерности этих явлений, а на их внешние связи с другими частями культуры, на их этнодифференцирующие и этноинтегрирующие функции, на их роль в создании определенной этноязыковой ситуации.

С самого начального момента возникновения трудовой деятельности человеческого коллектива язык был так же необходим ему для этой деятельности, как и материальные орудия труда, и надо думать, что одновременно с самыми примитивными орудиями эпохи нижнего палеолита возникли уже и самые примитивные зачатки языка.

Рассмотрение роли и места различных элементов культуры в процессах этнического развития можно начать с момента этногенеза. Здесь, разумеется, встает проблема «яйца и курицы», так как в этногенезе любого известного нам этноса принимали участие различные более или менее известные или неизвестные нам, но вполне уже оформленные целые этносы или же отдельные их части, которые в своем прошлом прошли собственный долгий

путь независимого этнокультурного развития. О первичных этногенетических процессах, т. е. о процессах формирования древнейших этносов из доэтнического состояния, мы можем лишь догадываться, о чем несколько подробнее будет сказано в одной из последующих глав. Здесь же нам остается исходить из предположения, что характерные формы этногенеза, которые мы в той или иной мере можем фиксировать для известных нам этносов, были актуальны и для долгой цепи их предшественников.

Проблемы этногенеза и шире — этнической истории в целом, проблемы наличия различных компонентов и их роли в сложении того или иного ныне существующего или некогда существовавшего этноса занимают одно из важнейших (если только не важнейшее из всех) место в советской этнографической науке. Можно сказать, что специфика советской школы этнографии в значительной мере определяется именно вниманием к постановке и разработке проблем этногенеза и хода этнических процессов. Конкретных работ, посвященных проблемам сложения отдельных этносов и территориальных этнических комплексов, накоплено уже немало⁴. Однако до сих пор написано еще сравнительно немного работ, где специально были бы рассмотрены теоретические и методологические проблемы изучения этногенеза⁵. В какой-то мере недостаток таких работ восполняют вводные разделы ряда конкретных исследований по этногенезу отдельных этносов⁶. Существенный, можно сказать, качественный сдвиг наметился в изучении этнических общностей и процессов с появлением фундаментального труда Ю. В. Бромлея⁷. В нем суммированы основные достижения советской и мировой этнографической науки в разработке этнической проблематики и предложена новая понятийная система для типологии этнических общностей и этнических процессов. Однако проблеме собственно этногенеза и в этом труде уделено сравнительно мало внимания (в основном на стр. 277—284), а в основном речь идет об уже сформировавшихся общностях и характерных для них процессах.

В существующей литературе наряду с понятием и термином «этногенез» употребляется и термин «этническая история», причем не всегда между ними проводится четкое различие. В последние годы наметилась, однако, тенденция, поддержанная и нами, применять термин «этногенез» лишь к такому процессу, в результате которого из ряда существовавших до этого этносов, этнических общностей или их частей складывается новый этнос, осознающий себя как нечто отличное от любых ранее существовавших групп и выражающий это самоосознание через новое самоназвание. Самоназвание это, как правило, восходит к одному из ранее известных этнонимов или иных обозначений, но приобретает качественно отличное содержание. Нам уже приходилось писать о том, что самосознание и выражающее его самоназвание являются основным этническим маркером, результирующим из взаимодействия различных не однозначных и не повсеместных социальных факторов, которые создают в совокупности определенный сгусток информационной сети, ведущий к вычленению этноса⁸. Через этот механизм объективные факторы бытия этноса преобразуются в субъективный фактор самосознания, который в свою очередь находит выражение в самоназвании как в объективной реальности.

С момента возникновения такого более или менее всеобщего в рамках определенной группы населения самосознания и самоназвания этногенез,

т. е. становление данной группы как этноса, может в целом считаться завершенным и все остальные процессы составляют дальнейшую этническую историю данного этноса: продолжающееся включение в его состав отдельных инородных групп или, напротив, отделение от него некоторых групп и их переход в иные этносы; дальнейшая консолидация этноса, а иногда, наоборот, временное ослабление внутриаэтнических связей, не ведущее, однако, к распаду этноса как целостности; возникновение или стирание локальных особенностей малых этнографических групп внутри этноса и т. д. Несмотря на все эти явления, существенно меняющие конфигурацию, структуру и облик этноса на разных этапах его этнической истории, этнос непрерывно сохраняющий свое самосознание и самоназвание, сохраняет тем самым преемственность своего существования, точно так же как индивид продолжает оставаться одной и той же личностью, несмотря на происходящие в нем возрастные и иные изменения.

Итак, самосознание и неразрывно связанное с ним самоназвание суть решающие демаркаторы этноса. При этом не имеет значения то, что самоназвание может выступать в виде нескольких диалектных вариантов, синонимов и даже слов разных языков. Есть немало случаев, и некоторые из них (мордва, ирландцы и др.) стали даже хрестоматийными, когда разные части одного этноса говорят на разных языках и, соответственно, называют себя разными этнонимами, сохраняя при этом свое этническое единство. Азиатские эскимосы старшего поколения, не знающие русского языка, назовут себя «юпигыт»; многие молодые эскимосы, в особенности от смешанных браков и выросшие в городской среде, не знающие эскимосского языка, говорящие только по-русски, назовут себя «эскимосами». Пусть этот термин чужд эскимосскому языку, зародился в алгонкинском, попал в русский язык через посредство французского — это не имеет значения для говорящего. В коллективном этническом самосознании азиатских эскимосов слова «юпигыт» и «эскимосы» — синонимы, и обозначение себя ими есть знак продолжающейся принадлежности к эскимосскому этносу.

Когда исследователь фиксирует ныне существующий этнос, он делает это через самоназвание или же через название, данное со стороны, но признанное этносом как синонимически приравненное к самоназванию. Коль скоро такое название существует и признается группой, значит, существует и этническая общность того или иного типа или уровня, какого именно — это предстоит определить исследователю по объективным показателям. В тех случаях, когда речь идет об этносах, имеющих длительную и документированную историю своего существования, первое упоминание этноса в письменном источнике само по себе уже является свидетельством того, что на данный момент этнос уже представлял собой объективную реальность (хотя, разумеется, такое упоминание не может дать ответа на вопрос о том, сколь долго этот этнос существовал до этого упоминания).

Многие этнонимы, которые в настоящее время с полным правом воспринимаются именно как этнонимы, в более древние эпохи могли иметь не этническое, а какое-то иное содержание, обозначать не этнос, а иную категорию, например хозяйственно-культурную общность. Примером этого могут служить скифы в древнегреческих или остяки в средневековых русских источниках, где под этим общим именем могли подразумеваться

различные народы весьма разной этнической принадлежности. Но коль скоро критический анализ источника позволяет считать данный этноним или группу синонимичных этнонимов именно этнонимом, т. е. обозначением этноса, это означает, что на данный момент соответствующий этнос действительно существовал, сложился или, иными словами, этногенез его к этому времени уже завершился.

В ряде случаев, сравнительно немногочисленных, сам процесс этногенеза данного этноса протекал во временных рамках периода, освещенного письменными источниками. Так, например, этногенез средневековой английской народности может быть локализован во времени по данным источников и по ним можно проследить участвовавшие в этом процессе основные этнические группы бриттов, англов, саксов, ютов, данов, франкоязычных норманнов и т. д.^{8а} В подобных случаях данные письменных источников играют ведущую роль на первом уровне исследования, однако значение их не следует переоценивать.

Древний письменный источник по самой своей природе никогда не может быть вполне объективным, он неизбежно будет отражать определенную предвзятость этнической и социальной позиции его автора, которая может вести к преувеличению роли одних компонентов и преуменьшению роли других. Следовательно, его данные непременно должны проверяться сопоставлением с данными других дисциплин — этнографии, археологии, лингвистики, антропологии.

Однако в подавляющем большинстве случаев письменный источник фиксирует отнюдь не процесс этногенеза, а лишь его конечный результат — появление на исторической арене, в поле зрения источника нового, уже сложившегося этноса. В этом случае данные вышеуказанных дисциплин представляют собой единственный источник для выяснения того, как протекал процесс этногенеза данного этноса, какие компоненты приняли в нем участие (притом в какой последовательности) и какую они сыграли относительную роль в процессе генезиса данного этноса, каково было их соотношение между собой.

То, что проблема этногенеза может и должна решаться лишь комплексно, совокупными усилиями ряда смежных дисциплин, давно уже стало прописной истиной. Немало написано и в общем плане, и еще более дано убедительных примеров того, какую роль в решении этой задачи могут сыграть данные этих отдельных дисциплин⁹. Мы никоим образом не намерены преуменьшать значения их возможностей, но нам представляется необходимым тем не менее подчеркнуть, что возможности эти не безграничны, и если в отдельных конкретных случаях привлечение этнографических либо археологических либо лингвистических данных может оказаться весьма плодотворным, то в других случаях такие данные могут либо оказаться мало пригодными для выявления этногенетических корней этноса, либо даже подчас повести исследователя по ложному пути.

В плане использования данных этнографии вполне плодотворными представляются такие примеры, как использование анализа тамг различных родов для изучения родоплеменного состава башкир, проведенное Р. Г. Кузеевым¹⁰. Примером удачного использования данных языка для освещения компонентов этногенеза могут служить исследования японских лингвистов, показавшие, что японский язык сложился в результате взаимо-

действия субстратных компонентов южного, аустронезийского типа с суперстратными компонентами «алтайского» типа. Действительно, в условиях островной изоляции невозможно допустить восприятие нового, «алтайского» по типу языка древним, аустронезийскоязычным населением без предположения, что какая-либо достаточно значительная группа носителей этого нового языка проникла на Японские острова, смешавшись и слившись впоследствии с их более древним населением.

Что касается археологических источников, то нам уже приходилось писать о том, что их прямое этническое истолкование неизбежно встречается с рядом труднопреодолимых препятствий, и, следовательно, применение их в этногенетическом аспекте очень затруднено¹¹. Там не менее для отдаленных от нас во времени эпох, по которым мы не можем располагать никакими прямыми лингвистическими свидетельствами, археологический материал наряду с палеоантропологическим остается единственным источником для реконструкции этнической истории населения определенного региона в древности. Следует лишь иметь в виду, что подобная реконструкция в тех случаях, когда потенциальная возможность ее апробации путем сопоставления с нарративными или лексикологическими источниками в принципе исключена (например, для эпохи мезолита), всегда будет оставаться гипотетической.

В то же время можно привести немало примеров, когда анализ как языка, так и в значительной мере также и внеязыковой части культурного достояния этноса может дать результаты, не совместимые с достоверно известной его этнической историей. Можно назвать ряд афроамериканских этносов, таких, как гаитяне, черные карибы и ряд других, чьи языки являются производными от английского или французского языка, а значительная часть их внеязыковой культуры также показывает черты существенного сходства с соответствующими европейскими культурами. Если бы перед нами стояла задача реконструкции их этногенеза по данным языка и культуры, то скорее всего наиболее правдоподобным выводом было бы суждение, что в этногенезе этих народов весьма значительную роль, наряду с группами африканского или индейского происхождения, сыграли также и группы западноевропейского происхождения. Исторически документированные данные, однако, говорят о том, что не только сколько-нибудь значительных групп населения, но даже и сколько-нибудь заметных подобных включений на индивидуальном уровне здесь не имелось.

Неверно было бы априорно отказываться от попыток экстраполяции примеров, взятых из истории классовых обществ, из эпохи колониальной экспансии, на более древние периоды, на время господства первобытнообщинных отношений. Во-первых, случаи, когда могли бы наблюдаться и фиксироваться этногенетические процессы среди чисто первобытных обществ, практически неизвестны, да и рассуждая теоретически, само наличие наблюдателя-фиксатора уже предполагает определенный контакт этих обществ с более высокоразвитыми. Во-вторых, возможность интенсивного культурного и языкового влияния некоторого более развитого общества на этногенетические процессы менее развитых обществ без непосредственного широкого вовлечения представителей первого во второе может иметь место и на раннеклассовом уровне, и даже на уровне разложения первобытнообщинного строя. Примером может служить этногенез народа кечуа¹².

В-третьих, среди тех случаев, когда проблема генезиса этноса ставится как задача, более или менее реально разрешимая с помощью данных культуры и языка, чаще всего мы имеем дело с относительно ограниченной глубиной во времени, предполагающей уже наличие определенного влияния или участия более или менее развитых классовых обществ.

Следует подчеркнуть, что существует, как видно из вышесказанного, важное различие между этногенезом какого-либо народа и историей сложения его языка и культуры. Последний процесс, т. е. сложение языка и культуры, включает в себя любые отдаленные и опосредованные влияния; так, генезис японской культуры и языка включает в себя не только корейские и китайские, но и опосредованные через них индийские и переднеазиатские компоненты¹³. Что же касается этногенеза, то здесь речь идет о вливании в формирующийся этнос реальных носителей определенной культуры и языка, т. е. реальных людей, притом не в форме отдельных индивидов, а более или менее значительных групп, обладавших определенным групповым этническим самосознанием.

В то же время мы можем констатировать, что иногда именно эти опосредованные культурные влияния, восходящие к этносам третьего центра, т. е. к этносам, непосредственно в этногенезе не участвующим, могут играть существенную этноформирующую и этномодифицирующую роль. Индийский буддизм и его разновидность дхьяна (кит. *чань*, яп. *дзэн*) пришли в Японию хотя и в несколько китаизированной форме, но сохраняя многие первоначальные индийские черты (вплоть до знакомства японского духовенства с санскритской графикой и канонической литературой на санскрите). При этом не только буддизм в целом стал практически стопроцентно и на всех уровнях присущей народу Японии религией (позиция, которой он никогда не достигал в Китае), но и дзэн оказал на всю средневековую, а через нее и на современную японскую культуру, на этнокультурную специфику японцев такое большое влияние, которое совершенно несравнимо с довольно ограниченной ролью чань — буддизма в Китае¹⁴.

Как видно из вышесказанного, и как уже не раз указывалось многими авторами, язык и культура могут передаваться от одного этноса к другому, в том числе и вновь формирующемуся, без параллельного перехода самих людей — носителей этих языка и культуры. В то же время, если имеет место переход людей в иной уже данный или во вновь формирующийся этнос, то переход этот не может не сопровождаться хотя бы ограниченным переносом языка и культуры.

Будучи принципиально верным, это положение нуждается, однако, в ряде оговорок. В большинстве случаев действительно включение в существующий или в формирующийся этнос какой-либо отдельной общности не проходит бесследно и какие-то культурные или языковые черты ее сохраняются в последующей истории этноса, хотя бы в виде фрагментарного адстрата, побочного, стороннего включения в его культуру. Так, например, хотя участие айнов в этногенезе японской народности и не было особо существенным по сравнению с компонентами аустронезийского и корейско-китайского происхождения, тем не менее отдельные включения восходящих к айнам черт имеются и в языке, и в культуре японцев и по сей день¹⁵. Однако есть и такие случаи, когда язык и культура вливающейся группы очень быстро полностью сходят на нет, не оставив практи-

чески никаких следов, или же когда группа сперва теряет прежнюю языковую и культурную специфику, сохраняя все же самосознание и самоназвание, а затем теряет и их, чем процесс ее ассимиляции завершается.

Так, в этнической истории абхазского народа небольшое, но исторически зафиксированное и антропологически подтверждаемое место занимает включение в его состав определенной группы людей африканского происхождения, освободившихся из османского рабства; однако следов их культуры и языка в современном культурно-языковом достоянии абхазов мы не находим. В этногенезе средневекового населения Крыма активно участвовали потомки восточных готв, чей язык сохранялся в Крыму дольше, чем где бы то ни было, однако опять-таки следов готской культуры и языка здесь в дальнейшем не прослеживается.

Подводя итоги, можно сказать, что в зависимости от исследуемой эпохи, типа исследуемого общества и конкретной исторической ситуации какой-то вид источников — исторических, языковых, археологических, этнографических — может иметь более или менее существенное значение для решения проблемы этногенеза данного народа, однако ни один из них не может претендовать на принципиально ведущую роль или считаться безусловно релевантным по отношению к этногенезу. Каждый из них нуждается в перепроверке данными других источников, и каждый из них в каком-либо конкретном случае может оказаться лишенным реального этногенетического содержания.

Иначе обстоит дело с антропологическими источниками, как современными, так и палеоантропологическими. Этногенетический процесс предполагает вхождение в состав формирующегося этноса реальных групп людей, имеющих различное происхождение, а следовательно, в той или иной мере также и различный физический облик. Антропологическая характеристика преобладающего физического типа (или типов) в составе сформировавшегося этноса predeterminedena характеристиками исходных групп, чье генетическое наследие бесследно исчезнуть не может. Следовательно, в этой характеристике, в ее локальных вариациях, в динамике палеоантропологических данных ход этногенеза и этнической истории этноса должен найти не зависящее от привходящих обстоятельств объективное выражение.

Казалось бы, что в таком случае дело лишь в наличии этих источников: необходимо лишь иметь достаточно детализированные результаты обследования ныне живущих представителей этноса, достаточно полные материалы по его палеоантропологии, и проблема его этногенеза может быть успешно решена. Однако и здесь возникает целый ряд затрудняющих обстоятельств.

Черты антропологического облика людей не есть нечто неизменное, они подвержены эволюции во времени вне зависимости от явных внешних воздействий, и далеко не всегда можно с уверенностью сказать, является ли грацилизация, брахикефализация или, наоборот, дебрахикефализация результатом смещения или же проявлением действия процессов внутренней спонтанной эволюции без всякого смещения¹⁶.

Таким образом, мы приходим к выводу, что ни один источник не может быть решающим и преимущественным по сравнению с другими; в разных случаях разные источники могут иметь преобладающее значение,

но в любых случаях достоверность выводов зависит прежде всего от возможности их взаимной перепроверки.

В доклассовом, первобытнообщинном обществе племена и группы родственных племен являются основной формой существования этнических общностей. Эти виды этнических общностей относительно недолговечны, границы их легко проницаемы, целые роды могут перемещаться из одного племени в другое, ассимилироваться или, наоборот, дробиться и дифференцироваться. В силу этого в первобытности идет как бы непрерывающийся этногенетический процесс, создающий определенный баланс интеграции и дезинтеграции, лишь время от времени нарушаемый особыми обстоятельствами.

Развитие первобытного общества приводит к его разложению, к появлению в его недрах предпосылок классовобразования. Так называемая «эпоха военной демократии» характеризуется возникновением племенных союзов крупного масштаба, нередко сопряженных с миграциями на значительные расстояния, с завоеваниями, с подчинением других племен и с их последующей ассимиляцией. Крупные этнолингвистические общности, типа индоевропейской семьи и ее отдельных ветвей, в значительной мере складывались в ходе процессов такого рода.

Процесс формирования классовых обществ и государств сопряжен с образованием устойчивых этносов, получивших в советской литературе наименование народностей. Еще недостаточно изучены, но в принципе несомненны существенные структурные различия между народностями античного времени с преобладанием рабовладельческого уклада и более поздними феодальными народностями¹⁷. Именно с началом феодальной формации мы наблюдаем повсеместное формирование большого числа новых народностей, в которых интегрируются как целые общности, так и осколки ранее существовавших племен и античных рабовладельческих этносов. В дальнейшем, с развитием буржуазных отношений, нарастают предпосылки перерастания народностей в этнические общности нового типа, т. е. нации. В Европе этот процесс почти повсеместно завершен или близок к завершению, однако в других частях света процесс образования новых наций и процесс этногенеза, т. е. процесс сложения новых этносов с новым самосознанием, нередко продолжается и по сей день.

В последующих главах книги делается попытка показать наиболее существенные взаимосвязи, которые существуют в разные эпохи и на разных этапах развития между процессами, происходящими в культурном достоянии этноса или группы взаимодействующих этносов, т. е. в их языке, материальной и духовной культуре, с одной стороны, и собственно этническими процессами и состояниями, находящими выражение в этническом самосознании, в оценке и определении людьми своего этнического бытия. Связи эти двусторонни, т. е. не только культура воздействует на этничность, но и этничность воздействует на культуру. В этом взаимодействии и состоит основная сущность этнокультурной динамики.

В книге использованы материалы статей, опубликованных автором в разное время и в разных изданиях, в том числе и в соавторстве с другими исследователями¹⁸. Однако текст их был существенно переработан, а отчасти и переосмыслен и дополнен в соответствии с новыми достижениями

исторической науки и переменами, происходящими сегодня в общественной жизни как нашей страны, так и всего мира.

Само собой разумеется, что ответственность за высказанные в книге идеи и их аргументацию лежит всецело на авторе. В то же время автор считает своим долгом подчеркнуть, сколь многим из этого он обязан и своим соавторам, и всем своим коллегам по Институту этнографии АН СССР, и своим незабвенным учителям — М. Г. Левину, Г. Ф. Дебецу, Н. Н. Чебоксарову.

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 205—208.

² Kroeber A. L., Kluckhohn C. Culture: a Critical Review of Concept and Definitions // Papers of the Peabody Museum. Harvard, 1952. V. LXVI. N 1. P. 43—72.

³ Маркarian Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969; Он же. Вопросы системного исследования общества. М., 1972.

⁴ Вопросы этнической истории народов Прибалтики // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. 1. М., 1959; Вопросы этнической истории мордовского народа // ТИЭ. 1960. Т. XIII; Долгих Б. О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. М., 1963. (ТИЭ. Т. 34); Гураич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири // ТИЭ. 1966. Т. 39; Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967; Вдовин И. С. К проблеме этногенеза ительменов // СЭ. 1970. № 3; Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы. Проблема этногенеза. М., 1978; Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969; Красновская Н. А. Происхождение и этническая история сардинцев. М., 1986.

⁵ Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // СЭ. 1949. № 3; Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986.

⁶ Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978; Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979.

⁷ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.

⁸ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. 2. М., 1972.

⁹ Шеруд Е. А. От англосаксов к англичанам. М., 1988.

¹⁰ Токарев С. А., Чебоксаров Н. Н. Методология этногенетических исследований на материале этнографии // СЭ. 1951. № 4; Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн, 1956; Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958; Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Китая. М., 1982; Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979.

¹¹ Кузев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.

¹² Арутюнов С. А., Чазанов А. М. Das Problem der archäologischen Kriterien mit ethnischer Spezifik // Ethnographisch-archaeologische Zeitschrift. 1981. N. 4. S. 669.

¹³ Народы Америки. II. М., 1959. С. 291.

¹⁴ Воробьева М. В. Япония в III—VII вв. М., 1980. С. 213—216.

¹⁵ Абаев Н. В. Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае. М., 1983; Сафронова Е. С. Сипто и буддизм в средневековой Японии. Автореф. канд. дисс. М., 1982.

¹⁶ Арутюнов С. А. Об айских компонентах в формировании японской народности и ее культуры // СЭ. 1957. № 2.

¹⁷ Дебец Г. Ф. Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уален и Эквен // Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. М., 1975. С. 200—201.

¹⁸ Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11.

¹⁹ Арутюнов С. А. Статика и динамика неевропейской бытовой культуры // Основные проблемы африканистики. М., 1973; Он же. Двуединство дивергенции и гомогенизации // СЭ. 1976. № 4; Он же. Билингвизм и бикультурализм // СЭ. 1978. № 2; Он же. Проблемы нацио-

нального характера и формирования личности японцев // Современная зарубежная этнопсихология. М., 1979; *Он же*. Этнографическая наука и изучение культурной динамики // Исследования по общей этнографии. М., 1979; *Он же*. К проблемам этничности и интерэтничности культуры // СЭ. 1980. № 3; *Он же*. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник АН СССР. 1980. № 12; *Он же*. Обычай, ритуал, традиция // СЭ. 1981. № 2; *Он же*. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // СЭ. 1982. № 1; *Он же*. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982; *Он же*. Об условности понятия «этнопсихология» // СЭ. 1983. № 2; *Он же*. Язык и этнические процессы // Расы и народы. 15. М., 1985; *Он же*. Классификационное пространство этнической типологии // СЭ. 1986. № 4; *Он же*. Соотношение традиций и инновации и ротационный механизм их взаимодействия. Братислава, 1986; *Он же*. К проблеме этноса и субэтноса // Расы и народы. 18. М., 1988; *Арутюнов С. А., Джарылгасинова Р. Ш.* Синтез традиционного и нового в материальной культуре народов Восточной Азии // НАА. 1972. № 5; *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Этнические процессы и информация // Природа. 1972. № 7; *Они же*. Языковые коммуникации и этническая консолидация // Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975; *Арутюнов С. А., Королев С. И.* Этнопсихология как наука // Современная зарубежная этнопсихология. М., 1979; *Арутюнов С. А., Хазанов А. М.* Проблема археологических критериев этнической спецификации // СЭ. 1979. № 6; *Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И.* Проблема классификации элементов культуры на примере армянской системы питания // СЭ. 1981. № 4; *Арутюнов С. А., Маркрян Э. С., Мкртумян Ю. И.* Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса // СЭ. 1983. № 2; *Арутюнов С. А., Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.* Этнические процессы в Зарубежной Азии // Этнические процессы в современном мире. М., 1987.

СЕТЬ КОММУНИКАЦИЙ КАК ОСНОВА ЭТНИЧЕСКОГО БЫТИЯ

Исследованием человечества как системы биологических групп и структур и исследованием человечества как системы этносоциальных групп и структур занимаются две различные, но тесно связанные между собой дисциплины — антропология и этнография.

Большинство ученых социалистических стран понимают под этнографией историческую науку, изучающую народы, вариации их быта и культуры, а под антропологией — биологическую дисциплину, основным объектом исследования которой являются вариации физического типа человека во времени и в пространстве.

Этнография, таким образом, относится к разряду наук общественных, а антропология — естественных; однако поскольку обе они являются «человековедческими» отраслями знания, между ними наблюдаются и существенные аналогии, так как и та и другая имеют дело не с единичными, индивидуальными явлениями или событиями, но с процессами, которые протекают в больших человеческих группах. Как этнографы, так и антропологи изучают реальные общности людей — этнические или биологические, их происхождение и расселение, их характерные признаки, закономерно изменяющиеся в пространстве и во времени.

Советской этнографической наукой накоплен обширный материал по теории этногенетических и этноисторических процессов. Вскрытие глубинных механизмов, определяющих эти процессы, — насущная задача современной этнографической науки. Ниже делается попытка рассмотреть эти процессы с одной из многих возможных точек зрения, а именно в аспекте потоков информации.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТОКИ В ПОПУЛЯЦИЯХ

Успехи различных естественных и общественных наук позволили уточнить и углубить представления о расовых и этнических общностях, об их возникновении, развитии, разграничении и взаимоотношениях между собой. Существенные изменения произошли в самом понимании категории расы, по-иному стал решаться вопрос о сочетании расовых признаков, об их отношении к другим признакам — морфологическим, физиологическим и психологическим.

Несколько обобщая, можно существующие в современной антропологии представления о расе свести к двум основным точкам зрения, которые получили названия «типологической» и «популяционной» концепций.

Согласно первой из них, любую человеческую группу можно разложить на составляющие ее расовые компоненты, которые выделяются визуально или при помощи различных математических приемов. Вторая концепция расы — популяционная — рассматривает ее как исторически сложившееся сочетание морфологических и физиологических признаков у населения определенной территории (ареала). Сторонники популяционного взгляда на расу считают, что расовые признаки наследуются обычно независимо друг от друга и очень часто являются полимерными, т. е. определяются каждый целой серией генов. Большинство советских антропологов — В. В. Бунак, Г. Ф. Дебец, В. Н. Алексеев и др. — склоняются к популяционному пониманию расы, но без крайностей этой концепции, связанных с полным отрицанием реальности самой расы.

Таким образом, ясно, что представление о расе и расообразовании в современной антропологии тесно связано с учением о популяциях как основных единицах эволюционного процесса всего органического мира.

Для каждой популяции характерен непрерывный поток наследственной информации, которая передается от поколения к поколению через половые клетки. Очевидно, что чем больше скрещиваний имеет место внутри популяций, тем интенсивнее в них идет внутригрупповой обмен генетической информацией. Если бы мы каждое скрещивание изобразили условно в виде линии, то в основной части ареала какой-либо популяции эти линии образовали бы густую сеть, а на окраинах ареала такая сеть оказалась бы разреженной; наиболее же редкой сеть скрещиваний была бы в местах соприкосновения разных популяций. По разреженности этой сети, а в некоторых случаях и по полному ее разрыву можно было бы судить о границах расселения отдельных популяций одного вида, о степени их изоляции и характере генетических барьеров между ними. Конкретная история популяций всегда бывает связана с процессом возникновения, разрушения и образования новых барьеров.

У животных (а тем более у растений) генетические барьеры между популяциями одного вида всецело определяются естественными рубежами различных типов. К числу таких рубежей принадлежат в первую очередь высокие горные хребты (Гималаи, Каракорум, Кавказ, Альпы, Анды и др.) и связанные с ними плоскогорья типа Тибета или Памира; полярные области, покрытые льдом; пустыни (Сахара, Гоби, Такламакан, Калахари и т. п.), океаны и моря, крупнейшие реки и озера. Наряду с ними роль барьеров между соседними популяциями играют преграды меньшего значения, обычно отделяющие друг от друга различные урочища, служащие им приютом.

Говоря о растительных и животных популяциях, необходимо подчеркнуть, что для каждого вида они представляют собой единственные реальные биологические единицы, на основе которых протекают процессы органической эволюции, приводящие к значительным изменениям в морфологических и физиологических групповых особенностях, а во многих случаях — и к образованию внутри вида локальных разновидностей, имеющих тенденцию в определенных условиях превратиться в самостоятельные виды. Очевидно, что чем больше скрещиваний происходит внутри отдельных популяций, тем быстрее образуются на их основе такие разновидности, или географические расы, которые различаются между собой генетически.

ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И СРЕДА

Применимы ли законы микроэволюции органического мира к человеку? Вряд ли может вызывать сомнение самый факт существования у вида *Homo sapiens* биологических репродуктивных сообществ (популяций) и складывающихся на их базе рас — устойчивых ареальных комплексов признаков, отражающих групповую общность происхождения. Однако и те и другие оказываются в человеческом обществе как бы «вписанными» в систему качественно своеобразных, специфических для людей социальных общностей. Биологическая микроэволюция протекает и у вида *Homo sapiens*, но ее направление, темпы и конкретные формы находятся в зависимости от закономерностей социально-экономического развития, которые оказывают мощное воздействие на все микроэволюционные факторы.

О снижении у вида *Homo sapiens* роли такого фактора микроэволюции, как естественный отбор, сказано очень много. Этим снижением (которое не означает, однако, полного исчезновения) объясняется то, что географические расы человека не превращаются в виды, переходные формы между ними не исчезают, как у растений и животных, а постоянно образуются вновь вследствие межрасовой метисации, которая обуславливается переселениями, проходящими красной нитью через всю историю человечества.

Социально-экономическая обусловленность общего направления и конкретной истории человеческих популяций находит яркое выражение в том, что разделяющие их генетические барьеры, как правило, совпадают с границами между теми или иными общественными группами.

При определении расовых типов мы видим необходимость проводить различие между условиями и факторами формирования и существования расы и результатами или внешними проявлениями ее в физическом типе людей; связует эти два аспекта еще одна категория явлений, непосредственно связанная с механизмом образования и существования физического типа и его закономерностей. Это наличие биологической генетической информации. Эта информация имеет определенный конечный объем и, как всякая информация, разложима на первичные единицы своего измерения.

Такой единицей в генетической информации является ген. Все попытки определить ареалы, границы рас, историю их развития и распространения — это в конечном счете определение границ и путей распространения определенных генов и наборов генов. Если бы в распоряжении антрополога имелся аппарат, позволяющий точно определить весь генный набор индивида, если бы имелись сведения об изменениях этих генных наборов в течение всех поколений для всех индивидов данной популяции — это означало бы наличие абсолютно полной информации об антропологической истории данной популяции для данного периода. Однако поскольку такого аппарата нет, те же данные приходится получать с большей или меньшей вероятностью косвенным путем, исходя из доступных наблюдению признаков физического типа человека.

Механизм существования этнических общностей всех типов, их пространственная стабильность, их временная преемственность также основываются главным образом на связях, которые могут быть описаны в рамках понятия информации. В отличие от генетической информации, передаю-

щейся в генной форме, здесь эти информационные связи в основном существуют в виде различных форм коммуникаций.

В самом деле, любые отношения, в которые вступают между собой отдельные люди или их группы — отношения экономические, общественные, политические, — непременно выражаются в форме определенной информации. Информация эта может носить самый различный характер, самую различную форму. Свойство воспринимать и хранить информацию — это основное и неотъемлемое свойство любой живой материи, а отнюдь не только человека; но только человек обладает способностью воспринимать и передавать информацию в речевой, словесной форме, причем можно сказать, что эта форма получения, хранения и передачи информации является для человека основной. В принципе речевая, словесная информация, как, впрочем, и всякая другая, может быть измерена и количественно охарактеризована в минимальных единицах — битах. Любые отношения, в которые вступают люди между собой, сопровождаются потоком информации, односторонним или обоюдосторонним, который в каждом случае имеет конечное количественное измерение определяемую количественно интенсивность.

СИНХРОННАЯ И ДИАХРОННАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Биологические группы человечества поддерживают свою относительную морфологическую стабильность преимущественно передачей генетической информации внутри группы. Существование этнических групп обусловлено сходным механизмом, хотя, конечно, действуют и другие факторы, способствующие их сохранению. Информация, определяющая существование этноса, передается различными путями. Особенно важны для людей языковые коммуникации — передача словесных сообщений от человека к человеку как в устной, так и в письменной форме. Меньшее, но тоже важное значение имеет информация, передаваемая в форме показа, подражания. Эта форма особенно важна в детском возрасте, когда человек приобщается к основным поведенческим аспектам своей культуры, которые во многих случаях имеют этнический характер: ведь разные народы отличаются и разными манерами есть, спать, сидеть, умываться, одеваться, приветствовать друг друга. . . Но, конечно, более сложная информация о своей культуре (литературное и историческое наследие), хотя бы в форме самых простых сказок, пословиц, рассказов, преданий, понятий морали, обычного права, жизненных ценностей, может передаваться только в словесной форме.

Если бы на определенной обширной территории возможно было в течение некоторого времени (месяца, года) фиксировать все формы словесных информационных связей между людьми, как устных, так и письменных (прямые разговоры, переписку, информационные связи, возникающие между писателем и читателем через прессу и другие средства массовой коммуникации и т. д.), и картографировать эти связи в виде штрихов различной толщины в зависимости от интенсивности информационных потоков, мы получили бы карту плотности информационных связей между индивидуумами на данной территории. Вполне понятно, что на этой

карте имелись бы сгустки или ареалы повышенной плотности, перемежающиеся пограничными зонами малой плотности; вполне очевидно, что на карте, охватывающей большую территорию, сгустки повышенной плотности совпадали бы с этническими коллективами, а зоны пониженной плотности — с границами между ними.

Помимо информации, о которой только что говорилось, т. е. информации в синхронном плане (или, употребляя термин графического выражения, в горизонтальном плане), существует еще информация в диахронном (вертикальном) плане. Эта вся культурная традиция народа, его творческое наследие, передаваемое из поколения в поколение в словесной (устной или письменно-литературной), а также в материально-изобразительной форме. Наличием этих непрерывных диахронных инфосвязей между сменяющимися друг друга последовательными поколениями этноса обусловлена его преемственность и стабильность во времени, передача этнической традиции в течение веков.

Разумеется, мы не располагаем и скорее всего никогда не будем располагать аппаратом, фиксирующим интенсивность потоков синхронной информации, не говоря уже о диахронных потоках. Но мы можем судить о них косвенно по ряду явлений, в которых эта интенсивность потоков информации проявляется. Таковы многие показатели культурного и социально-экономического развития, также нередко поддающиеся количественной фиксации и оценке: общий объем устной (фольклорной) традиции, наличие и объем письменных литературных памятников, знакомство населения с этими устными и письменными памятниками, распространенность грамотности; в развитых обществах — объем почтовой корреспонденции, направление ее потоков, тираж и распространение периодической прессы, развитие и распространение других средств массовой коммуникации; подвижность населения, выражающаяся в статистических показателях работы пассажирского транспорта; в менее развитых обществах — наличие и густота сети периодических храмовых праздников, рынков — ярмарок и т. д.

Таким образом, все категории этнических общностей являются общностями, основанными на информационной связи. Разумеется, на информационной связи основаны не только этнические общности. Конфессиональные (религиозные) общности также основаны на инфосвязях (главным образом вертикальных, но отчасти и горизонтальных). Почти всецело на горизонтальных инфосвязях построены общности и организации людей разных народов по единству интересов и увлечений (филателисты, радиолюбители и т. д.); но ясно, что во всех этих случаях речь идет об общности какого-то определенного, довольно узкого тематического сектора информации. Когда же мы говорим об этнической общности, то здесь определяющей выступает вся совокупность всех информационных связей.

При этом следует помнить, что этносы существуют не только в конкретном географическом, но и в «социальном» пространстве. Так, в южном Таиланде сиамицы (кхон-тай) и малайцы занимают в основном разные компактные, хотя и соседние территории; в Малайзии малайцы и китайцы живут на одной территории смешанно и чересполосно. Тем не менее представители каждого народа общаются в большей степени с представителями своего народа, чем с представителями другого. Этому

способствуют языковые различия, наличие отдельных школ, прессы на том и другом языках, своих общественных организаций. Поэтому если не в географическом, то в социальном пространстве продолжают существовать два соответствующих этносам коммуникационных сгустка с зоной коммуникационной разреженности между ними.

Важно отметить еще одно обстоятельство. Понятие «народ» (этнос) — не только самая общая категория этнических общностей, охватывающая все формационные варианты (племя, народность, нация). Определяющие параметры этноса и нации лежат в разных планах, так как для существования этноса основной является вертикальная (диахронная) информация, а для нации важнее всего синхронная информация. С обрывом ее национальное единство исчезает довольно быстро, тогда как этническое единство может сохраняться довольно долго.

Для понимания различия между единством того и другого рода решающее значение имеет проведенное Ю. В. Бромлеем разграничение между разными проявлениями существования этноса, а именно между этническим и этносоциальным организмом². Говоря о народе (этносе), в данном случае мы имеем в виду именно этникос. Именно этникос корни своего существования имеет в диахронной информации, т. е. в наличии своего рода этнической памяти, комплекса этнических традиций. Не обязательно эти традиции должны находить свою реализацию в повседневной жизни (например, ношение традиционного костюма, изготовление блюд традиционной кухни, соблюдение традиционных форм этикета и внутрисемейного поведения и т. д.). Существенно в данном случае то, что память о характерности для этноса всех этих явлений сохраняется и передается, и в определенных случаях, скажем, в праздничной, обрядовой, ритуализованной ситуации, в разных, даже отдаленных друг от друга группах данного этноса они могут время от времени воскрешаться, хотя бы в виде отдельных деталей. Иными словами, этнос хранит определенный набор условных знаков, и применение, хотя бы спорадическое, этих знаков служит средством выражения самоидентификации, демонстрации своей принадлежности к данному этносу. Минимальным таким выражением является сохранение самоназвания, заявления типа «я — такой-то по национальности». Понятно, что и сохранение самоназвания — по сути процесс диахронного типа.

Другое дело этносоциальный организм, одним из видов которого является, в частности, нация. Для его существования важны не столько диахронные, сколько синхронные связи, не столько память и традиция, сколько повседневное действие и общение, решение постоянно возникающих общих задач, координация действий для их решения. Никому такая национальная группа, как украинцы Канады, разумеется, не представляется как составная часть украинской социалистической нации, тогда как часть украинского народа (этнического) они бесспорно являются. И дело здесь вовсе не в территориальной разобщенности или слитности, а именно в сохранении или уменьшении информационного общения: так, датчане, живущие в течение многих лет в Гренландии, не перестают оставаться частью датской нации.

Определяющая роль для этноса диахронных, вертикальных связей четко видна в тех случаях, когда между отдельными частями этногра-

фически достаточно однородного этноса горизонтальные связи практически полностью отсутствуют, а значительная культурно-языковая общность сохраняется. Хорошими примерами таких «дисперсных» этносов могут служить мяо и яо Юго-Восточной Азии, многочисленные группы которых живут рассеянно в Китае и разных странах Индокитая, или эскимосы, расселенные в бескрайних пространствах Гренландии, Канады, Аляски и Чукотки.

В то же время определяющая роль для формирования общности типа нации синхронных инфосвязей не исключает определенной роли в существовании нации также и некоторых вертикальных, диахронных инфосвязей, выступающих в виде национальных традиций, которые в этом понимании не идентичны с этническими (или народными, общенародными) традициями. Поэтическое наследие Т. Шевченко в этом смысле может рассматриваться как общенародная традиция всего современного украинского этника, а церемониал современных украинских колхозных праздников или комсомольских свадеб — как достояние украинской социалистической нации.

Показателен в данном случае пример японцев в Японии, Бразилии и других странах. Осознание ими себя представителями японского этноса, когда они родились вне Японии, живут вне Японии и почти не имеют синхронных связей с японцами в Японии, очевидно, зависит лишь от сохранения диахронных связей. Когда же прерывается такая связь, наступает переход индивида или группы из одного этноса в другой, ибо смена линий связи диахронной информации означает смену этнической преемственности. Но даже сохраняющая этническое самосознание группа в инонациональном окружении, типа японцев в Бразилии, не может считаться частью соответствующей нации (в данном случае японской), не имея с ней ни экономических, ни культурных, ни каких-либо иных коммуникаций (в то время как довоенные японские колонии, например в Давао на Филиппинах, в Корею, Маньчжоу и других районах Восточной Азии, такие связи полностью сохраняли и оставались частью нации, несмотря на территориальную разобщенность). В то же время колония японцев по понятным причинам не может считаться частью бразильской нации: ее следует рассматривать как национальную группу, тесно связанную с бразильской нацией, но сохраняющую еще свою этническую обособленность.

Сходные процессы в наши дни проходят во многих странах мира, во многих этносах и нациях. Современный этнос может реально существовать в форме одной нации (даже частично территориально разобщенной) и нескольких, не входящих в эту нацию локальных национальных групп, которые в одних случаях имеют сильную тенденцию к ассимиляции другой нацией, к переходу в другой этнос, в других случаях могут этой тенденции и не иметь; примером последнего может служить английское меньшинство в такой стране, как ЮАР. Неопределенность положения этих групп выражается и в их информационной аморфности: их внутренние связи еще недостаточно преобладают над внешними, чтобы можно было говорить о наличии тенденции формирования этих групп в особые нации.

В некоторых случаях, пожалуй, можно говорить даже о формировании

нескольких наций в пределах одного этноса: например, арабы Алжира, Египта и Саудовской Аравии или греки Греции и греки-киприоты. Важная роль государства в формировании нации здесь выступает очень четко, и это совершенно очевидно связано с тем, что в наши дни границы государств в значительной степени совпадают с разграничительными зонами информационных сгустков и, кроме того, государству принадлежит очень большая роль во всемерном повышении густоты информационных связей в пределах собственных границ.

Само по себе положение, что механизм поддержания целостности любой группы (будь то не только этническая группа, но и религиозная секта или объединение людей по общности хобби и т. п.) состоит в наличии коммуникаций между ними, достаточно тривиально. Специфичность в определении информационных связей, обуславливающих существование этнических групп, состоит прежде всего в разграничении информационных связей на диахронные и синхронные. Преемственность, целостность этника во времени обеспечивается всей совокупностью диахронных коммуникаций — этой эстафетой совокупной информации от поколения к поколению. Что же касается конкретных этносоциальных организмов как разных форм этнических общностей, таких, как нации, народности, племена, то их соотношение с этносом можно сравнить по аналогии с отношением вещества и элемента.

Углерод, например, оставаясь углеродом, существует на Земле либо в форме сажи, либо в форме графита, либо в форме алмаза и т. д., но всегда не как углерод вообще, а именно в какой-либо из этих форм. Так и отдельные этносы, скажем венгерский, грузинский, армянский, в разное время и на существенно различных территориях существовали вначале в виде племен, затем в виде средневековых народностей, потом буржуазных, а ныне существуют в виде социалистических наций, а также в виде обособленных национальных групп на территории основного расселения других народов и на огромном удалении от основной территории своего этноса, т. е. в виде ЭСО разных категорий.

Тем не менее во всех формах своего существования каждый из этих этносов в течение тысячелетия и более сохранял как этникос этническое самосознание, стабильное самоназвание, преемственность этнической традиции. Разумеется, содержание этнической эстафеты — диахронной информации, передаваемой от поколения к поколению, с течением времени постепенно менялось, но именно вследствие постепенности этого изменения общая нить традиции оставалась непрерывной.

НАЦИИ, НАРОДНОСТИ, ПЛЕМЕНА

Мы только что упомянули в качестве формы существования этносов такие понятия, как племена, народности, нации. Эти понятия давно стали привычными в советской исторической науке, но четкие критерии их разграничения пока не разработаны, и вопрос о характере граней между племенем и народностью, народностью и нацией, о достаточности или недостаточности этих понятий для описания многообразной этнической действительности — все это служит предметом длительной дискуссии.

Нам представляется, что в поисках таких критериев вновь следует обратиться к понятию плотности коммуникаций. Ведь совершенно ясно, что эта плотность различна в первобытном племени, которое знает только лишь непосредственное устное общение людей, и в современном обществе, каждый член которого ежедневно получает огромное количество информации не только от непосредственно общающихся с ним людей, но и через книги, почтовую корреспонденцию, средства массовой информации и т. д.

Нам представляется далее, что на уровне первобытнообщинного строя как слабая плотность населения, так и отсутствие письменности предопределяют известную плотность коммуникаций, выше которой она в этих условиях подняться не может. Такая низкая плотность коммуникаций характеризует этнические общности первобытнообщинной формации — племена и соплеменности (или группы родственных племен). Основной этнической единицей здесь, на наш взгляд, должна считаться именно «соплеменность», а отдельные племена следует рассматривать скорее как вторичные единицы, подразделения этой соплеменности. Так, большая эскимосская соплеменность, все представители которой осознали свою принадлежность к ней, обозначая себя термином *юпик* или *инупик* (множественное число *юпигыт*, *инупигыт*, или *юит*, *инуит*), и отличали себя от соседей (в Азии — чукчей, в Америке — индейцев), распалась на многочисленные племена: уназигмит, нывыкагмит — в Азии, кикертармит, угалахмит, нэтсилгмит и др. — в Америке. Ирокезская соплеменность делилась на племена: могаук, онейда, тускарора, онондага; были и другие ирокезоязычные племена, нередко даже враждовавшие между собой: адирондаки, гуроны, сусквеханноки и многие другие. Пример соплеменностей без четкой племенной структуры могут дать также аборигены Австралии и Новой Гвинеи.

В своем труде «Очерки теории этноса» Ю. В. Бромлей предложил сохранить термин «соплеменность» за несколько иным понятием (общая совокупность людей одного племени), а общность, о которой идет здесь речь, называть «семья племен». В принципе с этим можно согласиться, хотя термин «семья племен» имеет тот недостаток, что его нередко применяют к группам, не носящим характера осознанной общности, например «аравакская семья племен», тогда как осознают себя как этнос не араваки в целом, а их отдельные этнические подразделения, в свою очередь распадающиеся на собственно племена. Вопрос об окончательном подыскании оптимального термина для общности, условно обозначаемой нами здесь как «соплеменность», еще подлежит обсуждению и уточнению.

Однако дело здесь не в термине, а в существе понятия. Коммуникации в соплеменности основаны на взаимопонимании устного языка для всех ее членов; в свою очередь именно достаточно тесное общение говорящих поддерживает эту взаимопонимаемость, не дает диалектам перерасти во взаимопонятные языки. Именно нарушение общения и превратило, очевидно, некогда единую индоевропейскую «соплеменность» (включавшую ряд племен и племенных диалектов) в «семью племен», где каждый племенной диалект дал начало особой ветви в составе индоевропейской языковой семьи. Пока существует взаимопонимаемость в рамках соплеменности, она остается основной этнической общностью, в рамках

которой племенные (соответственно диалектные) различия находятся уже на втором плане; основные коммуникационные барьеры ограничивают не племя от племени, а «соплеменность» от «соплеменности».

В условиях отсутствия письменности своего рода «гранулы» плотных инфосвязей привязаны к кочевым локальным группам, оседлым поселкам, а общеплеменная и межплеменная информация протекает прерывисто, окказионально, и уровень плотности ее остается довольно низким.

Лишь с появлением классового общества и таких связанных с ним явлений, как укрупнение поселений, прогрессирующее разделение труда, увеличение плотности населения, сбор воедино больших масс людей в армию или на трудовые повинности и, наконец, самое главное — возникновение письменности, этот низкий уровень плотности коммуникаций мог быть резко, скачкообразно преодолен. Именно в этой возрастной плотности коммуникаций следует, на наш взгляд, искать критерии определения народности — основной формы существования этнических общностей в докапиталистических классовых формациях.

Развитие капиталистических отношений создает условия, позволяющие еще более повысить коммуникационную плотность. Назовем в их числе зарождение прессы, общенационального литературного языка, распространение хотя бы начатков грамотности в более или менее широких массах населения. Эти явления могут служить индикаторами возникновения этнической общности нового типа, а именно — нации.

Для формирования, консолидации и исторической устойчивости любой этнической общности необходима известная степень ее обособления от других подобных общностей. Этнические общности иерархичны (таксономически разноценны), наряду с основными единицами их классификации — этносами (народами) могут быть выделены таксоны более низкого и более высокого порядков (субэтнические или этнографические группы и этнолингвистические общности).

Внутри русского народа (нации), например, выделяются казаки разных районов, поморы, «киржаки» Поволжья и Приуралья, «семейские» Забайкалья и другие этнографические группы; русский же народ в целом входит в состав восточнославянской этнолингвистической общности, включающей также белорусов и украинцев, и на еще более высоком уровне — в состав славян вообще.

Основными формами существования этносов в разные исторические эпохи советские этнографы обычно считают племена и их родственные группы, народности, буржуазные и социалистические нации; первые характерны для доклассового общества, вторые — для раннеклассового (рабовладельческого и феодального), третьи — для капиталистического, четвертые — для социалистического.

Надо, однако, иметь в виду, что этнические общности, сложившиеся в определенную историческую эпоху, могут существовать и в последующие периоды истории. Так, например, народности феодальной Европы в одних случаях становились на заре капитализма нациями, в других же — продолжали оставаться народностями до наших дней. Примерами первых могут служить русские, венгры, шведы, примерами вторых — лужичане ГДР, бретонцы Франции или финноязычные вепсы северо-запада России. Между всеми «горизонтальными» и «вертикальными» типами этнических

общностей прослеживаются многообразные переходы, отражающие сложность этнической истории человечества, неравномерность ее темпов.

Вопросы соотношения различных основных типов общностей человечества и их таксонов являются в советской науке предметом оживленной дискуссии. Так, поднимается вопрос, насколько полно выражает реальное содержание понятия нации общепринятое до последнего времени в марксистской науке определение, базирующееся на факторах единства территории, языка, экономических связей (рынка) и психологического склада, проявляющегося в области культуры. Есть предложения, как-то дополняющие эти основные признаки рядом других. Много споров вызывает вопрос, в чем состоит различие между нацией и народностью. Наконец, существует точка зрения, что факторы, определяющие нацию или другую этническую общность, множественны и в различных случаях набор их может быть различен, но решающее значение имеет вытекающая из суммы этих факторов их резюмета в виде общего национального самосознания. Многие выдвигавшиеся в этих спорах факторы и явления несомненно имеют тесную связь с существованием общности любого уровня. Однако ни одно из них не выражает сущности механизма связей, обуславливающих целостность самого существования этнической общности. Этническое самосознание — это результат существования этнической общности, ее внешнее проявление. Общность территории, языка и экономических связей — это условия формирования, сложения или существования этнической общности, а также условия формирования или существования целого ряда других исторических явлений.

Таким образом, методологически мы можем выделить три иерархически ранжированных уровня рассмотрения данной проблемы, три ее аспекта. Это, во-первых, более или менее необходимые, а также дополнительные условия или предпосылки возникновения и существования общности; во-вторых, механизм реализации этих предпосылок; в-третьих, результат действия этого механизма, т. е. субъективно осознаваемая и объективно существующая общность.

В процессе этногенеза сперва возникают предпосылки: между разными исходными этническими компонентами, расселенными по соседству или чересполосно на обладающей некоторым географическим единством территории, завязываются связи разного рода. Связи эти реализуются в виде сети коммуникаций, что требует и приводит к определенному языковому единству. В конечном счете осознание постепенно усиливающегося языкового и культурного единства порождает новое этническое самосознание.

Этногенез народностей, как правило, бывает очень сложен. Они возникают в процессе консолидации многих родственных племен, а также ассимиляции различных чужеродных, иноязычных племен и групп. В народностях сохраняется дробность этнических традиций, выражающаяся в существовании в их рамках этнических подразделений второго порядка — так называемых субэтнических групп (мазуры и кашубы в Польше, хевсуры и мохевцы в Грузии, дигорцы в Осетии, гуцулы на Украине и др.).

Нации образуются или путем перерастания одной народности в нацию (так было в Корее, Японии), либо путем консолидации в нацию нескольких

близкородственных народностей (так из средневековых северофранцузской и провансальской народностей сформировалась французская нация; так на наших глазах из яванцев, малайцев, балийцев и других народностей складывается индонезийская нация).

Большинство социалистических наций СССР выросло из ранее существовавших, как правило — одноименных народностей (русские, туркмены, якуты, грузины, армяне и др.), но, например, хакасы сложились в результате слияния многих мелких народностей и соплеменностей как тюркоязычных (качинцы, сагайцы), так и самодоязычных (моторы, камасинцы), и самоназвание «хакасы» не восходит к наименованию ни одной из них, а было взято из истории древнего населения области.

Распространение этносов в пространстве и развитие их во времени; прохождение ими последовательных фаз развития, соответствующих соплеменности, народности, нации; исчезновение, слияние одних этносов, возникновение новых этносов, их дробление, образование отдельных национальных групп, развитие ассоциативных связей между ними — все эти и многие другие этнические процессы в своей совокупности и образуют этническую историю человечества.

Для разных ее этапов можно выделить наиболее характерные комплексы этноисторических процессов. Прежде всего это процессы этногонии, т. е. первичного образования этносов на базе доэтнических коллективов. Эти процессы мы не можем ни наблюдать, ни проследить в свидетельствах письменных источников, так как они завершались десятки тысячелетий тому назад, и мы можем лишь теоретически, умозрительно строить гипотезы об их характере, отталкиваясь от данных антропологии и археологии палеолита.

Для всей первобытной, а также древней и раннесредневековой истории наиболее характерны процессы этногенеза, т. е. сложения новых этносов на базе уже существующих как путем их расщепления, ветвления (дифференциация), так и путем слияния, ассимиляции (интеграция). В результате двустороннего баланса этих процессов образовались языковые семьи народов, в том числе такие огромные, как индоевропейская или семито-хамитская, и оформились в виде народностей, в основном в эпоху раннего средневековья, многие из ныне существующих этносов.

Этногенез, или образование новых этносов, происходили и в последующие эпохи, например при образовании новых, европейскоязычных этносов в Америке, а во многих развивающихся государствах и территориях Африки и Океании он происходит на наших глазах. Но все же для позднесредневековой и новой истории более характерны процессы развития уже сложившихся народностей и формирования на их основе наций.

Наконец, для новейшего времени характерны так называемые современные этнические процессы, отличающиеся большим своеобразием в силу возросшей политической активности масс и роли государства, широчайшего распространения средств массовой коммуникации и т. д. Центр тяжести современных этнических процессов — в развитии существующих и интенсивном сложении новых наций, с которыми ассимилируются, сливаются или ассоциируются все другие типы этнических общностей.

Этнографические группы в рамках нации постепенно теряют свои различия, сливаются воедино, в особенности в новейшее время. В России

примером этого может служить потеря своей специфики поморами, казаками и др. Некоторые этнические общности нового времени продолжают оставаться на уровне народностей, но эти народности, не теряя своей языковой и культурной самобытности, бывают тесно ассоциированы с какой-либо крупной нацией. Примером может служить ассоциированность уэльсцев с англичанами, бретонцев и эльзасцев с французами. В этих случаях весьма характерно двуязычие значительной части населения. При этом на родном языке народности осуществляются коммуникации приблизительно того же объема и типа, который был характерен и для средневековых народностей. Это прежде всего бытовое общение, а также язык праздничных церемоний, поэтического творчества и пр. Добавочный же объем коммуникаций, особенно общественно-политических, экономических, административных, падает на язык ассоциирующей нации.

В отличие от народностей докапиталистического уровня, бывших наивысшей формой существования этносов своего времени (которые можно назвать первичными народностями), народности нового времени, существующие лишь в состоянии ассоциации с более крупными нациями, мы можем назвать вторичными народностями.

В СССР наряду со многими социалистическими нациями существует немало народов, образующих социалистические народности. На наш взгляд, это прежде всего те народы, национальная автономия которых осуществляется в форме национальных округов, отчасти автономных областей, тогда как социалистические нации в СССР, как правило, осуществляют политическую организацию своего этносоциального единства в форме союзной или автономной республики.

Как показывают переписные материалы, именно у народностей в первую очередь получает широчайшее распространение двуязычие. Небольшие социалистические народности в РСФСР — чукчи, коряки, нивхи, эвенки, ненцы и др. — ассоциированы с русской социалистической нацией, а небольшие горнотаджикские народности — ваханцы, рушанцы, шугнанцы — с таджикской социалистической нацией. При этом следует помнить, что ассоциация отнюдь не совпадает с ассимиляцией. Естественные ассимиляционные процессы проходят в СССР так же, как и в других странах со сложным этническим составом населения. Так, отношения венсов — небольшой финноязычной народности в Приладожье — с русским этносом характеризуются преобладанием именно не ассоциации, а ассимиляции. Но в большинстве случаев отмечается преимущественно ассоциация с сохранением в масштабах народности ее самобытных черт.

Значительные части этносов, расселенные вне пределов своих основных этнических территорий (например, японцы в Бразилии, украинцы в Канаде, китайцы в Таиланде и Индонезии, корейцы, немцы, поляки в СССР), очевидно, не могут рассматриваться как составные части соответствующих наций, хотя продолжают оставаться частью соответствующих этносов. В них продолжают передаваться диахронные этнические традиции, но синхронные связи у них бесспорно сильнее с окружающим населением, нежели с соответствующей нацией. Такие случаи, очевидно, должны рассматриваться как обособленные национальные группы, опять-таки ассоциированные с иноэтнической нацией: украинцы в Канаде — с англоканадцами, японцы в Бразилии — с бразильцами и т. д.

Ассоциированность не обязательно предполагает массовое двуязычие, но некоторая социально и культурно лидирующая часть ассоциированной общности обязательно должна быть двуязычной, иначе ассоциированность, представляющая собой сплетение какого-то слоя коммуникаций ассоциированной общности с коммуникациями ассоциирующейся общности, не может состояться. Как и двуязычие, ассоциированность может быть двух видов: относительно стабильная и растущая, ведущая к последующей ассимиляции. Можно предполагать, что и в прошлом контакты сильно различающихся по численности и уровню развития групп приводили к отношениям типа ассоциированности. Так, вполне возможно, что в составе Римской империи значительная часть частично романизированных племенных групп находилась в отношениях ассоциации с древнеримской народностью (популюс романус).

Отношения ассоциации не обязательно должны заканчиваться ассимиляцией; они могут прекратиться, если ассоциированная ранее группа, развивая высший эшелон своей культуры, заменяет культурные институты ассоциированного типа на собственные. Так, существовавшая в XIX — начале XX в. ассоциация исландской народности с датской нацией или абхазской народности с грузинской нацией к середине XX в. потеряла свою актуализацию и соответствующие народности, развив собственные культурные институты, переросли в небольшие нации.

То, что в отношении ассоциированности могут входить этнические группы и общности разного таксономического уровня, можно видеть на примере таких крайне сложных по этническому составу стран, как Индия, где небольшие народности и племенные группы вступают в ассоциации с более крупными народностями и нациями: например урало-малайя, санталы с бенгальцами и бихарцами, разные группы бхилы — с маратхами, гуджаратцами, раджастханцами, причем, по-видимому, сам процесс формирования раджастханцев как нации из ряда более мелких народностей далеко еще не завершен. Вопросы эти крайне сложны, но в аспекте этнической таксономии к ним следует, видимо, подходить с единым критерием — качественной характеристикой коммуникационной структуры, отраженной в миграциях, ярмарках, письменности, литературном языке, прессе, школе и других культурных институтах.

Конечно, нельзя ставить знак равенства между понятиями коммуникационной структуры и этнической структуры. Этническая структура образуется всей совокупностью коммуникаций. Структура же отдельных участков или спектров коммуникаций отражает социальные, конфессиональные, профессиональные и другие виды членения общества. Как популяционные, так и коммуникационные, в том числе и этнические, структуры человеческого общества иерархичны. Между ними имеется определенное соответствие. Все этнические общности соответствуют популяциям высших порядков³. Даже малые популяции нередко несут на себе этнические черты: небольшие изоляты, группы деревень, связанные традиционными браками, часто соответствуют дробным этнографическим группам и подгруппам. Правда, возможны ситуации, когда совершенный генетический изолят⁴ не соответствует никакой единице — ни этнической, ни любой другой коммуникационной структуре. Примером такого изолята может служить какая-нибудь брахманская каста. Все браки заключаются

внутри нее, однако в силу того, что основное занятие брахманов очень часто (хотя и не всегда) сводится к ритуальному обслуживанию членов других каст, коммуникации брахманов с членами других каст могут быть интенсивнее, чем брахманов между собой. Такие касты не представляют собой даже микроэтнографической подгруппы, хотя некоторые другие касты могут с ними совпадать (в особенности такие касты, которые происходят от индустриализированных племен).

Как уже говорилось, развитие капиталистических отношений вызвало формирование на основе экономической консолидации одной или нескольких народностей буржуазных наций с характерным для них существованием двух культур в каждой национальной культуре⁵. При этом отдельные народности могли, будучи лишь частично вовлечены в этот процесс, оставаться в своем этническом бытии на уровне народности, однако уже приобретшей социально буржуазный характер и в новых, характерных для капитализма аспектах вступившей на путь ассоциированности с определенной буржуазной нацией. Рождение нового общественного строя — социализма в Советской России (затем СССР), а позднее и в ряде других стран привело к вовлечению в ход интенсивного социального и экономического прогресса множества ранее отсталых, оставшихся в плену феодально-патриархальных отношений народностей и племен. В этом процессе умножилось число ассоциированных народностей социалистического характера, вступивших на путь все более тесной ассоциированности с крупными социалистическими нациями — ранее всего с русской, затем и с другими.

В последние годы в этнографической литературе вновь имели место высказывания о якобы искусственном, надуманном противопоставлении друг другу понятий нации и народности, о необходимости введения вместо них новых понятий этнической таксономии, основанных на более четких операциональных критериях. Наиболее эксплицитно эти концепции отражены в статье М. В. Крюкова⁶, оспаривающей то разграничение соплеменности, народности и нации, которое излагается в данной главе и в предшествовавших ей публикациях.

В статье М. В. Крюкова высказывается мнение, с которым нельзя не согласиться, что в вопросе об исторических типах этноса «многое еще далеко от удовлетворительного решения». М. В. Крюкову особенно неудовлетворительно представляется ставшая с 1950 г. традиционной в советской этнографии тройная классификация основных типов этнических общностей по схеме «племя — народность — нация» (а также различные модификации этой схемы).

Вряд ли нужно тратить слова на разъяснение того факта (признаваемого и М. В. Крюковым), что любая научная схема не может полностью охватить многообразие реальной действительности, изобилующей переходными состояниями, вариациями, нетипичными случаями и т. д., а также того, что одна относительно удачная схема не исключает возможности параллельного использования других схем, не менее пригодных для исследования тех же реалий при иной постановке познавательных задач. Не приходится сомневаться в том, что давняя и устойчивая популярность тройной схемы объясняется далеко не одними лишь случайными и конъюнктурными обстоятельствами и не одной лишь склонностью

человеческого мышления к предпочтительному использованию, наряду с бинарными оппозициями, триад всевозможного рода для классификаций явлений самых разных сфер действительности.

Обобщая предыдущие изыскания, в данной главе мы попытались подойти к типологии этносов с точки зрения интенсивности спаивающих их синхронных и диахронных коммуникативных информационных связей, это позволило предположить с достаточной вероятностью, что плотность их возрастает в ходе прогрессивно-поступательного исторического развития не плавно, а ступенчато, с наличием по меньшей мере двух «порогов», или резких скачков, в темпах прироста этой плотности. Первый скачок связан с созданием письменности, что не жестко, но достаточно достоверно коррелирует с классовым расслоением и формированием государственной власти; второй скачок — с развитием более или менее массового начального образования и средств массовой коммуникации, прежде всего периодической печати и литературы для массового чтения, что в свою очередь коррелирует с развитием капиталистического способа производства.

Оба эти скачка происходят не в одночасье, но все же в достаточно сжатые сроки. Так, для Японии развитие письменности датируется VI—VIII вв. н. э. (при зарождении государственности, видимо, в VI в. н. э.), а комплекс второго скачка совершенно достоверно относится к XVIII—первой половине XIX в. При этом до VI в., по-видимому, в Японии существовало раннеклассовое протогосударство, с VII по середину XIX в. наблюдается развитие и последующий упадок феодального общества, в XVII—XIX вв. имеет место зарождение и развитие буржуазных отношений, в середине XIX в. происходит незавершенная буржуазная революция. Сходную этнокультурную динамику можно проследить и для многих других этносов (грузинского, армянского и т. д.).

Таким образом, три разных типа состояния информационной плотности, по-видимому, есть объективная реальность, и они соответствуют трем основным эволюционным типам этнических общностей, как бы их ни называть.

Такое деление нам представляется более операциональным, чем предлагаемое В. И. Козловым деление типов этносов по формациям⁷. По формациям делятся не этносы, а общества, которые могут быть и моноэтничны, но весьма часто бывают полиэтничны; классическое рабовладельческое римское общество эпохи Империи включало в сферу функционирования и такие этносы, которые вряд ли могли быть отнесены к «этносам с рабовладельческой структурой» (как большинство кельтских этносов); в средневековой феодальной Грузии горские субэтнические группы также не имели феодальной структуры; в средневековых государствах Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, даже если отвлечься от всего своеобразия присущих им форм феодализма, в политическую систему были интегрированы племенные общности с совершенно иной, более близкой к первобытнообщинному, а иногда и к рабовладельческому строю структурой.

Кроме того, далеко не всегда вопрос об отнесении того или иного общества к определенной формации может быть решен однозначно, в особенности в раннеклассовых обществах, где и рабовладельческие и протофеодальные отношения существуют лишь в зачаточном виде. Наличие же

письменности дает достаточно четкий формальный критерий. Действительно, существование племенного строя с письменностью почти не встречается (не говоря, разумеется, о таких кочевых «племенах», как бедуинские или курдские, которые существуют в симбиозе с оседлой частью этноса и имеют мало общего с племенами периода первобытнообщинного строя и его разложения).

И наконец, если мы примем схему В. И. Козлова, то даже если мы сможем четко ответить на вопрос, каковы формационная структура и специфика тех или иных обществ — государств, конфедераций, локальных общин и т. д., все же мы ничего не узнаем о том, в чем же заключается собственно этническая специфика создающих эти общества этносов.

Конечно, определить не только абсолютную, но даже и относительную плотность инфосвязей довольно сложно, так как это можно пытаться сделать лишь на основании косвенных показателей. Тем не менее показатели эти есть, в особенности для современных обществ, в которых статистико-социологическому исследованию подвергаются и частота поездок, и личная переписка, и популярность книг, газет, радио- и телепередач на языке своей и другой национальности, и многие другие явления, выражающие в конечном счете разные виды коммуникаций, т. е. все тех же инфосвязей.

Поэтому можно построить классификационное двухмерное пространство на основе двух переменных: плотности синхронной и диахронной информации, на котором найдут свое место любые реальные этнические общности прошлого и настоящего, а скопления точек их локализации позволят выделить уже не три, а большее количество типов. Одним из таких типов будет нация, которая формально (не по формационному признаку, а исходя только из двух указанных переменных) распадется на два подтипа — социалистическая и буржуазная нации. Дело в том, что если плотность синхронных инфосвязей в них обеих, по-видимому, более или менее одинакова (точнее, варьирует примерно в одних и тех же пределах), то интенсивность диахронных инфосвязей в социалистической нации существенно выше. К последним относятся в данном случае пропаганда революционных традиций, постоянно культивируемая и в общественной жизни, и в художественных образах память об обстоятельствах перехода к социализму и социалистическом строительстве, об их героях, о событиях гражданских, национально-освободительных, отечественных войн. Подобной интенсивной диахронной, уходящей на всю глубину существования данного строя в стране информации (т. е. на глубину нескольких десятилетий, в СССР — уже семи десятилетий) обычно нет в буржуазных нациях, где, конечно, есть своя историческая память, но в средствах массовой коммуникации она оттеснена далеко на задний план явно избыточным потоком информации сиюминутного, часто эфемерного характера.

Найдут свое место в подобном пространстве и народности разных подвидов и племенные группы, и другие формы этносоциальных организмов (ЭСО). Следует только подчеркнуть, что речь идет не о заполнении ячеек матрицы, как полагает М. В. Крюков, а о заполнении участков двухмерного классификационного пространства. Матрица предполагает по одной оси ограниченное множество объектов, а по другой — ограниченное множество признаков, здесь же мы имеем только два признака, по координатам

которых распределяется теоретически неограниченное множество объектов.

Вполне понятно, что наряду с имеющимися возможны и другие классификации, которые дополняют или заменяют данные два признака рядом других, в том числе чисто формационных, тогда как в данной классификации хотя и имеется значительная корреляция с формационной шкалой, тем не менее последняя выступает в многообразно опосредованном виде, поскольку уровень развития производительных сил и производственных отношений именно многообразно влияет на уровень интенсификации информационных коммуникаций в обществе. Нам хочется лишь подчеркнуть, что и ограничиваясь двумя данными признаками, можно получить весьма разветвленную и операционально перспективную классификацию.

М. В. Крюков ошибочно приписывает мне и Н. Н. Чебоксарову вывод о том, «что нация не есть этнос». Когда писались цитируемые им строки, что «определения этноса и нации лежат в разных планах», то имелось в виду различие между этникосом и ЭСО, что ясно из приведенной выше по этому поводу ссылки на статью Ю. В. Бромлей «Этнос и этносоциальный организм». Но в то время понятие «этникос» еще не утвердилось в науке.

Представляется, что этникос следует рассматривать именно как явление, основанное всецело на совокупности диахронных связей, так как этникос обнимает и индивидов, вообще лишенных синхронных связей с какими-либо группами своих соотечественников, и если можно говорить о типологии этникосов, то лишь по признаку выраженности и глубины этих диахронных связей. Но нас гораздо больше интересует здесь, разумеется, типология ЭСО.

Исчерпывающую типологию различных ЭСО дать не представляется возможным в принципе: представленное здесь классификационное пространство может быть расчленено сетками бесконечного числа конфигураций в зависимости от поставленных задач. Но даже в рамках предлагаемой парадигмы его членения можно выделить немалое число типов этносоциальных организмов. Ю. В. Бромлей, который ввел в науку это понятие, не считает возможным относить этноареальные или этнодисперсные группы к числу этносоциальных организмов. Но даже не входя в дискуссию о том, что такое «социальный организм», а что им не является, можно говорить о типологии различных этносоциальных общностей, различных форм существования этноса, одну из групп которых будут составлять «этносоциальные организмы» в собственном смысле слова. Однако для ее выделения двух наших признаков уже, видимо, недостаточно, и здесь мы охватываем понятием ЭСО все формы существования этноса (кроме этникосов), т. е. все формы, у которых наличествует в их информационных связях не только диахронный, но и синхронный аспект.

На прилагаемой схеме ориентировочно (см. рис. 1) намечено распределение различных типов ЭСО в зависимости от характерного для них баланса синхронных и диахронных инфосвязей. Они обозначены пунктирными кружками, чтобы подчеркнуть, что это не точки, а размытые локусы, в районе которых группируются реальные примеры ЭСО того или иного типа.

В дополнительном сегменте племени (на схеме это локус № 1) характери-

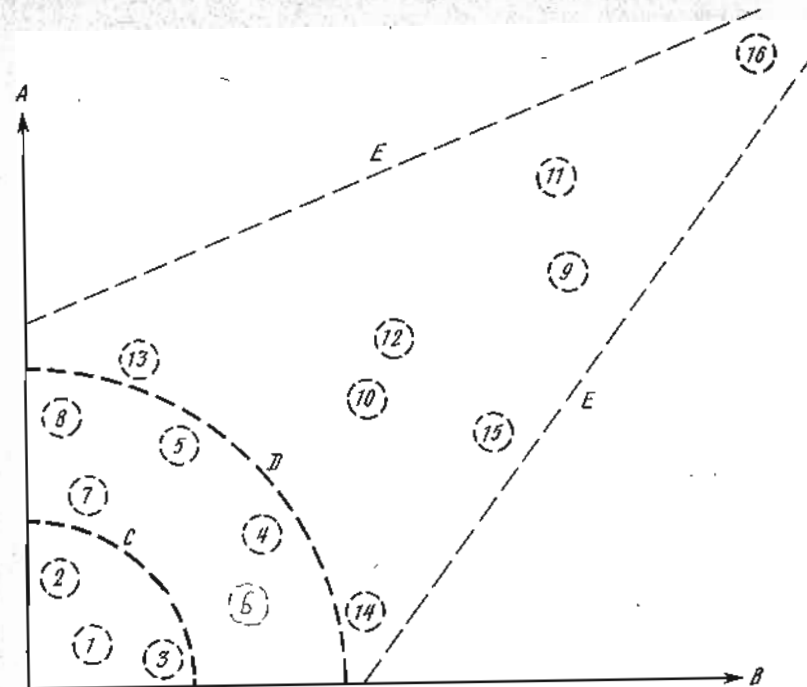

Рис. 1. Классификационное пространство этнических общностей разных типов

1 — племя, 2 — соплеменность (группа родственных племен), 3 — союз племен, 4 — раннеклассовая или античная народность, 5 — феодальная народность, 6 — ассоциированное с народностью племя, 7 — насовая группа, 8 — суперэтническая общность, 9 — буржуазная нация, 10 — буржуазная народность, 11 — социалистическая нация, 12 — социалистическая народность, 13 — этнодисперсная группа, 14 — этнографические (субэтнические) группы в составе современных наций и народностей, 15 — молодые гетерогенные нации (типа США), 16 — этносы будущего. А — ось нарастающей диахронных инфосвязей; В — ось нарастающей синхронных инфосвязей; С — рубеж появления письменности; Д — рубеж перехода к уровню наций; Е — границы облака этнически значимых локусов

зуется низкой плотностью инфосвязей, как синхронных (среди которых доминируют территориальные и брачно-родственные), так и диахронных (в основном сводящихся к генеалогическим и фольклорно-мифологическим). Соплеменность (№ 2) в целом еще слабее связана синхронными связями, чем отдельное племя, но обладает большим совокупным объемом диахронных связей. Для союза племен (№ 3), напротив, характерно усиление синхронных связей за счет связей военно-потестарного характера, но глубина и интенсивность исторической традиции у союза племен, этнически, как правило, не вполне гомогенного, обычно очень невелика. Все это соответствует общностям первого этапа по М. В. Крюкову.

На письменном докапиталистическом уровне «древние этносы» второго этапа, по М. В. Крюкову, соответствуют раннеклассовым и античным народностям (№ 4), с интенсивными синхронными (торговыми и политическими) связями, но, как правило, с незначительной глубиной общест-

нической исторической традиции, которая еще мало чем отличается от преимущественно мифологической традиции соплеменностей. Наступающая в эпоху феодализма тенденция к нарастанию раздробленности и экономической изолированности позволяет характеризовать феодальные народности (№ 5) как общности с пониженной интенсивностью синхронных связей, хотя глубина и интенсивность диахронных связей по сравнению с предшествующим этапом возрастает в силу многих факторов, в частности вновь возросшей роли генеалогического фактора, появления более глубокой, чем в античности, исторической традиции и, что очень существенно, мощной диахронной традиции распространяющихся именно в феодальных обществах мировых религий.

Племена и соплеменности, не развившиеся еще до уровня народностей (в частности, еще очень мало знакомые или даже совсем не знакомые с письменностью), как и предлагает вполне резонно М. В. Крюков, действительно могут находиться в той или иной форме ассоциированности с античной или феодальной народностью. С кхмерской феодальной народностью были ассоциированы племена пор и куи, с древнечаемской, по-видимому, различные племена горных чамов, с японской народностью — айские племена Хоккайдо, а в самом раннем средневековье — племена хаято и кумасо; соплеменность бхиллов, не теряя своей общей целостности, разными своими частями была ассоциирована с индусскими народностями Гуджарата, Махараштры и Раджпутаны (ассоциированность эта сохраняется и до сих пор, хотя современные бхилы скорее должны считаться народностью, нежели соплеменностью, а гуджаратцев и махараштрийцев можно считать нациями; формируются, по-видимому, хотя и более замедленно, в нацию раджастанцы).

Следует, видимо, подробнее разъяснить, что в данном случае понимается под ассоциированностью. Ассоциированность в любом случае предполагает наличие некоторой (хотя далеко не всеобщей) двуязычности и двухкультурности. Социальная верхушка и наиболее активная часть племени, тесно общающаяся с представителями более многочисленной и более социально развитой народности, в известной мере видит в ней референтную группу и моделирует по ней часть своего поведения (в некоторых случаях вплоть до полного овладения языком, письменностью и этикетными навыками этой группы), но сохраняет вместе с остальной частью племени основные, цементующие это племя традиционные формы культуры и традиционные ценности. В сфере религии и других аспектов духовной культуры может проявляться синкретизм, параллелизм культов, заимствования и трансформация. Культура племени приобретает такие черты, которые спонтанно в ней развиться не могли бы и в которые исчезли бы, если бы произошел разрыв ассоциированности. Для айнов, в частности, неотъемлемой частью механизмов обрядности и престижного накопления уже в средневековье стали японские мечи и японская парадная лаковая посуда. В других случаях ассоциированность племен может иметь и более глубокие проявления.

На схеме такие племена мы видим под № 6. В ряде случаев они имеют тенденции либо к полной ассимиляции (что и произошло с хаято, кумасо и значительной частью айнов в Японии), либо к превращению иногда в народности, но чаще в особые касты, общности субэтнического уровня

(№ 7). Для каст синхронные (в частности, территориальные) связи играют очень небольшую роль, часто сведены почти исключительно к брачным связям, но несколько возросшим значением отличаются диахронные связи — совокупность кастовых преданий и традиций.

На этом историческом этапе формируются и начинают в ряде случаев все более отчетливо осознаваться и суперэтнические общности — романцы, славяне, индоарийцы, дравиды и другие (№ 8). Интенсивность синхронных связей для таких общностей невелика, связи их лежат почти всецело в диахронном плане и выражаются в наличии общих традиций, общих ранних этапов истории, общности части культурного наследия.

Локусы № 7 и 8 имеют очень близкие, хотя и не совпадающие координаты (7 всегда будет правее, чем 8). Лежащие за ними реалии — субэтнические и суперэтнические общности, т. е. с одной стороны — касты и кастоподобные группы, с другой стороны — этнолингвистические и этнокультурные общности, разумеется, различаются очень резко по множеству параметров, лежащих в иной плоскости, чем плоскость нашей схемы. Однако примеры быстрого частичного перехода суперэтнических общностей в субэтнические нередки: кастоподобные сегрегированные эндогамные меньшинства, например, сформировались в странах Нового Света из потомков негров и индийцев — выходцев из разных, но более или менее родственных по культуре и происхождению племен и народностей.

Локусы № 5, 7 и в значительной мере № 6 соответствуют «средневековым этносам» третьего этапа по М. В. Крюкову. В нашей схеме они объединены с «древними этносами» во втором сегменте, но формы «древних этносов» тяготеют к его правой части, а формы «средневековых этносов» — к его левой части.

Перейдем к третьему этапу, к уровню «современных этносов» (который по М. В. Крюкову является четвертым). Нации, характерный тип ЭСО этого этапа, характеризуются резко возросшей интенсивностью как синхронных, так и диахронных инфосвязей; при этом по интенсивности последних социалистические нации заметно более продвинуты, чем буржуазные (соответственно локусы № 11 и 9). У ассоциированных социалистических и буржуазных народностей (локусы № 12 и 10) эти параметры значительно ниже, хотя и несколько выше, чем у народностей предыдущего этапа («первичных народностей»).

У ассоциированных народностей (в отличие от ассоциированных племен) уровень плотности инфосвязей и общее качество жизни могут быть (а в социалистическом обществе, как правило, действительно бывают) не ниже, чем у нации, с которой они ассоциированы. Но лишь часть этих инфосвязей (отраженная на схеме) лежит в рамках самих этих народностей, их специфичной культуры, отправляется на их языке, относится к их традиционной литературе, к радио и телевидению, организуемому этими народностями или для них, с учетом их специфики и т. д.

Другая и нередко даже большая часть инфосвязей идет на языке ассоциирующей нации, через ее национальную систему образования, ее литературу и прессу, ее общее для всей нации и не ориентированное специально на данную народность радиовещание и телевидение. В СССР в Чукотском автономном округе есть чукотская газета, есть радиовещание на чукотском и эскимосском языках, и чукчи и эскимосы пользуются этой информа-

цией, но в гораздо большем объеме они потребляют информацию, доходящую до них через русскоязычную центральную и областную прессу, центральное и областное радиовещание и т. д. То же относится к художественной литературе и другим областям культурной жизни.

Кроме «вторичных народностей», с современными нациями примерно теми же механизмами ассоциируются этноареальные и этнодисперсные группы, ядерные части которых либо лежат в других ЭСО (как у украинцев Канады, японцев Перу, китайцев Малайзии, тамилы Шри-Ланки и т. д.), либо в некоторых случаях вообще отсутствуют (как у цыган). Этнодисперсные группы (локус 13), обладая очень малой интенсивностью синхронных связей, по уровню диахронных связей близки к «вторичным народностям». Напротив, для современных субэтнических групп (т. е. тех групп, субэтническая специфичность которых определяется локально-средовыми, а не кастово-традиционными факторами), характерна высокая интенсивность синхронных связей при небольшой интенсивности диахронных связей; эти группы сравнительно мало акцентируют свою специфичность в самосознании, а при разрыве компактности расселения легко ассимилируются (локус 14).

Легко заметить, что этнотипологически значимые локусы не занимают равномерно всего классификационного пространства схемы, а образуют некоторое диагонально вытянутое облако, сужающееся по мере нарастания значений А и В. Это позволяет нам попытаться дать типологическую характеристику этнических общностей обозримого будущего. По-видимому, это будут весьма однородные, сближенные по всем параметрам, высококонсолидированные общности с более высокой, чем ныне, интенсивностью как диахронных, так и синхронных инфосвязей. Современные ассоциируемые общности либо разовьются до общностей высшего уровня (как, например, развилась до уровня нации исландская, а ныне, видимо, и гренландская народность, ранее ассоциированные с датской нацией), либо сольются с ними (к чему близки рюкюсцы, в прошлом ассоциированная с японской нацией народность). Ассимилируются и перестанут существовать как особые целостности такие виды общностей, как этноареальные, этнодисперсные, субэтнические и этнографические группы.

Поскольку коммуникационно-информационная сеть этнических общностей будущего будет базироваться не только на давно уже существующих средствах массовой коммуникации, но и на таких устройствах, как индивидуальные компьютеры, связанные с банками данных дисплеи, синтезаторы текста и другие электронные устройства, которые пока еще только начинают входить в повседневный обиход, вполне возможно, что их информационная плотность будет отличаться от плотности, присущей нациям современного мира, не меньше, а даже больше, чем эти последние отличаются от народностей докапиталистической эпохи. Иными словами, не исключено, что мы стоим на пороге нового, третьего в истории человечества скачка в процессах роста интенсивности коммуникаций, и этнические общности, которые сложатся в результате этого скачка, будут обладать рядом новых, еще не присущих ни одной из современных наций качеств.

Характер информационно-коммуникационной сети общества, ее плотность и дискретность изменяются с ходом истории. На уровне племенных групп общий объем информации внутри этнической общности был еще

сравнительно невелик. Связи отдельных племен и родов с соседними, хотя бы и этнически чуждыми родами и племенами, могли быть не намного слабее связей с родственными племенами. В таких условиях, которые можно обозначить как большую диффузность, малую контрастность мало-плотной инфосети, этнические процессы взаимных влияний, проникновений, слияний проходили довольно легко. На уровне оформления народностей, а затем и буржуазных наций перепад между уровнями плотностей внутриэтнических и межэтнических инфосвязей становится резче. Этнические общности этого типа проявляют нарастающую стабильность, тенденции ко все большей внутренней самоконсолидации, упорно противостоят ассимиляции. Эта ситуация может быть охарактеризована как дискретность, высокая контрастность среднеплотной инфосети. В новейшее же время благодаря развитию средств массовой коммуникации возрастают весьма быстро как плотность внутриэтнических связей, так и плотность межэтнических связей, в особенности внутри политических границ, но также и через их пределы. Масштаб различий в уровнях плотности между внутриэтническими и межэтническими связями обнаруживает тенденции к сокращению. Таким образом, современную ситуацию можно охарактеризовать как вновь обретающую тенденцию к возрастанию диффузности, к уменьшению контрастности высокоплотной инфосети.

В особенности в современных социалистических обществах быстро нарастает и плотность внутриэтнических связей, освобожденных от преград антагонистического классового общества, и межнациональная инфосеть, как в границах отдельных социалистических стран, так и во всей социалистической мировой системе. Популяционная структура населения в системе социализма характеризуется отмиранием «вертикальных» генетических барьеров и сведением «горизонтальных» барьеров главным образом к географическому расстоянию между микропопуляциями. Развитие транспортных средств, усиление миграционных — рабочих, рекреационных (направленных к местам отдыха) и других потоков, создание многонациональных коллективов на промышленных предприятиях, стройках, новых землях способствует возрастанию удельного веса межэтнических связей, возникновению новых этнически смешанных микропопуляций, входящих в сложную иерархическую систему популяций больших этносов и этнополитических общностей нашего времени.

Нет сомнения, что в будущем, с исчезновением всех искусственных преград к межэтническому общению, уровни внутриэтнических и межэтнических связей еще более сближатся. Следует только иметь в виду, что стирание барьеров не означает стирания различий и единство человечества не означает его унификации и полного однообразия.

Формирование общечеловеческой культуры и общечеловеческого языка не обязательно должно означать стирание своеобразия локальных культур и локальных языков. Уже сейчас можно наблюдать, что двуязычие типа А+В отнюдь не всегда представляет собой переходную фазу от А к В, а часто являет собой просто новое, вполне стабильное состояние этноса. С повышением материального благосостояния общества и его культурного уровня такие состояния культурного и языкового дву- и многоязычия имеют тенденцию к количественному росту и качественной стабилизации. Конечным источником всего огромного разнообразия культур человечества

является неравномерность хода общего поступательного развития и различие локальных способов адаптации общностей людей к конкретным средам обитания. Различной комбинацией форм, порожденной этими двумя источниками, и создается все огромное социально-культурное разнообразие человечества.

Несомненно, степень выраженности локального разнообразия культуры на различных этапах развития человечества далеко не одинакова. Будучи значительно менее выражена на ранних этапах развития общества, она по мере его усложнения все более и более усиливалась. Качественно новый этап в проявлении локального разнообразия культуры наступил в эпоху современной цивилизации с ее унифицирующими тенденциями. Как отразятся эти тенденции на проявлении локального, в частности этнического, разнообразия культуры человечества в будущем? Это очень интересная проблема, требующая специальных исследований. Можно предположить, что хотя в принципе существуют иные каналы достижения необходимого в адаптивно-эволюционном отношении эффекта избыточности культуры, например путем усложнения вариативности типов личности, локальная поливариантность культуры исторических общностей несомненно в той или иной форме должна иметь место и в будущем⁸. Как и в настоящем, подобное культурное многообразие в конечном счете будет служить целям повышения качества жизни на общечеловеческом уровне.

¹ Чебоксаров Н. Н. Понятие о расе современной антропологии // Нет — расизму. М., 1969. С. 19—25; Алексеев В. П. Факторы расообразования, методы расового анализа, принципы расовых классификаций // СЭ. 1964. № 4; *Ом же*. К обоснованию популяционной концепции расы // Проблемы эволюции человека и рас. М., 1968. С. 448—478.

² Бромлей Ю. В. Этнос и этносоциальный организм // Вестник АН СССР. 1970. № 8. С. 48—54; *Ом же*. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 15.

³ Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // СЭ. 1969. № 6; *Ом же*. К вопросу о сущности этноса // Природа. 1970. № 2.

⁴ Бунак В. В. Изучение малых популяций в антропологии // Вопросы антропологии. Вып. 21. 1965.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 121.

⁶ Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // СЭ. 1986. № 3.

⁷ Козлов В. И. О классификации этнических общностей // Исследования по общей этнографии. М., 1979.

⁸ Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 52.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ И ЭТНОСЫ

Вопрос об идентификации археологических памятников с соответствующими этносами и их культурами является одной из самых старых и практически центральных проблем археологии. Тем не менее и с методической и с практической точки зрения он еще весьма далек от своего решения. Более того, возможность прямолинейного отождествления соответствующих структурных единиц археологической систематики с этносами или его различными таксонометрическими подразделениями весьма по-разному оценивается в кругах тех или иных специалистов. Некоторые археологи по-прежнему считают возможным прямо отождествлять археологические культуры (далее АК) и этносы.

Большинство этнографов этот подход отвергают, но и у многих археологов он вызывает серьезные возражения.

По достаточно широкому принятому мнению, этногенез является комплексной историко-этнографической проблемой, а этническая интерпретация археологических материалов лежит на стыке двух наук — археологии и этнографии. Поэтому, вне зависимости от профессиональной принадлежности исследователя, по самой своей сущности она является не чисто археологической, а комплексной археолого-этнографической. Соответственно эта проблема упирается в два комплекса вопросов.

Первый из них — это сущность АК, центрального понятия советской археологической науки. Определение его дискуссионно, ограничимся лишь некоторыми собственными соображениями по данному вопросу. АК представляет собой лишь совокупность некоторых компонентов данной локальной культуры, притом даже эти компоненты представлены в неполном, фрагментарном виде. Например, такие компоненты культуры, как самоидентификация, язык, морально-этические и правовые нормы, системы родства, фольклор и многие другие элементы духовной культуры, если и могут найти отражение в АК, то далеко не всегда и лишь крайне косвенным образом, как правило, не поддающимся однозначной интерпретации. Между тем можно найти немало локальных и притом этнически окрашенных культур, которые различаются между собой именно по перечисленным параметрам, будучи практически тождественными во всем, что относится к сфере материальной культуры. Примером могут служить береговые чукчи и азиатские эскимосы, известные по этнографическим материалам XVIII—начала XX в.

Угандийские бвемба имеют общую материальную культуру, общие обычаи и даже общее самоназвание. Поэтому археологические методы их

исследования не позволили бы установить весьма любопытный факт. Отдельные группы бвемба говорят на различных языках, причем некоторые из них относятся даже к различным языковым семьям¹. Таким образом, ясно, что АК может лишь частично отражать определенную локальную культуру и давать возможность очерчивания ее границ. К тому же в самой процедуре выделения любой конкретной АК неизбежно заложен определенный элемент субъективности. В живой реальности крайне редки случаи, когда локальная культура могла бы быть выделена, географически или хронологически, с полной дискретностью. Обычно разные ее компоненты имеют не вполне совпадающие между собой ареалы и длительность бытования. Перед исследователем АК предстает в виде совокупности отдельных памятников (захоронений, стоянок и пр.), в которых традиции данной локальной культуры и других контактирующих с ней культур могут находиться в различном балансе. К тому же уже указанная неизбежная неполнота выражения всей целостности культуры в материалах АК может исказить впечатление о реальном соотношении этих традиций.

Поэтому исследователь, перед которым поставлена задача проведения дискретной границы, однозначного отнесения данного памятника или предмета к той или иной АК, в своем суждении неизбежно будет проявлять определенную субъективность, своего рода «культурцентризм», связанный с тем, от какого комплекса ранее известных ему культурных традиций он отталкивается в своих поисках. В этом отношении показательна многолетняя дискуссия об этнической принадлежности катакомбных погребений, распространившихся на Северном Кавказе в первые века нашей эры. В то время как одни исследователи связывают их с ираноязычными аланами², другие отстаивают их принадлежность местным этносам³.

В силу той же особенности АК, представляющей собой совокупность лишь некоторых и к тому же фрагментированных компонентов данной локальной культуры, само ее выделение не может не производиться в различных случаях по разным показателям и на различных таксономических уровнях. Поэтому в одних, правда весьма редких, случаях АК может отражать целый хозяйственно-культурный тип (ХКТ), в других — его отдельные локальные варианты, в третьих — быть связана преимущественно с историко-культурной общностью, сформировавшейся в рамках древней историко-этнографической области (ИЭО) или отдельных районов такой ИЭО. Во всех этих случаях АК может охватывать не только один, но и несколько различных, лишь более или менее сближающихся в отдельных элементах своей культуры этносов. Точно так же не исключено, что некое этническое единство может оказаться представленным не одной, а несколькими АК.

Примером АК, отражающей определенный ХКТ, нам представляется «арктическая традиция малых орудий» (Arctic small tool tradition), отражающая ранние этапы адаптации к приморскому охотничьему образу жизни⁴. Напротив, индейцы кри, представлявшие собой определенное лингвистическое единство, в хозяйственно-культурном отношении делились не менее чем на две четко обособленные группы⁵. Если бы изучавший их археолог не располагал иными данными, он бы, возможно, сделал вывод о наличии на территории кри нескольких АК, соответствую-

щих неродственным этносам. Древние ИЭО, возможно, отражены в таких АК, как ямочно-гребенчатой керамики, древнеямная или андроновская.

Эта крайняя вариабельность и многозначность возможных интерпретаций АК давно отмечается некоторыми археологами⁶. Поэтому раздаются голоса о необходимости более дробной и детальной таксономии археологических понятий, связанных с АК. Однако пока что критерии построения такой таксономии остаются дискуссионными, совершенно не ясно, в какой мере подобные критерии и созданные на их основе иерархии археологических понятий могут претендовать на универсальность.

Второй комплекс вопросов, связанных с археологическими критериями этнической специфики, относится уже к сфере этнографии и заключается в сущности этносов в первобытных и раннеклассовых обществах. До сих пор многие археологи полагают, что этносы первобытного общества представляли собой племена, достаточно четко различающиеся между собой по всем основным компонентам культуры. Определения типа «племя (или племена) — носитель (носители) такой-то АК» можно постоянно встретить на страницах археологических публикаций. Так, например, Г. П. Григорьев считает, «что археологической культуре в первобытном обществе соответствует социальное объединение людей, основанное на осознании или близкого родства (не в нашем, современном смысле слова), единства, которое, судя по занимаемой территории, по количеству населения, примерно соответствовало племенам». По его мнению, уже в верхнем палеолите существовали племена, а в эпоху мустье — предплемена⁷. На самом деле все, по-видимому, должно представляться значительно сложнее.

Вплоть до наших дней этническая гетерогенность является формой существования человеческого общества. Но этнос — это категория историческая, зародившаяся и развивавшаяся в ходе общемировой социально-культурной эволюции человечества⁸. Между тем еще нередки попытки смотреть на этнос и этнические общности прошлого сквозь призму современной этнической ситуации, с характерными для нее четко отграниченными друг от друга этносами (хотя и в современности можно найти немало исключений из этого правила). Однако многочисленные факты говорят о том, что в более ранние эпохи, особенно в первобытности, и сами этносы были менее дискретны, менее четко отгорожены друг от друга, и самосознание, отражающее их единство, выступало не столько как специфически этническое, сколько слитно и нераздельно с осознанием других характеристик данной группы — социальных, кровнородственных, религиозных, хозяйственных, языковых и т. д.

Надо отметить также, что все еще недостаточно изучен вопрос о самом характере этносов и их структуре в первобытном обществе. Например, в последнее время выражаются довольно обоснованные сомнения в универсальности таких его категорий, как род и племя. Так, еще недавно считалось почти аксиоматичным, что племя было главной этнической единицей развитой первобытности и одной из ведущих форм ее социальной и потестарной организации. Между тем выясняется, что даже этнические границы племени подчас весьма расплывчаты (например, у папуасов Новой Гвинеи или аборигенных народов Сибири)⁹, а племя как форма потестарной организации зачастую возникает в результате давления более

развитых, в том числе классовых обществ, на более отсталые¹⁰. Именно в результате такого давления и сформировались, по-видимому, уже в раннеколонизационный период те самые знаменитые индейские племена и союзы племен, которые со времен Моргана нередко рассматривались как эталонные для первобытного общества.

В тех случаях, когда в процессе реконструкции этнической структуры первобытного или раннеклассового общества на него экстраполируются представления о стабильных и четко отграниченных друг от друга этнических единицах, преобладающих в современном мире, необходимо вспомнить о широко распространенных, но не пользующихся большим вниманием случаях этнической текучести. Этнографически хорошо известные этносы различных народов Сибири, кочевников Евразии и других регионов находились по существу в постоянном процессе перекомпоновки, перехода отдельных групп и целых родов из одного этноса в другой, слияния мелких общностей и дробления более крупных. Эти весьма динамичные процессы не отражали, однако, столь же высокой динамичности культуры во всей ее целостности. Напротив, скорее фундаментальное единство основ культуры на широких территориях было одним из факторов, позволявших довольно быструю и легкую смену этнической принадлежности у отдельных групп в ходе межэтнических контактов.

Разумеется, констатация большой диффузности этнических подразделений человечества в эпоху первобытнообщинного и даже раннеклассовых обществ вовсе не означает отрицания самого существования подобных подразделений. Нам представляется, однако, что в качестве основной структурной единицы таких подразделений должны браться не племена, универсальность которых сомнительна, а более широкие и менее дискретные образования, для обозначения которых был предложен термин «соплеменность»¹¹ и которые могут либо иметь внутреннюю племенную структуру, либо быть лишены ее. Структура такой соплеменности чаще всего в основном представлена малыми сгустками коммуникационных и хозяйственных связей, соответствующими базисным хозяйственным коллективам (родовым или соседским общинам, локальным поселкам, бродячим группам и т. д.), сравнительно слабо связанным между собой, но обладающим, как правило, некоторым единством по нескольким из целого ряда параметров: языку¹², территории, хозяйственно-культурному типу, осознанию своего отличия от других подобных групп, по культово-мифологической и генеалогической специфике и т. д.

Таким образом, мы полагаем, что для определения парадигмы единства, лежащего в основе первобытных соплеменностей может и должен быть положен дизъюнктивный принцип логики. «Глубокий смысл таких формулировок в том, что часто мы имеем дело с инвариантом, который не лежит на поверхности, но может, однако, быть зафиксированным в разных ипостасях, по видимости достаточно далеких друг от друга или же действительно далеких друг от друга, но идентичных, с точки зрения интересующего нас эффекта, и взаимно компенсирующих друг друга»¹³.

Все отмеченные обстоятельства делают проблему выделения археологических критериев этноса очень сложной, хотя, естественно, и не могут уменьшить ее актуальности. Прежде всего хотелось бы подчеркнуть неправомерность все еще встречающихся иногда попыток выделения этноса

на основе отдельно взятых элементов культуры, будь то погребальный обряд, форма каменных орудий или тип керамики и ее орнаментация. Многочисленные данные этнографии позволяют утверждать, что и эти и все остальные отдельные элементы материальной и духовной культуры могут либо не охватывать этнос полностью, либо быть распространенными также и за его пределами.

Изложенные соображения приводят нас к двум выводам. Во-первых, в принципе не приходится говорить об универсальной возможности абсолютно достоверного отождествления какой-либо совокупности археологических памятников (на практике чаще всего выражающейся в форме АК или ее локальных вариантов) с любым видом предполагаемого этноса до эпохи возникновения цивилизаций. Можно лишь ставить вопрос о большей или меньшей вероятности их относительно полного совпадения и об обуславливающих их причинах. В каждом отдельном случае эта вероятность не может достичь 100 %-ного уровня, как, впрочем, очевидно, не может упасть и до нулевой отметки, потому что возможность совпадения этноса и АК, несмотря на моменты, свидетельствующие скорее против их отождествления, полностью никогда не может быть исключена. Во-вторых, невозможность абсолютного отождествления АК и этноса влечет за собой такую же невозможность дать какие-либо общие и пригодные на все случаи рецепты такого отождествления, позволяя лишь выделить отдельные факторы и ситуации, которые могут влиять на его достоверность как в сторону ее повышения, так и в сторону ее понижения. При любом случае, однако, предполагаемое отождествление требует комплексного рассмотрения всех имеющихся археологических материалов, притом не в виде механической суммы отдельных фактов, а именно в качестве взаимосвязанного комплекса.

Для понимания того, какие признаки повышают вероятность отождествления этноса и АК, а какие снижают его, необходимо вновь вернуться к культуре и к функциональному значению этноса в ней. Если мы определяем культуру как совокупность способов и результатов человеческой деятельности, то ее соответственно надо понимать как универсальный механизм адаптации, который заменил у человека как у социального существа те биологические эволюционные механизмы адаптации, которые присущи всем прочим живым существам. При этом этнос, являющийся в первобытных обществах одним из средств выражения и оформления локальной культуры, был для данной человеческой группы приспособленным механизмом к определенной природной и социальной нише. В свою очередь этническая культура представляет собой совокупность таких приспособительных механизмов.

Разумеется, было бы ошибочно на основании адаптационной роли этнической культуры рассматривать этнос как биологическую категорию, хотя некоторые авторы поступают именно так¹⁴. Специфичность человека по сравнению с остальной живой природой в том и состоит, что адаптивные реакции, которые в остальной природе осуществляются при помощи биологических механизмов, у человека в основном осуществляются при помощи внебиологических, т. е. культурных механизмов. Однако сами по себе эти реакции, направленные в конечном счете на выживание и процветание данной популяции, а следовательно, и вида, во многом тождест-

венны. Поэтому обслуживающие их механизмы могут рассматриваться как изоморфные или аналогичные, но не тождественные¹⁵.

В каждом конкретном случае приспособление этнической культуры происходит к специфическим для данного места и времени условиям, т. е. к определенной нише. Нужно только иметь в виду, что подобная ниша в применении к человеческой группе (популяции) определяется не только природными, но и социальными характеристиками. Так, например, в этнографической специфике сванского субэтноса в Грузии разведение местных пород скота, использование особых охотничьих орудий и приемов или средств транспорта являлось специфической приспособительной реакцией на природные условия среды. Но такие его культурные черты, как оборонительные башни в архитектуре, можно считать приспособительной реакцией на социальные условия (угроза феодального закабаления, институт кровной мести).

Следует подчеркнуть, что если возможность отождествления АК с каким-либо этносом вообще очень ограничена, то еще меньше шансов на успех у попыток отождествления какой-либо АК бесписьменного доклассового общества с этнолингвистической общностью или иной классификационной категорией, реконструируемой в прошлом, будь то индоевропейцы, древние тюрки, хурриты, гипотетическая севернокавказская языковая общность и т. д. Даже в отношении эскимосов, дающих достаточно редкий пример современного преобладающего, хотя и не совсем полного, совпадения очень отчетливых этноязыковых и культурно-хозяйственных границ мы не можем быть уверенными, что носители культур, условно называемых древнеэскимосскими, действительно говорили на эскимосском языке¹⁶.

На Алеутских островах имеются памятники, позволяющие говорить о непрерывном развитии хозяйственно-культурной преемственности традиции на протяжении около 8 тысяч лет, причем это традиция, существенно отличная от той, которую принято называть эскимосской, и не без оснований принимаемая за исток современной традиции алеутов¹⁷. В то же время несомненно, что в столь давнее время особого алеутского языка просто не могло существовать: разделение эскимосского и алеутского языка из их единой основы относится к гораздо более позднему времени¹⁸. Следовательно, несомненно, что на Алеутских островах какой-то доалеутский язык сменился алеутским, но момент этого этнического сдвига археологически никак не фиксируется.

Все сказанное отнюдь не означает, что следует вообще отказаться от попыток видеть в АК какую-либо конкретную локально-историческую общность. Если само выделение АК произведено правомерно, с соблюдением определенной таксономической иерархии и привлечением достаточных культурно-исторических критериев, то сопоставление АК, соседящих в пространстве и сменяющих друг друга во времени, позволяет выявить тенденции и границы культурной общности и преемственности, развитие и распространение не только отдельных элементов культуры, но и их взаимосвязанных комплексов. Дело лишь в том, что в одних случаях эта общность и преемственность может действительно отражать также и этническую общность и преемственность, а в других, более частных, может ее и не отражать.

По изложенным причинам сам вопрос о контрольных методах выделения этнической специфики на археологическом материале и тем более об отождествлении этого материала с конкретными этносами или этническими группами становится перспективнее лишь применительно к более поздним историческим периодам, соответствующим эпохе классового образования или эпохе раннеклассовых обществ.

Из этих методов хотелось бы остановиться на двух, давно уже применяющихся на практике, но и в настоящее время, по-видимому, остающихся ведущими. Первый из них связан с отождествлением определенных АК или определенных категорий археологических памятников с конкретными этническими наименованиями и соответствующей территорией их распространения, разумеется, в тех случаях, когда эти наименования нашли то или иное отражение в письменных источниках. Второй метод — ретроспективный, ставящий своей целью связать археологические памятники, достоверно отождествляемые историческим и этнографическим материалом с тем или иным этносом, с предшествующими им АК. Известная эффективность этих методов давно уже доказана на практике. Тем не менее мы все же хотели бы обратить внимание, что и их возможности не следует переоценивать, применяя их, исследователь также сталкивается с целым рядом трудностей.

Применительно к первому методу необходимо прежде всего учитывать сам характер фиксации этнонима, чаще всего доходящего до нас в иноэтничной и иноязычной традиции, уже поэтому неполной и неточной. Кроме того, определение этноса в древности нередко производилось по случайным и второстепенным признакам. Небесполезно напомнить, что термин «этнос» в древнегреческом языке имеет свыше десяти значений, среди них такие, как народ, племя, толпа, стадо, сословие, социальная группа, класс и т. д.¹⁹ Поэтому не всегда можно быть уверенным в том, что этнические наименования, сохранившиеся в древних письменных источниках, действительно отражают реальные этносы в современном этнографическом понимании этого термина, а не какие-либо иные группировки, например социально-политические. Это трудности, сопряженные с характером письменного источника. Наряду с ними имеются и другие трудности, связанные с характером археологического источника, и прежде всего с отсутствием уверенности в совпадении этноса и АК, сохраняющейся и для рассматриваемых эпох. Приведем примеры, к чему это приводит на практике.

Римские авторы довольно подробно описали этническую карту германских племен и очертили общую территорию их распространения. В археологическом отношении территория расселения древнегерманских племен является хорошо изученной, при этом на ней выявлены различные АК или их локальные варианты. Тем не менее все попытки связать данные письменных источников с археологическим материалом до сих пор терпели неудачу. Более того, даже немногие, казалось бы, твердо установленные факты также стали подвергаться обоснованным сомнениям. Так, считалось, что границей между германцами и кельтами был Рейн. Об этом писал Цезарь, и археологи находили его словам соответствующее подтверждение в археологическом материале. Но потом выяснилось, что на самом деле между кельтами и германцами существовал еще один этнический

массив, не отмеченный в письменных источниках и, может быть, поэтому так долго не выделявшийся археологически²⁰.

Геродот и другие авторы оставили довольно подробное описание этнической картины юга Восточной Европы в скифское время. Археологи раскопали тысячи погребений и поселений этого времени, выделили многочисленные археологические культуры и их локальные варианты. И тем не менее мы до сих пор не в состоянии сколько-нибудь надежно связать древние этнонимы с конкретными археологическими памятниками, где жили скифы-пахари, скифы-земледельцы, не говоря уже об андрофагах, будинах, неврах, меланхленах и др., выявить, что они представляли на самом деле: действительно этносы или какие-то потестарные или иные объединения.

Любой кавказовед знает слишком хорошо, как трудно однозначно увязать древнюю этническую карту с археологическим материалом.

Ретроспективный метод также обладает ограниченными возможностями. С одной стороны, преемственность археологических комплексов не всегда означает этническую преемственность, особенно когда последняя выражается в столь неуловимых на археологическом материале признаках, как язык или самосознание. Миграции и расселение не столь уж часто фиксируются археологически²¹. Так, например, невозможно проследить археологически проникновение в Месопотамию аккадцев, амореев и арамеев, и это несмотря на то, что первая и третья волны полностью сменили язык местного населения; кутийское завоевание также оставило лишь ничтожные следы²². С другой стороны, резкая смена АК не всегда связана со сменой этносов на данной территории, а может вызываться хозяйственными и (или) социальными сдвигами, внешними воздействиями, изменением политической обстановки и другими факторами. Например, неоднократная и довольно резкая смена археологических культур на юге Восточной Европы во второй половине I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. вовсе не обязательно должна была сопровождаться столь же резкой сменой этнического состава его населения.

Наконец, необходимо учитывать еще одно очень важное обстоятельство. Этногенез любого народа отнюдь не является плавным эволюционным процессом. Соответственно такие его элементы, как самосознание, язык, материальная и духовная культура и т. д., формируются исторически и уже поэтому подвержены изменениям, притом не обязательно одновременно и однонаправленно. Поскольку археология фиксирует лишь отдельные компоненты культуры этноса, то возможности ретроспекции увеличиваются в периоды плавного развития и значительно уменьшаются там, где мы имеем дело с перерывами в постепенности. Ретроспективный метод позволил проследить славян археологически до середины I тыс. н. э., но далее начинается область гипотез и споров. По нашему мнению, это объективное обстоятельство является также одной из причин дискуссии о роли ираноязычного и местного кавказского элементов в этногенезе осетин, споров об этногенезе румын и т. д.

Следует сказать еще об одном методе, который можно условно назвать топонимическим, основанным на отождествлении археологических материалов с данным топонимикой. На наш взгляд, он имеет ряд преимуществ перед перечисленными. Данные языка сравнительно объективны и не за-

висят от субъективных позиций и знаний древних авторов. Однако и у этого метода есть свои недостатки. Во-первых, язык и этнос совпадают далеко не всегда и не во всем. Во-вторых, этот метод имеет лишь ограниченные хронологические возможности. Топонимика надежно зафиксировала, например, наличие ираноязычных наименований на части лесостепной полосы юга Восточной Европы²³. Но мы не знаем, когда именно они там появились: то ли в сарматское время, то ли в скифское, то ли даже в эпоху бронзы.

Приведенные выше соображения об ограниченной возможности археологических материалов (как, впрочем, и данных любых других наук, не исключая и этнографий) для палеоэтнических реконструкций могут кое-кому показаться слишком пессимистическими. Однако представляется, что они соответствуют объективному положению дел. Это не означает, разумеется, что следует отказаться от попыток этнического истолкования анализа тех или иных археологических культур. Необходимо лишь учитывать, что помимо этнического, как правило, почти любая АК допускает и иное истолкование (как выражение ХКТ, ИЭО и т. д.) и что почти всегда этническое истолкование АК остается в высокой степени гипотетичным.

¹ Winter E. The Aboriginal Political Structure of Swamba // Tribes Without Rulers. London, 1958.

² Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII вв. // СА. 1973, № 2.

³ Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА. 1978. № 1.

⁴ Dumand D. E. Coastal Adaptation and Cultural Change in Alaskan Eskimo Prehistory // Prehistoric Maritime Adaptations of the Circumpolar Zone. The Hague—Paris, 1975.

⁵ Народы Америки, т. 1. М., 1959. С. 171 сл.

⁶ См., например: Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977. С. 5—6.

⁷ Григорьев Г. П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968. С. 8.

⁸ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 35 и сл.

⁹ Бутыков Н. А. Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968. С. 24 и сл.; Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // ТИЭ, 1960. Т. 5. С. 619 и др.

¹⁰ Fried M. H. The Notion of Tribe. Menlo Park, 1975.

¹¹ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы, т. 2. М., 1972. С. 23—24.

¹² Общность языка как обязательный признак соплеменности вызывает известные сомнения. Ср.: Ольдерогге. Проблемы этнической истории Африки // Этническая история Африки. М., 1977. С. 7.

¹³ Ревзин Н. Н. Об индуктивных определениях в исторических науках // Труды по знаковым системам. VIII. Тарту, 1977. С. 35.

¹⁴ Гумилев Л. Н. Сущность этнической целостности // Вестник Ленинградского ун-та. 1971. № 24; Он же. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1; Он же. Этногенез — природный процесс // Природа. 1971. № 2.

¹⁵ Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 48.

¹⁶ Александров А. В., Арутюнов С. А., Бродянский Д. Л. Палеометалл северо-западной части Тихого океана. Владивосток, 1982. С. 79—83.

¹⁷ Laughlin W. S., Aigner J. S. Aleut Adaptation and Evolution // Prehistoric Maritime Adaptation of the Circumpolar Zone. The Hague—Paris, 1975.

¹⁸ Сводеш М. Лексико-статистическое датирование доисторических этлических контактов (на материале племен эскимосов и североамериканских алеутов) // Новое в лингвистике. М., 1960.

¹⁹ Поплихский Ю. К. К истории возникновения термина «этнос» // СЭ. 1973. № 1.

²⁰ Hachmann R., Kossack G., Kühn H. Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster, 1962.

²¹ Клейн Л. С. Археологические признаки миграции // X МКАЭН. Доклады сов. делегации. М., 1973.

²² Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (к возможности новых постановок вопроса) // История иранского государства в культуры. М., 1971. С. 126, 146. Прим. 16.

²³ Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА
В ДОКЛАССОВЫХ, РАННЕКЛАССОВЫХ
И РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Предметом рассмотрения в этой главе являются прежде всего этнические общности доклассового типа. Доклассовыми некоторые народы остаются даже в наши дни, но, сосуществуя рядом со стадияльно несравненно более поздними обществами, они не могут не испытывать их хотя бы косвенного влияния. В данной главе мы будем говорить преимущественно о тех обществах, которые существовали до эпохи возникновения классов и источники знаний о которых носят по большей части археологический характер, т. е. об этносах эпохи палеолита, неолита и раннего металла, хотя нередко вполне допустимым будет и привлечение сравнительных данных об обществах, известных этнографически. Несомненно, что отождествление археологических культур с этническими общностями неизбежно наталкивается на ряд существенных ограничений, хотя в отдельных случаях оно все же оказывается возможным. Более того, возможности извлечения информации этнического характера из археологического материала вообще не очень широки; именно этой проблеме была посвящена предыдущая глава. Тем не менее, хотя определение конкретных этносов на археологическом материале крайне затруднено, это не значит, что следует отказаться от определения некоторых общих характеристик этносов, существовавших в те эпохи, от которых нам достался лишь ископаемый (археологический, палеоантропологический и пр.) материал.

Но прежде всего определим некоторые важнейшие черты, присущие вообще этносам как явлению истории.

Этническая общность — это прежде всего общность, связанная определенной общей культурой в самом широком понимании этого слова. Поэтому необходим определенный уровень развития культуры, чтобы в ней могли появиться значимые и осознаваемые различия, достаточные для самопротивопоставления коллективов с различающейся культурой, т. е. этнические различия.

Здесь необходимо заметить, что, говоря о языке, этническом сознании, социальной структуре и прочих категориях социальной и духовной культуры людей эпохи палеолита, мы неизбежно должны прибегать к большому количеству чисто умозрительных построений, которые всегда остаются на уровне рабочей гипотезы. В подобных вопросах мы имеем дело с уравнениями с огромным количеством неизвестных и с очень ограниченным числом известных данных. Поэтому эти вопросы гипотетически могут решаться многими различными способами, которые не противоречат имеющимся фактическим данным. Лишь дальнейшее накопление фактов

может показать, какое из этих решений ближе к существовавшей некогда действительности. Здесь же возможно лишь изложить одну из многих подобных рабочих гипотез, которая автору представляется наиболее правдоподобной.

У ИСТОКОВ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Выше культура уже была определена как совокупность способов институционализации человеческой деятельности¹. В число разных видов последней входит и речевая деятельность, формой институционализации которой является язык, входящий, таким образом, в состав культуры в наиболее широком понимании слова. С момента зарождения зачатков трудовой деятельности язык был необходим человеку так же, как и орудия труда, и совершенствоваться то и другое должно было параллельно. Наиболее обосновано мнение, что большое число примитивных языков образовалось еще на стадии питекантропа, а ряд структурно и лексически близких языков оформился на этой базе на протяжении неандертальской стадии². Концепция раннего происхождения языка утвердилась в советской антропологической школе достаточно давно³, хотя имеются и иные точки зрения⁴.

Существующие ныне языки при всем своем многообразии имеют определенный набор общих черт. Можно думать, что эти же черты были присущи и тем исчезнувшим языкам, на которых когда-либо говорил *Homo sapiens*, так как они имеются в равной мере и в языках высокоразвитых, сложных обществ, и в языках самых отсталых племен и, очевидно, выражают тот образ мышления, который заложен в принципах организации разума человека. Всем языкам мира присуще различие именных и глагольных функций слова, обозначений предмета и действия, понятий определяемого и определения, субъекта и объекта действия, субъекта и предиката⁵. Все языки мира способны строить сложно разветвленные сочиненные и подчиненные предложения, которыми в принципе возможно выразить любую самую сложную мысль, при наличии лишь определенной договоренности о терминах, т. е. при наличии соответствующей лексики.

Однако понятно, что появлению языка такого совершенного типа должна была предшествовать сложная и длительная эволюция. Первичным состоянием звукового языка могло быть лишь его существование в форме отдельных «слов», т. е. звуковых сигналов (команд, индикаторов и т. д.), которые еще не соединялись в синтагматические сочетания. Следующим и решающим шагом в его развитии должно было быть овладение свободной группировкой «слов-сигналов» в парные синтагматические сочетания, от которых уже легко переход к более развернутым предложениям.

Можно при этом предполагать, разумеется, чисто умозрительно и лишь ввиду отсутствия более четких указателей, что так же, как появление первых орудий должно было сопровождаться появлением первых слов, появление составных орудий (древка с наконечником, рукоятки с лезвием) также могло быть связано с появлением и развитием синтагматических сочетаний.

Хотя число сигналов у человекообразных обезьян весьма велико, тем не менее в естественных условиях им не присуща ни речевая, ни орудий-

ная деятельность⁶. Однако умением и синтагматически комбинировать переданные знаки, и составлять орудия (из готовых данных элементов) при обучении они овладевают, и это тоже может служить косвенным подтверждением тезиса о взаимосвязи способности к изготовлению составных орудий со способностью к синтагматическим знаковым сочетаниям.

Собственно говоря, вышесказанное иллюстрирует один важный для понимания закономерностей культурной эволюции тезис. Ни одно живое существо не может совершить ничего, выходящего за рамки его биологических возможностей. Однако в этих возможностях эволюционный отбор постоянно формирует все возрастающую избыточность, и потенциальные ресурсы этой избыточности могут быть с большей или меньшей полнотой реализованы уже за счет внебиологически, т. е. культурно, вносимых импульсов. Без них, как известно, не реализуется способность не только к речи, но и к прямохождению у реально существующих «маугли», т. е. человеческих младенцев, выкормленных животными.

Известно, что между разными популяциями одного и того же вида при общности набора сигналов может существовать настолько сильное различие в исполнении определенного сигнала, что это ведет иногда даже к межпопуляционной «взаимонепонимаемости». Подобные различия в сигнально-речевой деятельности могли быть и в разных коллективах древнейших людей, особенно при попадании в условия относительной изоляции. Но их нельзя отождествлять с различиями в языке. Различия в сигналах — это хотя и не обязательно генетически детерминированное, но тем не менее всецело биологическое различие, тогда как различия в языке — это различия социально-культурные. Различия в языке — это различия в правилах оформления синтагматических сочетаний, и построения предложений. На этапе, где еще не было этих правил, не было и различий в них.

Из вышесказанного ясно, что ни в сообществах предлюдей, ни в древнейших человеческих коллективах еще не могло быть этнического различия. Еще слишком однородны были формы деятельности, еще слишком неразвиты были ее орудия, чтобы между этими коллективами появились целые комплексы различий. Конечно, могли быть различия в отдельных деталях даже самой примитивной культуры. Могли быть различия и в речевых сигналах отдельных человеческих групп, в зачатках их языковой деятельности. Но эти различия в деталях еще не сложились в комплексы различий, между которыми можно было бы провести какие-то более или менее четкие границы в пространстве.

ДОЭТНИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Хотя вопрос о прародине человечества еще продолжает оставаться дискуссионным, большинство накопленных за последние несколько десятилетий фактов говорит в пользу того предположения, что центр довольно обширной зоны, где происходило очеловечивание наших обезьяноподобных предков, находился в Восточной Африке⁷.

У нас очень мало данных, позволяющих судить о том, что представляли собой сообщества обитавших здесь предлюдей — высокоразвитых видов австралопитеков. Строить предположения об организации их стада мы

можем лишь по аналогии с организацией сообществ других высокоразвитых приматов, где мы встречаем большой выбор различных типов организации.

Развернутая попытка построения подобной гипотезы о древнейших формах человеческих сообществ по аналогии с сообществами обезьян была предпринята Л. А. Файнбергом на страницах журнала «Советская этнография» и вызвала оживленную дискуссию. Позднее Л. А. Файнберг опубликовал фундаментальное исследование, посвященное этим же вопросам⁸. Не вступая в полемику с отдельными положениями этого исследования, здесь мы суммируем те предположения, которые представляются наиболее вероятными с нашей точки зрения.

Структура, наиболее близкая к характерной для современного человека семье, состоящей из супружеской пары с детьми, встречается у гиббонов⁹. Но из всех человекообразных обезьян экология гиббона менее всего похожа на предполагаемую экологию австралопитека, да и помимо этого невозможно считать, чтобы очеловечивание обезьяны могло происходить в рамках столь малых коллективов. Австралопитеки вне всякого сомнения жили гораздо более многочисленными сообществами.

Многие современные ученые склонны сопоставлять сообщества австралопитеков со стадами горилл и особенно шимпанзе, которые представляют собой довольно лабильные, имеющие непостоянный состав объединения нескольких самцов и самок, между которыми существуют половые отношения, варьирующие между иерархической упорядоченностью и чем-то вроде промискуитета. Однако опять-таки образ питания и вся экологическая среда крупных понгид, растительноядных по преимуществу обитателей тропического леса, существенно отличается от экологии австралопитеков, уверенно осваивавших мясную пищу и живших в ландшафте относительно открытых сухих саванн.

Такой образ жизни ближе всего к образу жизни некоторых современных собакоголовых обезьян, в особенности бабуинов, с их гаремными семьями и «клубами холостяков». Нам представляется, что именно на основе такой организации скорее всего могли развиваться в процессе очеловечивания обезьяны новые, уже не биологически, а социально детерминированные формы построения коллектива.

Нижеизлагаемая гипотеза о характере обезьяньего стада, в котором происходило становление человеческих социальных отношений, является отчасти развитием концепции, вошедшей в науку под именем гипотезы Дарвина — Аткинсона. Она стала широко известна после того, как ее изложил З. Фрейд в своей работе «Тотем и табу»¹⁰, но, к сожалению, он дал ей весьма произвольную трактовку, создав миф об убийстве первобытного отца — вожака стада — его подростками сыновьями, откуда и произошел механизм возникновения Эдипова комплекса. В действительности же, хотя между самцами приматов и происходят схватки из-за самок, но они не бывают столь кровопролитными. Конечно, вполне естественно, что с старением и ослаблением самца он изгоняется из стада приходящими со стороны соперниками, но именно изгоняется, а не убивается. Кроме того, таким соперником скорее должен быть не сын данного самца, а индивид, родившийся в совершенно ином стаде. Во-первых, чисто статистически возможность того, что в данное стадо из большого числа членов «клуба

холостяков» вернется на роль вожака именно самец, родившийся в данном стаде, невелика. Во-вторых, естественно думать, что молодой самец предпочтет испытать счастье не в том стаде, где он провел свою юность, не раз получал трепку и был однажды изгнан, а в другом, где ему еще быть битым не приходилось.

В-третьих, даже у обезьян отмечено преобладающее уклонение от вступления в половые сношения между братьями и сестрами, сыновьями и матерями. С переходом от обезьяньего стада к примитивному человеческому сообществу должна была происходить институционализация этого сложившегося в биологических рамках порядка. Стабильной единицей в такой ситуации является сообщество женщин, связанное генетической преемственностью (единством происхождения); родившиеся в коллективе мальчики покидают его с достижением взрослого возраста, а в качестве половых партнеров женщин выступают мужчины, родившиеся не в данном стаде.

Возможно также, что предковые для человека обезьяны и не имели стада со столь жестко выраженной гаремной структурой, а жили более лабильными сообществами. Следует, впрочем, учитывать, что в человеческом обществе гаремный, т. е. полигинный вариант семьи распространен чрезвычайно широко, тогда как полиандрический несравненно более редок, а более лабильные формы группового брака, хотя и известны, но представляют собой весьма редкое исключение. В любом случае исходные истоки как принципа материнской филиации, так и экзогамии построенного на них сообщества могут быть с достаточной вероятностью выведены еще из биологических форм организации. По мере того как эволюция обезьяно-людей приобретала все более человеческий характер, с развитием коллективных приемов охоты все большее значение начинала иметь кооперация мелких стад, безразлично — гаремных или лабильных, в более крупные стабильные объединения, по-прежнему сохранявшие принципы материнской филиации. Такие объединения возникали на базе низовых ячеек популяционной структуры вида, состоявших каждая из нескольких обменивавшихся (через самцов) генофондом стад и не менее одного «клуба холостяков». Последние в ходе такой трансформации должны были размываться и исчезать (поэтому так называемые «мужские дома» этнографически известных этносов никоим образом не могут быть возводимы к столь давним явлениям), одновременно с этим не могли не исчезать в семейной структуре элементы гаремности, так как коллектив в целом и его осевая часть, т. е. женщины, в условиях возрастающего значения охотничьего хозяйства были заинтересованы в возможно большем числе мужчин-охотников в группе.

Стремление коллектива вовлечь в свой состав максимум мужчин извне должно было вести к изживанию элементов гаремности, к образованию парных сочетаний (на этом этапе их вряд ли еще можно называть семьями). Возникает вопрос, не вело ли подобное стяжение малых стад (стад-семей) в большое стадо с парными сочетаниями половых партнеров к потере наметившейся экзогамности. Кажется более вероятным (хотя все это, разумеется, лишь рабочая гипотеза), что этого не происходило. Парные сочетания, не будучи еще семьями, вряд ли были особенно стабильны. Они могли распадаться и перекомбинироваться. Таким образом, внутри

стада могли иметь место и элементы ограниченного промискуитета, и отдельные стычки соперничающих мужчин. Но общий принцип, возникший еще в малом стаде, скорее всего оставался неизменным: родственные отношения, цементирующие стадо, были отношениями между женщинами; мужчины, выросшие в данном стаде, не могли быть половыми партнерами женщин, выросших в том же стаде; такие партнеры брались из других стад.

Конкретная хронологическая привязка этих процессов развития рисуется нам следующим образом. Гаремные или лабильные семьи и «клубы холостяков» — это формы организации обезьян-антропоидов, предков человека. Социальная институционализация, осознание форм биологических отношений как социальных норм, пусть еще в смутном виде, начинается у предантропов, предлюдей, как мы можем назвать наиболее высокообразованных австралопитеков с их так называемой «остеодонтокератической» культурой. Стыжение малых стад в большие, размывание «клубов холостяков», развитие принципов парного полового партнерства относится ко времени становления пралюдей — архантропов; большое относительно экзогамное человеческое стадо (праобщина) бытует как основная форма социальной организации архантропов и палеоантропов.

Что касается абсолютных размеров этих объединений, то, анализируя, с одной стороны, данные о численности стад приматов (уступающих, за исключением гориллы, по размерам тела человеку), с другой стороны, данные о численности коллективов бродячих охотников и собирателей¹¹, мы приходим к выводу, что малое стадо состояло из одного самца и двух—трех самок с детьми, т. е. имело общую численность порядка 10 (или несколько больше: два—три самца и четыре—пять самок при лабильном стаде).

Большое стадо пралюдей (т. е. архантропов и палеоантропов) могло представлять собой коллектив, насчитывающий несколько десятков особей, но вряд ли даже в самых благоприятных условиях более 60, включая детей¹². Скорее всего это преимущественно было бродячее стадо. Хотя известны такие пещерные стоянки архантропов, как Чжоукоудянь, вряд ли их можно рассматривать как показатель определенной оседлости. В условиях бродячего существования, как показывают этнографические данные, невозможно функционирование дислокального брака, и надо думать, что на этой стадии развития человечество его не знало. Но брачными отношениями каждое стадо было связано с несколькими соседними стадами. Следовательно, надо предположить, что популяции архантропов были крупнее популяций австралопитеков и антропоидов и были более разбросанно расселены, что соответствовало общей демографической ситуации эпохи первичного освоения эйкумены.

Сама по себе эта диффузность расселения, нехарактерность жестких барьеров на путях осуществления генетических и культурных связей в столь отдаленную эпоху уже снимает вопрос о возможности каких-либо этнических делений в то время. Это не противоречит возможности появления некоторых различий как в культуре (в том числе в формах орудий), так и в языке (который в то время, вероятно, был еще весьма примитивен и не приобрел еще свойств членораздельной речи, т. е. речи, построенной на синтагмах, с четкими синтаксическими и морфологическими правилами; он скорее оставался набором сигналов и отдельных речений очень комплек-

сного и нечетко определенного содержания). Однако все эти различия были включены в цепь культурной и языковой непрерывности, в культуре и языке любых двух соседних коллективов заметной разницы наблюдаться не могло.

Общая численность человечества в эту эпоху была еще очень невелика, она исчислялась, по-видимому, лишь несколькими десятками тысяч человек. Еще оставались огромные незабеленные, неблагоприятные для слабо вооруженного человека пространства, по которым, однако, могли проходить спорадические миграции. Коллективы людей еще не обрели той стабильности, которая создавала бы некоторое подобие исторической преемственности. Обрыв преемственности коллективов, их гибель, распад, переформирование были нормальным явлением. В этих условиях затруднено было возникновение специфических локальных традиций, культурная эволюция была замедлена, а генетическая, биологическая эволюция шла неоднородно, свидетельства чего мы повсеместно находим в палеоантропологических материалах.

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПЛЕМЕНА

Заключительный этап эпохи существования пралюдей, археологически совпадающий с поздними формами леваллуа — мустье, ознаменовался значительными явлениями революционного характера, связанными с сапиентацией, т. е. со становлением нового типа человека, не отличающегося от современного, человека разумного, неантропа. Именно с сапиентацией современная наука склонна связывать не только переход от нижнего (или среднего) к верхнему палеолиту, но и становление членораздельной речи, речи, оформленной в синтагмы. В материальной культуре в это время человек окончательно овладел умением делать составные орудия. Это также эпоха окончательного формирования пришедшей на смену стаду (праобщине) пралюдей экзогамной родовой организации. Все это были предпосылки оформления человечества как совокупности этносов.

Есть еще одно соображение, скорее философского характера, позволяющее связывать появление этносов с эпохой завершения сапиентации. Поскольку культура является специфическим для человека механизмом адаптации к среде, внебиологическим по своей сути, но выполняющим те же адаптивные функции, которые в остальной живой природе выполняются механизмами биологической эволюции, постольку и этносы как формы культурной варибельности могут рассматриваться как адаптивные механизмы, изоморфные различным видам биологической варибельности. Поскольку и ароморфическая и идиоадаптивная эволюция человека * практически прекратилась после сапиентации, тогда как до нее она протекала в очень интенсивном темпе, можно считать, что именно в это время биологические адаптационные механизмы должны были смениться изоморфными им культурными механизмами.

Особо важное значение для рассматриваемой нами темы имеет еще одно явление, также впервые сложившееся у человека в эпоху позднего

* Подробнее см. ниже, с. 223—226.

мустье и начала верхнего палеолита. Это переход на относительно оседлый образ жизни¹³. Как пещерные жилища юга Франции, так и палеолитические жилища из костей и шкур в тех районах, где пещер не было (в Южной Сибири, на Украине), показывают, что это не были кратковременные стоянки. Палеолитические охотники имели возможность благодаря охоте на крупных млекопитающих жить на одном месте долго, годами.

Охота на крупную дичь была возможна не во всех районах палеолитической эйкумены. Там, где никогда не было крупной дичи, не могло идти и речи об оседлости (вплоть до возникновения земледелия). Оседлость на этом уровне хозяйственного развития невозможна ни в зоне тропических лесов, ни в аридных зонах, ни в ряде других малоблагоприятных для человека ландшафтов. Уже в это время появилась известная неравномерность в темпах развития человечества. Области, где была возможна охота на крупную дичь, где была возможна относительная оседлость, стали областями, где вырабатывались такие прогрессивные формы культуры, материальной, духовной и социальной, которые получили затем универсальное, всемирное значение и распространение.

Тогда как при бродячем охотничьем образе жизни дислокальный брак вообще не был возможен, при относительно оседлом образе жизни соседних коллективов (матрилинейных относительно экзогамных стад) такая возможность появилась. Можно представить себе и факторы, которые могли привести к ее реализации. Действительно, еще на предшествующем этапе включению молодого мужчины в неродственное ему матрилинейное стадо должен был предшествовать какой-то период пробных встреч, прежде чем могло образоваться сколько-нибудь длительное парное сочетание.

В этнографически известных обществах бродячих охотников-собираателей такие подобные встречи и заключение браков происходили в определенных сезоны, когда несколько бродячих коллективов временно объединялись или располагались неподалеку друг от друга, на одной территории. При относительно оседлом образе жизни, связанном с охотой на крупную дичь, женская часть стада была заинтересована в том, чтобы юношисобытчики дольше оставались в составе стада. Эта тенденция совместно с оседлостью может создать условия для возникновения ячейки типа сусу, вполне убедительно проанализированной Ю. И. Семеновым¹⁴.

Брак при этом, естественно, дислокален, в браке состоят два проживающих по соседству коллектива. Два коллектива — это минимум, при котором возможны дислокальный брак и функционирование сусу. В то же время в условиях палеолита это и максимум.

Три и более коллектива не могли позволить себе селиться в близком соседстве, им не хватило бы кормовой территории. Численность таких коллективов вряд ли могла быть более 100 человек, при этом расстояние между соседними коллективами можно ориентировочно оценить примерно в 40—50 км, это же и диаметр основной охотничьей территории¹⁵, это и максимальное расстояние, которое можно преодолеть пешком за светлое время суток. Следует также помнить, что в отличие от сетевой системы расселения, характерной для оседлых земледельческих равнинных обществ и отражающейся, как это показал А. Леруа-Гуран, в их концентрической картине мира, для обществ охотников характерна линейная, маршрутная картина мира и линейная схема расселения. Поселения при этом распо-

лагаются цепочкой вдоль одной определяющей линии ландшафта — речной террасы или полосы предгорий или берега водоема¹⁶. В этих условиях у каждого коллектива только два соседа. При этом, поскольку условия задачи об осле Буридана в реальной жизни не встречаются, один из соседей неизбежно будет близким, а другой — дальним. В таких условиях неизбежно должна была возникать коалиция из двух соседних экзогамных, матрилинейных, дислокально-брачных коллективов. Иными словами, возникла дуальная организация, включающая в свой состав два материнских рода.

Для обозначения такого коллектива наиболее подходит название предплемена¹⁷. По мнению Ю. В. Бромлея^{17а}, его целесообразнее называть «первичным племенем». Нам представляется, что первичными племенами скорее следует именовать племена эпохи перехода от палеолита к мезолиту, когда начинали складываться предпосылки неолитической революции. Именно к этой эпохе вероятнее всего отнести начало дивергенции племен, легшее в основу образования языковых макросемей типа ностратической. Предплемя отличалось от первичного племени не только отсутствием племенного органа власти (он в ранних племенах вообще выражен слабо), но и отсутствием соотнесенности с соплеменностью и отсутствием деления на локальные группы, ибо с ними полностью совпадали роды-половины, тогда как в настоящем племени такого совпадения нигде нет, и родо-племенная организация как раз и нужна для создания рамок, в которых существуют и переформируются локальные группы.

Предплемя, будучи относительно эндогамной единицей, является низкой единицей популяционной структуры раннего сапиентного человечества¹⁸. В то же время предплемя является его первой и пока единственной этнической единицей. Дело в том, что сближение диффузно расселенных стад-протородов в предплемени попарно, установление в паре стад (затем родов) особо тесных отношений означало появление нарастающей дискретности в сети прежде диффузных человеческих популяций. Если ранее все коммуникационные связи между коллективами людей были равнозначны, то теперь одни связи стали гораздо теснее, другие за счет этого если не прервались полностью (контакт между разными предплеменами не мог не осуществляться), то стали значительно слабее. Поскольку этот процесс (назовем его этногонией) совпадал более или менее в хронологических рамках с процессами сапиентации и с завершающей фазой глоттогонии, т. е. первичного становления членораздельных языков, то создались условия для того, чтобы эти языки, все еще находясь в состоянии первобытной языковой непрерывности, постепенно стали бы развиваться каждый в своем направлении, наращивая черты различия в рамках отдельных предплеменных языков. Эта же ситуация способствовала и ходу расовой дифференциации, началу становления расового многообразия человека современного вида.

СДВИГИ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА

Обрисованные нами процессы не везде получали полное выражение. Однако условия для них имелись по крайней мере в обширной полосе умеренной зоны Евразии, отчасти и в саванновых районах Африки, а также в ана-

чительной части Австралии, где до эпохи термического максимума существовала обильная фауна дипротодона, не уступавшего как объект охоты мамонту и крупной дичи Евразии. В этих благоприятных, прогрессивных условиях и сложились, очевидно, те довольно сложные формы социальной организации, которые были унаследованы охотничьими племенами последующего периода. В Евразии это были племена эпохи мезолита, вынужденные перейти вновь к бродячей охоте на мелкую дичь вследствие истребления крупных объектов охоты (бизонов, мамонтов); в Австралии та же судьба ожидала аборигенов с истреблением дипротодона и наступлением термического максимума. Именно с этой эпохой, в Евразии соответствующей мезолиту, нам представляется возможным связать появление отцовского рода, который характерен почти для всех современных обществ бродячих охотников и собирателей.

В условиях, когда вновь стал невозможным дислокальный брак, он должен был стать вновь унилокальным. Но уксорилокальным он стать не мог — этому препятствовала сложившаяся традиция, при которой мужчины оставались в своем коллективе, в рамках сусу. Она поддерживалась и сохраняющейся и ставшей еще более острой заинтересованностью коллектива в сохранении в своих рядах мужчин-охотников. Следовательно, брак должен был стать вирилокальным, что вело к переходу рода от матрилинейности к патрилинейности. В этих условиях сохранение крупных хозяйственных единиц — предплемен и оседлых родов — было невозможным. Наиболее часто встречающаяся, почти повсеместная численность коллектива бродячих охотников — около 25 человек¹⁹. Разумеется, такой коллектив не может быть племенем. Обычно он не совпадает и с отцовским родом. Но племя, состоящее из таких коллективов, каждый из которых нуждается при самых благоприятных условиях не менее чем в 400—500 кв. км охотничьей территории, а чаще всего территории в 2—3 раза большей, не может быть ни спайным, ни многочисленным. В то же время новая технология индивидуальной охоты на мелкую дичь допускает расселение на новые территории, непродуктивные с точки зрения облавных охотников за крупной дичью.

Патрилинейность и патрилокальность общества этого периода нам представляются практически несомненными. Достаточно детальный анализ, произведенный Дж. Стюардом²⁰, убедительно показал, что определенный набор предпосылок, а именно: охота на дичь немигрирующего типа как основа хозяйства, отсутствие вьючных животных и повозок как средств транспорта, низкая плотность населения и экзогамная структура общества — практически неизбежно должен вести и в действительности неизменно ведет к патрилокальности брака и связанной с ней патрилинейности счета родства. Кажется вполне ясным, что мезолитические охотники почти повсюду отвечали указанным характеристикам.

Поскольку хозяйственные коллективы бродячих охотников были мельче, чем оседлых, одновременно происходили процессы интенсивного дробления предплемен: на смену тенденции к интеграции из первоначальной диффузной среды, определявшей процессы первичной этногонии, пришли процессы дифференциации, процессы, определявшие становление мелких общностей — племен эпохи мезолита. Конечно, мелкими их можно назвать лишь относительно, так как по абсолютным размерам эти племена, веро-

ятно, были даже больше палеолитических предплемен. По крайней мере этнографические данные говорят, что племя бродячих охотников тяготеет к средней численности в 500 человек (при сильном превышении этого предела оно разделяется)²¹. Но в отличие от оседлых предплемен развитого палеолита такое племя представляет собой лишь диалектно-культурное, но не социально-экономическое единство; входящие в него локальные группы слабо связаны между собой, оно легко дробится и рекомбинируется, более проницаемо для внешних информационных связей. Характерно, что этнографически известные примеры племен оседлых охотников (например, азиатских эскимосов) меньше по размерам (около 200—300 человек), но несравненно теснее спаяны и представляют собой закрытую систему.

В отличие от предплемен мелкие племена эпохи мезолита, многие из которых, возможно, осознавали общность своего происхождения и сохраняли определенное культурное и языковое единство, целесообразно рассматривать не как независимые общности, а в составе более крупных общностей — соплеменностей, на уровне которых в основном и реализовалась этническая специфика.

Нам представляется, что именно в это время картина этнической структуры классического первобытнообщинного общества с присваивающим хозяйственно-культурным типом приобрела те черты, которые продолжала сохранять в целом во все последующие эпохи: иерархию соплеменностей, племен и родов (как правило, с отцовской филиацией), конкретную структуру локальных групп, чаще всего не совпадающую или неполно совпадающую с родовой структурой, но в целом вполне укладывающуюся в племенную, и другие характерные особенности.

В связи с этим надо отметить, что этнографические данные XIX—XX вв. никак не могут служить основой для реконструкции этнических структур эпохи палеолита; некоторые отдаленные экологические аналогии, возможные с обществами оседлых охотников на морского зверя типа эскимосских, для этого явно недостаточны. Для мезолита, напротив, привлечение сравнительного материала по австралийским аборигенам, бушменам, некоторым племенам американских индейцев в принципе представляется допустимым, тем не менее необходимо всегда помнить как необычно экстремальный характер экологии всех этих групп, так и то, что их предки в течение ряда тысяч лет обитали на одной планете с высокоразвитыми цивилизациями и даже весьма высокая степень изолированности не может гарантировать стопроцентного отсутствия косвенного воздействия этого фактора на рассматриваемые общества.

Трудно решить, насколько отчетливо этнические различия эпохи палеолита и мезолита могут быть прослежены в локальных археологических культурах. Культуры эти, имеющие, как правило, весьма широкое распространение (например, от северной Японии до Аляски), не могут быть сопоставлены ни с предплеменами, ни даже с соплеменностями. В эту эпоху нельзя еще говорить об историко-этнографических областях²², вряд ли можно говорить и о хозяйственно-культурных типах. Хозяйственно-культурный тип для всего человечества был один — первобытные комплексные охотники и собиратели. Он подразделялся на бродячих и относительно оседлых, имел локальные вариации в зависимости от ландшафтно-клима-

тических зон, но в основе своей, в материальной культуре, орудиях труда, предметах быта не мог не быть достаточно однороден для всего человечества. Зональные различия определялись прежде всего условиями среды, в том числе даже характером каменного сырья; показателями именно таких зональных различий и являются археологические культуры этого времени.

Следует особо выделить две огромные зоны в эйкумене того времени — западную и восточную. Они не только довольно четко различаются по палеолитическому каменному инвентарю, но и связаны скорее всего с формированием двух основных (как расовых, так и языковых) делений древнего человечества — восточного и западного²³.

Темпы изменения физического типа человека медленнее, чем темпы культурных изменений; многие общности не раз меняли свой язык за известный нам период их истории. Поэтому неудивительно, что некоторые народы нашего времени, физический тип которых в основном характеризуется «восточными» чертами, говорят на языках «западного» происхождения, приобретенными ими в ходе их позднейшего распространения на Земле. Однако в целом и в наши дни на этнической карте мира можно отметить обширные зоны, заселенные в основном народами либо «восточного», либо «западного» происхождения.

В языковом отношении к «западным», очевидно, относятся языки Африки, прежде всего банту и «бантоидные», а также различные суданские и семито-хамитские языки. Последние включаются в одну огромную надсемью языков, распространенных в Передней и Южной Азии, Европе и Северной Евразии, так называемую ностратическую, или бореальную, надсемью. Совсем другая, очевидно, никак генетически не связанная с западной восточная древняя языковая общность представлена так называемым тихоокеанским языковым стволом, куда должны быть отнесены языки большинства народов Восточной и Юго-Восточной Азии: сино-тибетские и аустрические, т. е. аустро-азиатские (мунда и мон-кхмерские) и аустронезийские (малайско-полинезийские). Совершенно неясен вопрос о соотношении с тихоокеанским языковым стволом языков австралийских и папуасских.

Впрочем, само существование тихоокеанского ствола — это вопрос весьма спорный. Если генетические связи аустронезийских, тайских и аустро-азиатских языков, как кажется, подтверждаются накапливающимся материалом, то гипотеза о сино-кавказской макросемье^{23а} может заставить нас полностью пересмотреть традиционные взгляды о связях сино-тибетских языков и путях их древнейшего распространения.

Что же касается языков Нового Света, весьма разнообразных в типологическом отношении и распадающихся на много семей индейских языков, то скорее всего их генезис происходил уже в Новом Свете, в условиях постоянной дифференциации расселяющихся по огромным пространствам Американского континента человеческих коллективов, происходящих от сравнительно небольшой группы первоначальных засельников Америки, попавших сюда в период верхнего палеолита, около 15 тыс. лет назад, а может быть, и раньше²⁴. Поэтому сейчас проследить какое-либо родство большинства языков Нового Света с языками Старого Света на корневом материале уже не представляется возможным, а нередко отмечаемые

моменты структурного сходства следует отнести за счет случайной конвергенции.

В любом этногенетическом процессе всегда наличествует баланс двух диалектических противоположностей: этнической интеграции и этнической дифференциации. Соотношением этих двух тенденций в основном и определяется специфика любого развития конкретного этногенетического процесса. На пресапипентной стадии развития человечества преобладали тенденции его дифференциации, еще не только и не столько культурной и социально-этнической, сколько биологической, что и отражалось в огромной пестроте известных нам неандертальских форм (хотя, конечно, нам известна пока лишь ничтожная часть реально существовавшего их многообразия)²⁵. Что касается интеграции, то она проявлялась преимущественно в распространении на довольно больших пространствах общих черт, свойственных отдельным, пока еще очень простым культурным достижениям, в частности отдельным типам каменной индустрии.

Сапиентация, т. е. становление человека с новыми биологическими и тесно с ними взаимосвязанными культурно-социальными чертами, сама по себе была явлением интеграционного плана, причем первостепенной важности. Собственно именно эта интеграция определила принципиальное единство человечества, сохраняющееся и по сей день. Преобразование стада в род, образование предплемен было одновременно и дифференциацией (уменьшение диффузности популяционной сети, возрастание различий между предплеменами). В мезолите вынужденное дробление относительно крупных и относительно оседлых предплемен — коллективов охотников на крупную дичь — на мелкие бродячие коллективы охотников на мелкую дичь явно должно было обусловить преобладание дифференциционных тенденций.

Совокупность таких мелких коллективов, восходящих к общему предковому предплеменю или к нескольким близкородственным предплеменам, говорящим на близких диалектах, составляет уже зародыш соплеменности или группы родственных племен. При благоприятных условиях, беспрепятственном росте, распространении на незанятых территориях из такой мезолитической или позднепалеолитической совокупности мелких бродячих коллективов непосредственно могла вырасти подлинная соплеменность (группа родственных племен), а при дальнейшем расселении последней уже могла образоваться и целая группа родственных соплеменностей, т. е. суперэтническая категория, — этнолингвистическая семья. Не исключено, что некоторые этнолингвистические семьи аборигенов Австралии или американских индейцев могут иметь именно такое происхождение.

Но такое однозначное, чисто дифференциационное развитие этногенетических процессов, следует подчеркнуть, могло происходить только в исключительных условиях, при освоении необитаемых до этого территорий. Нормальное же течение этногенетических процессов определялось балансом дифференциации и интеграции, их чередованием. Но лишь начиная с эпохи неолитической революции такое взаимодействие двух тенденций могло приобрести вполне развитые формы.

На протяжении же всей эпохи палеолита, как нам представляется, существовали в большей мере условия для дифференциации, нежели для

интеграции. Подлинная этническая интеграция предполагает наличие какого-то консолидирующего центра, имеющего определенное превосходство (численное, культурное, экономическое, политическое или какое-либо другое) над остальными компонентами этногенетического процесса. Однако в условиях палеолита нормально функционирующие этнические коллективы во всех этих отношениях должны были быть в силу единства палеолитического хозяйственно-культурного типа примерно равны, а ослабевшим коллективам скорее предстояло вымирание, чем интеграция с более крупными. Надо полагать, что в ходе этнической дифференциации в палеолите образовывалось немало таких ветвей, эволюция которых в силу каких-либо неблагоприятных обстоятельств заканчивалась в основном тупиком, вымиранием и лишь небольшая часть их членов могла выжить, примкнув к более сильным коллективам. Акты такого примыкания нельзя отождествлять с актами этнической интеграции в подлинном смысле слова, в которых участвуют всегда полноценные, жизнеспособные и многочисленные этнические коллективы.

С другой стороны, та же общность палеолитического ХКТ в принципе для всей эйкумены существенно облегчала возможность таких спорадических примыканий небольших, осколочных групп людей к более крупным коллективам, причем в условиях крайне низкой плотности населения и его линейной схемы расселения вдоль наиболее благоприятных природных рубежей, при наличии обширных незаселенных пространств дистанции миграций таких осколочных групп могли быть очень дальними. Это объясняет нахождение в палеолитических стоянках, таких, например, как Костенки, Мальта, сочетаний далеко отстоящих друг от друга расовых форм или культурных мотивов.

Если в нижнем палеолите этничности как таковой не было вообще, в верхнем палеолите она была, но это было лишь начало этничности. Культурные различия между предплеменами имелись, но это были различия, несомненно важные для людей того времени, но небольшие с культурно-исторической точки зрения. Основные различия продолжали носить зональный характер, но в пределах этих зон вырабатывались такие культурные явления, как зоолатрические представления (культы животных), счет и календарь, семантика орнамента, мифологические сюжеты, получившие впоследствии общемировое или по крайней мере континентальное по своим масштабам распространение.

Основную роль в выработке этих колоссальных по своему последующему значению культурных ценностей играла оседлая зона палеолитической эйкумены, и прежде всего евразийская, но влияние этих достижений не могло в известной мере не отражаться и на ее бродячей периферии.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В период, исчисляемый временем примерно от 15 до 12 тыс. лет тому назад, произошло событие первостепенной важности в истории человечества, получившее введенное Гордоном Чайлдом и общепризнанное теперь в науке название неолитической революции²⁶. Процесс этот, хотя и растянулся на несколько тысячелетий, по сравнению с десятками тысячелетий предше-

ствовавшего существования сапиентного человека действительно был революционным, взрывным скачком.

Так называемый «демографический взрыв» современности привел человечество к численности, измеряемой несколькими миллиардами для планеты в целом и десятками миллионов для ее отдельных крупных территорий (стран). К концу эпохи неолита население исчислялось многими десятками миллионов для планеты в целом и сотнями тысяч — миллионами — для отдельных стран. В эпоху же палеолита оно исчислялось лишь сотнями тысяч (максимум одним-двумя миллионами) для планеты и зачастую всего лишь сотнями индивидов — для отдельных стран. Таким образом, если от неолита до современности рост населения произошел на один, максимум на два порядка, то между палеолитом и неолитом — как минимум на те же два порядка, т. е. рост не менее, а более интенсивный, чем пресловутый современный «демографический взрыв»²⁷.

Ранее всего отмеченная в странах Ближнего Востока, «неолитическая революция» в своей полной форме обозначалась более или менее одновременно освоением земледелия и одомашниванием животных с последующим появлением керамики и шлифованных каменных орудий и ряда сопряженных более частных культурных достижений. Там, где могло получить широкое развитие производящее хозяйство, это означало освоение новых, ранее не обитаемых человеком пространств, переход от линейно-маршрутной схемы расселения вдоль наиболее благоприятных природных рубежей к шахматно-точечной схеме расселения по площади. При этом как земледелие, так и скотоводство открывали возможности хозяйственного освоения ранее недоиспользованных ландшафтных зон. Но и там, где хозяйство продолжало оставаться присваивающим, новая технология, новые, более совершенные орудия труда, идея которых заимствовалась из центров производящего хозяйства, позволяли повысить эффективность использования ресурсов территории путем специализации хозяйства в рыболовством, сезонно-поколочном морском зверобойном направлении. Освоение человеком территорий, находящихся в зоне высоких широт, в зоне Субарктики и Арктики, тоже не могло стать прочным без этой революции. Резкий взлет численности человечества, коренные изменения в производстве и культуре, естественно, не могли не сопровождаться качественно новыми явлениями в этнической картине мира, ее динамике. И хотя прямо об этих явлениях, как и о явлениях предшествующих эпох, мы сведений не имеем, по косвенным данным мы все же можем предсказать их себе с достаточной долей вероятности.

Мы уже говорили выше, что поступательное развитие этногенетических процессов, характеризующихся балансом дифференциации и интеграции, их чередованием, именно начиная с эпохи неолитической революции, очевидно, смогло приобрести вполне развитые формы. Община (племя), перешедшая от присваивающей экономики к производящей, к земледелию и скотоводству, естественно получает и реализует возможности для быстрого численного роста.

Переход к производящему хозяйству, особенно земледелию, влияет на демографию населения через ряд механизмов. Наиболее очевидный из них — это резкий прирост количества пищи, получаемой с единицы площади, следовательно, возможность прокормиться на ней для гораздо

более плотного населения. Но не менее важно и другое: при бродячем образе жизни каждая женщина могла позволить рожать не чаще, чем один раз в пять—шесть лет, когда предыдущий ребенок уже сможет самостоятельно ходить на большие расстояния, так как при перекочевках нести более одного младенца (плюс различный хозяйственный груз) она была не в состоянии. Для земледельцев (да и для кочевников, обладающих выючным транспортом, и для оседлых скотоводов) это ограничение снимается, и появляется возможность для каждой женщины полностью реализовать свои способности к деторождению. Это означало, что прирост населения у оседлых производящих обществ, их способность к демографической экспансии становилась в пять—шесть раз выше, чем у бродячих присваивающих групп.

Однако этот фактор в отличие от роста количества пищи не является исключительной принадлежностью производящего хозяйства — он в равной мере присущ и хозяйству оседлых охотников на крупную дичь. «Видимая в дальней исторической перспективе «стабильность», «замедленность темпов роста» скрывает здесь истинную динамичность развития, т. е. чередование периодов сокращения численности населения в моменты хозяйственно-экономических кризисов, войн или эпидемий, но и столь же быстрого скачкообразного ее роста в благоприятные периоды существования»²⁸.

Существенный этногенетический вывод из вышесказанного: оседлое земледельческое население оказывает демографическое давление на бродячую периферию практически постоянно, оседлое охотничье население способно к этому в экономически благоприятные периоды, бродячее охотничье население может расширяться, притом относительно медленно, лишь на незанятые территории, в целом же тяготеет к сбалансированному отношению со средой, к поддержанию стабильной численности (нулевому приросту).

Постоянная демографическая экспансия земледельческих общин в начальном периоде их формирования сопровождается процессами вовлечения в свою орбиту, втяжения, присоединения мелких соседских коллективов. Происходит интеграция мелких соседских коллективов, слияние их в более крупное единство, что сопровождается и укрупнением, снижением дробности диалектов, гомогенизацией культуры и языка. Такой рост продолжается до тех пор, пока не будет достигнут уровень, который Н. А. Бутинов предлагал называть максимальной хозяйственной функцией. Значительное превышение этого уровня ведет уже вновь к дифференциации, к отпочкованию общин, с последующим образованием у них своих специфических диалектов, своих культурных и языковых особенностей²⁹. Судя по археологическим данным, максимальная хозяйственная функция древнейших земледельцев выражалась весьма высоким числом: поселки древних земледельцев насчитывали по несколько сот, иногда даже тысяч жителей.

В современной науке общепризнанно, как это уже отмечалось выше, что недопустима прямая экстраполяция, например, на общества охотников палеолита и мезолита современных этнографических материалов, полученных у нынешних охотников и собирателей типа бushmanов, австралийцев или огнеземельцев. Во-первых, дело в том, что современные охот-

ники и собиратели живут, как правило, в гораздо более скудных, экстремальных маргинальных условиях, нежели охотники палеолита и мезолита; во-вторых, современные отсталые племена прошли многотысячелетний путь развития, и многие их социальные и культурные институты могли быть первоначально выработаны в совершенно иных условиях. Точно так же и тем более мы не можем экстраполировать на общества древнейших земледельцев современные этнографические данные по примитивным земледельческим племенам. Зона обитания древнейших земледельцев давно стала зоной развитого пашенного земледелия, а зоны современного мотыжного земледелия в большинстве своем осваивались гораздо позже, в иной природной обстановке и на другом историческом этапе.

Некоторые археологические данные по культурам древних земледельцев позволяют предположить, что у них продолжала существовать дуально-фратриальная организация. Так, в неолитической культуре яншао (Северный Китай) можно выделить определенные специфические черты в орнаментации керамики каждого отдельного поселения. Кроме того, керамика отдельного поселения распадается часто на два комплекса, каждый — со своей орнаментацией (в орнаменте одного комплекса присутствует одно животное, в орнаменте другого — другое)³⁰. Таким образом, есть основания считать, что поселки культуры яншао соответствовали племенам, каждое из которых состояло из двух родов-фратрий, со своими определенными тотемами.

В определенных условиях под влиянием последствий неолитической революции оседлые поселения появились даже там, где земледелие было невозможно. Поселки охотников на морского зверя или специализированных рыболовов сопоставимы по своей социальной экологии с поселками ранних земледельцев. Здесь также можно отметить на ранних этапах развития некоторые индикаторы двухфратриальной организации³¹ и предположить, что каждый такой поселок этнически представлял собой небольшое племя, в целом же совокупность поселков данной археологической культуры может быть предположительно отождествлена с соплеменностью, по крайней мере в некоторых случаях. Но ситуация тождества поселка и двухфратриального племени, как правило, возможна лишь на начальных этапах их формирования. В исключительных случаях, в условиях физико-географической изолированности, такая ситуация может развиваться далее в тех же географических рамках; возможно, что таково происхождение некоторых так называемых «одноаульных народностей» Дагестана. Однако в нормальных условиях обычно дальнейший рост поселков, их почкование и распространение, а также перегруппировка и слияние приводят к усложнению родового состава отдельных поселков, к постепенному вытеснению кровнородственных принципов общинной организации принципами соседской, к ослаблению племенной структуры и даже к ее полному исчезновению.

Эти процессы могут привести в конечном счете к ситуации, описанной Р. Бартоном на примере ифугао, когда уже нет племен, но существует соплеменность, популяционная структура которой состоит из отдельных демов-поселков, автономных соседских общин, взаимоотношения между которыми варьируют от дружественных между соседними поселками до враждебных между отдаленными. Дальнейшая языково-культурная

дивергенция, накопление своеобразных черт в диалектах отдельных поселков может привести к ослаблению единства и самоосознания соплеменности, к превращению ее в «конэо», описанную Н. Бутинным на примере папуасов Новой Гвинеи, в рамках которой наблюдается языковая непрерывность между диалектами³². Однако при этом следует иметь в виду, что наблюдаемая на Новой Гвинее языковая непрерывность не может быть отождествлена с гипотетически реконструируемой первобытной языковой непрерывностью, а представляет лишь ее вторично возникшее подобие. Первичная языковая непрерывность, как говорилось выше, скорее всего должна была начать распадаться уже в момент образования предплемен, в момент стяжения соседних стойбищ в двухфратриальные группы.

Ныне наблюдаемая непрерывность лишь похожа на первичную и позволяет нам ее нагляднее представить, но не более, чем перепончатое крыло летучей мыши на перепончатое крыло птеродактиля: между ними нет преемственности. Как показывают более детальные исследования, на Новой Гвинее непрерывность, если и существует, то в рамках отдельных, достаточно четко выделяемых лингвистических групп, а отнюдь не в рамках всего острова. Именно эти группы или их подразделения и соответствуют этническим общностям типа конэо.

В эпоху неолитической революции и в последующий за ней период взаимодействие интеграционных и дифференциационных тенденций в развитии языковой ситуации эйкумены стало чрезвычайно сложным и напряженным. Хотя некоторые языковые семьи, в основном на дальней окраине эйкумены, как говорилось, могут восходить к общностям еще мезолитического времени и ранее, тем не менее основная масса ныне известных языковых семей начала формироваться именно в период неолита и энеолита. Концепция классического сравнительно-исторического языкознания, рисующего глоттогенетический процесс в виде древа, вырастающего из некоторой исходной точки и затем многократно ветвящегося, от единства к множеству, и концепция Н. Марра, изображающего этот процесс в форме пирамиды, от множества ко все большему единству, вовсе не противоречат друг другу: они обрисовывают две стороны единого процесса, находящиеся постоянно в сложном переплетении. Представляется очень заманчивым увязать формирование крупнейших языковых надсемей Старого Света (таких, как ностратическая) именно с началом неолитической революции, хотя прямых доказательств этого и нет. Происходившие при этом процессы рисуются нам примерно следующим образом.

Район начала неолитической революции и предполагаемый район, исходный для распространения ностратических языков, в общем совпадают или близки. Поэтому можно предполагать, что древнейшие земледельцы и скотоводы Переднего Востока говорили именно на праностратических диалектах. Последовавшее за первичным освоением производящего хозяйства его лавинообразное распространение по всему миру повлекло за собой как непосредственное расселение носителей нового хозяйственного типа (и одновременно носителей постнататических языков), так и распространение новых культурных достижений от соседей путем заимствования, без непосредственных переселений людей.

Однако предметы и явления культуры обычно заимствуются параллельно со словами, их обозначающими. В данном же случае заимствовался

настолько обширный и мощный культурный комплекс, что, как правило, вместе с ним не мог не заимствоваться и столь же обширный комплекс понятий. При относительно большей простоте и соответственно большей проницаемости для заимствований древних языков по сравнению с современными распространение ностратических языков могло быстро охватить огромный ареал.

Существенно противоречит такому предположению тот факт, что общий ностратический словарный фонд как раз не включает тех слов, которые должны были бы заимствоваться в первую очередь (т. е. обозначений новых культурных явлений, свойственных неолитической стадии развития), а в основном содержит понятия более древнего слоя самого общего характера. Но дело в том, что именно этот слой особенно стабилен во времени, тогда как обозначения культурных явлений подвержены более частой замене. Распространение предметов материальной культуры — практически то единственное, о чем могут сказать археологические остатки, — может происходить в различных формах в зависимости от конкретных исторических обстоятельств. Это может быть просто заимствование культурных явлений без перемещения самих людей и без существенных изменений в языке. Оно может сопровождаться также распространением элементов языка или физического типа, или того и другого.

Абстрагируясь от Нового Света, Центральной и Южной Африки и Австралии как от районов, которые либо не были затронуты сколько-нибудь существенно влиянием неолитической революции, либо пережили ее позже и независимо от Евразии, либо, наконец, отличались большим своеобразием в ее восприятии, и рассматривая в основном евразийский материал, можно отметить следующее. Как ранее в процессах сапиентации, так и теперь в процессах неолитизации отчетливо выделяются два центра — ближневосточный и дальневосточный. Вопрос о том, развивались ли в них процессы неолитизации вполне независимо и конвергентно или же дальневосточный центр является все же вторичным по отношению к ближневосточному, на современном уровне наших знаний остается открытым, но большое значение именно двух этих центров для всей Евразии можно считать несомненным. При этом, если в западном центре процессы неолитизации происходили среди населения, европеоидного по своему физическому типу и предположительно говорившего на праностратических диалектах, то в восточном центре эти процессы происходили на фоне монголоидного населения, говорившего на языках, которые можно объединить понятием тихоокеанского языкового ствола (безразлично, признавать ли за этим понятием значение генетического единства или же только определенную типологическую близость).

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНОСОВ

Ни на современной этнолингвистической карте, ни даже на наиболее древних реконструируемых схемах границы распространения европеоидов и монголоидов, ностратических и тихоокеанских языков, наконец, границы преобладания культурных явлений восточного и западного происхождения (среди них наиболее показательной является граница употребления в пищу

молочных продуктов), не совпадают. Очевидно (можно, впрочем, сказать, что это даже самоочевидно), что закономерности формирования и распространения физического типа, языка и этнокультурной специфики в области неязыковой культуры различны и во многом не совпадают. Однако столь же очевидно, что все эти процессы тесно связаны с этническими процессами, протекают на их основе и в какой-то степени являются их частью.

Для того чтобы разъяснить это кажущееся противоречие, воспользуемся понятиями этнической мембраны и этнического осмоса, впервые введенными, насколько нам известно, Ф. Бартом³³. Стык двух разных этнических общностей образует более или менее дискретную этническую границу. Такая граница почти никогда не бывает сплошной и непроницаемой, через нее проходят линии связей. Однако, подобно мембране, такая граница может быть проницаема для одних связей и непроницаема для других, она может быть проницаема в одном направлении и непроницаема в другом (явление осмоса). Все это зависит от конкретных, исторически сложившихся условий, от различий в уровне развития соседних этносов, условий среды и других факторов.

Характер этнических взаимоотношений, этногенетических процессов со времени завершения неолитической революции и до начала образования классовых обществ, очевидно, принципиально не многим отличался от характера тех весьма многообразных форм этнических отношений, которые можно было наблюдать этнографам XIX—XX вв. при изучении так называемых первобытных обществ, т. е. народов, в значительной мере сохранявших первобытнообщинные отношения. Поэтому моделирование первых путем интерполяции последних в принципе возможно при условии постоянной поправки на то обстоятельство, что ни одно первобытное общество нового времени, очевидно, не было полностью изолировано от влияния классовых обществ.

В частности, для случая, когда этническая граница-мембрана проходит между соплеменностями, не различающимися резко по уровню развития и направлению хозяйства, приложимы данные, например, хантско-ненецких отношений на Обском Севере. В этом случае брачные связи, перемещения индивидов и групп могут легко проходить в обоих направлениях через этническую мембрану. Ненцы, попадающие в преимущественно хантскую среду, ассимилировались ею, как оненечивались и ханты, попадавшие в ненецкую среду. В составе одного народа могли быть группы и целые роды, происходящие из другого народа. В то же время сама этническая граница остается достаточно стабильной, не происходит существенной ассимиляции, слияния этносов или расширения одного этноса за счет другого; достаточно стабильно сохраняется языковая и культурная специфика каждого этноса, тесно связанная с его ведущим хозяйственно-культурным типом. В то же время в силу физической проницаемости этнической мембраны антропологический тип соседствующих этносов не может постепенно не сближаться.

В свете изложенного вполне возможно, что распространение языков нестратической надсемьи у народов, для которых характерен монголоидный физический тип, происходило разными путями. Это могло быть и простое заимствование нового языка вместе с более высокой культурой, и выравнивание физического типа соплеменностей, близких по уровню

культуры, но различных по языковой принадлежности. Не исключено, что именно последний процесс сыграл определенную роль в формировании физического типа континентальных монголоидов.

Такая ситуация: относительная стабильность этнической мембраны, когда просачивание черт проходит избирательно, но равномерно по обе ее стороны, — вообще нередка среди этнических процессов первобытности, но, как правило, требует, чтобы соседящие этносы были близки по уровню развития и направлению хозяйства, иными словами, принадлежали бы пусть не к идентичным, но близким хозяйственно-культурным типам. Соотношение хозяйственно-культурных типов играет исключительно большую роль для этнических процессов первобытности, и не случайно, что именно со времени неолитической революции эти процессы приобретают многообразие и интенсивность.

До начала неолитической революции существовал принципиально один хозяйственно-культурный тип — тип первобытных охотников и собирателей. Разумеется, он подразделялся на целый ряд довольно четко оформленных подтипов: материальная культура и хозяйство охотников приледниковой полосы, тропических охотников и собирателей, собирателей приморских побережий существенно отличались, но между ними были и полосы постепенных переходов, и главное — разные типы хозяйства не могли существовать в одной ландшафтно-климатической зоне. Лишь с наступлением неолитической революции стала возможной ситуация, когда бок о бок чересполосно, в разных урочищах одного большого ареала могли селиться такие различные по направлению хозяйства общества, как мотыжные земледельцы и лесные охотники, поливные земледельцы и скотоводы-полукочевники, полуседлые морские зверобой и рыболовы и сезонно кочующие охотники на дикого оленя (а позднее и оленеводы); поливные земледельцы тропических долин и суходольные подсеčno-огневые земледельцы соседних нагорий.

Как и ранее, в единстве археологической культуры на этом уровне может выражаться единство хозяйства ряда различных этносов. Так, если в культуре яншао или ее субвариантов, возможно, и выражен некий этнос, то в понятии культур расписной керамики, при поразительной внешней близости таких ее вариантов, как скажем, яншао и триполье, выражается именно хозяйственно-культурный тип. В то же время пестрота археологических памятников может отражать именно чересполосицу таких типов, как в раннем неолите Восточной Европы³⁴. Следует отметить, что в ряде случаев и на территории, где господствует единый хозяйственно-культурный тип, мы можем выделить несколько типов культуры, т. е. очерчиваемых изопрагмами (границами распространения однотипных элементов культуры) комплексов, ареалы которых сохраняют свою стабильность на протяжении весьма длительного времени, несмотря на смену конкретных археологических культур в каждом ареале или даже на развитие и видоизменение общего для всей данной территории типа хозяйства. Такая стабильность ареальных границ зафиксирована для многих неолитических комплексов Америки, а в Старом Свете ее примером может служить четкое деление неолитической Японии на протяжении более чем семи тысячелетий ее развития на западную и восточную, с четко фиксированной границей, которая даже в наши дни совпадает с границей западной и восточной диалектных групп японского языка³⁵.

На территории Восточной Грузии начиная с эпохи поздней бронзы исследователи выделяют несколько четко прослеживаемых археологических ареалов, причем их границы совпадают с границами племенных групп, зафиксированных в древнейших грузинских письменных источниках, отражающих ситуацию первых веков н. э., т. е. на полтора тысячелетия позже³⁶.

В предыдущей главе указывалось, что этническое единство обуславливается и поддерживается единством поля информационных связей, а границы такого поля очень часто могут быть обусловлены природными рубежами или, наоборот, природными факторами, способствующими коммуникациям³⁷. Это не обязательно должны быть важнейшие элементы орографии или гидрографии, напротив, большую роль могут играть микротопографические и ландшафтные особенности, как правило, не отражаемые картографически и познаваемые лишь опытно. Тем не менее они весьма реальны, стабильны во времени и весьма существенны для развертывания или ограничения внутриэтнических и межэтнических контактов. Они образуют естественный фон для сложения конфигурации сети информационных потоков у населяющих данную территорию людей, и эта конфигурация может оставаться неизменной весьма долго, пока ее не нарушат какие-либо внешние или внутренние факторы. Среди последних, разумеется, наиболее существенны факторы классообразования, возникновение государств, письменности, цивилизации.

Понятно, что такие стабильные ареальные границы не обязательно всегда должны трактоваться как этнические. Они не менее часто могут обозначать границы небольших, сложных по этническому составу историко-культурных областей, спаянных, однако, единством ХКТ и ряда локальных культурных традиций. Когда соседствуют этносы с ХКТ разных уровней, то направление этнического воздействия бывает преимущественно односторонним, от высшего к низшему, хотя возможны и исключения в зависимости от специфики природной и исторической обстановки. Как правило, чем выше развиты в ХКТ данного этноса черты производящего хозяйства по сравнению с присваивающим, тем выше способность данного этноса к ассимиляции других.

На обширных пространствах лесостепной и таежно-тундровой Евразии проходила и в конечной стадии зафиксирована этнографически ассимиляция скотоводами и оленеводами племен охотников, сопутствующая укрупнением и гомогенизацией этносов, стиранием их племенных делений (достаточно вспомнить исключительную племенную дробность юкагиров и сменявшую ее однородность, отсутствие племенных делений чукотского этноса). Под знаком поглощения земледельческими этносами племен охотников и собирателей проходили этногенетические процессы поздней первобытности на великих низменностях континента — Восточно-Европейской, Индо-Гангской, Китайской. Поздненеолитические и энеолитические протояпонские племена, две с половиной тысячи лет назад мигрировавшие в Японию из Кореи, несмотря на свою относительно малочисленность, быстро ассимилировали и консолидировали разрозненные айско-австронезийские племена Южной Японии, очень пестрые по своей культуре, но принадлежавшие к одному хозяйственно-культурному типу комплексных горных и прибрежных охотников, собира-

телей и примитивных земледельцев. Напротив, взаимодействие земледельцев банту и охотников пигмеев в Центральной Африке привело к ситуации симбиоза без ассимиляции, с очень ограниченным культурным взаимодействием. Сходные отношения земледельцев со специализирующимися на лесных промыслах собирательскими племенами сложились и во многих районах Южной и Юго-Восточной Азии³⁸.

Для последней в высшей степени характерно также параллельное сосуществование равнинного поливного рисосеяния и вторично ответвившегося от него подсечно-огневого земледелия (с собирательством) в горах³⁹. Возникающая граница двух типов хозяйства может разделить некогда единый этнос на два (кин и мыонг). Группы, переходящие от горного хозяйства к равнинному (или путем смены места обитания, или только путем смены форм хозяйства), сливаются с равнинным этносом, тогда как группы, уходящие из равнин в горы, обособляются в отдельные новые малые этносы (некоторые народы Филиппин, горные чамы). Сходные явления наблюдаются и в других районах взаимодействия горных и равнинных хозяйственно-культурных типов.

Весьма сложны этнические процессы, возникающие при взаимодействии кочевых и полукочевых скотоводов и оседлых и полuosедлых земледельцев и других обществ с высоким уровнем оседлости. Это может быть первичная номадизация, ответвление возникающих скотоводческих обществ от исходных земледельческих, которое часто сопровождается дроблением, почкованием этноса. Затем это оседание, седентаризация части кочевого этноса, которая обычно не ведет к полному делению этноса, но приводит к образованию внутри него субэтнических подразделений, сохраняющих свою этническую специфику, однако в большей степени, чем остающиеся кочевыми группы, пропитанных воздействием контактирующего оседлого субстрата (например, чукчи). Обратный седентаризации процесс представляет собой частичная номадизация оседлого населения. Оседлый этнос при этом обычно существенно не уменьшается, не размывается, лишь отдельные его представители вливаются в состав кочевников, как это можно видеть на примере взаимодействия оседлых негров фура и кочевых арабов баггара в Судане; этот процесс одностороннего осмоса может объяснить пути довольно быстрых и подчас парадоксальных изменений в физическом типе кочевых народов⁴⁰.

Все указанные процессы активно протекали в рамках первобытнообщинного строя, хотя еще большую интенсивность они приобрели на конечной стадии его существования, в эпоху разложения первобытнообщинного строя и генезиса раннеклассовых отношений.

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ ЭПОХИ РАЗЛОЖЕНИЯ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ И ОБРАЗОВАНИЯ РАННИХ ГОСУДАРСТВ

В эпоху первобытнообщинного строя, на племенном этапе развития этнических общностей, базисные этнические (племена) и биологические (популяции) общности людей в основном совпадали. Браки заключались внутри более или менее эндогамного племени, и генетический фонд

существенно не менялся внутри него в течение длительного времени. Хотя, как говорилось выше, в отдельных случаях происходило принятие в среду племени иноплеменников и даже целых иноплеменных родов, процесс этот был очень постепенным и растянутым во времени. Такой же относительной стабильностью, замкнутостью, склонностью к равновесию отличалась, как правило, и более широкая, основная этническая общность данной эпохи — группа родственных племен, или соплеменность*. При этом плотность коммуникационных связей в соплеменности или племени невысока, она не может превзойти определенного порогового уровня, обусловленного личным характером общения в бесписьменном обществе, будь то в повседневной жизни, в производстве, в обмене, в ритуале. Поскольку структурные подразделения и институты внутри общности носят в значительной мере кровнородственный характер, структура этнообразующих коммуникативных связей (социальной информации) с необходимостью близко совпадает со структурой генетических связей (биологической информации).

Постепенный экономический прогресс человечества, освоение новых производительных сил, совершенствование орудий труда с неизбежностью вели к разложению первобытнообщинного строя, к появлению имущественного неравенства, расслоения, эксплуатации. Особенно большое значение имело развитие зернового земледелия, в частности пашенного, и освоение металлургии. Зерновое земледелие дало возможность накапливать и хранить запасы пищи, позволяющие освободить значительное число людей от непосредственного производства продуктов питания, использовать их как профессиональных воинов, строителей, ремесленников. Металлургическое производство гораздо больше, чем керамическое, камнеобработка, ткачество, было оторвано от домашней основы, требовало специализации, способствовало общественному разделению труда и росту роли обмена.

Все это, естественно, находило свое отражение и в характере этнических процессов и взаимоотношений людей в эпоху распада первобытнообщинного строя.

Военные конфликты, которые между племенами классической первобытности носили очень ограниченный характер, приобретают теперь значительный размах. Они связаны с захватом территорий, военной добычи — скота, прочего имущества. С развитием института патриархального рабства все большее значение приобретает захват пленных. Соответственно поглощение иноплеменников наиболее сильными племенами увеличивается, усиливаются темпы роста наиболее сильных племен. На смену организационно неформальным соплеменностям приходят тесно сплоченные, организационно оформленные союзы племен эпохи военной демократии. Границы союза племен и соплеменности, к которой они восходят, как правило, не совпадают полностью: в один союз племен могут входить племена из нескольких соплеменностей, разные племена одной соплеменности могут входить в разные союзы.

* Термин этот мы употребляем здесь условно, трактуя его в смысле, предложенном в главе 2, а не в том, которое ему придает Ю. В. Бромлей (т. е. как этникос эпохи первобытности). Термины «группа племен», «семья племен» и другие могли бы быть употреблены синонимично, и трудно отдать какому-либо из них решающее предпочтение.

Если распространение по огромным пространствам языковых макросемей (типа постратических языков) имело место в начале неолитической революции или даже раньше, то сложение большинства современных крупных языковых семей, в особенности в Старом Свете, связано главным образом с эпохой разложения первобытнообщинного строя, с эпохой племенных союзов и военной демократии. Не случайно в Новом Свете, где в доколумбово время лишь незначительная часть индейского населения успела достичь в своем развитии уровня военной демократии или раннеклассового государства, сохранилось большое количество разнообразных мелких языковых семей, восходящих, очевидно, к разросшимся и почковавшимся соплеменностям, и только на территории наиболее развитого в Америке инкского государства язык кечуа сумел охватить большие массы населения и вытеснить ряд ранее существовавших племенных языков.

Напротив, в Старом Свете основная часть этнолингвистической карты занята небольшим числом крупных языковых семей: бантоидной, индоевропейской, семито-хамитской, тюркской, китайско-тибетской. Распространение языков этих семей, как предположительно прослеживаемое по археологическим данным, так и в ряде случаев попавшее в поле зрения письменной истории, происходило первоначально из сравнительно небольших территорий, занимаемых компактными соплеменностями. На их базе сформировался и вырос ряд мощных племенных союзов, обладавших большим военным потенциалом, комплексной земледельческо-скотоводческой экономикой и в связи с большой ролью скотоводства — высокой подвижностью.

Расселение древних арабов и евреев, германцев, кельтов, славян, иранцев и индоарийцев, тибето-бирманцев и тюрков происходило именно в форме экспансии и ассимиляторской активности мощных племенных союзов. Баланс дифференциационных и интеграционных тенденций этногенеза был этим поднят на новую, более высокую ступень. Племенные союзы какой-то одной древней соплеменности, скажем, индоевропейской или тюркской, разрастаясь, еще в самом начале своего развития включали в свой состав и постепенно ассимилировали отдельные племена других соплеменностей. Расселяясь, территориально распространяясь, эти племенные союзы подчиняли себе и в конечном счете ассимилировали местные племена. Исчезали целые небольшие, восходившие к соплеменностям древние языковые семьи Европы и Азии, их речь сменялась индоевропейской речью. Ее распространение, начавшееся ориентировочно около IV—III тыс. до н. э., уже к концу II тыс. до н. э. охватило огромные пространства: вместо небольшой исходной территории где-то в Малой Азии либо в Западном или Северо-Западном Причерноморье — полматерика от берегов Атлантики до Алтая и Индии.

Но параллельно с интеграцией шла и дифференциация: разные племена и племенные союзы, разные части некогда единой соплеменности, с доволно однородной речью, материальной культурой, религиозными представлениями, попав в разные природные ландшафты, впитав культурные и речевые особенности местных ассимилированных племен, дали начало новым, уже существенно друг от друга различавшимся соплеменностям — кельтской, древнегерманской, древнеславянской, индоарийской и др.

В IV—II тыс. до н. э. на развалинах первобытнообщинного строя в долинах Нила и Двуречья, Инда и Хуанхэ возникают древнейшие цивилизации: появляется общество, разделенное на классы, а с ним государство с его учреждениями, города и городская жизнь, профессиональная культура и письменность. Письменность особенно интересует нас здесь, так как она явилась средством, способным превзойти предел плотности коммуникаций общества, основанного на устном общении. Помимо письменности, были другие факторы, способствовавшие повышению внутренней информационной плотности в древних государствах по сравнению с союзами племен и соплеменностями: образование многотысячных армий, сбор тысяч людей для строительства каналов и плотин, пирамид и храмов, увеличение роли рынков и торговли, рост городов. Но именно письменность, пусть даже примитивная, доступная вначале лишь немногим, служит знаком подъема коммуникационной структуры общества на качественно новую ступень. Благодаря появлению профессиональных писцов и чтецов речь, запечатленная на камне, звучит вновь и вновь для новых слушателей, для новых поколений слушателей. Упрочняются не только связи внутри поколения, но и связи между поколениями, возрастает прочность этнических традиций. Формируется этническая общность более высокого, чем соплеменность, уровня развития — народность.

По сравнению с племенем народность менее однородна по своей структуре уже прежде всего потому, что она разделена на антагонистические классы, а внутри них — на более мелкие социальные прослойки, различающиеся по своему общественному статусу. Соотношение между индивидуально-личным самосознанием и осознанием себя как части этноса в народности более дифференцировано. Зато на этом этапе уже бывают события, в которые вовлекается как соучастник весь народ, что мало характерно для соплеменности. Если отдельные племена могли легко примыкать к союзам иноэтнических племен и ассимилироваться с ними, то это не так легко для отдельной части народности. Но пережитки прежнего племенного деления могут сохраняться у народности на протяжении всего времени ее существования в виде этнографических групп (примером может служить грузинская народность в древности и средневековье).

В отличие от соплеменности ассимилирующее культурное и языковое влияние народности (а также сплоченного и высокоразвитого племенного союза) может проявляться не только путем непосредственного поглощения, включения в свой состав, сопровождающегося и физической ассимиляцией через брачные связи. Поскольку первые народности на раннем этапе своего развития находятся в окружении первобытной племенной периферии, они естественно становятся центром культурного и языкового влияния на эту периферию; на основе языка такой народности формируется язык политического и культурного общения не только окружающих племен с данной народностью, но и племен между собой. Именно таков в значительной степени мог быть путь китаизации некитайских народов Южного Китая, дравидизации аборигенных горных народов Южной Индии, именно так японизировались и вошли в состав формировавшейся японской древней народности многочисленные и разнородные айские и малайско-полинезийские племена Южной Японии, значительно превосходившие

по своей численности сравнительно небольшой союз протояпонских племен, переселившихся в Японию из Южной Кореи около VI—V вв. до н. э.

Народность является основной, ведущей категорией этнической общности для периода раннеклассового общества, рабовладения, феодализма, но наряду с ней на первобытной периферии продолжают существовать соплеменности и племена. Союзы племен мы не рассматриваем как этнические образования: как ясно из вышеизложенного, они должны рассматриваться как политические образования, играющие, однако, опосредующую роль при переходе от соплеменности к народности. В рамках народности, на субэтническом уровне, продолжают существовать этнографические группы, иногда сохраняющие формы племени, в особенности у народностей с кочевым и полукочевым укладом хозяйства (у туркмен, афганцев — до позднейшего времени).

В первобытном обществе адаптация иноплеменников и иноплеменных родов, при условии принятия ими культурных и социальных норм данного племени, была делом обычным. Легкость вхождения отдельного племени или рода в племенное объединение обуславливалась и легкостью выхода из него, этнические границы были сравнительно легко проницаемы, этничность — текучей.

В отличие от этого для ранней народности, формирующейся в среде первобытной периферии, характерно рассматривать свою территорию не только как центр мира, но и как его высшее достижение, вокруг которого располагаются отсталые и варварские племена. Подтверждение этого мы находим в воззрениях древних египтян, эллинов, китайцев и многих других народов. Пропускная способность этнической границы становится односторонней: народность ассимилирует окружающие племена, сама же она, кроме некоторых катастрофических случаев, в них раствориться не может.

Для этнической общности рабовладельческого (раннеклассового) и феодального периодов мы пользуемся единым наименованием «народность», поскольку по принятому нами основному критерию типологизации общностей — плотности информационных связей — между ними нет качественного различия. Однако различия в характере производственных отношений накладывают свой отпечаток на структуру народностей этих двух формаций. Впервые это обстоятельство было подробно проанализировано С. А. Токаревым⁴¹.

Рассмотрим, как вполне, на наш взгляд, правильно обозначил С. Токарев сущность рабовладельческой народности (не вполне удачно названной им «демос»). В феодальном обществе водораздел разных оттенков этнического самосознания проходит между незакрепощенными людьми и так или иначе закрепощенными производителями, соотносящимися с землей, а в дофеодальном — между лично свободными людьми и рабами, с землей не соотносящимися.

В рабовладельческой народности носитель этнического самосознания — слой свободных людей. Что же касается рабов, то они, хотя и включены в коммуникационную систему общества, но этнического самосознания лишены. Во-первых, значительная часть рабов происходит из чуждых этносов, путем покупки или захвата. Во-вторых, даже выходцы из данного этноса, если их порабощение полное, рассматриваются обществом как

отщепенцы, выброшенные из круга социальных, ритуальных, религиозных норм данного общества; а именно приобщенность к последним и определяет этничность как на племенном, так и на раннеклассовом уровне, где у каждого этноса — свои боги. Лишь когда раб получает возможность обзавестись семьей, минимумом хозяйства, т. е. когда его положение от рабского начинает сдвигаться к крепостному, можно говорить о начале его включения в этнос. Лишь постольку, поскольку с разложением рабовладельческих обществ процессы их социальной эволюции обычно развивались именно в направлении крепостничества, захват рабов сыграл определенную роль в этногенезе этих обществ.

Эпоха античности, эпоха становления могущественных государств и мировых империй, имела огромное значение для формирования этнической карты мира. В Древнем Египте и в Италии, на берегах Эгейского моря, в Закавказье, в долине Хуанхэ на смену мозаичному разнообразию племен пришли крупные, с однородной культурой этносы, сохранившие преемственность и непрерывность своего развития до наших дней. На примере древней Эллады можно видеть наиболее ясно те процессы, которые имели место в ходе формирования других народностей античности. Государственная власть здесь возникает первоначально в виде отдельных полисов, которые могли в течение длительного времени так и не слиться в единое государство. Но это не мешает формированию единой народности. Были различия в самосознании, культуре, диалекте, было острое соперничество между Афинами, Спартой, Коринфом и другими городами Эллады. Но и афиняне, и спартанцы, и коринфяне, милетцы, эфесцы, кимейцы и другие осознавали себя эллинами. Различия между ними были субэтническими различиями, и они постепенно стирались; большее значение имело то, что объединяло всех эллинов: олимпийские игры, общий пантеон, постепенно формирующееся общее разговорное наддиалектное койнэ⁴².

Древний Китай на протяжении многих веков своей истории бывал то единым государством, то распадался на отдельные царства, воевавшие между собой. Но этим этническое единство китайцев не прерывалось, однажды сформировавшееся самосознание оставалось нерушимым.

Древние народности, численно более крупные, более консолидированные и культурно развитые, чем племена и соплеменности их периферии, оказывали огромное влияние на эту периферию. С образованием таких народностей и центров цивилизации смыкается процесс образования историко-этнографических областей. Разумеется, области с выраженными этнографическими различиями (назовем их этнографическими областями) существовали и до образования народностей. Например, бесспорно, что аборигенная Австралия всегда представляла собой такую область. Но такие области, совпадающие с крупными археологическими культурами, были тесно связаны с ландшафтными ареалами и отражали локальный вариант определенного ХКТ, общего для ряда соседних соплеменностей, хотя бы и разнородных этнически. Выраженные историко-этнографические области, т. е. области, чье культурное своеобразие определялось уже в большей степени особенностями их индивидуального исторического пути развития и в меньшей степени — природно-географическими обстоятельствами, формировались под воздействием влияния цивилизаций наиболее

развитых народностей данного региона. Передняя Азия, Северо-Восточная Африка, Западное Средиземноморье, Балканско-Эгейский ареал, Южная Азия, Восточная Азия, Юго-Восточная Азия являют собой примеры наиболее древних крупных историко-этнографических областей.

Во времени сложения народностей и цивилизаций относится и появление зачатков этнографических знаний, т. е. попыток дать классификацию и описание народов определенного региона. Этноцентричность самосознания древних народностей, однако, мешала осознанию возникновения историко-этнографических областей: древние источники, будь то греческие или китайские памятники, основной удар делают не на общность, а на различие культурных черт варваров от культуры собственной народности. Характерна также тенденция рассматривать «варваров» обобщенно. В результате многие так называемые этнонимы, с которыми мы сталкиваемся в древних источниках, обозначают не столько этносы, сколько сборные наименования определенных хозяйственно-культурных общностей.

С другой стороны, соотнося данные археологии с данными этих источников, мы можем видеть, что там, где источники дают картину большой этнической пестроты, археологически перед нами вполне однородная культура, которая, таким образом, отражает на этом уровне историко-этнографическую область. Примером может служить черняховская культура, отражающая историко-этнографическую общность весьма разнородных этнических племен, культура которых, однако, стала однородной под влиянием соседней высокоразвитой римской цивилизации. В других же историко-этнографических областях, попавших под влияние римской цивилизации, таких, как Галлия или Иберия, такое влияние зашло гораздо дальше и закончилось почти полной романизацией местного населения, слиянием его с романской (двнеримской) народностью, которая прошла путь непрерывного роста от маленькой общины полисного характера до огромного этноса, охватившего половину Средиземноморья.

При своих огромных размерах этот этнос, однако же, был консолидирован очень слабо. Недаром писал о нем Ф. Энгельс: «исчезли все национальные различия... Римское государство... не выражало никакой национальности, а было лишь выражением отсутствия национальности»⁴³. На этом примере ярко выступает основная тенденция этнических процессов античности — тенденция к преобладающей широкой, но не глубокой этнической интеграции. Именно в античности сложились из конгломерата родственных и неродственных племен и мелких народностей раннеклассового типа многие крупные этносы, которые в дальнейшем либо продолжали свое существование вплоть до нашего времени, либо, распавшись на части, дали начало новым этносам средневековья. Таковы были древнеримский этнос, древний североиндийский этнос, греки, армяне, персы, китаяйцы и некоторые другие, стадильно однотипные им этносы. Эти этносы обычно довольно велики или даже очень велики по размерам; в то же время в силу еще слаборазвитой технологии коммуникаций их спаянность еще очень невелика, и в дальнейшем во многих из них может возникнуть и реализоваться тенденция к разделению на несколько более локально ограниченных этносов. В Древнем Риме и в Северной Индии эта тенденция в конечном счете реализовалась; в раннесредневе-

ковых Армении и Китае она не реализовалась, но на протяжении ряда веков была близка к реализации.

В Армении это выразилось в определенном самопротивопоставлении армянского населения Алуанка («Албанского марзбанства») VI—IX вв. остальному раннесредневековому этническому массиву армян. В Китае то же самое проявилось во взаимном культурном и политическом обособлении «южан» и «северян» в несколько более раннее время — в IV—VI вв.⁴⁴ Однако последующее этническое развитие как армян, так и китайцев привело к повторному сплочению их этносов уже на новой исторической основе.

- ¹ Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969. С. 11.
- ² Алексеев В. Н. Возникновение и эволюция гоминид // История первобытного общества. Общие вопросы. М., 1983.
- ³ Бунак В. В. Происхождение речи по данным антропологии // ТИЭ. 1951. Т. 16; *Он же*. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе // ТИЭ. 1966. Т. 92.
- ⁴ Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963.
- ⁵ Crombie D. L. The Group System of Man and Paedomorphosis // Current Anthropology. 1971. April. V. 12. N 2.
- ⁶ Тих Н. А. Предыстория общества (сравнительно-психологическое исследование). Л., 1970.
- ⁷ См., например, карту: Алексеев В. П. География человеческих рас. М., 1974; *Он же*. Возникновение и эволюция гоминид. М. 189—197.
- ⁸ Файнберг Л. А. О некоторых предпосылках возникновения социальной организации // СЭ. 1974. № 5; *Он же*. У истоков социогенеза. М., 1980.
- ⁹ Kummer H. Primate Societies. Chicago, 1976.
- ¹⁰ Фрейд З. Тотем и табу. М., Пг. (6. г.); Atkinson J. Primal Law // Lang A. Social Origins. London, 1903. Современное изложение этой гипотезы в советской литературе см.: Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 188.
- ¹¹ Как показано ниже, эти коллективы в среднем насчитывают около 25 человек.
- ¹² Семенов Ю. И. Становление человеческого общества // История первобытного общества. Общие вопросы. С. 352.
- ¹³ Вполне вероятно, что основная часть этих изменений произошла еще в рамках мустьерской культуры. Есть основания полагать, что мустьерские остроконечники хотя бы частично служили наконечниками копий и дротиков. См.: Любин В. П. Нижний палеолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970. С. 41; Семенов Ю. И. Становление человеческого общества. С. 367—373.
- ¹⁴ Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974; *Он же*. Проблема перехода от материнского рода к отцовскому // СЭ. 1970. № 5. С. 57.
- ¹⁵ Так, В. М. Массон, используя различные по методу вычисления М. И. Будыко и С. Н. Бибикина, принимает для охотничьей общины Мезивна на Украине, базировавшейся на охоте на мамонта, численность в 50 человек и минимальную площадь охотничьей территории в 750 кв. км. (следовательно, диаметр ее 30—35 км). Но следует помнить, что это — минимальные цифры, реальные же, очевидно, были несколько выше. См.: Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (по данным археологии). Л., 1976. С. 31.
- ¹⁶ Многочисленные примеры, иллюстрирующие это правило, можно найти в сборнике: Палеоэкология древнего человека. М., 1977. С. 8, 16, 40, 49, 96, 123, 133, 138, 152.
- ¹⁷ Этот термин, насколько нам известно, впервые был употреблен Г. П. Григорьевым. Однако в настоящей работе мы используем терминологический и полнотный аппарат, исходящий из концепции, предложенной нами с Н. Н. Чебоксаровым ранее (см.: Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. 2. М., 1972; *Он же*. Этнические процессы и информация // Природа. 1972. № 7). По этой концепции, племя представляет субэтническую категорию, входящую в более широкую этническую категорию — соплеменность, или группу родственных племен. То, что называет предплеменем Г. П. Григорьев, при такой постановке вопроса — скорее группа родственных предплемен. Ее, однако, не стоит называть «предсоплеменностью», ибо в отличие от соплеменностей на неолитическом

культурном уровне она, по-видимому, не могла иметь самосознания этнического содержания, и, следовательно, была не этническим, а чисто культурным явлением. Точку зрения Г. П. Григорьева см.: Григорьев Г. П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968.

- ^{17a} Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 250.
- ¹⁸ На Амвросиевской стоянке стадо зубров численностью около тысячи особей было уничтожено сразу в ходе загонной охоты при участии около ста загонщиков. Такое мероприятие, возможно, являлось результатом объединенных усилий предплемен. См.: Пудовичко П. Г. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности // КСИА АН УССР. Киев, 1953. Вып. 2. С. 65—67; Борисковский П. И. Палеолит Украины: историко-археологические очерки // МИА. 1953. № 40; Массон В. М. Экономика... С. 29.
- ¹⁹ По древним обществам примером может служить стоянка Стар-Кэпп. См.: Clark J. G. D. Excavation at the Star Carr. Cambridge, 1954; Isaac G. L. Traces of the Pleistocene Hunters // Man the Hunter. Chicago, 1968. О современных обществах охотников см.: Lee R. B. What Hunters do for a Living // Man the Hunter; Birdsell J. B. Some Predictions for the Pleistocene Based on Equilibrium Systems among Recent Hunter-Gatherers // Ibid.
- ²⁰ Steward J. M. Theory of Culture Change. Urbana, 1955.
- ²¹ Birdsell J. B. A Basic Demographic Unit // Current Anthropology. 1973. Oct. V. 14. N 4.
- ²² Противоположную точку зрения см.: Замятин С. Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // ТИЭ. 1951. Т. 16; см. также для сравнения: Формозов А. А. О времени и исторических условиях сложения племенной организации // СА. 1957. № 1; *Он же*. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
- ²³ См.: Толстов С. П. Проблемы происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика // КСИЭ. 1946. Вып. 1; Алексеев В. П. География человеческих рас.
- ^{23a} Старостин С. А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с еншейскими и северокавказскими языками // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. IV. Древнейшая языковая ситуация в Восточной Азии. М., 1984. С. 19—38.
- ²⁴ Chard Ch. S. North-East Asia in Prehistory. Madison, 1974. P. 10—11.
- ²⁵ Jelenc J. Neanderthal Man and Homo Sapiens in Central and Eastern Europe // Current Anthropology. 1969. Dec. V. 10. N 5. P. 475.
- ²⁶ Этот термин стал традиционным, несмотря на то что типологически относящиеся к этому времени культуры являются скорее мезолитическими, чем палеолитическими.
- ²⁷ Deceuy E. S. The Human Population // Scientific American. 1960. V. 203. P. 198; Nougier L. R. Essai sur le peuplement préhistorique de la France // Population. 1954. V. 9. P. 241—274. По данным этой работы Л. Нужье, население Франции в нижнем палеолите составляло 10 000, в верхнем палеолите — 50 000, в позднем палеолите (3000 г. до н. э.) — 5 млн. и в XX в. — 50 млн. человек. См.: также: Алексеев В. П. Демографическая и этническая ситуация // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988. С. 314—317.
- ²⁸ Крупиш И. И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера. Автореф. канд. дисс. М., 1977. С. 22.
- ²⁹ Бутинков Н. А. Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968. С. 76—77.
- ³⁰ Крюков М. В. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967. С. 146.
- ³¹ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. М., 1975. С. 19, 113.
- ³² Бутинков Н. А. Происхождение и этнический состав корейского населения Новой Гвинеи // ТИЭ. 1962. № 80; *Он же*. Этнолингвистические группы на Новой Гвинее // СЭ. 1962. № 3; Ленин В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970. С. 55—70; Barton R. F. Ifugao Economics // University of California Publication in American Archeology and Adjacent Arts and Sciences. Part 1. The Hague, 1974. P. 311; Hall E. T. Proxemics // Current Anthropology. 1968. V. 9. N 2. P. 83—108.
- ³³ Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. Introduction. Boston, 1969.
- ³⁴ Крайнов Д. А., Хогинский Н. А. Природные условия обитания раннеолитических племен лесной зоны Европейской части СССР // Палеоэкология древнего человека. М., 1977. С. 146.
- ³⁵ Chard Ch. S. North-East Asia in Prehistory. P. 119—120.
- ³⁶ Цицелаури К. Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии. XV—VII вв. до н. э. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1972. С. 126—127, 138—139.
- ³⁷ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации... С. 8—30.

³⁸ Hutterer K. L. An Evolutionary Approach to the South-East Asian Cultural Sequence // Current Anthropology. 1976. V. 17. N 2. P. 221—242.

³⁹ Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.

⁴⁰ Naaland G. Economic Determinants in Ethnic Processes // Barth F. Ethnic Groups. . . P. 58.

⁴¹ Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11.

⁴² Ю. В. Бромлей связывает возникновение эллинской народности «наряду с народностями, сложившимися в рамках древнегреческих государств-полисов», с возникновением общегреческих политических объединений (Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 277). Но эллинами считали себя и те, кто находился вне этих объединений, никогда не охватывавших всего своего этнического массива полностью.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. С. 146—147.

⁴⁴ Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. С. 280; Акопян А. А. Албания — Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987. С. 273—276.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ С НАЧАЛА НОВОЙ ЭРЫ ДО НАШИХ ДНЕЙ

В этой главе мы попытаемся дать наиболее общий очерк этнокультурных процессов за два тысячелетия, прошедших с начала новой эры до наших дней. Это время вместило в себя развитие и взаимную смену ряда общественно-экономических формаций: рабовладения, феодализма, капитализма и, наконец, социализма. Ниже мы будем следовать именно формационному принципу изложения, выделяя, однако дополнительно некоторые эпохи и ситуации, отличающиеся особым своеобразием протекающих в них этнокультурных процессов.

Здесь будут выделены этнокультурные процессы средневековья, т. е. периода, отмеченного всемирным господством феодальной формации; процессы эпохи Великих географических открытий, когда на заре капитализма, с началом европейской экспансии в страны Азии, Африки, Америки, их ход резко усложнился и видоизменился; процессы, связанные с формированием развитых буржуазных наций в эпоху капитализма; специфичные этнокультурные процессы, развертывающиеся в это же время и в наши дни в колониальных и зависимых странах и приобретающие дополнительную специфику с обретением ими независимости; и, наконец, этнокультурные процессы при социализме.

Время до новой эры и время новой эры — условные хронологические понятия, отсчитываемые от условной даты рождения Иисуса Христа. Они появились в мире, где христианство было доминирующей идеологией, и ничего иного первоначально не отражали. Грань между историей древнего мира и историей средних веков советские историки обычно проводят по дате падения Западной Римской империи; грань эта, впрочем, тоже условна, ибо генезис феодальных отношений, а значит, и основных признаков средневековья, начался во всемирном масштабе задолго до этого, в частности, и в недрах Римской империи. Тем не менее нельзя сказать, что понятие новой эры полностью лишено исторического содержания. Начало новой эры — это время начала интенсивного кризиса античного рабовладения, начала существенных этнокультурных сдвигов во многих регионах земного шара, время, переходное во многих отношениях. Начиная с него, процессы этнокультурного развития, формирования новых, более отчетливо выраженных и самоосознающихся по сравнению с древним миром этносов не только лучше документированы, но, по-видимому, и сами по себе отличаются большей интенсивностью, что и позволяет нам объединить их в рамках одной главы, как бы противопоставленной предыдущей.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

На рубеже нашей эры пояс античных цивилизаций, протянувшихся от Атлантического океана до Тихого, вдоль теплых и умеренных широт, являл картину явного преобладания тенденций этнической интеграции: население Римской империи говорило в основном на народной латыни и на греческом, в Индии распространялись индоарийские пракриты, расширилась зона китайского языка. Население античных империй осознавало себя прежде всего как подданных этих империй, а разные религиозные культуры и разные культурные тенденции, сосуществовавшие в их границах, причудливо переплетались, нигде не образуя замкнутых ареалов. Можно сказать, что на этих территориях образовалось несколько огромных по численности, не расчлененных четко на субэтнические подразделения, очень аморфных, рыхлых, слабо консолидированных народностей. Дальнейшие их судьбы сложились по-разному.

Консолидация китайского народа, хотя и не раз тормозилась, прерывалась, была под угрозой, но в общем продолжалась всегда и не вполне завершилась и сегодня¹. В Индии на окраинах индоарийского мира прошли интенсивные процессы дифференциации, образования новых отдельных народов, но в центре, в долине Ганга, в области языка хиндустани, рыхло-аморфная ситуация того времени практически дожила до наших дней².

В Европе черты этнической дифференциации проявились наиболее четко. Так или иначе, но практически во всем цивилизованном мире того времени первое тысячелетие нашей эры было временем рождения большинства современных народов. Переломным периодом здесь были III—V века, века перехода от античности к средневековью. Переход этот был подготовлен глубоким внутренним кризисом античного рабовладения, но именно в эти века ему способствовали и многие приводящие, еще не вполне изученные обстоятельства, начиная от климатических сдвигов, вызвавших огромные переселения степных кочевников, затронувшие так или иначе все античные империи, и кончая изобретением стремя и жесткого седла, позволившими перейти от массовой, лавинной тактики конного боя к действию небольшими группами всадников. Так или иначе, но на смену крупным латифундиям пришло парцеллярное крестьянское хозяйство, ставшее основой средневекового феодального общества, а на смену мировым империям — эпоха феодальной раздробленности и междуусобиц. В разных частях мира эти процессы происходили с разной выраженностью и интенсивностью, но происходили они везде.

Карты этого периода пестрят стрелками, показывающими огромные передвижения народов в разных направлениях, по всей Азии, Европе и Северной Африке (об остальной Африке мы просто меньше знаем, но там они происходили тоже). Передвигаются гунны, эфталиты, аланы, славяне, остготы, вестготы и десятки других народов, на месте распавшихся империй образуются и перекомбинируются раннефеодальные государства. Возникают государства и в областях прежней варварской периферии античных цивилизаций. Эти государства имели, в особенности в начале своего существования, весьма пестрый этнический состав, границы их часто менялись, но в пределах более постоянных культурных и экономических

областей, в пределах приобретающих более или менее политическую стабильность государств шел интенсивный процесс формирования новых народностей.

Процессы дифференциации и интеграции, дробления и стяжения опять-таки проходили бок о бок; древнеримская народность, распавшись, дала начало не только испанцам, португальцам, французам, итальянцам, румынам, не только таким более малым народностям, как каталонцы, фриулы, галисийцы, но и ныне уже не существующим народностям, таким, как провансальцы, сицилийцы или кастильцы; сегодня эти группы существуют лишь как этнографические подразделения в составе французов, испанцев, итальянцев, но эти крупные нации сложились лишь после консолидации таких мелких средневековых народностей. И не только их: в состав итальянцев влилась лангобардская народность (позднее ломбардцы), в состав французов — бургундская, т. е. романизированные, но германские по происхождению народы, да и само имя французов происходит от германского племени франков; имела период самостоятельного существования и нормандская народность на севере Франции, сложившаяся путем смешения романоязычного населения и скандинавов-норманнов.

Не только германские, но и многие другие племена приняли участие в формировании нынешних французов, итальянцев и испанцев: помимо вестготов, вандалов, лангобардов, бургундов, норманнов, там были и аланы, и баски, и арабы. В каждой из отколовшихся частей Римской империи шел интенсивный синтез, сплавление местных и пришлых элементов.

Такого же рода процессы шли в то время не только в романском мире, но и в Восточной Европе, в Южной и Восточной Азии и в других регионах. Все же преобладали тенденции образования мелких этнических единиц. Это и понятно. При натуральном хозяйстве крестьянства, составлявшего более 90 % населения, отсутствии широких рыночных связей большая часть коммуникаций замыкалась в пределах общин и их местных групп, связи между отдельными небольшими районами были крайне слабыми. Конечно, существовало чувство единства политических и социальных судеб в рамках одного государства, в других случаях — ощущение единства происхождения, восходящее к древним соплеменностям. Но местное, бургундское, провансальское или нормандское, баварское или саксонское, гиланское или мазандеранское самосознание долгое время оставалось сильнее ощущения общепольского или общенемецкого или общеиранского единства.

В аналогичных условиях произошло и разделение древнерусского единства на украинскую, белорусскую, великорусскую общности. Потребовалось длительное развитие экономики, городов, общего рынка, торговли, ремесла, чтобы только в позднем средневековье сложились фундаменты будущих буржуазных наций. На протяжении же всего раннего средневековья преобладали тенденции этнической дробности, и временные крупные политические объединения, подобные империи Карла Великого или монгольской империи Чингисхана, эти тенденции изменить не могли, они лишь дополняли их все новыми и новыми передвижениями масс населения, приводившими к усложнению процессов смешения в разных конкретных этнических районах. Этносы, первоначально состоявшие из племен, такие, как тюркский, монгольский, славянский, распространяв-

шиеся из первоначально ограниченных пределов на обширные новые территории, на этих новых землях обособлялись, смешивались с местным населением и давали начало новым народностям. Пожалуй, только арабскому этносу, распространившему арабский язык и культуру от Месопотамии до Западной Африки, удалось в большей степени удержать свое единство, хотя определенная дифференциация, конечно, и тут имела место.

Показателен в этом отношении пример болгар³. Южные славяне, переселившиеся в низовья Дуная, встретили здесь смешанное население, среди которого преобладали фракийцы. Славянский язык быстро вытеснил фракийскую речь, но многие черты местной культуры остались и дожили до наших дней. Затем здесь появились перекочевавшие из донских степей болгары, народ тюркского происхождения. На некоторое время установилась власть болгарских ханов, и все население приняло новый этноним (название народа), но помимо этого болгары передали местному населению лишь несколько слов или еле уловимых черт культуры и физического облика, растворившись почти бесследно. Затем немалую роль в изменении болгарской культуры и речи сыграло османское завоевание, но и оно не смогло изменить их славянскую основу.

Таким образом, нынешние болгары — это народ славянский по своему основному языковому и культурному достоянию, но с хорошо прослеживаемым фракийским субстратом (подслоем), с очень тонким болгаро-тюркским суперстратом (наслоением) и с существенным турецизм адстратом (включением), не говоря уже о греческих и иных вкраплениях, которые тоже имели место в его этногенезе.

Точно так же современные азербайджанцы — народ со смешанным иранско-дагестанским (от средневековых азер и албанцев) субстратом, с тюркским основным достоянием и опять-таки многими другими, менее значительными включениями. Даже столь древние и сугубо автохтонные народы, как армяне или грузины, имеют в своем этногенезе огромное количество субстратных, суперстратных, адстратных элементов. В этногенезе каждого народа сочетаются как автохтонные черты, так и черты, привнесенные миграциями, смешениями. Иногда, как у басков, резко преобладают автохтонные черты, иногда же, как у ногайцев, черты пришлого населения. Однако абсолютно автохтонных народов, так же как и чистых мигрантов, практически не бывает. Те и другие элементы всегда находятся в сложном сплетении и смешении, и время, когда эти процессы смешения проходили особенно интенсивно, для большинства этносов современности (в Старом Свете) — эпоха средневековья.

Следует отметить (вслед за С. А. Токаревым) одну из особенностей средневековых феодальных народностей, которой они отличаются от классических античных рабовладельческих «демосов». В «демосах» рабы составляли чуждый этнически элемент. В феодальных народностях основное трудящееся население крестьяне, является и основным носителем этнических черт, этнического сознания, этнической специфики. Этнически специфичная культура феодальных народностей — это прежде всего и главным образом крестьянская культура. Что касается правящего класса феодалов и вообще верхушечных слоев той эпохи, то они в значительной степени деэтнизированы, космополитичны. Недаром языком их верхушечной культуры долгое время выступают не народные языки, а искус-

ственно отшлифованные, непонятные народу мертвые языки: в Западной Европе — книжная латынь, в Восточной Азии — древнекитайский вань-янь, в Южной и Юго-Восточной Азии — санскрит. И даже там, где, как в Иране или Закавказье, используются свои традиционные языки, все равно между пропитанным искусственными нормами языком верхушки и языком народных масс лежит пропасть. Об отдельных представителях, семьях, династиях класса феодалов часто трудно и просто невозможно сказать, к какому этносу они принадлежали. Опять-таки преодоление этой феодальной космополитичности, рождение национальной идеологии связаны с развитием буржуазных отношений, с укреплением центральной абсолютной власти, т. е. с поздним средневековьем, концом его.

Сложные формы взаимодействия народов, характерные для этой эпохи: войны, конфликты, переселения, завоевания, контакты, союзы, частые перемены политических границ — имели своим результатом дальнейшее оформление и развитие крупных историко-этнографических провинций, в пределах которых народы, этнически не обязательно родственные, приобрели многие сходные черты культуры. В плане языковом эти процессы привели к формированию т. н. языковых союзов (лучше всего изучен балканский языковый союз)⁴, т. е. областей, где языки, отнюдь не состоящие в близком родстве, приобретают очень сходные типологические черты в грамматике, синтаксисе, фонетике (например, греческий и болгарский, кхмерский и сиамский)⁵.

Типичной этнической общностью средневековья была, как мы видим, феодальная народность. Но в рамках этнической территории большинства таких народностей, в особенности на периферии этих территорий, в контактных зонах родственных народностей существовали довольно расплывчатые территориальные субэтнические общности, этнографические группы и подгруппы. Обособлению таких групп способствовало то обстоятельство, что продолжающийся этногенез народностей мог вовлекать разные компоненты в разных частях их территорий, вследствие чего пути этнического пополнения, скажем, северной и южной частей одной народности (русских, итальянцев, китайцев) могли существенно отличаться. Это открывало пути дальнейшей этнической дифференциации, которая затем либо была преодолена последующей национальной консолидацией (как у русских), либо, в иной политической обстановке, вела к обособлению новых народностей (так разделились голландцы и фламандцы). Другим крупным народностям, как, например, китайской, удалось сохранить, несмотря на феодальные междоусобицы, свою целостность со времен античности на протяжении всего средневековья, но тем не менее далеко зашедшая в те времена дифференциация локальных культурных и диалектных особенностей ощущается у них до сих пор.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

XI—XIV века были эпохой налаживания культурных связей и обмена между Востоком и Западом Старого Света. Крестовые походы, монгольские и османские завоевания, какие бы разрушения и кровопролития они ни несли народам, способствовали их взаимному ознакомлению

с достижениями друг друга, расширяли культурный кругозор жителей как Запада, так и Востока. Нет надобности говорить о заслугах таких путешественников, как Рубрук и Марко Поло. Менее известны китайские экспедиции той эпохи, достигнувшие берегов Африки, труд множества неизвестных арабских лоцманов, освоивших просторы всего Индийского океана, а ведь без их карт и лоций португальские мореплаватели вряд ли могли бы так успешно открыть их для себя.

Запад с удивлением познавал Восток и видел, что в ряде отраслей культуры там есть чему поучиться. Восток познавал и Запад и сам себя. Эпоха Великих географических открытий (ВГО), начавшаяся со второй половины XV в., отнюдь не была делом двух — трех талантливых испанских и португальских флотоводцев. Ее экономическая база была заложена долгим и подспудным развитием торговли, купечества, первоначального накопления капитала, а в создании ее научно-технической базы приняли участие многие народы Запада и Востока.

В развитии этнических процессов на всем земном шаре эпоха ВГО сыграла исключительно важную, революционную роль, сопоставимую по своей значимости с неолитической революцией и возникновением классового общества. С этого момента крупные перемещения населения, ветвление народов, стали совершаться не только в пределах отдельных континентов и морских бассейнов, но и по всему океаническому пространству. Резко сократилось число и размеры изолированных областей, уменьшилась степень их относительной изоляции. Большая, основная часть мира превратилась в единое взаимосвязанное целое, начали оказывать друг на друга влияние этносы и этнические процессы самых отдаленных уголков земли. Сеть культурно-этнических взаимосвязей стала обще-земной, глобальной.

Косвенно или опосредственно результаты ВГО сказались повсюду. Даже на нагорьях Новой Гвинеи, куда европейцы не попадали вплоть до XX в., вывезенный из Америки и проникший туда корнеплод батат вызвал существенные изменения в хозяйстве, а следовательно, и в темпах социального и культурного, этнического развития. Но наиболее драматические изменения в ходе этнических процессов ВГО повлекли за собой в странах Нового Света, а позже в Австралии и некоторых других районах Земли. На огромных пространствах этих стран, вытесняя и истребляя местных жителей, основным населением стали европейцы — выходцы из Испании, Португалии, Франции, Англии и других стран Европы. Для работы на своих плантациях они ввозили огромное количество рабов-негров из Африки, а в более позднее время и в других районах мира использовались законтрактованные рабочие, тоже по существу полубрабы — индийцы и китайцы. В местных масштабах насильственная вербовка рабочей силы также вела к значительному перемещению и перемещиванию населения практически во всех ставших колониями странах. Менее интенсивным было шедшее в это время расселение арабов, а кое-где и их африканских невольников по побережьям Индийского океана, но и оно оставило дошедшие до наших дней этнографические группы в Африке, Индии, на Шри-Ланке, в Индонезии и Южном Китае.

До сих пор даже при контактах с мигрантами из далеких районов вступавшие во взаимодействие и смешение этнические компоненты

не были столь абсолютно различными по расовому типу, столь чуждыми друг другу по культуре. А сейчас в пределах одного небольшого поселения где-нибудь в Бразилии или Виргинии могли рядом жить местные жители-индейцы, европейцы и негры-африканцы, выходцы и уроженцы трех разных континентов, носители совершенно непохожих культур. Конечно, процессы взаимодействия и смешения немедленно начинались, как правило, и здесь, но они были гораздо сложнее, чем прежде. Колониальные владения европейских государств, возникшие вслед за ВГО, можно условно подразделить на два типа по характеру эксплуатации — интенсивной и экстенсивной. В интенсивно эксплуатируемых колониях большинство продолжало составлять местное население, колонизаторы и сопутствующие им элементы (типа китайской торговой прослойки в странах ЮВА или индийской в странах Восточной Африки) были сравнительно малочисленны. Но такие колонии стали преобладать уже позже, в XVIII—XIX вв. В XVI—XVII вв. эксплуатация была в основном экстенсивной, что, как правило, означало переселение в новую колонию большого числа колонизаторов, а также чаще всего и их невольников. Местное население либо оставалось жить чересполосно с пришельцами, либо в некоторых случаях полностью истреблялось, но почти нигде не оставалось абсолютно преобладающим.

Чем сложнее был этнический состав колониальных поселений, тем четче отмечалось в них совпадение этнического и расового деления с классовым: испанец или португалец — значило хозяин, негр — раб, индеец — крепостной. А так как хозяева повсеместно превращали своих негритянок — рабынь или закрепощенных индейцев в своих наложниц, то очень скоро появилась и прослойка людей смешанной крови — метисов и мулатов. В ряде случаев и за ними затем закрепляется своя социальная роль: скажем, у метисов роль посредников между белыми горожанами и индейским крестьянством. Социальные конфликты и вражда начинают тесно ассоциироваться в сознании людей с расовыми различиями, и возникает такое явление, как расизм⁵.

В условиях такого сложного, пестрого, полиэтнического общества начали формироваться новые этносы, каких еще не знала история: бразильцы, перуанцы, мексиканцы, американцы, канадцы. В таких этносах, как кубинцы или бразильцы, присутствуют самые разные антропологические типы: европеоиды, негроиды, метисы, мулаты, есть разные названия для разных степеней смешения, но эти расовые типы не образуют четких субэтнических общностей, как не образуют их, скажем, люди лысые или рыжие. Но в других обществах — в современных США, в ЮАР, на о. Маврикий — внутри общества с более или менее единым языком и материнской культурой условно понимаемые расовые деления определяют существование обособленных субэтнических подразделений. Разграничены потомки испанцев (т. н. креолы или латино), метисы и индейцы, даже перешедшие на испанский язык, во многих странах Латинской Америки. Американское (или англосаксонское) «белое» общество сплавлено из выходцев из разных стран Европы, но в то же время есть в нем как группы с неполной ассимиляцией, так и группы, сохраняющие свою этническую обособленность. Конечно, такая ситуация складывалась в течение многих веков после ВГО и продолжала складываться даже

в XX в., но начало этим процессам, условия для их развития были созданы этнической ситуацией, непосредственно вытекающей из факта ВГО.

Русский народ участвовал в ВГО наравне с другими крупными европейскими народами, но его землепроходческая активность была направлена в другую сторону, на освоение пространства Сибири и Арктики в XVI—XVII вв., а затем и на открытие Америки со стороны запада. В процессе колониального освоения Сибири и Севера здесь также происходили процессы этнического смешения, сложились своеобразные метисные и переселенческие группы населения, которые, однако, не обособились в отдельные этносы.

Специфика образования новых этносов в эпоху ВГО и вслед за ней наблюдается в ряде черт. Раньше с отделением нового этноса рождался и новый язык. Народная латынь была более или менее однородным языком, но испанский, каталонский, французский, румынский — это все разные языки. Кубинцы, мексиканцы, перуанцы отличаются по культуре от испанцев гораздо больше, чем каталонцы, но язык у них тот же, испанский, лишь с очень небольшими отличиями. До эпохи ВГО, как правило, рождение новых этносов на основе смешения старых означало исчезновение старых. В состав испанцев вошли иберы, финикийцы, вестготы, вандалы, аланы и часть древнеримской народности; эти же народы в разных сочетаниях вошли в состав других народов, но сами они нигде не сохранились. С наступлением эпохи ВГО отпочкование дочерних этносов от материнского не нарушает преемственности его бытия. Франкоканадцы осознают единство языка и происхождения с французами, англоканадцы — с англичанами, африканеры (буры) — с голландцами, хотя, конечно, в состав африканеров вошли не только голландские переселенцы, но и немцы, и французы-гугеноты, и другие переселенцы.

Ассимиляция, или поглощение одним этносом другого, может происходить по-разному. Так, в процессе этногенеза болгар, когда происходила ассимиляция фракийцев южными славянами, она протекала на всей территории будущей Болгарии, где те и другие племена жили чересполосно. Иначе происходила и происходит ассимиляция гаошань — аборигенов о-ва Тайвань (индонезийских по языку) китайцами. Китайцы появились на этом острове много веков назад, сперва только на побережье. Затем образовалась концентрическая схема: в центре, в горах живут гаошань, сохраняющие свою племенную структуру. Вокруг их территории лежит территория метисного населения (пинлу), потерявшего племенную структуру и перешедшего на китайский язык, но еще не осознающего себя китайцами, а вокруг них на прибрежных равнинах — китайская территория. При этом территория окитаившихся гаошань сужается под влиянием окончательной ассимиляции, а территория племенных гаошань сужается под натиском постепенного аккультурационного окитаивания.

Подобное же постепенное продвижение этнолингвистической границы, точнее, не границы, а зоны этнического смешения и ассимиляции, наблюдается на п-ове Бретань при переходе на французский язык бретонцев и в других местах. Такое различие типов смешения может быть проведено не только в географическом пространстве, но и в социальном. Так, в Малайзии малайцы и китайцы живут почти повсюду череспо-

лосно. Однако смешения между ними почти не происходят. Лишь в ряде мест очень небольшая прослойка метисов «баба»; детей китайцев, женатых на малайках, заключает браки как с малайцами, так и с китайцами, и через ее посредство часть китайцев малаизируется, но процесс этот идет крайне медленно. В ЮАР прослойка «капских метисов», потомков от связей голландских поселенцев с женщинами-готтентотками, хотя живет смешанно и с европейцами и с африканцами, но в социальном пространстве отделена и от тех и от других, браки заключаются только в своей среде; это зависит, конечно, и от официальной расистской системы апартеида. Столь же замкнутые прослойки составляют «евразийцы» в Индии, «бюргеры» на Цейлоне.

А вот в странах Латинской Америки, таких, как Бразилия, прослойка мулатов явилась инструментом образования единого бразильского этноса. Официальные браки между «настоящими» белыми и «чистыми» неграми были, да и по сей день остаются, относительной редкостью, но раз сложившись, мулатская прослойка одной гранью контактирует с «белым» населением, другой — с негритянским, приводя ко все большему смешению физического типа этноса, наступая на «чисто негритянские» континенты, приобщая их к общебразильской культуре.

Аналогичные процессы имеют место и в других местах. Так, на русском севере в конце XVIII—XIX в., ижемская группа народа коми, во многом воспринявшая русскую культуру, частично перешла к оленеводству и стала кочевать чересполосно с ненцами. В социальном пространстве образовалась группа смешанного коми-ненецкого («колвинского») населения, которая одной гранью все более комизировалась, другой — захватывала все больше ненцев в свой состав, способствовала переходу ненцев на язык коми, их ассимиляции населением коми.

Такого рода промежуточные, переходные, метисные группы характерны для этнических процессов, разворачивающихся как в географическом, выражаемом на карте пространстве, так и в социальном пространстве, которое можно выразить только диаграммой. То и другое стало специфично для эпохи, последовавшей за ВГО, когда в этническое соприкосновение стали входить народы с далекими хозяйственно-культурными и антропологическими типами, когда развернулась колониационная активность народа с более высоким уровнем экономического развития за счет народов, у которых этот уровень был ниже.

Результаты ВГО, как мы видим, привели к рождению новых этносов смешанного происхождения или ответвившихся от своих материнских этносов. Менее известна разделительная роль, которую сыграла европейская колонизация в ряде колониальных и зависимых стран. Речь идет здесь не о делении этносов на части колониальными границами, результаты чего начали ощущаться лишь в новейшее время, главным образом в XX в.; речь идет о том, что уже в раннесредневековую эпоху, с распространением индуизма, буддизма, черт индийской и китайской материальной и духовной культуры в странах Южной и Юго-Восточной Азии обитавшие здесь народы разделились на прибрежные, равнинные, испытывавшие это влияние, и горные, почти его не испытывавшие.

Европейское проникновение, будь то в форме прямого порабощения или только лишь торговой эксплуатации, также затронуло на первых

порах почти исключительно прибрежные, равнинные народы, усугубило, закрепило и способствовало оформлению того разрыва между равнинными и горными этнически близкородственными народами, который до этого только намечался. Резче всего такие разделительные процессы обозначились на Филиппинах. Но они проявились также во Вьетнаме, Сиаме, Бирме, некоторых районах Индии и других странах.

Начиная с эпохи ВГО неравномерность темпов развития разных районов Земли резко увеличилась, и это касается также процессов этнического развития. У одних народов темпы консолидации и экономического развития ускорились, другие же были заторможены и даже отброшены назад с уровня раннеклассового общества и сложения народности на первобытный, племенной уровень. Это касается многих групп таких индейских народов, как майя, кечуа и др., гондов, бхиллов и других малых народов Индии, ряда народов Индокитая, наконец, многих народов Африки.

Как мы видим, для многих народов Земли ВГО имели очень тяжелые, а для некоторых — и просто катастрофические последствия, некоторые народы, как андаманцы, тасманийцы, были полностью или почти полностью уничтожены, другие, хотя и продолжали существовать, но оказались поставленными в очень неблагоприятные условия, терпели неопишуемые бедствия. Но в целом, для всего человечества, ВГО имели огромное прогрессивное значение. Ставшая отныне общемировой сеть этнических коммуникаций не просто связала между собой отдаленные народы. Несмотря на проявления расизма и расовой вражды, в борьбе с ними в умах прогрессивной части человечества, в трудах таких великих гуманистов, как Лас-Касас, начала формироваться идея о едином человечестве, о месте, которое занимают в этом человечестве самые разные народы, о вкладе каждого народа в общечеловеческое достояние. Ушли в прошлое древние сказки о людях с песьими головами и одной ногой. Человечество осознало, что люди разных народов, при всех различиях их культуры, тем не менее такие же люди, а жизнь многоэтнических обществ практически показала, что нет никаких природных преград и пределов их сотрудничеству, взаимодействию и слиянию.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ БУРЖУАЗНЫХ НАЦИЙ В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА

С вступлением общества в историческую формацию капитализма связаны как социальные и культурные, так и технические и экономические сдвиги. Хотя они все взаимосвязаны, но связь эта сложна и опосредована, так как сдвиги эти происходят не одновременно и не всегда в одинаковой последовательности, однако в конечном счете все они с неизбежностью реализуются, хотя в разных странах по-разному: ведь и между современными развитыми капиталистическими странами имеются существенные различия и в общественном устройстве, и в развитии экономики, и в технической вооруженности. В области этнических процессов эти сдвиги дают суммарный результат, все вместе способствуя очередному повышению уровня плотности внутриаэтнических коммуникационных свя-

зей. Этот третий уровень плотности внутриаэтнических связей, более высокий по сравнению с предыдущими уровнями (племенной группы и народности), соответствует высшей форме существования этнической общности, а именно нации.

В современном мире существуют две формы наций, буржуазные и социалистические, причем последние отличаются более высоким уровнем этнической консолидации, чем первые, но здесь пока мы рассматриваем исключительно процесс формирования буржуазных наций. Переход от уровня народности к уровню нации связан с формированием единого национального рынка, усложнением и ростом сети внутринациональных экономических связей, распространением грамотности и образования (хотя бы частично, хотя бы начального) в среде трудящихся масс, с формированием национального литературного языка и прессы. Очевидно, что все эти качества, которых средневековые феодальные народности не имели, и переход от уровня такой народности к уровню буржуазной нации представляют собой существенный качественный скачок.

Однако понятно, что скачок этот происходит не в один день, а реализуется постепенно, в течение многих десятилетий, а иногда и целого столетия. Поэтому конкретная временная привязка эпохи становления той или иной нации в каждом случае может быть дискуссионна и всегда требует специального исследования. Можно сказать, что ряд стран Западной Европы вступили на этап формирования наций в XVII—XVIII вв., хотя предпосылки этого процесса имелись уже в XVI в. Имелись они в это же время и в России, где, как теперь известно, и торгово-буржуазные отношения, и массовая грамотность были весьма развиты, особенно в Новгородской республике, но в силу ряда внешних и внутренних факторов процесс сложения буржуазной нации в России затянулся по сравнению со странами Западной Европы и завершился лишь в XIX в.

В начале XIX в. можно уже говорить как об исторической реальности о существовании американской и японской наций, что же касается других азиатских стран, даже наиболее развитых и независимых, как Китай или Турция, то здесь о формировании буржуазных наций можно говорить лишь ближе к концу XIX в. В это же время складывается ряд буржуазных наций в пределах Российской империи — грузинская, армянская, азербайджанская, латышская, эстонская и ряд других. Другие нации, такие, как вьетнамская, кхмерская (кампучийская), сложились уже в начале или даже в середине XX в., а некоторые, такие, как лаосская или индонезийская, очевидно, сейчас еще находятся в процессе своего формирования⁶.

Нация может сформироваться на основе одной народности, как у шведов, или нескольких, как в XVII—XVIII вв. французская нация сформировалась из северофранцузской, провансальской, нормандской, гасконской, бургундской народностей, или в наши дни индонезийская нация формируется из яванской, сундской, мадурской и других народностей. Слово «нация» древнее, и его употребление, и даже представления о национальном единстве могут сильно опережать сам феномен нации, как мы себе его научно представляем. Так, все средневековые Священная Римская империя именовалась «Империей германской нации», хотя сложение немецкой нации оформилось скорее всего лишь в ходе наполео-

новских войн (именно тогда, когда эта империя окончательно распалась).

Разные народности и другие мелкие группы, вошедшие в состав нации, некоторое время могут остаточено существовать в ее рамках в качестве этнографических групп, например провансальцы среди французов, казаки среди русских, тушины, хевсуры и мегрелы у грузин, долго сохраняя свои диалектные и культурные особенности, но в целом для наций характерна тенденция к полной ассимиляции, к растворению этнографических субэтнических подразделений. Однако и в эпоху капитализма наряду с буржуазными нациями продолжают существовать и буржуазные народности. Но в новое время народности обязательно выступают в состоянии ассоциированности с какой-либо более крупной нацией. В этом случае тот объем коммуникаций (семейно-бытовых, традиционно-культурных, художественных), который определяет эту народность, продолжает оставаться на типичном для народности уровне и осуществляться на языке этой народности, тогда как дополнительный объем коммуникаций, характерный именно для наций, т. е. общественно-политических, экономических, научных, технических задач и связей, осуществляется в более широких, чем данная народность, рамках, в рамках той нации, с которой она ассоциирована, и на языке этой нации. Так, с английской нацией ассоциирована уэльсская народность, с французской — бретонская и эльзасская народности, с итальянской — фриульская народность и т. д.

В таких же отношениях ассоциации могут выступать не только отдельные народности, но и достаточно крупные национальные группы. Так, скажем, украинцы в Канаде, мексиканцы в США, японцы в Бразилии представляют собой не части соответствующих наций, украинской, мексиканской, японской, так как с ними они уже не имеют общности социально-исторической судьбы и экономических связей, а инациональные группы, ассоциированные с господствующими нациями данных стран: англоканадской, американской, бразильской.

Нация однороднее народности еще и в том отношении, что в ней отмирают сословные деления, а классовая структура упрощается, поляризуется, причем линии классового размежевания отнюдь не всегда совпадают со старыми сословиями. В эпоху буржуазных наций формируется обще-европейская городская модель культуры, имеющая тенденцию стать общемировой.

В эпоху мелких феодальных народностей крестьянину не приходилось задумываться над проблемой своей этнической принадлежности: она была как бы вынесена во вне его, в его одежду, его жилище. Для англичанина немислимо было одеть шотландский костюм, так же как для немца — венгерский или польский, да и в рамках одного народа по деталям костюма, орнамента, головного убора безошибочно определялась группа, местность, сословие, клан их носителя. Теперь же в условиях этнически обособленной общегородской культуры признаки этнической принадлежности перемещаются преимущественно во внутренний мир человека, в его системы ценностей и ориентаций, становятся все более осознанными и соответственно несут большую смысловую нагрузку.

Этническая разграниченность, размежеванность по крупным, достаточно однородным этническим массивам в классической форме буржуазных наций достигает, пожалуй, своего наивысшего уровня. Это, разумеется,

связано и с настроениями национализма, свойственными буржуазии, стремлениями эксплуатировать свой национальный рынок сбыта и рабочей силы, оградить его от чужих поползновений.

Хотя в повседневной речи во многих языках понятия «нация» и «государство» отождествляются (например, Организация Объединенных Наций), но это отнюдь не одно и то же. Мы уже говорили, что в рамках одного государства (как Франция) может существовать нация, ассоциированные с ней народности (бретонцы, эльзасцы), инациональные группы (алжирцы, итальянцы), такие своеобразные меньшинства, как евреи, цыгане и т. д. Польская нация, очевидно, существовала уже тогда, когда территория Польши еще была разодрана на части границами России, Германии и Австро-Венгрии. В то же время в последней в рамках одного государства существовали нации австрийцев, чехов, венгров, хорватов и других народов. Но это особые случаи, и показательно, что долго эти объединения продержаться не смогли. В целом явления нации и государства взаимосвязаны, и нация, коль скоро она сложилась, тяготеет к созданию своего государства, если его у нее еще нет, а государство, коль скоро оно обрело стабильные границы, становится важным фактором сложения внутри него нации.

В современных буржуазных нациях продолжают действовать ассимиляционные тенденции. Меньшинства кастово-сословного, этнического, этнографического типа и происхождения, например шотландцы, ирландцы, уэльсцы в США, Канаде или Австралии, индийцы различных каст в странах Карибского бассейна, китайцы различных этнографических групп в Сингапуре, сравнительно быстро теряют свою групповую обособленность, которую сохраняли на своей коренной этнической территории, или во всяком случае осознают и демонстрируют ее гораздо менее отчетливо. Здесь действует общая тенденция сплавления нового этносоциального организма, часто декларируемая под лозунгами типа «плавильного тигля» и становящаяся в такой форме идеей, имеющей официальное государственное признание, тем более что буржуазное государство, как правило, стремится сгладить социальные конфликты, легко принимающие националистическую форму, лозунгом «единой нации», «единства» ее интересов. В этом процессе ассимиляции обособленных групп играют большую роль новые факторы, характерные именно для уровня нации, такие, как средства массовой информации, развитая система образования, государственный пропагандистский аппарат. Еще более важную роль играют экономические факторы: развитие промышленности, отток населения из села в город и сопряженное с ним распространение городских ценностей и форм культуры на селе.

Однако в условиях буржуазного общества эти ассимиляционные процессы, как правило, никогда не проходят гладко и безболезненно. За редкими исключениями, любое меньшинство уже в силу того, что оно меньшинство, неизбежно подвергается определенной дискриминации, сталкивается с пренебрежительным отношением к характерным для него языковым и культурным особенностям. Поэтому на протяжении всего того времени, пока однажды начавшийся процесс ассимиляции не завершится, его групповая психология отмечена т. н. чертами «маргинальности», т. е. самоощущения на стыке двух культур. Одна из них, исконная,

воспринимается как престижно низкая, другая, приобретаемая, оценивается престижно высоко, но осознание неполной приобщенности к ней вызывает комплекс неполноценности. Поэтому тяготеющие к ассимиляции меньшинства, такие, как бывшие парии «эта», айны, рюкюсцы в Японии или лопари (саамы) в Норвегии, там, где это возможно, стремятся скрыть и сгладить свою специфику, стремятся к возможно полной ассимиляции, так как большинство традиционно относится к ним с предубеждением.⁷ Даже бретонская или эльзасская специфика вне своего родного края прочими французами будет восприниматься как провинциализм. Поэтому специфическим группам не только навязывается ассимиляция извне, но они сами вынуждены к ней стремиться.

Однако в тех случаях, когда становится ясно, что ассимиляция невозможна или не дает желаемого результата, в новейшее время в среде буржуазных наций наблюдаются обострения межэтнических конфликтов, тенденции к размежеванию, к возрождению национальной специфики групп меньшинств. Таковы были конфликты между фламандцами и валлонами в Бельгии, с требованием заменить общепольские институты (где доминировали валлоны и французский язык) на четко равные валлонскую и фламандскую части. Таково усиливающееся самосознание негритянских, мексиканских, индейских, японских и других групп в США, для которых в прошлом были характерны сознательное стремление и иногда даже реальная тенденция к полной, казалось бы, ассимиляции.

Усилившиеся миграции рабочей силы вносят в межэтнические отношения новые аспекты. Английская нация более или менее успешно ассимилировала приток беженцев из Европы в годы второй мировой войны, среди которых были евреи, немцы-антифашисты, поляки и др. Но в настоящее время в Англии имеется немало индийских и вест-индских выходцев, людей с темной кожей, которые попадают в обстановку расовых предрассудков и становятся новым дискриминируемым меньшинством. В ФРГ имеется множество приезжих рабочих из Италии, Турции, Югославии. С одной стороны, эти миграции приводят к дискриминации и межэтнической неприязни. С другой, в процессе преодоления разобщенности и предрассудков выковывается более интернационалистическое, широкое взаимопонимание, расширяются черты интернациональной пролетарской солидарности, расшатывается замкнутость национальных границ в области национальных стереотипов и автостереотипов (т. е. ходячих, сложившихся штампов о качествах самих себя и других народов).

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В БЫВШИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ И ЗАВИСИМЫХ СТРАНАХ

Для большинства стран третьего мира характерна значительная специфичность типов этнических отношений и этнических процессов по сравнению с развитыми капиталистическими странами, не говоря уже о социалистических странах. Специфичность эта — в гораздо большей этнической пестроты, причем пестрота выражается не только в значительном числе и высоком удельном весе национальных меньшинств (во многих

случаях вообще нет одного преобладающего народа), но и в сильной разобщенности отдельных этнических компонентов, в малой консолидированности ведущих этносов там, где они имеются. Среди общей массы стран третьего мира еще большей специфичностью выделяются страны, главным образом азиатские и африканские, недавно освободившиеся от колониальной зависимости. Функционировавшая в течение многих десятилетий и даже столетий машина чужеземного угнетения, деформировавшая естественный, спонтанный ход этнических процессов, не могла не оставить своего наследия, особых, ею порожденных структур.

Рассмотрим сперва явления, типичные не только для недавних колоний, но и вообще для большинства афроазиатских стран. Как только что было сказано, это прежде всего этническая пестрота. Она проявляется в нескольких аспектах. Один из них — это пестрота этнической карты. Этническая карта многих, если не большинства, афроазиатских стран не просто носит мозаичный характер, но и отличается чересполосицей, разорванностью этнических ареалов, наличием районов с сильно смешанным национальным составом населения. Другой — это типологическая пестрота. В одной стране, как правило, сосуществуют этнические общности самых разных уровней, разных таксономических рангов, разного возраста и соответствующие разным хозяйственным укладам. Здесь во многих случаях можно видеть и уже вполне сформировавшиеся буржуазные нации, и тесно ассоциированные с ними народности нового времени, и народности вне ассоциации с нациями, т. е. первичные народности, сохраняющие еще феодальный уклад или раннеклассовый уклад, и племенности (группы племен), еще не достигшие уровня народности, и многочисленные субэтнические, этнографические, этнорелигиозные, этнохозяйственные и другие специфические группы.

Далее следует отметить специфику классового состава этнических общностей большинства стран Азии и Африки. Дело не только в том, что, как правило, они характеризуются колоссальным преобладанием крестьянства, при сравнительно слабом развитии предпринимательской буржуазии и при весьма невысоком проценте пролетариата, но и в том, что классовая структура сильно варьирует от этноса к этносу. В одних этносах и этноконфессиональных группах, как санталы или махары в Индии, представлены преимущественно эксплуатируемые слои, в других, как в той же Индии парсы, джайны, очень высок удельный вес эксплуататорских слоев.

По сравнению с теми странами Азии и Африки, которые на протяжении XIX — первой половины XX в. юридически сохраняли свою независимость, в странах, ставших на протяжении этого периода колониями империалистических держав и лишь недавно получивших независимость, имеются дополнительные осложняющие факторы этнической ситуации. Пестрота этнического состава аборигенов дополняется в ряде стран существенными ионациональными иммигрантскими группами, как китайцы в странах Юго-Восточной Азии, индийцы в странах Восточной Африки и т. д.; кое-где остаются довольно значительные прослойки европейских поселенцев, а еще чаще — метисных групп, занимающих как бы промежуточное положение между туземным и европейским населением, вроде евразийцев Индии, бюргеров Цейлона, «индо» Индонезии и пр. Группы ме-

тисного и иммигрантского происхождения являются основным населением или приближаются к 50 % в некоторых небольших, чаще всего островных государствах Карибского бассейна (Тринидад и Тобаго), Океании (Фиджи), Индийского океана (Маврикий и др.).

Тогда как пределы стран давней независимости, таких, как Иран или Эфиопия, более или менее соответствуют естественно сложившимся историко-этнографическим областям (хотя почти никогда соответствие не бывает полным), то в бывших колониях это наблюдается очень редко. Счастливым исключением является Бирма, соответствовала большой историко-этнографической провинции Британская Индия, но выделение Пакистана раскололо на части отдельные ее этносы; что же касается таких стран, как Малайзия, тут большинство культурных и этнических групп сложилось в силу вполне случайных обстоятельств. Поэтому несоответствие государственных границ этническим здесь резко бросается в глаза.

Разумеется, среди бывших колониальных стран есть и страны с довольно простым этническим составом. Таковы Сомали, Лесото (хотя большая часть басуто живет за ее пределами в ЮАР), таково Западное Самоа, Малагасийская республика, таков ряд арабских стран. Важнее сказать здесь о странах со сложным этническим составом, каких абсолютное большинство, прежде всего об Индии, Индонезии, Филиппинах, Бирме, Таиланде, Непале, Малайзии и ряде других азиатских стран, а также о подавляющем большинстве стран Африки к югу от Сахары, дополняя изложение примерами из стран Карибского бассейна и других регионов.

Почти для всех этих стран и в государственной политике, и в публицистике характерно отождествление своей государственной целостности с национальной целостностью. Настойчивость и частота, с которой повторяется формула «мы — единая нация», говорят именно о стремлении ощутить себя единой нацией, стремлении, входящем в противоречие с реальной этнической, культурной и языковой дробностью. В то же время следует признать, что процессы формирования как наций, так и национальных форм общности действительно идут во всех этих странах, но с разной интенсивностью и при разном наборе осложняющих обстоятельств.

Среди многих проблем, составляющих комплекс проблем национальной консолидации, едва ли не среди самых важных следует назвать проблему единого языка. Это понятно, потому что общность языка является одним из основных условий существования этнической общности и тем более нации.

Обычный путь преодоления многоязычности общества (т. е. ситуации, когда разные его части говорят на разных языках) — это многоязычие, т. е. владение людьми одновременно несколькими языками. Даже если многоязычие не всеобщее, но является достоянием связующей в социальном и географическом отношении прослойки, этого достаточно для успешного функционирования простейших коммуникаций. Однако подобная слоистая многоязычная структура уживалась с нормальным функционированием наций в ситуации, характерной для начального периода их формирования и существования в общемировом масштабе, преимущественно до конца XIX — начала XX в. В это время коммуникационная структура меха-

низма существования нации соответствует главным образом экономическим связям, сложению единого национального рынка, которому подобная структура не помеха.

В наше время, в особенности в молодых государствах, наряду с экономическими факторами и как бы действуя одновременно и на их основе и над ними, путем все большего развития государственно-планируемой экономики, все большую и решающую роль начинают играть политические факторы, непосредственно стимулирующее воздействие государственной надстройки на процессы национальной консолидации. Это воздействие, в числе прочего, идет через сеть образования, через сеть массовой пропаганды, средства массовой коммуникации, радио, прессу. В этих условиях языковая слоистость, многоязычность становится уже помехой. Государству необходим язык-посредник, через который оно могло бы обращаться ко всем своим гражданам, иначе говоря, необходимо поголовное овладение, хотя бы в форме двуязычия, общенациональным языком в его литературной форме. Это желательный идеал для каждого правительства любой многоязычной страны третьего мира.

Но здесь встают по меньшей мере два кардинальных вопроса: какой из представленных в стране языков избрать в качестве потенциального всеобщего и как обеспечить за ним выполнение этой роли.

Первый из этих вопросов относительно просто решается в странах, где имеется явно выраженное лидирующее этническое большинство. Таковы в Азии Бирма, Непал, Таиланд, приближается к этому типу и Малайзия, в которой хотя малайцы и китайцы близки по численности, но китайцы более раздроблены диалектно. Здесь можно говорить либо о давно сформировавшихся лидирующих нациях (как в Бирме), либо о нациях, формирование которых близко к завершению (Непал). Соответствующие литературные национальные языки успешно развиваются. Языки бывшей колониальной администрации или страны, обладавшей сферой влияния (английский, французский), сосуществуют рядом с ними, но по мере того как сфера употребления национальных языков растет, сфера европейского языка выклинивается. Конкретно это выражается во введении национального языка все в более высоких уровнях образования. В перспективе роль европейского языка сведется к сфере внешнего общения нации, тогда как внутреннее общение будет осуществляться всецело на национальном языке.

В странах Африки такая ситуация редка⁸. За вычетом Сьерра-Леоне и Либерии, где английский язык может считаться национальным языком англо-сьерралеонской и амеро-либерийской групп и служить ассоциирующим по отношению к племенным группам, можно отметить Танзанию, где при большой дробности мелких народностей и соплеменностей широкое распространение суахили может способствовать их консолидации в суахилиязычную танзанийскую нацию, оставив за прочими этносами роль этнографических или субэтнических групп. В Сомали, где меньшинство совсем мало, неразвитость сомалийского языка и письменности задерживает, вне всякого сомнения лишь временно, оформление сомалийского языка как национального. В странах, население которых составлено из иммигрантских групп (Маврикий, Тринидад и Тобаго, Гайяна) в значительном большинстве или полностью, по понятным причинам, обуслов-

ленным годами колониального развития, именно соответствующий европейский язык, а не язык крупнейшей иммигрантской группы становится всеобщим, однако национальная консолидация здесь весьма затруднена и в ближайшем будущем не предвидится, так как велика культурная и религиозная обособленность отдельных групп, в особенности индийских иммигрантов от прочих групп⁹.

Существенно иную картину мы видим в Сингапуре. Здесь из иммигрантского населения складывается, пожалуй, сингапурская нация китайского этноса, с близким к всеобщему англо-китайским двуязычием. С ней ассоциированы малайская и индийская этнонациональные группы, причем языком всеобщего общения служит опять-таки английский.

Касаясь вопросов двуязычия, нам хочется подчеркнуть одно обстоятельство. Чаще всего двуязычие рассматривается как промежуточный этап в процессе смены языка, процессе перехода с одного языка на другой. Однако это далеко не обязательно должно быть только так. Пример Парагвая в крайней форме убедительно доказывает, что общество сверху донизу может быть на протяжении нескольких веков двуязычным. При этом каждый язык имеет свою сферу применения, свои служебные функции, и соответственно этому в каждом из языков получают особое развитие разные лексические и фразеологические слои, и языковое богатство их не идентично, и только из них обиходится все языковое богатство этноса. В ряде случаев различие между литературным и простонародным языком как двумя социальными диалектами (в тамильском и др.) достигает уровня различия между двумя родственными языками. Поэтому нельзя говорить об одноязычии как наиболее экономном и потому наиболее желательном состоянии. Культура вообще в законах своего развития не обязательно исходит из принципа экономии, ей более свойственно тяготеть к поддержанию языкового разнообразия, так же как, например, к поддержанию разнообразия костюма.

Особенно следует отметить те случаи, когда один этнос соответствует нескольким нациям. Так, до разделения Индии и Пакистана можно было говорить о единой бенгальской нации. Однако годы раздельного существования привели к тому, что в рамках бенгальского этноса сформировались две нации — западнобенгальская и восточнобенгальская, причем нельзя говорить, что различия между ними сводятся к религиозным различиям или полностью совпадают с ними — разница лишь в процентном соотношении двух религий, но значительно важнее те различия, которые появились вследствие существовавших различных путей социально-экономического развития обеих частей бенгальского этноса в рамках Индии и Пакистана. И мусульмане, и индусы Восточного Бенгала были единодушны в стремлении к независимости Бангладеш, и характерно при этом, что тогда как это движение пользовалось симпатией и поддержкой в Западной Бенгалии, вопрос о воссоединении Бенгалии ни на западе, ни на востоке всерьез не поднимался.

В виде ряда наций существует, на наш взгляд, и арабский этнос. Сознание именно этнического единства отличает его от, скажем, связанной общностью языка и отчасти происхождения суперэтнической англосаксонской общности, в рамках которой все же англичане, англо-канадцы, англоавстралийцы и американцы должны рассматриваться уже

как бесспорно отдельные этносы. В то же время каждая арабская нация имеет свою историческую специфику, свою субэтническую структуру (например, разные субэтнические религиозные общности в Ливане), свои ассоциированные народности (копты, нубийцы — в Египте, берберы — в странах Магриба, фур и другие кордофанские и южносуданские народности в Судане и т. д.).

Перейдем теперь к рассмотрению полиэтнических стран, под которыми мы подразумеваем не просто многонациональные страны, но такие страны, где нет ни явно выраженного этнического большинства, ни даже такой этнической группы, которая могла бы рассматриваться как бесспорно лидирующая. Среди них можно назвать много стран Тропической Африки, особенно с небантуязычным населением, в Азии прежде всего Индию, с некоторыми оговорками — Пакистан, Филиппины, Индонезию, где хотя и выделяется роль соответственно пенджабцев, тагалов, яванцев, но они не могут быть названы безусловно доминирующими. Страны эти сильно различаются по уровню своего социально-экономического развития, по предшествующей истории и путям сложения в существующие границы, и лишь ситуация полиэтничности служит основанием для их объединения в одну группу.

Британская Индия, Нидерландская Ост-Индия (Индонезия), испанская колония Филиппины подверглись колониальному захвату в их естественных географических пределах, в которых они давно сложились как историко-этнографические области; предоставленные в них этнолингвистические группы специфичны для этих областей и почти не выходят за их пределы. Механизм этнических взаимоотношений в них хотя и сложен, но в основных чертах сформировался еще до прихода колонизаторов.

Иначе обстоит дело в африканских странах. Сложившиеся здесь историко-этнографические области, конкретные этнические ареалы никак не соотносились с границами, установившимися в результате колониального раздела Африки. Однако независимые государства в основном унаследовали эти границы, лишь в редких случаях несколько изменив их (объединение британского и итальянского Сомали, размежевание между Камеруном и Нигерией). Отмечались и противоположные тенденции — к воссоединению этносов в их ареальных границах; например, такие настроения имелись среди народа эве, разделенного политическими границами на три части, но не они оказались решающими. Причина этого, очевидно, в том, что колонизаторы за время своего господства оказали существенное, хотя и одностороннее воздействие на экономику подвластных территорий. Были созданы городские центры, ориентированные во вне, на вывоз сырья, их административные территории превратились в реальные экономические ареалы. Была создана определенная сеть коммуникаций, которая также совпадала с установленными административными границами и центрами. Наряду с мало интенсивной сетью внутривнутриплеменных коммуникаций, существовавшей в рамках этнических границ, появилась новая, более интенсивная сеть экономических и административных коммуникационных линий, действующая в пределах административных границ.

Существенные изменения произошли в социальной структуре. В коло-

ниях, и прежде всего в их центрах, образовалась некоторая прослойка интеллигенции, служащих, мелкой буржуазии, которая была в определенной степени оторвана от племен; для нее более существенными уже были не связи отдельных индивидов с их племенами, а связи между собой, в рамках этой прослойки, осуществлявшиеся на языке колонизаторов. Именно в среде этой прослойки прежде всего зрели идеи освободительной антиколониальной борьбы, но сложившись как определенное целое, она не была заинтересована в разрушении тех границ, в которых она сложилась. Да и мелкий производитель, крестьянин — поставщик бобов какао или другой экспортной монокультуры — был достаточно тесно связан со скупщиком, со всей торговой системой колонии, более заинтересован в сохранении этих связей, чем в усилении за счет их обрыва своих связей с дальней частью своего этноса, находящейся в пределах другой колонии. Подобная ломка на первых порах могла принести ему лишь усугубление и без того тяжелых экономических проблем.

Таким образом, в пределах каждой полиэтнической колониальной страны сложилась своя внутренняя структура информационных связей, которую можно себе представить в виде системы или совокупности пирамид. Каждая из пирамид соответствует определенному этносу или части этноса, представленной в данной колонии, а в тех районах, где полиэтничность связана с социальной структурой, иногда и конкретному полиэтническому локальному обществу. Верхушки этих пирамид сходятся к единому центру, образуя вокруг него узел коммуникаций, осуществляющихся, как правило, на соответствующем европейском языке. На гранях же пирамид, соответствующих зонам широкого межэтнического контакта, развиваются различные формы двуязычия.

В отличие от стран, подобных Ирану или Бирме, т. е. стран с выраженным лидирующим этносом, в таких странах, как Индия, европейский язык обслуживает не только сферу внешних контактов государства, но и ключевую область внутренних связей, в которой на данном этапе он ничем не может быть быстро и безболезненно заменен. Например, в Индии, хотя число говорящих по-английски и невелико, но англоязычный узел связует верхушки всех пирамид индийского общества, являясь таким образом единственным средством для передачи информации из одной пирамиды в другую.

Можно понять настойчивое стремление индийского руководства к замене английского в роли общендийского языка широко распространенным языком хинди, но понятия и причины, вызывающие сопротивление такой замене. Кроме того, литературный хинди весьма далек от общеразговорного хиндустани из-за искусственно внедренной санскритской лексики. В то же время эта лексика не может решить проблемы создания практичной научно-технической терминологии. Поэтому даже в рамках отдельной пирамиды литературный хинди, как и литературный тамили, в ряде отношений оказывается менее удобен, чем английский. Но даже при условии преодоления этих трудностей, при условии коренной реконструкции терминологической части лексики и сближения литературного и разговорного языков, все равно останется в силе такой фактор, как ограниченность хиндиязычного узла по сравнению с английским. Хотя он несравненно шире англоязычного узла по числу говорящих, но уже по широте ох-

вата, так как охватывает лишь часть пирамид. Ясно поэтому, что те трудности, которые встречает на своем пути внедрение хинди как общегосударственного языка, отнюдь не только субъективного порядка, типа националистических предубеждений, но и гораздо глубже.

Сходная картина наблюдается на Филиппинах в попытках конкуренции языка пилипино (по существу особой литературной формы тагальского) с английским языком, тем более что процент владеющих английским языком там значительно выше, чем в Индии.

Иная ситуация в Танзании. При достаточно большом племенном многоязычии там наряду с небольшим английским узлом существует ничуть не менее широкий и гораздо более глубокий узел суахили, который вполне конкурентоспособен в большинстве сфер общественной жизни.

В свете вышеизложенного становится ясным механизм сложения кажущейся парадоксальной языковой ситуации в Индонезии, где, несмотря на численное преобладание яванцев и лидирующее положение яванской буржуазии, языком национальной консолидации стал малайский. Дело в том, что малайский языковой узел стал складываться в прибрежных, охваченных интенсивными торговыми связями районах еще в средневековье. Верхние слои языковой пирамиды яванского общества, и прежде всего буржуазии, давно входили в него. Поэтому использование именно малайского языка, получившего литературное оформление в виде индонезийского языка (бахаса индонезиа), соответствовало интересам яванской буржуазии. Будучи двуязычной с самого начала, она могла обеспечить коммуникации с низовыми слоями собственной, яванской пирамиды через яванский, а с другими пирамидами — через малайский. Именно в этом следует искать причины превращения малайского языка в общепонимаемый, а вовсе не в большей сложности и отягощенности сословными вариантами яванского языка, как об этом иногда приходится читать.

Существенным фактором удержания европейскими языками сильных позиций на Филиппинах, в странах Африки и других освободившихся от колониальной зависимости странах является также наличие на книжном рынке обширной литературы на этих языках, готовых учебных пособий и т. д. Вероятно, что параллельно будет расширяться и сфера европейского языка, и сфера крупнейших местных языков, находящихся во взаимодополнении, так что будет складываться ситуация типа парагвайской. Вряд ли европейские языки где-либо смогут полностью вытеснить местные, но столь же мало вероятно и обратное предположение.

В целом приходится констатировать, что сложение общих языков во многих странах, освободившихся от колониальной зависимости, идет довольно медленно и трудно. Часть этих трудностей экономическая, общая для почти всех этих стран. Кроме того, как это ни парадоксально, наибольшие трудности возникают именно там, где имеют место попытки форсированного насаждения. Резкий контраст этому представляет опыт советского языкового строительства, с его установками на интернационализацию лексики и на всемерное развитие малых языков. Думается, что только на основе использования этого опыта, базирующегося на ленинских принципах языковой и национальной политики, возможно преодолеть трудности на пути скорейшего становления общенациональных языков в развивающихся странах Азии и Африки.

Что касается типологической характеристики формирующихся в полиэтнических странах общностей, то здесь не может быть универсального ответа. Следует отметить уже имеющуюся стратификацию. На Филиппинах «филиппинцами» ощущают себя прежде всего представители христианизированных, равнинных народов. Именно из их числа имеет реальные перспективы сложения общефилиппинская нация, в которой при близости языков и культуры особенностями отдельных народов могут стать в дальнейшем особенностями субэтнического порядка. Но и горным народам, и «моро» присущи столь существенные особенности самосознания и культуры, что они скорее всего останутся существовать в виде особых малых ассоциированных с филиппинской нацией народностей. Это не просто прогноз, в зачатке такая система взаимоотношений дана уже нынешней ситуацией.

Споры идут о том, следует ли считать отдельные крупные этносы Индонезии, как яванцы, мадурцы, балинцы, минангкабау, народностями или нациями, но оформленность этих этносов, высокий уровень их консолидации не вызывает сомнения. В то же время всеобщее распространение «бахаса индонезиа» и общеиндонезийского самосознания говорят о том, что процессы формирования общеиндонезийской нации зашли достаточно далеко. Возможно, что часть этносов Индонезии, сохранив некоторую субэтническую специфику, консолидируется в общеиндонезийскую нацию, а часть останется ассоциированными с ней народностями, но сама тенденция интеграции представляется необратимой.

Хотя и в гораздо менее развитом виде, но сходные тенденции можно наблюдать и во многих африканских, в особенности бантуязычных странах. В таких же государствах, как Нигерия можно говорить о раздельном формировании наций йоруба, игбо, хауса, ассоциации с ними более мелких народностей и интеграции по крайней мере трех крупных наций как равноправных членов в суперэтническое единство — нигерийскую этнополитическую общность. Возможно, что такие же формы примет этническое развитие и некоторых других полиэтнических обществ Западного Судана.

В общих чертах та же картина, только на значительно более высокой стадии развития, наблюдается и в Индии. Здесь уже сформировался ряд индоарийских и дравидийских наций, ряд других находится в процессе формирования, нациями же, хотя и меньшей численности, могут в недалеком будущем стать и некоторые мундаязычные, тибето-бирманоязычные, монхмероязычные общности, такие, как санталы, кхасы, манипурцы, нага. Идет процесс индустриализации мелких племен, т. е. приобщения их к культурной системе крупных народов Индии, в перспективе могущий привести их к ассимиляции с этими народами.

На примере исключительного многообразия этнических процессов, идущих в освободившихся развивающихся странах, особенно наглядно можно выявить основные типы этих процессов. Минимальный объем интеграционных процессов — это просто культурная интеграция: когда то, что было общим для других этносов, становится общим и для данного этноса. Так, например, этнос нага, на обособлении которого пытались сыграть империалистические круги, после образования штата Нага-Прадеш получил возможность приобщиться к всеиндийской национально-политической общности. Близок по объему и процесс аккультурации, сущность которого

в том, что решающая часть чужой культуры становится для данного этноса своей. Так, уже упоминавшаяся индустриализация является собой именно частный случай аккультурации, когда в прошлом культурно обособленный племя воспринимает систему духовных ценностей и поведенческие нормы своих индусских соседей (то, что это делается в религиозной оболочке, опять-таки всего лишь частный случай типологически общего процесса). Процесс, ведущий к уменьшению разности (в математическом смысле) культурного достояния, но не обязательно охватывающий решающую часть культуры, следует отличать от аккультурации, это сближение. Сближение можно видеть в любом взаимном ознакомлении народов с достижениями культуры друг друга (например, путем перевода художественных произведений с языка на язык), в повсеместном распространении какого-нибудь элемента материальной культуры (типа костюма, блюда и т. д.). Сближение может перейти через аккультурацию в консолидацию, когда дробное становится единым. Так, некогда дробные племенные общности Мадагаскара, такие, как мерина, бецилео, бецимизарака, сакалава и др., еще в колониальное время консолидировались в нацию мальгашей.

Ассимиляцию можно рассматривать как частный случай консолидации, специфичный своей односторонностью: когда один этнос полностью теряет свои особенности, растворяясь в другом, другой же практически не изменяется качественно от этого. Поскольку в отличие от многосторонней консолидации, предполагающей обобщение культурного достояния, здесь происходит потеря некоторого его количества (достояние ассимилируемого этноса просто исчезает), ассимиляция обычно воспринимается негативно. Тем не менее это достаточно распространенный процесс, и иногда, когда он ненасильственен, его положительные консолидационные итоги могут окупать указанные потери. В качестве примера можно привести ассимиляцию вдов сингалами Шри-Ланки.

Помимо этой группы интеграционных процессов в рассматриваемых нами странах действуют и процессы дифференциационные. При возросшей этногностической роли политических факторов уже просто рассеивание этнического ареала политическими границами ведет к образованию нескольких национальных групп из одного этноса. Конечно, это еще не есть образование новых этносов, но культурные различия, неизбежные в рамках разных государств с разными информационными системами, немедленно начинают накапливаться, а это уже есть начало дифференциации. Разделение бенгалцев — наиболее наглядный тому пример. Точно так же различные группировки пенджабцев (мусульмане, сикхи и индусы), будучи разделены границами Пакистана и разных штатов Индии, имеют тенденцию к большему усилению своих этнических качеств.

Другой пример дифференциации, уже не связанной с религией, наблюдается в диффузной, лишенной четкого массового самосознания среде хиндиязычного населения, где формируются отдельные локальные общества.

Что касается процессов консолидации, то, как правило, социальный аспект в них опережает биологический. Во многих обществах рассматриваемых стран наблюдается обилие социальных перегородок, препятствующих брачному смешению. Прежде всего следует упомянуть касты,

которые наиболее ярко выражены в Индии, но некоторые типологически сходные явления наблюдаются и в других обществах, в том числе африканских. По генезису можно различить касты, выделяющиеся вследствие эндогамного замыкания привилегированной или, напротив, дискриминированной прослойки внутри данного этноса, и касты, генезис которых связан с аккультурацией и частичной ассимиляцией иноэтнических включений. Многие кастовые единицы последнего типа сохраняют довольно долго свои субэтнические качества.

Аналогичную отрицательную роль при консолидации играют в ряде стран, в частности африканских, пережитки племенного деления, проявляющиеся как в предпочтении племенной эндогамии, так и в настроениях трибализма и порождаемого им или тесно связанного с ним неопатризма. В последнем случае пережитки племенного деления, первоначально лишенные качества кастовой иерархичности, могут его приобрести, так как выделяются племенные группировки привилегированные и дискриминируемые. Борьба с этими отрицательными явлениями, которую должны постоянно вести правительства молодых стран, помогает уяснить еще один аспект той важной роли, которую приобретают в наши дни политические факторы в процессах национальной консолидации.

В отличие от стран экстенсивной колониальной эксплуатации, где, как в Латинской Америке, метисная прослойка играла ключевую роль в консолидационно-ассимиляционных процессах, в рассматриваемой нами группе стран, стран бывшей интенсивной колониальной эксплуатации, метисные прослойки не играют большой роли. Скорее они превращаются в осложняющие общую этническую ситуацию замкнутые прослойки, типа бюргеров или англоиндийцев. Однако в ряде случаев и здесь метисная прослойка выполняет роль передаточного механизма, способствующего ассимиляции инационального меньшинства. В особенности это относится к группам туземно-китайских метисов в ряде стран Юго-Восточной Азии. Подобная прослойка потомков смешанных браков одной своей гранью, путем дальнейших браков с местным населением, ассимилируется им, а другой гранью, путем браков с инациональным меньшинством, облегчает его подготовку к последующей ассимиляции. Эта проблема, к сожалению, мало изучена в результате нехватки соответствующих статистических данных.

До известной степени сходную роль, но в плане только социальной, а не биологической интеграции (аккультурации), выполняет кастовая система в процессе индустриализации племен в Индии. Тогда как в одних слоях индийского общества кастовая система начинает обнаруживать, пусть пока слабые, но все же тенденции к размытию кастовых барьеров, в других его слоях возникновение новых кастовых делений способствует, как это ни парадоксально, интеграции отсталых племенных групп в индийское общество.

Хотя на протяжении этой главы мы не раз говорили о влиянии политических факторов на этнические процессы, в заключение следует подчеркнуть, что эти факторы влияют постольку, поскольку согласуются с объективными экономическими факторами. Современные африканские этнополитические общности слагаются в рамках бывших колоний, потому что в этих рамках первоначально сложились единые рынки

там, где их ранее не было. Выделение Пакистана произошло по религиозному принципу, но независимо от религиозных и военно-политических моментов позднее экономические диспропорции между двумя частями Пакистана сделали невозможным их дальнейшее объединение.

Ряд конкретных исследований показывает, как переплетаются механизмы этнических взаимоотношений, хозяйственно-культурных типов и экономического развития: это пример арабизации (точнее, ассимиляции со скотоводами-арабами баггара) негров-фугов в Судане по мере повышения их состоятельности. И успехи, и трудности на пути национальной консолидации развивающихся стран тесно связаны с их экономическим развитием, и от того, насколько успешно и гармонично будет развиваться экономика этих стран, зависит самым тесным образом и дальнейший ход в них этнических процессов.

Этническая пестрота большинства развивающихся стран нередко сочетается и со значительной расовой пестротой. Хотя многообразие расового состава присуще и многим развитым странам, например США, все же для развивающихся стран оно более характерно. И хотя линии расового деления далеко не всегда совпадают с этническими, тем не менее расовые различия часто входят в автостереотип этнических представлений, а этнические различия препятствуют межрасовому смешению.

Проблемам влияния социальных факторов на механизм расообразования посвящена специальная работа В. П. Алексеева¹⁰. Представляются совершенно бесспорными основные посылки рассуждений В. П. Алексеева о том, что в ходе эволюции человека социальные (и культурные) факторы оттеснили биологические на второй план.

Социальный фильтр, по В. П. Алексееву, в любом случае способствует развитию процесса расообразования, в одних случаях воздвигая генетические барьеры и тем самым вызывая дивергенцию, в других — стабилизируя отдельные очаги расообразования, ускоряя гомогенизацию внутри них. Именно эта сторона социального воздействия на расообразование представляется наиболее значимой. Интерес с точки зрения расовой антропологии вызывают по преимуществу те факторы, которые влияют на популяционную структуру человечества.

В. П. Алексеев усматривает значительное сходство между популяцией и расой и, на наш взгляд, оправданно. Естественно, что есть популяции, которые еще не расы; но нет локальной расы, которая не была бы в той или иной мере привязана к определенной группе популяций. Популяционные границы проходят преимущественно в географическом, а не в социальном пространстве, хотя детерминируются они прежде всего социально. Исключение составляют те общества, в которых имеются кастовые и расовые перегородки. Генный поток в таких случаях идет в социальном пространстве преимущественно «сверху вниз»: так, расовый облик негров в ряде стран Америки существенно изменился в результате контактов с «белым» населением, последнее же такого изменения не претерпело, ибо большинство мулатов в конечном счете отбрасывалось в негритянскую среду. В странах с кастовым строем, как в Индии, ситуация была во многом аналогична: перетекание генофонда шло несравненно интенсивнее из высших каст в низшие, нежели наоборот. Но в исторически довольно близком будущем генетические популяционные перегородки в социальном

пространстве могут ослабеть и даже совсем исчезнуть, тогда как в географическом пространстве они сохраняются, видимо, на неопределенно долгий срок.

Именно примат социально-культурных факторов в расообразовании человека ответствен, с одной стороны, за то, что различия в облике разных рас очень велики. Диапазон их существенно превышает обычный диапазон внутривидовых различий между расами и разновидностями большинства диких видов животных и скорее сопоставим с тем масштабом различий, который характерен для отдельных пород окультуренных, домашних видов животных. Но этот же примат социальных факторов ответствен, с другой стороны, и за то, что за многие десятки тысяч лет эти отличия не перешли в видовые, что человечество осталось биологически единым. Социальные факторы расообразования, с одной стороны, создают возможность для быстрой дивергенции, с другой — именно по своей социальной природе они подвержены быстрым переменам, сдвигам; границы дивергенции сегодня проходят не там, где вчера, а там, где вчера происходила дивергенция, начинается гомогенизация, и наоборот.

Остается коснуться еще футурологических аспектов проблемы. В обозримом будущем границы государств, очевидно, будут очерчивать достаточно определенные и отделенные друг от друга очаги гомогенизации. Новые этносы и этнополитические общности несомненно имеют тенденцию стать и популяционными общностями. И даже если соотрется в некотором, достаточно далеком будущем государственные границы, то все равно надо, на наш взгляд, решительно поддержать критику В. П. Алексеевым концепций, распространенных в научно-фантастической литературе (более фантастической, нежели научной), о том, что земляне будущего будут все на одно лицо и говорить будут на одном языке. Конечно, какой-то единый общепринятый язык мирового общения должен существовать, так же как практически уже давно существует единая мировая система городской материальной культуры и базисных норм поведения, отнюдь, впрочем, не исключая сосуществующего с ней повсюду многообразия локальных вариантов и особенностей.

Когда-то Томас Мор, исходя из экономических возможностей современной ему Европы, считал, что в социалистическом обществе все должны будут носить одинаковую, притом весьма грубую одежду. К счастью, жизнь показала, как он ошибался. Теперь нынешние фантасты повторяют ту же ошибку в отношении языка. Между тем мы видим, как множатся примеры обществ, где двуязычие и многоязычие становится отнюдь не переходным этапом к одноязычию на базе нового языка, а постоянной нормой и разные языки выполняют те функции, которые в других случаях принадлежат разным стилистическим уровням одного языка. Но можно ли подумать, что помимо изолирующей роли расстояний, которая сохраняется при любом развитии транспорта, наличие общего локального языка бытового общения, локальных черт культуры, обусловленных хотя бы климатическими различиями, не влияло бы на избирательность брачных связей? Таким образом, можно предполагать, что культурное и расовое многообразие человечества тесно взаимосвязаны, хотя связь эта никогда не может быть прямой и однозначной, и это одинаково верно и для прошлого, и для будущего.

Великая Октябрьская социалистическая революция имела огромное значение для дальнейшего развития этнических процессов не только в нашей стране, но и во всем мире. Впервые в истории этнические процессы смогли получить благоприятные условия для своего свободного развития в обществе, где в принципе были сняты такие искажающие их прогрессивный ход факторы, как расовые и религиозные предрассудки, межнациональная вражда и отчужденность, отношения между этносами угнетателей и угнетаемых, мотивы буржуазного национализма. Ленинские принципы решения национальных вопросов, опирающиеся, с одной стороны, на безоговорочное признание права наций на самоопределение, а с другой, призывающие в интересах трудящихся не к разъединению, а к сплочению и сотрудничеству разных народов, легли в основу советского национального строительства. В ходе этого строительства были разработаны конкретные механизмы национальной автономии разных уровней и пути осуществления национально-государственного суверенитета, которые не только осуществлялись в государственно-административной практике нашей страны, но и послужили отправной точкой и эталоном для развития национальной программы коммунистических и рабочих партий во многих странах мира, а также для практического решения национальных вопросов в ряде стран, вставших на путь некапиталистического, социалистического, прогрессивного развития. Они стали также стимулом мощного подъема национально-освободительного движения во всем мире.

Республика Советов получила от царской Российской империи тяжелое наследство в виде большой многоукладности общества и его сильной этнической разноплановости. Лишь одна нация, русская, была ведущей и господствующей, остальные находились в подчиненном положении, хотя во многих из них процессы национальной консолидации в главных чертах уже завершились, в других же интенсивно протекали. Было много развитых народностей, ассоциированных либо с русской, либо с какой-либо другой крупной и развитой нацией. Были и слабо развитые народности окраин, в ряде случаев стоявшие еще на племенном уровне. Имелись и интонациональные группы, и этнографические подгруппы внутри отдельных этносов. Все это создавало массу трудностей в конкретном осуществлении национального строительства.

Одной из первых мер Советской власти было проведение национального размежевания в тех районах, где унаследованные от дореволюционного прошлого административные границы не согласовывались с реальными этническими ареалами. Первоначально такие советские республики, как Бухарская или Хивинская, возникали в границах прежних ханств. Последующая реорганизация и перестройка границ республик имела целью объединить в рамках одной национально-государственной общности максимум территории с населением определенного этнического состава.

Нахождение правильного, оптимального решения этой задачи встретилось с немалыми трудностями и потребовало кропотливой работы. Так, например, в ряде мест Средней Азии или Кавказа в силу неравномерности издавна шедших процессов тюркизации ираноязычного населе-

ния, переселений с гор на равнину и других исторических причин расселение, скажем, таджикских и узбекских, адыгских, дагестанских и других групп было чрезвычайно мозаичным.

Во многих случаях и в районах таджикско-узбекского, и в районах армянско-азербайджанского этнического контакта, и в ряде других мест как эта мозаичность, так и сложившаяся сеть путей сообщения, экономическая инфраструктура и другие факторы не позволили сделать так, чтобы в рамках одной республики не оказались значительные группы основного этноса другой республики. Само по себе такое положение не представляло бы ничего ненормального, если бы культурные, языковые и иные специфические запросы этих инациональных групп последовательно удовлетворялись, что и имело место на начальных этапах советского строительства. Однако уже в 30-х годах наметились, а в 60—70-х годах особенно участились серьезнейшие искажения принципов ленинской национальной политики, выразившиеся не только в игнорировании этих запросов, но и в попытках подталкивания этих групп на путь ускоренной ассимиляции или эмиграции за пределы соответствующих республик. В результате возникли очаги межэтнических конфликтов, снятие которых в наши дни является одной из важнейших задач перестройки общественной жизни, осуществляемой ныне советским обществом.

Большинство малых народов нашей страны ко времени Великой Октябрьской социалистической революции не имело своей письменности, ряд народов имел письменность на такой графической основе, как арабская, которая была очень плохо приспособлена к фонетико-грамматическим особенностям их языков и затрудняла развитие массового образования. Сперва процесс создания новых письменностей шел в основном на базе латиницы как наиболее интернациональной. Однако в дальнейшем, когда латинизация русской письменности, до начала 30-х годов предполагавшаяся многими специалистами, была признана нецелесообразной, практические интересы развития печати, удобства преподавания и пр. потребовали в большинстве случаев перевода новых письменностей на кириллическую (русскую) основу.

Процессы национальной консолидации, выражающиеся прежде всего в развитии, повышении плотности внутриаэтнических экономических и информационно-коммуникативных связей, которые во всех предшествовавших обществах складывались почти исключительно стихийно, в социалистическом обществе становятся направленными. Так, при зарождении национального литературного языка обычно идет конкурентная борьба между его разными крупными диалектами, каждый из которых претендует на эту роль. Например, в процессе формирования эстонского литературного языка в XIX в. на эту роль претендовали диалекты районов двух крупнейших городов и культурных центров Эстонии: Таллинна (Ревеля) на севере и Тарту (Дерпта) на юге. В конечном счете возобладал таллиннский диалект, но эта борьба надолго замедлила сложение эстонского общелитературного языка. Такие издержки для практики социалистического строительства были неприемлемы. Поэтому велись интенсивные научные исследования для определения того диалекта, который более подходит для этой роли. Особенно показателен в этом плане пример Узбекистана, где выбор пал, как показала практика, совершенно правильно

на диалектную группу городских (т. н. асингармонических) говоров, хотя группа архаичных сингармонических кишлачных говоров по числу говорящих была значительно больше.

В ряде случаев первоначально языковое строительство велось недостаточно рационально, с установкой на то, чтобы даже у самых малых этносов свой язык обслуживал бы полностью все их литературные, административные, хозяйственные нужды. Практика показала утопичность таких концепций и необходимость всемерного развития функционального двуязычия, при сочетании родного языка малого этноса с русским или с языком основного населения республики. У малых народностей, тесно ассоциированных с более крупными нациями, родной язык развивается преимущественно для обслуживания литературно-художественных, начально-образовательных, бытовых потребностей, тогда как научно-технические, общественно-административно-политические и тому подобные потребности таких народностей с большим успехом могут быть обслужены языком той нации, с которой они ассоциированы. Например, у хантов, чукчей и других малых народов Севера — русским, у курдов Армении — армянским и т. д.

Однако в 50—70-х годах по отношению к языкам ряда народностей, не имеющих своей автономии или имеющих ее на уровне ниже республиканского, имела место недооценка их значения, что привело к упадку и даже прекращению издания литературы на этих языках, выпадению их из сферы школьного преподавания, в ряде случаев, особенно у народностей Севера, к потере знания родного языка у значительной части младшего поколения. Одной из важнейших задач национального строительства на современном этапе является разработка срочных мер по ревитализации этих языков и углубленные конкретные социологические исследования, которые должны выявить оптимальные перспективы использования русского и местных языков в разных областях жизни. Более подробно некоторые вопросы двуязычия будут разобраны ниже в особой главе.

Развитие социализма сопровождалось все возрастающими темпами консолидации слабо консолидированных до этого этнических общностей. Так, среди многих народностей Севера имелось большое число племенных и диалектных групп: например, на много групп распадались коряки, олюторская и керекская группы были как бы промежуточными между коряками и чукчами. С образованием национальных округов, развитием образования, все более активного участия коренного населения в органах управления происходит в ряде случаев смена мелких диалектов на более широко распространенный, развивается общее единое самосознание народности; в то же время границы между этносами становятся менее расплывчатыми, более определенными. В ряде случаев несколько мелких народностей, близкородственных этнически или культурно друг другу, сливаясь, образывали новую, более крупную народность, создававшую себе и новый этноним: так было с алтайцами, хакасами. Характерно, что восходящие в прошлом к народностям этнографические группы, нередко стойко сохраняя свой язык или диалект как средство бытового общения, при полном распространении двуязычия на первое место ставят уже не групповое, а национальное самоназвание и самосознание: так, мегрелы, сваны, ад-

жарцы в первую очередь себя считают и называют грузинами, и в самом деле, при сохранении определенного локального своеобразия, они в то же время полностью приобщены к общему этнокультурному достоянию грузинской социалистической нации.

Своеобразны процессы, происходящие в Дагестане. Там идет процесс консолидации вокруг нескольких наиболее крупных народностей большого числа мелких, нередко одноаульных. Так, с аварцами консолидировался целый ряд мелких андо-цезских народностей. Житель аула Бежты, сохраняющий в быту свой особый бежтинский язык, владея в то же время аварским как родным, а во многих случаях свободно владея и русским, среди аварцев еще выделит себя как бежтинца, но в смешанной этнической среде, например городской, назовет себя аварцем, а за пределами Дагестана, вполне возможно, будет и осознавать и называть себя дагестанцем. Это не означает тенденций к слиянию всех народностей Дагестана в одну дагестанскую нацию (хотя такая точка зрения и высказывалась), а скорее выражает процессы формирования региональных суперэтнических общностей с несколькими уровнями самосознания.

Помимо процессов консолидации, интеграции и межнационального сближения в социалистическую эпоху происходят и процессы ассимиляции, которые касаются главным образом мелких или некомпактно расселенных народностей и национальных групп; например, ассимилируются с русскими вепсы в Ленинградской области, с латышами — ливы в Латвии. Идеалам социализма чужды как попытки насильственной ассимиляции, какого бы то ни было форсирования ассимиляционных процессов, так и действия, имеющие целью искусственно затормозить, приостановить ассимиляционный процесс, если существуют естественные тенденции его развития. Однако следует постоянно иметь в виду, что еще встречаются носители националистических настроений, в завуалированной форме преследующие цель форсированной ассимиляции «нежелательных», с их точки зрения, меньшинств в массе основного населения и пытающиеся представить как естественные те процессы ассимиляции, которые на самом деле являются результатом игнорирования культурно-языковых нужд меньшинств и переживаются последними отнюдь не безболезненно. Мобилизация общественного мнения на борьбу с такими настроениями — долг каждого сознательного строителя социалистического общества, и прежде всего творческой интеллигенции каждой национальности по отношению к своему народу.

В отличие от наций буржуазных в социалистических нациях линии сближения многообразны и многосторонни (обобудны). Так, например, в Норвегии идет процесс норвегизации саамов. Обратного процесса, т. е. саамизации норвежцев, даже при условии численного преобладания в данном пункте саамского населения, быть не может. Аналогичные ассимиляционные отношения имеют место между шведами и финнами в Швеции, англоканадцами и любими другими группами населения в Канаде, основными этносами и многочисленными преуспевающими иммигрантскими группами Таиланда, Малайзии и других стран Юго-Восточной Азии. Как правило, в любом многонациональном капиталистическом государстве имеется негласная шкала престижности национальной принадлежности,

и переход из одного этноса в другой, ассимиляция, наследование этнической принадлежности идут только вверх по этой шкале.

В социалистическом обществе дело обстоит иначе. В СССР, как показывают исследования по смешанным бракам, дети от, скажем, русско-латышского брака могут отнести себя скорее к русскому этносу в русской этнической среде, по к латышскому этносу в латышской этнической среде. При этом ни в Латвии, ни в России принадлежность к тому или иному этносу не рассматривается как престижная даже теми людьми, которые в той или иной мере заражены националистическими предрассудками. Дети от смешанных браков русских с представителями коренных народов Севера обычно причисляются к этим народам в районах их расселения, но к русским в том случае, если они родились и растут вдали от этих районов, и т. д. Это является выражением этнического равенства при социализме, отсутствия иерархии более престижных и менее престижных этносов, которая неизбежно присутствует в буржуазной этнической ситуации.

Когда образовалась мировая социалистическая система, характерные для социалистического строя пути развития этнических процессов приобрели общемировое значение. В зависимости от конкретных условий в каждой социалистической стране формы национального строительства складывались по-своему: так, в Югославии, в Чехословакии крупнейшие национальности образовали свои республики, в других странах, где имелись национальные меньшинства, складывались национальные районы (например, Баян-Улэгейский казахский национальный район в МНР). Однако сущность этнических процессов при социализме во всех этих странах имеет много общего: это тенденции к консолидации, слиянию близкородственных мелких народностей и этнографических групп (так сложилась халха-монгольская нация в МНР, в которую влились многие мелкие монгольские народности племенного происхождения), к ускоренному поднятию уровня культуры и этнической консолидации народностей, ранее отстававших в своем развитии (например, многих горных народностей СРБ), приобщению всех народов страны к лучшим достижениям культуры наиболее многочисленной и экономически и культурно развитой нации данной страны.

¹ Крюков М. В., Малевич В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. С. 275—280.

² Этнические процессы в странах Южной Азии. М., 1976. С. 99—101.

³ Болгары. Очерк традиционной народной культуры. София, 1984. С. 25—27.

⁴ Георгиев В. К вопросу о балканском языковом союзе // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972. С. 398.

⁵ Котовская М. Г. Этнические процессы в Бразилии. М., 1985. С. 29—39, 41, 63.

⁶ Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974. С. 166, 208.

⁷ Ханин З. Я. Пария в японском обществе. М., 1980. С. 70—85, 118—121, 200—201.

⁸ Исмаилова Р. Н. Этнические проблемы современной Тропической Африки. М., 1973. С. 172—215.

⁹ Дридзо А. Д. Этнокультурные процессы в Вест-Индии. М., 1978.

¹⁰ Алексеев В. П. О роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций // СЭ. 1976. № 4.

СТРУКТУРНЫЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ ДВУХКУЛЬТУРНОСТИ И ДВУЯЗЫЧИЯ

В последние два десятилетия, в связи с изучением вопросов взаимовлияния культур разных этносов в многонациональных обществах (как в СССР, так и за рубежом), большое внимание уделяется проблемам билингвизма. Причина этого лежит в интенсификации изучения процессов межэтнического взаимодействия, одним из проявлений которых является возникновение и распространение билингвизма. Понимая культуру как способ институционализации общечеловеческих форм деятельности¹, мы, естественно, должны рассматривать язык как некоторую, пусть весьма специфическую, часть общей совокупности культурного достояния каждого общества или этноса. Билингвизм или полилингвизм при таком рассмотрении — частное проявление общего феномена бикультурализма или поликультурализма, т. е. способности общественного индивида институционализировать свою деятельность двумя, тремя или более различными способами. Для краткости далее мы будем называть языковой би- или поликультурализм билингвизмом (двужязычием), а внеязыковой би- или поликультурализм — просто бикультурализмом (двухкультурностью), хотя понятно, что строго терминологически это будет не вполне точно.

Бикультурализм и билингвизм — весьма широко распространенное явление. Он встречается на всех уровнях этнического и социального развития, более того — в той или иной степени своей проявленности он неизбежен в зоне любой этнической границы, в зоне контакта двух разных языков и этносов. Более широкий, охватывающий более двух языков или культур полилингвизм и поликультурализм — явление более редкое, присущее чаще всего городским обществам мозаичного этнического состава. Характерные примеры этого в XIX в. давали Рига, Вильно, Тифлис, Ташкент и другие города колониальных окраин Российской империи.

Хотя билингвизм должен рассматриваться в более широких рамках общего явления бикультурализма, возникающего в ходе процессов этнической ассимиляции, аккультурации, консолидации или сближения², и тесно взаимосвязан с другими, внеязыковыми формами проявления того же феномена, однако как функциональные взаимосвязи, так и структурно-системные аналогии между билингвизмом и бикультурализмом в разных формах остаются пока еще слабо изученными. Между тем как для практических, так и для теоретических задач исследования процессов межэтнического взаимодействия было бы полезно уделить больше внимания обоим указанным аспектам соотношения билингвизма и бикультурализма.

Впервые в нашей науке, насколько мне известно, на структурный

параллелизм явлений билингвизма и бикультурализма (на основе сравнения процесса перевода и процесса осуществления культурных контактов) внимание было обращено В. Ю. Розенцвейгом в 1964 г.³ Однако высказанные в его труде идеи не получили дальнейшего развития. Почти одновременно попытка провести параллель между методикой изучения процессов языкового и культурного развития была предпринята польским ученым К. Квасьневски⁴. Но подобные попытки до сих пор остаются единичными, и причину этого следует видеть в сравнительно слабом знакомстве этнографов с чисто лингвистическими работами, посвященными описанию языковых контактов. Между тем работы эти весьма многочисленны и разнообразны.

Больше внимания уделялось проблеме функционального соотношения билингвизма и бикультурализма, которая так или иначе неизбежно возникает при исследовании любых межэтнических контактов. Однако в этих случаях чаще всего она предстает в форме вопроса о соотношении масштабов развития двужязычия и двухкультурности, а не в плане изучения механизмов взаимодействия между развитием билингвизма и различных видов бикультурализма. Ценная разработка обоих указанных аспектов соотношения билингвизма и бикультурализма, в частности определение параллелизма между языковой и культурной интерференцией, содержится в работе А. Пранды⁵. Существенное значение для более четкого понимания сущности динамики билингвизма, для более точного соотношения ее с динамикой бикультурализма имеют работы С. И. Брука и М. Н. Губогло⁶.

Как динамический процесс билингвизм и бикультурализм чаще всего рассматриваются в литературе в качестве определенных аспектов процессов культурной и языковой ассимиляции. В этих случаях предполагается, что группа А, первоначально владевшая лишь языком и культурой А, в ходе контактов с группой В, доминирующей численно, политически, экономически и (или) культурно, переходит к параллельному владению языком и культурой В, причем нарастание уровня В сопровождается снижением уровня А, вплоть до полного исчезновения функционирования А и установления полного господства В, т. е. завершения процесса ассимиляции. В символике, предложенной Ж. Р. Реманом⁷, эта последовательность будет выражаться как $A \rightarrow A \downarrow + B \uparrow \rightarrow B$. Однако даже в этом случае оба компонента, как правило, испытывают не только количественные, но и качественные изменения. Так, например, еще 100—150 лет тому назад большинство айнов о-ва Хоккайдо говорили только по-айнски и лишь небольшая их часть, преимущественно родо-племенная элита, владела в какой-то мере и японским языком. Их материальная и духовная культура была чисто айнской. Разумеется, в ней, как и в языке, имелось некоторое число японских заимствований, в айнском быту употреблялся ряд покупаемых у японцев предметов, например металлическая и лакированная посуда, однако эти предметы были переосмыслены согласно айнской системе ценностей, и их функциональное значение было иным, нежели у японцев.

В ходе интенсивной японской колонизации Хоккайдо и конце XIX — начале XX в. айны повсюду оказались оттесненными на позиции дискриминируемого меньшинства, что породило у них сознательное стремление к возможно более полному уподоблению японцам с принятием языка, антропомимической системы, религии, образа жизни и поведения, вплоть

до отказа во многих семьях от употребления айнского языка в быту и попыток сокрытия от детей факта их айнского происхождения. Этот процесс сопровождался учащением этнически смешанных браков и еще более ростом числа детей, рожденных от внебрачных связей с японцами.

В результате в наши дни, за единичными исключениями, почти все айны говорят только по-японски и ведут всецело японский образ жизни, хотя и сохраняют в массе айнское этническое самосознание, чему, очевидно, способствуют как довольно заметные физико-антропологические различия между японцами и неметисированными айнами, так и еще более социальные факторы.

В вышеприведенной схеме Ремана оба взаимодействующих компонента выступают как независимые и самостоятельно функционирующие системы. Однако в каждую систему могут проникать и проникают чужеродные черты, и промежуточное состояние точнее было бы характеризовать не как $A + B$, а как A^n , а конечное B^n , которое чаще всего даже при полной этнической ассимиляции может не смениться чистым B (ассимилированная группа в данном случае будет продолжать существовать в виде этнографической или диалектной группы). Здесь мы имеем дело с явлением интерференции (привнесения), которая проявляется как в области языковых, так и в области культурных контактов. В примере с айнами в конечном результате следов культурной интерференции практически нет (или их исчезновение можно предвидеть в ближайшем будущем). Однако они присутствуют в ходе всего процесса перехода от одного языка к другому, от одной культуры к другой. Здесь нет надобности говорить подробно, как в данном случае проявляется языковая интерференция, так как ее закономерности хорошо изучены. Достаточно сказать, что, как и следовало ожидать, в японской речи старшего поколения айнов еще в 50—60-х годах XX в. можно было отметить фонетическую интерференцию (своеобразный айнский акцент), грамматическую интерференцию, выражавшуюся, например, в неправильном, с точки зрения японской грамматики, употреблении сложных видовременных глагольных форм и т. д.

Большой интерес для нас представляют явления культурной интерференции, наблюдаемые в процессе перехода A к B , т. е. в данном случае от айнской культуры к японской. В указанные годы, когда их мог наблюдать автор, процесс перехода уже близился к завершению, но черты интерференции прослеживались, например, в облике некоторых домов. Будучи японскими по конструкции и планировке, они нередко сохраняли заднее окошко (камуй-поюра, или «окно богов», необходимое с точки зрения айнского ритуала и делаемое, разумеется, сознательно) или содержали айнские инау на японской божнице камидана. Иногда эти дома имели айнскую форму соломенной крыши, не гладко стриженную, как у японцев, а уступчатую, составленную из рядов снопиков, что делалось уже не сознательно, а в силу имеющихся навыков, ибо гладко стриженную крышу сложнее соорудить. Японцы иногда применяли на Хоккайдо уступчатую, айнского типа крышу для подсобных помещений, но никогда — для жилища. Если провести параллель со случаями лексического взаимодействия, то этот пример напоминает те случаи, когда народ A , переходящий на язык B , продолжает употреблять для обозначения ряда предметов термины языка A , а контактирующий с ним народ B включает в свой

лексикон те же термины языка A в сниженном стилистическом и семантическом варианте: например, слово *pukka* (настоящий, добротный) в английской речи индийцев и то же слово с ироническим оттенком, скажем, в сочетании *pukka sahib* в речи англичан, живущих в Индии; или американское (алгонкинское по происхождению) *squaw*, которое в речи индейцев означает «жена», «женщина», а в речи американцев — «баба» и т. д.

В своей хозяйственной деятельности крестьяне-айны в указанное время не отличались принципиально от крестьян-японцев. Однако ассортимент возделываемых культур на их участках обычно был несколько беднее, а качество агротехники и урожайность — ниже, чем у японцев, что понятно ввиду несоизмеримо большей давности навыков земледелия у последних. Любопытно, что при наличии материальных средств айнские хозяйства охотно и успешно переходили к животноводству, в частности к коневодству, и объяснялось это тем, что в традиционной айнской культуре содержание при доме пойманных и прирученных животных (медведей, енотов, лис), старательный уход за ними были типичным явлением.

Здесь уместно поставить вопрос: все ли эти примеры взаимодействия культур могут быть выражены понятием интерференции? Да, если считать, что это понятие в вышеприведенных примерах дается расширительно, как всякое привнесение (от латинского *interferire* — привносить) в состоянии B тех или иных черт, присущих состоянию A , в том числе и в тех случаях, когда это делается намеренно. В лингвистике же при описании языковых контактов интерференция обычно понимается несколько уже, а именно как ситуация, при которой говорящий полагает, что он следует нормам языка B , но на деле во многом подменяет их нормами языка A (своего родного языка), бессознательно привнося их в язык B .

В дальнейшем мы будем придерживаться именно такого понимания интерференции, как явления, в некоторой мере неизбежно снижающего функциональную эффективность системы (понимаемость речи, восприимчивость поведенческой культуры), что, разумеется, не ставится как цель, при сознательном привнесении инородных элементов. Так, при двуязычии английского и хинди или другого индийского языка у индийцев подобная интерференция может проявляться в синтаксисе и (или) в фонетике и других сходных аспектах языка. В двухкультурности того же континента, при равной в общем степени овладения разными культурными системами, например формами приветствия, этикета, навыками ношения костюма, интерференция может проявляться в аспекте цветового выбора (сочетания в одежде таких цветов, которые с европейской точки зрения не гармонируют) или в аспекте проксемики⁸ — бессознательного установления дистанции между собеседниками, допустимого уровня прикосновения друг к другу, когда представитель этноса A бессознательно руководствуется проксемическими нормами культуры A , хотя находится в среде B и в осознаваемой части поведения стремится следовать этикету, принятому в культуре B .

Характерные примеры проксемической интерференции дают наблюдения личных контактов латиноамериканцев с североамериканцами. У вторых дистанция между стоящими собеседниками больше, чем у первых; соответственно при контакте одна сторона стремится ее сократить (придвигается), другая увеличить (отодвигается). Один уносит впечатление

о собеседнике как о назойливом и агрессивном, другой — как о неконтактном и отчужденном. Понятно, что оба впечатления ложны и являются результатом взаимного непонимания паралингвистического поведения друг друга, т. е. поведенческой интерференции.

В тех случаях, когда мы анализируем билингвизм и бикультурализм типа А — В как переходное состояние от одноязычного состояния А к одноязычному и однокультурному состоянию В, было бы чрезвычайно интересно вычертить графики возрастания овладения элементами состояния В, соответствующей этапам этого овладения степени утери элементов состояния А и, наконец, уровня развития интерференции на этих этапах. К сожалению, насколько мне известно, таких попыток не делалось даже в отношении билингвизма.

Что же касается внеязыковой культуры, то при любой попытке ее количественной характеристики возникают трудности методического характера, отраженные в уже упоминавшейся работе К. Квасневски. Однако эмпирические наблюдения позволяют предположить, что в тех случаях, когда процесс перехода (аккультурации и последующей ассимиляции) принимает черты формирования, хотя бы временного, маргинальной культуры, т. е. когда культура А престижно и социально оценивается значительно ниже культуры В, например в айско-японском или в описанном Х. Эйдхеймом саамско-норвежском контакте⁹, падение процента черт А и нарастание В происходит по логистической кривой. Если это предположение верно, то это означает, что в середине процесса маргинальное бикультурное и билингвистическое состояние является обедненным как по сравнению с исходным А, так и с конечным В однокультурным и одноязычным состоянием.

Иными словами, в начале процесса идет довольно быстрая утеря многих черт исходного культурного и языкового состояния, не полностью компенсируемая все еще медленным приобретением новых черт; в середине процесса утеряно уже более половины черт исходного состояния А, но приобретено еще значительно меньше половины черт конечного состояния В¹⁰. Наконец, на завершающем этапе процесс восприятия черт В идет интенсивно, лавинообразно, а процесс изживания немногих оставшихся черт А резко замедляется.

Что же касается интерференции, то представляется, что она еще невелика в начале и уже невелика в конце процесса, но достигает пика в его середине и, таким образом, на графике соответствует кривой типа гауссианы (см. рис. 2).

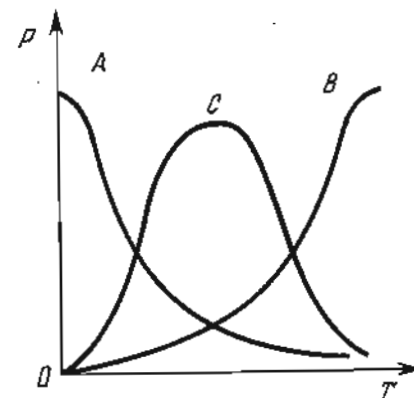
Это, разумеется, еще далеко не проверенная гипотеза, но создается впечатление, что она довольно близка к реальной картине протекания многих случаев культурных и языковых контактов, в тенденции ведущих к ассимиляции. Последняя может быть и часто бывает неполной, и тогда ситуация может надолго затормозиться где-то на любом отрезке оси, т. е. практически на уровне центральной части графика, причем скорее всего немалую тормозящую роль играет именно возрастающая в этот период интерференция.

В случае очень сильного торможения процесса аккультурации вследствие особо высокой интерференции, при продолжающемся снижении употребительности системы А, процесс перехода так и не завершается

стадией чистого состояния В, и образуется пиджин, который затем может креолизироваться, т. е. стать родным для данной группы языком (Гаити, Маврикий, Сиерра-Леоне, некоторые районы Папуа Новой Гвинеи и др.). При этом представляется, что термины «пиджинизация» и «креолизация», и не просто термины, но стоящие за ними комплексы понятий и структур применимы в таких ситуациях не только к языкам, но и к внеязыковым компонентам культуры. Пиджинизацию и креолизацию мы понимаем здесь как процессы, гомологически соответственные аккультурации и ассимиляции, с той разницей, что в этом случае восприятие нового состояния (культурного или языкового) сопровождается его существенным преобразованием, так что результат качественно отличается от исходного прототипа.

Рис. 2. Развитие интерференции при переходе от одного культурно-языкового состояния к другому

Р — процент элементов одного и другого состояния в данный момент, от 0 до 100;
 Т — ось времени;
 А — убывание элементов состояния А;
 В — нарастание элементов состояния В;
 С — динамика интерференции

В таких случаях, когда процесс ассимиляции не доходит до полного завершения, его результатом является образование новой диалектной или этнокультурной (этнографической) группы или даже особого этноса. В качестве примеров таких этнокультурных групп разного таксономического уровня можно назвать на северо-востоке Сибири чуванцев, марковцев, камчадалов, колымцев, беринговских и медновских алеутов. На какой-то период они стали одноязычными и однокультурными с новыми, смешанными языком и культурой. Затем, уже в новейшее время, у некоторых из таких групп, явившихся своеобразными этнографическими группами русского этноса, вновь развились билингвистические и бикультурные процессы, где «свой» диалект и культура находились в роли А, а в роли В выступала общесоветская культура и нормативный русский язык, которые в наши дни, по крайней мере у молодого поколения, стали единственными языком и культурой.

В подобных случаях явления интерференции характерны для начального и среднего периода контактов, а для итоговых ситуаций характерна не интерференция как таковая, а ее стабилизировавшиеся последствия, выступающие в форме субстрата: отличная от норматива фонетическая структура местного диалекта, особенности культурно-хозяйственной терминологии, детали быта и орудий труда и т. п.

Подобные не до конца ассимилированные, однако в социальном плане не являющиеся маргинальными своеобразные черты формируются обычно

на периферии крупных обществ, там, где есть условия для их самостоятельного существования в особой природно-географической нише. Именно сохранение специфичности этой ниши и служит препятствием для окончательной ассимиляции данной группы. Там, где ассимилируемое меньшинство окружено большим массивом значительно вышестоящего на престижной шкале ассимилирующего этноса, маргинальные черты присущи меньшинству в очень высокой степени, обедненность и неполноценность своей смешанной культуры осознаются им очень болезненно, порождают сильную закомплексованность и могут быть окончательно изжиты только при окончательном завершении ассимиляции. Последняя, пока она не завершена, представляет собой очень болезненный и тяжелый процесс, и вполне понятно, что меньшинство при первых признаках начала этого процесса обычно в меру своих сил активно сопротивляется и противодействует, хотя чаще всего и безуспешно, его развитию.

Однако в культурно-языковой картине большинства стран современного мира широко распространены и представляют наибольший конкретный интерес те случаи, когда, по крайней мере на обозримый период времени, конечным результатом процесса контактов является ситуация $A+B$, т. е. параллельное стабильное практически полноценное владение двумя системами как в языковом, так и (или) в культурном плане. Именно к процессам, ведущим к такой ситуации, применимо понятие аккультурации как отличное от ассимиляции и обозначающее усвоение, практически полное, новой культуры и (или) языка, без сколько-нибудь существенного ущерба для старых.

Разумеется, если одна общность является одновременным носителем в более или менее сравнимой степени двух культур (или языков), то между последними не может не возникнуть хотя бы ограниченных взаимовлияний, как правило, обоюдных, хотя практически всегда не равновеликих. Так, небольшая этнографическая группа бацбийцев (цова-тушии) в Грузинской ССР, сохраняя в узкобытовой среде язык нахской группы, в общественной жизни говорит на грузинском¹¹. В ее грузинской речи можно отметить лишь сравнительно небольшое влияние нахской языковой специфики, преимущественно фонетической, но в ее нахский язык входит множество грузинских слов и выражений.

Близкая ситуация, но при почти равновесном балансе обоих компонентов, сложилась в Парагвае в соотношении гуарани и испанского языка, причем в парагвайский испанский вошло значительное число слов гуарани¹².

В качестве примера бикультурализма можно привести поведение японского или индийского студента: оно будет строиться по канонам местной культуры при домашней трапезе и скорее всего по канонам урбанистической (европеизированной) культуры в университетской столовой или большом городском ресторане, не говоря уже о зарубежной поездке. Культурные различия будут затрагивать не только состав самой трапезы, способ и манеру сидеть за столом и есть, но, вполне вероятно, даже определенные пищевые и поведенческие запреты, которые, будучи весьма действенными в домашней обстановке, могут вполне потерять свою действенность вне дома: для индийца такими запретами могут оказаться употребление мяса, алкогольных напитков, касание пищи левой рукой

и т. д. В то же время определенное взаимовлияние двух культур или систем поведения может проявиться во всех рассмотренных ситуациях: в домашнюю трапезу могут быть включены приправы и соусы, которые характерны для европейской кухни, она может проходить с использованием европейской посуды и мебели (стола, стульев). В трапезе европеизированного типа влияние местной традиции может проявиться в повышенной потребности в чае или воде для запивания, в отказе от некоторых блюд и продуктов. Многое здесь будет зависеть от индивидуальных факторов, но ведь в языковой интерференции при двуязычии они играют не меньшую роль. В подобной ситуации сосуществующие культурные и языковые системы обслуживают, обуславливают и институционализируют социальное поведение на разных уровнях и в разных сферах, причем при переходе от одного уровня (сферы) к другому происходит переключение кода.

В уже упоминавшейся работе Джоан Рубин¹³ разобраны случаи, когда в парагвайской среде происходит переключение с гуарани на испанский и наоборот. Яркие примеры дает также работа Х. Эйдхейма, где описано, как саамы, работающие на отгрузке тары из склада, переключаются в разговоре между собой с саамского на норвежский, каждый раз выходя из склада и наоборот (в складе работают только саамы, а снаружи, на причале, присутствуют матросы-норвежцы)¹⁴. У парагвайцев переключение кода происходит в собственной этнической среде при переходе речи с неофициального, товарищеского уровня (гуарани) на деловой, официальный (испанский) и наоборот. У саамов уровень не играет роли, определяющим является присутствие чужака, даже при отсутствии общения с ним.

Индийцы, владеющие английским языком, в описанном случае могут продолжать говорить на родном языке и перейти на английский только тогда, когда начинается общение с иностранцем. Но общий сигнал к переключению кода один — снижение уровня интимности ситуации ниже некоего предела.

Тот же самый фактор, а именно спизившийся уровень интимности («домашности») ситуации, определяет и моменты, когда бикультурал переходит от «своей» культуры А к «чужой» культуре В. Дело только в том, что внеязыковая часть культуры вообще более диффузна и проникаема, чем языковая, поэтому момент переключения культурного кода не столь дискретен и четок, как при переключении с одного языка на другой, и не так легко поддается однозначной фиксации. Хотя определенная интерференция при переключении с кода А на код В может иметь место не только в переходной (ассимиляционной или аккультурационной), но и в стабильной ситуации билингвизма и бикультурализма, все же в последней преобладают такие взаимовлияния А и В, которые являются осознано или неосознано вносимыми в целях взаимного обогащения и усовершенствования обеих систем и, таким образом, не должны рассматриваться как интерференция в узком смысле слова. Надо сказать, что при интенсивном восприятии В в языке, как известно, развиваются интерференционные явления не только под влиянием А на В, но и под влиянием В на А. Таковы галлицизмы типа «войдя в дом, там было очень темно» в языке русских дворян XIX в. или «Et gleicht die Käse nicht» в языке американских немцев под влиянием английского like, имеющего значение не только «быть

похожим», но и «любить». В бикультуральной ситуации, по-видимому, такие явления встречаются реже.

Рассмотрим теперь некоторые варианты и модели билингвизма и бикультурализма на примере ряда материалов по этнографии зарубежных стран. На этих примерах можно видеть, что развитие билингвизма и бикультурализма, хотя и сопряженные процессы, но не строго параллельные и в конкретной ситуации один может существенно опережать другой.

Процессы так называемой «вестернизации» Японии (термин этот, выражающий одну из форм аккультурации, употребляется нами сугубо условно) привели к ситуации сбалансированного бикультурализма (японского и «европейского»), при относительно небольшой интерференции, но с образованием довольно широкого круга смешанных синтетических и субстратно-суперстратных форм¹⁵. Двухязычие же (практически только англо-японское) осталось и по сей день ничтожным. Растянувшиеся с IV по XVIII в. постоянные и тесные китайско-японские культурные контакты * сопровождалась существенной интерференцией (особенно заметной в сфере культов, в частности народных) и привели к появлению большого числа синтетических форм, но преимущественно в форме суперстратного воздействия. Практически весь народный буддизм искажен интерференционными воздействиями до полного несоответствия отдельным образам своим прототипам: между японским Дзидзо и исходным индийским Кптитгарбхой, между японским Бато-Каннон и индийским Хаягривой нет почти ничего функционально общего. В этих образах можно усмотреть сильнейшее субстратное влияние каких-то сходных по функциям персонажей более древних народных культов. С другой стороны, включение триратны в синтоистский ритуал — явно суперстратное воздействие, причем также подвергшееся интерференции¹⁶.

Если попытаться проанализировать средневековый японо-китайский бикультурализм, используя данный выше график, то вряд ли будет преувеличением сказать, что значительнейшая часть средневековой японской культуры представляет собой сперва пиджинизированную в быту высших сословий, а затем креолизированную в общенародном масштабе китайскую культуру. Именно большое развитие интерференции привело здесь не к культурной ассимиляции, а к креолизации культуры. И можно даже сказать, что такой письменный стиль, как камбун (по существу обычный веньян, но оснащенный японскими грамматическими показателями «тэ-ниха»), представляет собой не что иное, как пиджин (древнекитайская лексика, надетая на структурный скелет японских синтаксических правил), но только очень специфичный — исключительно письменный. Что же касается собственно двухязычия, то оно, хотя и было ограничено социальной элитой и выступало почти исключительно в письменной форме, все же было широко распространено и несомненно способствовало развитию суперстратных явлений, в частности огромной доли китайских заимствований в терминологической части лексики.¹⁷ Некоторые его проявления должны быть отнесены не столько к билингвизму, сколько к би-

* Через эти контакты в Японию проникло и индийское по своим истокам буддийское культурное достояние, например инд. *дзьяна*, кит. *чань*, яп. *дзэн*.

культурализму, например практика сочинения как японских стихов (танка), так и китайских (си).

Совершенно противоположная ситуация наблюдается в Люксембурге. Здесь имеет место вообще трехязычие, француско-немецко-люксембургское, но три языка распределены здесь не столько по социальнo-стилевым уровням (типа высокого стиля — речи элиты и низкого стиля — речи простонародной), сколько по ситуационным сферам. Это распределение по сферам подробно описано в уже упоминавшейся работе Ремана¹⁸. Так, преподавание ведется в начальных классах на люксембургском, затем на немецком, а в старших классах — на французском. Радиовещание идет по-люксембургски, в телевидении преобладает французский, в объявлениях и этикетках — немецкий. Культура, напротив, достаточно гомогенна, и говорить здесь о каком-либо бикультурализме не приходится.

Своеобразный парагвайский пример показывает всеобщее двухязычие, причем размежевание сфер четко коррелируется с социально-стилистическим уровнем. Обобщенно можно сказать, что в Парагвае гуарани и испанский так же распределены по социально-стилевым ситуациям, как в Японии просторечный язык и вежливый стиль или в яванском обществе «нгоко» и «кромо»¹⁹. Что же касается парагвайской культуры, то, хотя она и носит синтетически смешанный, индейско-испанский характер, бикультурализма как такового здесь нет, скорее можно считать, что индейский компонент в культуре представляет субстратными чертами. Нет в настоящее время и языковой интерференции, она сменилась явлениями субстратно-суперстратного порядка. В отличие от культуры в языковом контакте более проявлены суперстратные черты, т. е. испанские лексические включения в гуарани, хотя и включений из гуарани в парагвайском испанском немало.

В Индии наблюдается тесная связь билингвизма и бикультурализма, носящего более или менее элитарный характер. Надо сказать, что определение это в общей форме приложимо и к двухязычию типа англо-хинди, и к двухязычию типа хинди-маратхи или маратхи-бхили. Интерференция очень сильна на всех уровнях.

Различия между перечисленными ситуациями могут быть объяснены, исходя из различий по ряду факторов: этнотерриториальная разобщенность или, наоборот, близость и даже чересполосность контрагентов, близость или различие их социально-экономических уровней и культурных традиций, соотношение демографической численности контактирующих групп, соотношение общего объема информации, потенциально доступного на их языках, и т. д. Приходится, очевидно, признать, что результат зависит от сложного переплетения многих факторов, ни один из которых не может быть определен как безусловно доминирующий.

Э. Хауген²⁰ различает четыре типа основных возможных ситуаций: 1) бикультурализм и билингвизм (таковы, как нам представляется, некоторые иммигрантские группы в США, корейские иммигранты в Японии, китайцы в Индонезии и т. п.); 2) бикультурализм и монолингвизм (в наших примерах — японцы); 3) монокультурализм при билингвизме (в наших примерах — Люксембург, Парагвай); 4) одна культура и один язык (самый распространенный случай). Однако реальность сложнее такой схемы, и Хауген сам отмечает, что носитель может владеть менее чем

двумя, но более чем одной целой языковой и культурной системой. Но даже если учесть наличие таких промежуточных вариантов, то ими не исчерпывается вся сложность. Важно и то, на каком уровне располагается тот компонент, который менее целого.

Провансальцы, особенно городские, могут владеть абсолютно целой французской языковой и культурной системой и менее чем целой, уже сильно деформированной провансальской. Это ситуация $A \downarrow + B$, типичная для групп, уже завершивших процесс аккультурации и имеющих тенденции к ассимиляции. В СССР упоминавшийся бацбийский (дова-тушинский) пример, пожалуй, является одним из наиболее изученных случаев подобной ситуации. В таких случаях В присутствует практически на всех уровнях общения, а А — только на самых низших.

Обратимся теперь к третьему поколению японских иммигрантов в США, в значительной степени не просто аккультурированному, но и отчасти ассимилированному, а ныне вновь стремящемуся возродить в себе черты японской культурной специфики, или к той части ирландского этноса, среди которой сейчас культивируется ирландское языковое возрождение. Ситуации такого типа настолько нередки в современном мире, что породили крылатое выражение: «Внуки стремятся вспомнить то, что деды стремились забыть». Здесь полузабытый родной А подставляется на высшие престижные уровни, тогда как В опять-таки присутствует на всех. В бикультурных ситуациях случаев такого рода особенно много, и о примерах подобной подстановки традиционной культуры с низших уровней на высшие нам уже не раз приходилось писать²¹. Тяготение сельского населения к городским формам быта, а городского населения, напротив, к украшению своего быта традиционными элементами крестьянской культуры представляет частный случай подобной ситуации бикультурализма.

Совершенно ясно, что и люксембуржцы, и парагвайцы образуют независимые этносоциальные организмы, таксономически равноценные и не соподчиненные испанскому или французскому и немецкому этносоциальным организмам. Тем более это относится к японцам. В то же время значительно большее число ситуаций билингвизма и бикультурализма, возникающих в ходе аккультурации, принадлежит к тем случаям, когда группа, в которой они развиваются, относится к разряду сравнительно малых народностей или национальных групп, ассоциированных с более крупными, экономически и культурно более развитыми нациями и народностями.

При изучении этих форм билингвизма и бикультурализма можно особенно четко видеть те социальные различия в их развитии, которые зависят от господствующего в каждом данном случае общественного строя — капиталистического или социалистического. В последнем случае мы имеем в виду главным образом народы СССР, однако представляется, что сходные закономерности действуют и в ряде других многонациональных социалистических стран, таких, как Югославия, Чехословакия, Вьетнам.

На примере Люксембурга или Японии мы наблюдали ситуацию параллельного или примыкающего билингвизма и бикультурализма, где А и В взаимно дополняют друг друга, но не находятся на разных уровнях. В случае же ассоциированных групп, например в англо-уэльском, франко-

бретонском, франко-эльзасском и франко-провансальском билингвизме или бикультурализме, А и В находятся на разных уровнях. А здесь обслуживает те сферы деятельности, которые возникли еще на уровне народности или ранее, а В обслуживает те сферы, которые формируются на уровне нации, т. е. А остается языком семьи, сельского труда, поэзии и т. д., а В выступает языком индустриальной экономики, средств массовой коммуникации, технического образования. При этом тенденция динамики выступает в форме $A \downarrow B \uparrow$, т. е. В проявляет тенденцию к расширению своей сферы за счет сужения сферы А. Рост этнического самосознания может приостановить развитие этой тенденции, но, как правило, не может ее повернуть вспять.

В советских условиях формально сходная схема ассоциации может иметь место в некоторых современных случаях, как, например, в бацбийско-грузинском, курдско-армянском, язгулемско-таджикском билингвизме, где небольшие народности и этнографические группы ассоциированы с нацией своей союзной республики. Однако принципиально иная картина наблюдается в тех случаях, когда функция В выполняется русским языком, а эти случаи составляют подавляющее большинство всех конкретных примеров билингвизма в нашей стране. Если курдский билингвизм и бикультурализм можно охарактеризовать как курдско-армянский, то армянский бикультурализм (в отличие от билингвизма) выступает уже не как армянско-русский, а как армянско-советский (само собой разумеется, что эта ситуация включает и курдов, у части которых можно отметить курдско-армянско-русский трилингвизм). При этом в силу уже упоминавшейся большей диффузности, пропигуемости внеязыковой части культуры распространение билингвизма опережается распространением бикультурализма: бикультурализм типа локальный + советский охватывает сегодня практически все население, тогда как билингвизм, хотя и распространен широко, еще отнюдь не стал всеобщим. Среди русского народа массового двуязычия не наблюдается (хотя имеет место сосуществование разных стилевых уровней), но культура русских также может быть подразделена на две части — этнически специфическую русскую и общесоветскую.

Общесоветская культура, вербальное выражение которой осуществляется главным образом через русский язык, представляет собой основной механизм реализации исторической общности — советского народа. В отличие от англо-валлийской ассоциации (где носителем английской культуры является английская нация, а уэльская народность выступает как ассоциированная с ней, но сама не порождает эту культуру) общесоветская культура порождается всеми народами СССР, и все они ассоциированы с этой культурой. Этим путем достигается интеграция всех народов СССР — русских, армян, узбеков, курдов, эвенков, чукчей, нивхов и др. — в общесоветское единство. Каждый народ СССР, таким образом, является носителем, потребителем и создателем по меньшей мере двух культур — этнически специфической и общесоветской. Эти две культуры диалектически дополняют друг друга, выполняя частью различные функции, частью образуя значительную зону перехода. Некоторые культурные формы (местные праздники, ритуалы, виды пищи, народные танцы и песни, спортивные игры и т. д.) остаются этнически специфическими только для

данного этноса. Другие формы стали, становятся или потенциально могут стать общесоветскими. Среди них также можно найти виды пицци, спортивные игры, а также произведения профессиональной художественной культуры (одни из них приобретают общесоветское значение, а другие — нет) и многие другие культурные формы. Наконец, есть и такие формы культуры, которые порождаются непосредственно в зоне функционирования общесоветской культуры: это общесоветские принципы права и морали, этики, эстетики, общесоветские праздники и обряды и пр.

На индивидуальном уровне безусловно можно найти различия в степени приобщенности отдельных лиц к ценностям общесоветской (как и своей этнической) культуры, но в целом очевидно, что бикультурализм этого типа резко опережает локально-русский билингвизм, хотя последний существенно способствует ходу процесса дальнейшей общесоветской культурной интеграции.

Важно отметить, что и бикультурализм, и билингвизм такого типа не обязательно должны развиваться и реально часто отнюдь не развиваются по принципу $A \downarrow B \uparrow$, а нередко, напротив, ситуации $A \uparrow B \downarrow$, когда абсолютно растет и объем информации, заключенный в родном языке (культуре), и объем, заключенный в русском языке (общесоветской культуре). Лишь относительные темпы роста второго компонента могут опережать темпы роста первого.

В процессе социализации индивида усвоение норм этнически специфичной культуры происходит раньше, чем усвоение общесоветских норм (аналогично с языком). Поэтому на том этапе социализации, когда начинается усвоение второй категории норм, вполне возможно возникновение интерференции.

Поскольку культура вербализируется в языке и поскольку русский язык служит медиатором общесоветской культуры, языковая интерференция может отражаться в культуре, в частности в связи с несовпадением семантических полей тех или иных понятий.

Более того, в случае деформаций или злоупотреблений в культурном строительстве, даже если конкретными виновниками этих деформаций являются администраторы коренной местной национальности, для политически незрелого, склонного к национализму обывателя деформации в общесоветской части культуры могут служить стимулом роста антирусских настроений именно в силу неправомерного отождествления общесоветской культуры с ее русским языковым медиатором.

В свете вышесказанного ясно необходимость уделять больше внимания проблемам соотношения билингвизма и бикультурализма. Необходимо глубже уяснить, как они обуславливают и стимулируют друг друга, каково между ними соотношение в разных конкретных случаях, а также исследовать возможности использования при изучении бикультурализма тех структур и моделей, которые уже хорошо разработаны в сфере билингвизма.

сложение нового, более крупного единства на основе ряда более мелких родственных общностей; сближением можно называть любое взаимное проникновение культурных черт различных общностей, при сохранении ими основных черт своей специфики.

³ Розенцвейг В. Ю. Лингвистический подход к описанию культурных контактов // Труды VII МКАЭН, Т. V, М., 1970. С. 629.

⁴ Квасневски К. Структурно-статистический метод в исследовании современной народной культуры // СЭ. 1964. № 3.

⁵ Пранда А. Влияние билингвизма на некоторые явления народной культуры // СЭ. 1972. № 2.

⁶ Губогло М. Н. Социально-этнические последствия двуязычия // СЭ. 1972. № 2; Брук С. И., Губогло М. Н. Двуязычие и сближение наций в СССР // СЭ. 1975. № 4; Они же. Факторы распространения двуязычия у народов СССР // Там же. № 5. С. 17; Губогло М. Н. К изучению роли двуязычия в истории народов мира // СЭ. 1977. № 5.

⁷ Реман Ж. Р. Очерк одной ситуации многоязычия // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.

⁸ См.: Michael Watson O. Proxemics // Current Trends in Linguistics. V. 12. Linguistics and Adjacent Arts and Sciences. Part 1. The Hague, 1974. P. 311; Hall E. T. Proxemics // Current Anthropology. 1968. V. 9. N 2. P. 83—108.

⁹ Eideheim H. When Ethnic Identity is a Social Stigma // Ethnic Groups and Boundaries. Boston, 1969.

¹⁰ Очень образную характеристику подобной маргинальной ситуации дал Н. А. Бутинов: «Так, из обломков папуасской культуры, с одной стороны, и из обломков европейской — с другой, складывается образ жизни людей деревни Ануабата» (Бутинов Н. А. Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968. С. 143).

¹¹ Дешериев Ю. Д. О взаимодействии древнеписьменных, младописьменных и бесписьменных языков // Вопросы теории и истории языка. М., 1952.

¹² Rubin J. Bilingualism in Paraguay // Readings in the Sociology of Language. The Hague, 1968; *idem*. Toward the Use of Formal Methods in the Detection of Culture Change // Proceedings. VIII-th ICAES. V. 2. Tokyo, 1968. P. 156.

¹³ Rubin J. Toward the Use of Formal Methods... P. 51.

¹⁴ Eideheim H. When Ethnic Identity... P. 51.

¹⁵ О них подробнее см.: Арутюнов С. А. Традиционное и заимствованное в современной материальной культуре японского города // СЭ. 1964. № 5; Он же. Новые черты в японском женском национальном костюме // СЭ. 1965. № 4.

¹⁶ Арутюнов С. А. Триратна в сикто // Индийская культура и буддизм. М., 1972.

¹⁷ Кизэда М. Грамматика японского языка. М., 1958. С. 7—8.

¹⁸ Реман Ж. Р. Очерк... С. 159.

¹⁹ Народы Юго-Восточной Азии // Народы мира. Этнографические очерки. М., 1966. С. 439.

²⁰ Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972. С. 64.

²¹ Арутюнов С. А. Статика и динамика неевропейской бытовой культуры // Основные проблемы африканистики. М., 1973. С. 37.

¹ Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973. С. 41.

² Под ассимиляцией мы понимаем здесь полную или почти полную утерю исконного состояния и столь же полное освоение нового состояния; под аккультурацией — приобретение основных черт нового состояния, при сохранении основных черт исконного; консолидация —

ЭТНИЧЕСКОЕ И МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ В КУЛЬТУРЕ

Культура — огромное и по объему и по сложности явление. Достаточно сказать, что культура вполне правомерно, по издавна сложившейся традиции, противопоставляется как явление одного уровня природе, т. е. всей живой и неживой природе¹. Если вспомнить, какое обилие научных дисциплин изучают природу в разных ее аспектах, то по сравнению с этим число дисциплин, изучающих культуру, может показаться относительно небольшим, хотя и их немало. Интегрирующую роль по отношению ко всем им выполняет культурология², а изучением значительной части общего объема культуры, имеющей этнический аспект, занимается этнография. В этой части культуры особенно велика роль поддерживающих ее преемственность этнических традиций, и этнография занята прежде всего изучением культурных традиций и традиционной культуры.

Как говорилось выше, ни в обществах предлюдей, ни в древнейших человеческих коллективах еще не могло быть этнического различия. Более того, четких границ в это время нельзя было бы провести и между компонентами культуры какой-либо одной локальной группы древнейших людей или их совокупности в целом. В отличие от некоторых авторов³, считающих, что изготовление орудий хабилисами еще не делало их людьми, что такие особенности человека, как мышление, воля, язык, возникли только на уровне питекантропов, мы считаем, что вместе с началом изготовления орудий у очеловечивающихся австралопитеков немедленно начал развиваться весь комплекс человеческих свойств. Другое дело, что они были еще в зачатке, долгое время оставались слабо выраженными, но орудийная деятельность с самого начала должна была быть сознательной, а не инстинктивной или условно-рефлекторной. Возможность такого осознания обеспечивалась уже упоминавшейся избыточностью биологической эволюции, в частности, в области ресурсов мозга. Но степень этого осознания на разных этапах должна была различаться. Согласно классическому афоризму К. Маркса, самый плохой архитектор тем отличается от самой хорошей пчелы, что прежде чем строить здание, он уже выстроил его в своей голове⁴. Однако вряд ли в голове древнейшего человека имелась постоянная четкая схема хотя бы такого простейшего орудия, как галечное рубило. Мысль о рубиле могла лишь тогда возникать в его мозгу, когда в нем появлялась потребность. Если готового орудия не было, оно изготовлялось из первой подходящей гальки, при этом движения рук были почти всецело автоматическими, усвоенными путем подражания старшим сородичам.

В сложных, комплексных поведенческих актах, из которых складывалась жизнь древнейших людей и которые уже были не просто животной активностью, а институционализированным способом деятельности, т. е. феноменом культуры, со своими результатами в виде орудий, примитивных жилищ, разделенной должным образом добычи, еще нельзя выделить производственные, рекреационные, обрядовые, соционормативные и прочие функции. Они выступали слитно, нерасчлененно, не обрели еще самостоятельной жизни, определялись не столько традицией, сколько непосредственной реакцией на условия среды, и тем самым не могли иметь этнодифференцирующего значения. Культурные традиции были еще в зачатке.

В дальнейшем, по мере усложнения культурного достояния древних человеческих коллективов, отдельные аспекты их деятельности обретали свои особые формы институционализации. И что особенно важно, формы эти неизбежно несколько отличались даже в соседних, близко связанных разными контактами коллективах.

По мере того как каждый коллектив (племя, род, орда, первобытная община) все больше осознавал свою привязанность к определенной территории, к своей нише, свою отличность от других общин с другими нишами, различиям этим придавалось все более осознанное, символическое значение. Прежняя слитность функций уступает место их все большей разделенности, и каждая из них все более определяется возникающей и закрепляющейся в сознании традицией.

Таким образом в системе культуры все более четко выявлялись отдельные составляющие, относительно независимые компоненты, хотя на любом уровне развития они никогда не становились полностью обособленными друг от друга и всегда сохраняли и сохраняют определенные переходные зоны и связующие звенья между собой.

По этой причине проблема выделения отдельных компонентов — подсистем в системе культуры — в идеале должна решаться не произвольно и абстрактно, умозрительно, а согласовываться с реконструкцией последовательности исторического развития и выделения этих компонентов, подобно тому как классификация видов животных и растений отражает историю их эволюционного ветвления. Конечно, известная доля умозрительности неизбежно будет иметься и в реконструкции, но уже на качественно ином уровне. К сожалению, для создания подобной реконструкции сделано еще немного, и поэтому все еще так сложен и неясен вопрос о внутреннем членении культуры как системы и явления. В этнографической науке наиболее традиционно членение культуры на духовную и материальную⁵. Некоторые авторы вводят наряду с этими двумя подсистемами другие, таксономически им равные: социальную, художественную⁶, поведенческую, жестово-мимическую и т. д.⁷

Нам представляется, что здесь имеет место смешение разных таксономических уровней, и на первом уровне абстракции нужно выделять прежде всего две основные подсистемы: духовную, развертывающуюся в микрокосме человека, и материальную, развертывающуюся в макрокосме его материального окружения. Связующим звеном между ними может быть названа еще физическая, или телесно-поведенческая культура, заключающаяся в культуре тела, в институционализации неосознанных

локомоторно-поведенческих навыков и т. д. Правда, сфера ее развертывания относительно узка по сравнению с первыми двумя основными подсистемами, но эволюционно-исторически она представляется древнейшей, а также исходной для возникновения обеих других подсистем. Во всех этих основных подсистемах культуры могут реализовываться различные функции, среди которых опять-таки можно выделить важнейшие: созидание и преобразование окружающей среды, созидание и преобразование самого человека, его духовных и физических качеств (т. е. производство и воспроизводство в самом широком смысле слова), потребление (от элементарного жизнеобеспечения до эстетического наслаждения), наконец, коммуникативно-нормативные функции культуры, благодаря которым общество существует не как хаос индивидов, а как слаженная иерархия коллективов⁸.

Роль традиции исключительно велика именно в этом поддержании общества как не-хаоса. Сообщества животных, хотя и регулируются неизменно довольно сложными биологически вырабатываемыми этологическими механизмами, все же выглядят хаотичными по сравнению с самым примитивным человеческим обществом. И это при том, что вариативность индивидуального поведения у животных крайне узка. У человека, где эта вариативность безгранично широка, безграничен был бы и хаос межличностных отношений, не упорядочивай его на каждом шагу постоянно действующая культурная традиция.

Дальнейший более дробный анализ функций культуры приводит нас к более дробному выделению подсистем второго, третьего и далее порядков, к выделению отдельных компонентов и элементов культуры как системы, среди которых найдут свое место системы жизнеобеспечения (жилище, пища, одежда), орудия труда и средства транспорта, различные виды искусства, обычаи и установления. Наконец, следует сказать о знаковых системах, которые имплицитно присутствуют во всех других, но существуют и самостоятельно; важнейшая из них — язык — также безусловно должен рассматриваться как одна из составных частей культуры. Но этот более дробный анализ уже выходит за рамки нашей задачи.

Изучая культуру как систему способов деятельности, мы наметили выделение в ней иерархии подсистем. Рассматривая культуру как отражение социальной структуры, мы можем выделить в ней ряд социальных субкультур. Эти аспекты исследования культуры (системный и структурный) лежат в разных плоскостях, ибо в отдельных субкультурах можно выделить многие или даже все подсистемы, присущие культуре в целом, а отдельные подсистемы могут обслуживать многие или даже все субкультуры (в частности, ни одна субкультура не может существовать без языка).

Подсистемы сами по себе своих традиций не содержат. Те традиции, которые в них можно видеть, принадлежат не самим подсистемам, а субкультурам их реализаторов (традиции медицины, юстиции, поэзии — это на самом деле традиции врачей, адвокатов, поэтов). На любом синхронном срезе подсистема в общем действует достаточно адекватно, вне зависимости от того, преобладают ли в ее составе традиции или инновации. Основным условием адекватности является то, чтобы инновации и традиции данной подсистемы не были бы в дисбалансе с инновациями и

традициями другой подсистемы. Например, в область медицины стремительно проникают инновации, а лексическая и фразеологическая области языка еще оперируют традиционными терминами и выражениями, которые не в состоянии адекватно отразить новые реалии. Но подобный дисбаланс, как правило, довольно быстро преодолевается. Иное дело субкультуры. Каждая из них всецело основывается на определенных традициях (классовых, профессиональных, конфессиональных и др.), а если появляется субкультура, основанная на инновациях, то эти инновации очень быстро становятся ее традициями.

Социальное деление культуры проявляется в культурных различиях между отдельными частями общества, прежде всего классами, а затем также и между более узкими слоями и прослойками. Культурное расслоение общества начинается сразу же вслед за классовым его расслоением. В раннеклассовых обществах, например в варварских королевствах германских народов, разрушивших Римскую империю, у скифских племен Причерноморья, у народов Центральной Африки, культурные различия между верхушкой общества, знатью и рядовыми общинниками еще невелики. Они имеют еще в общем единую систему ценностей, живут одинаковым бытом, и различия между ними не столько качественные, сколько количественные: размеры и количество построек в домохозяйстве, тогда как тип построек, будь то шатры или тростниковые хижины, остается тот же; есть различия в количестве и качестве дорогих привозных предметов, имеющихся у князя или царя и у простого воина, но оружие их одинаково, мало отличаются их пища и весь образ жизни. Описание и анализ системы культуры обществ, стоящих на такой ступени развития, полностью лежит в сфере понятий и методов этнографического описания и анализа, так как любые групповые культурные различия здесь совпадают с этническими или субэтническими. Единая этническая традиция здесь полностью доминирует.

Однако уже существует пропасть между системой взглядов, ценностей и образом жизни — жилищем, одеждой, предметами искусства, книгами, находящимися в распоряжении богатого рабовладельца, и образом жизни не только раба, но и лично свободного, но бедного земледельца. В развитом же феодальном обществе крестьянская культура (народная культура) и культура класса феодалов (элитарная культура) образуют две совершенно обособленные, сравнительно мало сообщающиеся между собой системы. Это не значит, однако, что они не находятся между собой во взаимодействии. Напротив, между ними имеются вполне четко определенные отношения. В феодальном обществе именно крестьянская культура является этнически специфичной, культура же феодального класса в пределах определенной историко-культурной области (Западной Европы, Южной или Восточной Азии), в особенности на начальных этапах средневековья, до интенсивного развития буржуазных отношений в городах, в значительной степени едина, и конкретная этническая специфика в ней выражена слабее⁹.

Феодальный класс создает свою, отличную от крестьянской систему ценностей, этики, морали. Но что касается бытовой, материальной культуры, то здесь феодальный класс, не будучи классом трудовым, создать что-либо бессилён. Как бы ни отличались костюм, жилище, утварь феодала

от материальной культуры крестьян, тем не менее покрой одежды, конструкция дома, строительные приемы, орнамент в конечном счете заимствованы из народной культуры. Конечно, они сильно преобразованы, но опять-таки усилиями трудового народа — ремесленников, каменщиков, прочих мастеров, обслуживающих феодальную верхушку общества. Класс феодалов выступает держателем, носителем и потребителем этих культурных ценностей, но отнюдь не их создателем.

Что же касается духовной культуры, то, конечно, в феодальной среде создаются литературные, поэтические, музыкальные произведения (как создаются они путем коллективного, фольклорного творчества и в крестьянской среде), но подлинно значимое, непреходящее звучание они приобретают только в том случае, если имеют достаточно глубокие народные корни, питаются соками народного гения. Примером того могут служить сказы о «Тристане и Изольде», «Песнь о Сиде», «Слово о полку Игореве», японские «Моногатари» и другие бессмертные произведения, тогда как чисто куртуазные, ограниченные интересами феодальной верхушки, оторванные от народной жизни литературно-поэтические упражнения позабыты всеми, кроме узкого круга специалистов-литературоведов.

Что же касается любого предмета бытовой, материальной культуры господствующего класса, то по своей идее, принципу он всегда оказывается взят из народной крестьянской культуры, но переработан уже профессиональными мастерами сообразно вкусам и запросам господствующего класса. Дальнейшая судьба таких переработанных элементов элитарной культуры состоит, как мы подробнее покажем ниже, обычно в том, что со временем они теряют свой элитарный, престижный, знаковый характер и, постепенно опускаясь по ступеням социальной лестницы, в конечном счете вновь становятся элементом всеобщей народной культуры.

Традиционность народной культуры в особом обосновании, пожалуй, не нуждается. Традиционный костюм и народный костюм, традиционная кухня и народная кухня — эти словосочетания часто употребляются как синонимы и, конечно, не без оснований. Это не противоречит тому, что именно народная культура служит самым большим и универсальным полигоном для постоянной апробации всевозможных инноваций.

А как обстоит дело с традиционностью элитарной культуры? Конечно, как любая культура, она не могла бы существовать без своих традиций. Но традиционность элитарной, в особенности феодальной культуры, очень часто сильно преувеличивают, а главное, принимают традиционность формы за традиционность содержания. В отличие от традиций народной культуры элитарные традиции мало позитивны и конструктивны, зато весьма претенциозны и часто довольно недолговечны, мода то и дело оказывается значительно сильнее их. В общечеловеческом, общенациональном смысле основной резон существования элитарной культуры на соответствующем уровне исторического развития общества состоит, пожалуй, в том, что она создает возможность упомянутой выше ротационной переработки «поднимающихся» и «спускающихся» культурных элементов, одновременно существовая способствуя межэтническому взаимобмену ими. Ниже в специальной главе мы разберем этот вопрос более детально.

В отличие от народной крестьянской культуры, которая продолжает

всецело оставаться предметом изучения этнографической науки, элитарная культура выступает объектом рассматривания ряда специфических культуроведческих дисциплин, как кардинальных — искусствоведения, правоведения, религиоведения и т. д., так и вспомогательных — геральдики, нумизматики, сфрагистики и пр. Отдельные данные и результаты исследования методами этих дисциплин в то же время представляют значительный интерес для этнографа, особенно если они выявляют народные корни и истоки каких-либо явлений в элитарной культуре или же помогают уловить момент начала потери ими элитарного характера и обратного «спуска» в народную культуру.

Трудно оспаривать положение, что культура служит для человека универсальным механизмом адаптации к условиям существования. Обще-человеческая культура выступает для человеческого вида в целом средством его адаптации к планетарным природным условиям Земли, а также к тем социальным последствиям, которые вытекают из прогрессирующего освоения этой планетарной среды. Обще-человеческая культура в своем развитии проходит ряд принципиально общих для человечества этапов, также могущих рассматриваться как общие типы культуры; на своем высшем таксономическом уровне эти типы соответствуют общественно-экономическим формациям: первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической. Но конкретно на любых этапах (которые широко сосуществуют в абсолютном историческом времени) она распадается на ряд локальных культур, каждая из которых является средством адаптации к локальным природным и социальным условиям. Важно отметить, что понятие «среды» для человека в отличие от животного всегда имеет двусторонний смысл: как природная и как социальная среда. При этом чем развитее локальная культура по шкале относительного исторического времени и чем на более дробный таксономический уровень локальных культур мы спускаемся, тем более ощутимым становится перевес социальных факторов в комплексе «среды» над природными. Но прежде чем говорить о разных локальных культурах и их отношениях между собой, необходимо хотя бы кратко выяснить, из каких компонентов складывается отдельная локальная культура в наши дни и в чем в этом смысле она отличается от локальной культуры прошлого.

В культурной динамике современного мира довольно отчетливо выделяются три группы тенденций, обусловленные историческими факторами, специфически присущими нашему времени. Это, во-первых, тенденции, обусловленные общим прогрессивным движением культуры в условиях интенсивного развития науки и техники; во-вторых, тенденции, обусловленные современной социально-политической обстановкой; в-третьих, тенденции, связанные с растущим осознанием народами мира общности судеб всего человечества.

На фоне этих общемировых тенденций в развитии культуры нашего времени в ней протекают важные процессы, начавшиеся намного раньше, — процессы объединения и специализации отдельных ее сфер. В результате сложились две наиболее общие для всего мира сферы культуры: первая связана с трудовой, профессиональной деятельностью людей; вторая — с их бытом и досугом¹⁰.

Для культуры традиционных, доиндустриальных обществ было харак-

терно единство производственной деятельности и повседневного быта. Личные и производственные связи и контакты, общественная и повседневная жизнь тесно переплетались друг с другом.

По мере урбанизации и индустриализации прежняя целостность нарушается: рабочее и свободное время четко отграничиваются друг от друга, работа и семейная жизнь, занятость и досуг выделяются в самостоятельные культурные сферы. Эти сферы не только разделяются пространственно, но каждая из них имеет и свою материальную базу, свою форму организации, регулируемую своими принципами ценностных ориентаций.

Однако субъектами обеих сфер культуры — профессиональной и бытовой — являются одни и те же люди. Генетически профессиональная культура восходит к трудовой, производственной части прежней народной культуры, хотя ее создателями являются не только широкие трудящиеся массы, но и высшие уровни творческой интеллигенции, так называемая «интеллектуальная элита» классового общества. Что же касается собственно «элитарных» слоев, т. е. верхушки эксплуататорских классов в капиталистическом обществе, для них участие в профессиональной культуре неспецифично как социальный определитель. Повседневная бытовая культура генетически во многом восходит к былой элитарной, претерпевшей процесс снижения и демократизации. Она также в своей массе обслуживает самые разные слои общества. Таким образом, на новом этапе социальное разделение культуры идет не столько по различиям в ее форме и структуре, сколько по характеру выбора, набору ценностных ориентаций, тенденциям и стремлениям в использовании одних и тех же сфер культуры в целях, определяемых классовой, социальной принадлежностью. И бытовая и профессиональная культура в разных случаях могут иметь как положительный (прогрессивный), так и отрицательный (реакционный) знак. В определении этого знака и заключается применение ленинского учения о двух культурах в современных условиях.

Профессиональная культура в каждом конкретном случае охватывает лишь одну, строго определенную часть деятельности. Она определяет формирование профессионального типа мышления, специфику профессионального общения. Тем самым она неизбежно ограничена и не может удовлетворить разнообразие запросов духовной жизни. Путем специального обучения профессиональная культура легко передается новому поколению и на новую социальную почву, и рамки этнических культур несущественны для ее функционирования и распространения.

Вопрос о традиции для профессиональной культуры, как для подсистемы культуры, неактуален. В сообществах специалистов той или иной профессии существуют, разумеется, свои традиции, которые отчасти могут быть в известной мере интернациональными, как, например, в медицине, но гораздо более существенны они для групп профессионалов в национальных рамках. Технология производства пива (т. е. соответствующая профессиональная культура) в Германии и в Японии вполне одинакова. Однако профессиональные традиции немецких и японских пивоваров, их отношение к своей профессии различны, они определяются различной глубиной истории профессии, различными обстоятельствами ее развития и функционирования.

Проблемы формирования и функционирования различных видов профессиональной культуры представляют собой важный объект для социологических исследований, но этнографические исследования, как правило, не захватывают сферу профессиональной культуры непосредственно, касаясь ее лишь в той мере, в какой она отражается в культуре бытовой.

Культура быта и досуга отличается гораздо большей широтой. Она выступает как сфера широкой просветительской активности, самообразования, отдыха и развлечения. В этой сфере культуры более всего прослеживается специфика этнических традиций, и она является одним из важнейших объектов этнографического исследования. Социологические исследования в этой области тесно переплетены с этнографическими.

Хотя современная культура быта и досуга определяется во многом факторами моды, экономики, технической оснащенности и другими моментами, подверженными быстрым изменениям, тем не менее очевидно, что социальные и этнические традиции продолжают во многом определять ее профиль.

Общине в сфере быта и досуга непосредственно не зависит от профессиональных интересов, от профессиональной культуры, но вместе с тем они тесно связаны, так как быт и досуг зависят от продуктов профессиональной культуры и через нее в культуру досуга проникают как профессионально-технические, профессионально-научные знания в виде различных увлечений, «хобби», так и те потребительские ценности, которые создаются профессиональной художественной культурой.

Современный научно-технический прогресс создал условия для распространения достижений профессиональной культуры во все более широкие массы общества. В результате возникло явление, получившее название «массовой культуры». Развившись на основе урбанизации, роста крупной промышленности, всеобщего образования, успехов в технике коммуникации, массовая культура стала явлением общепланетарного масштаба. В нее входит вся совокупность общемировых потребительских элементов культуры, производимых промышленным способом, таких, как книги, фильмы, радио- и телевизионные приемники, консервированная пища, одежда, мебель, а также всемирно распространенные виды досуга: танцы, спорт, туризм, любительское собирательство. Массовая культура помогает изжить массовую неграмотность, ликвидирует культурную изоляцию отдаленных районов. Возникновение массовой культуры исторически было шагом вперед в культурном развитии народных масс.

Однако содержание и цели массовой культуры в социалистических и капиталистических странах различны. В капиталистических странах ее каналы широко используются для формирования социально пассивной потребительской личности, конформизма, духовного стандарта. В то же время в массовой культуре капиталистических стран существуют и прогрессивные течения: они ведут борьбу с нигилизмом и индивидуализмом, стремятся поддерживать и развивать передовые идеи в массовом сознании.

В массовой культуре социализма отразилось развитие новой социалистической идеологии, проникнутой оптимизмом, стремлением к знаниям и активной деятельности. Средства массовой коммуникации в странах социализма направлены используются для воспитания эстетического вкуса, культуры поведения, популяризации научных знаний. Это не

исключает возможности появления и в каналах социалистической массовой культуры отдельных произведений и целых течений, отмеченных печатью низкопробности, безвкусицы, пошлости, но здесь эти черты не являются органическим, неизбежным спутником массовости культуры.

В любой современной локальной культуре можно выделить определенные элементы профессиональной культуры, иногда имеющие какой-то специфический местный колорит, однако чаще всего никак им не отмеченные, но тем не менее являющиеся неотъемлемой частью данной локальной культуры постольку, поскольку они обслуживают именно ее общую систему. Наряду с ними можно выделить и элементы повседневной бытовой культуры, практически в любой локальной культуре имеющие свою характерную специфику. В локальных культурах минувших исторических эпох в зависимости от критериев их выделения специфичность может проявляться в большей мере либо в элитарной, либо в народной ее части, но, как правило, прослеживается в обеих.

Локальные культуры могут выделяться на разных уровнях и по разным признакам. Так, мы можем говорить о средневековой западноевропейской культуре; о современной культуре субсахарской Африки; о латиноамериканской культуре; мы можем говорить об исламской или буддистской культуре; о культуре евразийских кочевников или о циркумполярной культуре; в любом случае это будут культуры определенных исторических областей на определенном этапе их развития. Но в каждом случае культура будет выделяться по ограниченному числу признаков, не охватывающих всех особенностей различных носителей этих культур. В каждом случае целостность, преемственность указанных культур будет определяться некоторым пучком общих традиций, более или менее свойственных всем носителям каждой такой культуры. Однако гораздо больший объем традиций окажется резко различным у разных групп, охватываемых такими обобщающими признаками. Более того, по разным наборам традиций одна и та же группа может оказаться в разных локальных культурах такого уровня. Так, например, буряты могут быть отнесены к буддистской культуре, к культуре евразийских кочевников и по некоторым традициям — даже к циркумполярной культуре. Но несомненно, что гораздо значимее те традиции, которые их выделяют именно как бурят. Таким образом, значительно более солидное культурное единство обнаруживается, когда мы переходим к выделению локальных культур на уровне этносов. Хотя и в этносах, по крайней мере в развитых, есть сложная структура социальных, профессиональных, субэтнических различий в культуре, наиболее глубинные бытовые, поведенческие, ориентационные пласты культуры являются общими, присущими этносу в целом.

В общих рамках вариативности культурного достояния человечества, как мы уже видели, можно выделить, кроме культур отдельных народов, культуры целых комплексов народов, характерные для больших и малых историко-этнографических ареалов; в новейшее время с особенной четкостью выступает разделение сложного явления культуры народов Земли на культурные комплексы, связанные с социально-экономическими различиями между странами и большими группами стран. В этом смысле можно выделить культуру социалистических стран, культуру развивающихся стран и культуру стран развитого капитализма. Каждой из этих

трех групп присущи некоторые общие черты типичных для них традиций, и что еще более важно, для каждой из них характерна определенная специфика в направлении повседневно появляющихся в наши дни в культуре всех этих стран новых черт, тенденций, иначе говоря, инноваций.

Между всеми этими культурными подразделениями, охватывающими то целую социальную формацию, то группы народов, то отдельные этносы, идет непрерывные процессы культурного взаимодействия. Их совокупность формирует элементы, в той или иной мере распространившиеся по всему миру. Местами формирования таких общемировых элементов стали ранее всего города Западной Европы, где к концу XIX в. индустриально-городская культура уже начала приобретать в основных чертах свой современный облик.

Однако элементы общемировой индустриально-городской культуры было бы неправильно отождествлять с европейскими (хотя предметы европейской культуры занимают в них видное место); не вполне точно, хотя это часто делается, и называть эту индустриально-городскую (урбанистическую) культуру «западной», а процесс приобщения к ней — «европеизацией» или «вестернизацией». Достаточно вспомнить хотя бы, что такие характерные для этой культуры напитки, как чай, кофе, какао, имеют вовсе не европейское происхождение. Другое дело, что включение и этих и других элементов, пришедших из разных регионов Земли в общемировой комплекс, происходило преимущественно в культурной среде городов Европы, а затем и Америки.

Процесс пополнения общемировой индустриально-городской культуры отдельными элементами, взятыми из традиционных культур, продолжается. Например, в 1970-е годы пончо, традиционная народная одежда в некоторых странах Южной Америки, войдя в моду в Европе, распространилось во всем мире как элемент современного городского костюма. Перечень подобных примеров можно было бы легко продолжить. Нет сомнения, что по мере того как все большее число народов Азии, Африки, Океании и Латинской Америки будет приобщаться к общемировой культуре, переходить из положения отсталых и угнетенных в ранг полноправных членов цивилизованного человечества, процесс пополнения общемировой культуры элементами их этнически специфичных культур будет не угасать, а наоборот, расширяться. При этом следует отметить, что в материальной культуре отдельных народов нередко достигается исключительно удачная, веками выработанная приспособленность к природной среде (пример тому — одежда, сани, лыжи и другие приспособления арктических народов, заимствуемые у них всеми европейцами, проникающими в Арктику). Поэтому, хотя процесс приобщения к комплексу общемировой культуры все новых народов — само по себе явление бесспорно прогрессивное, очень важно, чтобы при этом не исчезли бесследно, а сохранились бы в отдельных сферах жизни (или по меньшей мере тщательно изучались и фиксировались бы) этнические специфичные, так называемые национальные элементы культуры, так как трудно угадать, какой из них может когда-нибудь оказаться ценным приобретением для всего человечества.

В очень сложной культурной картине современного человечества, таким образом, выделяются прежде всего ее основные составляющие —

культуры отдельных народов. В их рамках еще существуют местные культурные особенности отдельных этнографических групп, имеющих почти в каждом более или менее крупном народе. В более широком масштабе можно говорить о культуре отдельных групп народов как о культуре, характерной для больших и малых историко-этнографических областей, на самом высоком уровне почти совпадающих иногда с целыми континентами. И наконец, существует, как мы уже знаем, современная общемировая культура индустриально-городского типа, которая очень условно может быть названа «западной» или «европейской».

Между всеми этими культурами протягиваются линии их взаимодействия, контакта, взаимного или одностороннего проникновения. Прежде всего, конечно, почти повсюду в современном мире происходят процессы взаимодействия общемировой индустриально-городской культуры с местными традиционными, этнически специфическими культурами. Общемировая культура в своем развитии постоянно черпает новые элементы и мотивы из местных традиционных культур, и это происходит не только в области бытовой культуры, т. е. одежды, пищи, утвари, жилища, но и еще более в области духовной культуры, так как общее культурное достояние современного цивилизованного и образованного человека, где бы он ни жил — в Европе, в Африке или Америке, немисливо не только без знакомства с пьесами Шекспира или музыкой Бетховена, но и без Рабиндраната Тагора, японской живописи, современной джазовой музыки, имеющей глубокие африканские корни, или танцев, возникающих, подобно румбе или танго, в народной культуре стран Латинской Америки.

В современной общемировой культуре, помимо поверхностных и материальных бытовых аксессуаров (таких, как пиджаки, брюки, рубашки и галстуки в одежде; кровати, столы и стулья в мебели; тарелки, ложки и вилки в утвари; хлеб, бутерброды, колбаса, сосиски, яичница, чай, кофе, пиво в пище), присутствуют и формы социального поведения и социальной организации: от таких внешних, как рукопожатие, поцелуй, до таких фундаментальных, как формы брака и семьи (отрицание полигамии, терпимость к разводам и повторным замужествам, абсолютное преобладание малой семьи, состоящей из супружеской пары и ее незрелых детей).

Общемировая культура включает и творчество тех поэтов, писателей, ученых, художников, которые перешагнули национальные рамки и приобрели всемирное значение. Росту этого значения служат публикации переводов, конференции, фестивали, выставки. Все это ведет к возрастающей интернационализации культуры и общественной жизни в масштабах всей Земли.

Понятно, что в разных странах, на различной этнически традиционной основе восприятие отдельных частей и духовной и материальной общемировой культуры происходит с неодинаковой скоростью и глубиной. Восприятие любого нового ее элемента прямо или косвенно связано с уровнем и особенностями социально-экономического развития данного общества. При этом следует помнить, что так называемая «западная» индустриально-городская культура, будучи в принципе общемировой, отнюдь не является абсолютно стандартной для всего мира, а существует конкретно во множестве местных вариантов, каждый из которых окрашен привнесением

каких-то местных традиционных черт, учитывает специфику местных природных условий, отражает особенности образа жизни, обычаев, вкусов местного населения.

Сейчас в СССР, например, и яранга у чукчей, и юрта у казахов, в подавляющем большинстве перешедших к жизни в новых благоустроенных поселках, перестали быть постоянным жилищем и сменились домами европейского типа. Однако и в самой конструкции этих домов, и в их внутреннем убранстве, и в том, как используется и организуется жилое пространство в них, конечно, многие детали у чукчей и казахов совершенно различны. Или, скажем, в таких соседних странах, как Аргентина и Бразилия, городское население носит, сообразуясь с модой, пиджаки европейского покроя, как и во всем мире. Однако в то время как большинство бразильцев, которые унаследовали от африканского компонента в своем этногенезе склонность к традиционно ярким цветам в одежде, одеваются довольно ярко, аргентинцы, в этногенезе которых преобладали выходцы из Испании и Италии, предпочитают сообразно их традициям более строгие, темные или черные костюмы. И чай и кофе сейчас пьют во всем мире, но в материковой Западной Европе более популярен кофе, тогда как англичане явно предпочитают ему чай; такое предпочтение в любом случае имеет свои исторические причины, хотя не всегда можно сказать, какие именно.

Кроме того, элементы «западной» и традиционной культуры вступают между собой в отношения взаимопроникновения и синтеза. Европейского типа рубашка или галстук в Индонезии могут иметь сугубо традиционный орнамент в стиле «батик», а ширмы в японском доме, сохраняя свою традиционную форму, напротив, могут ныне украшаться в стиле современной космополитической моды, лишенной этнической специфики. Такое смешение этнически нейтральных (общемировых) и этнически окрашенных черт культуры можно наблюдать и в пище, и в архитектуре зданий, и в музыке, и практически во всех сферах культуры, как материальной, так и духовной.

Так, скажем, у одного народа может выше цениться сдержанность, бережливость, у другого — напротив, общительность, щедрость, удаль. Ареальное картографирование таких черт этнической специфики — дело несомненно более трудное и значительно менее разработанное, чем фиксирование распространения черт материальной культуры, но и оно в принципе возможно. Что же касается разных черт духовной культуры, то ареалы тех или иных фольклорных сюжетов или тех или иных преобладающих типов музыкальных ритмов и мелодий изучены в ряде случаев достаточно хорошо и выявляют четкую связь, с одной стороны, с культурно-хозяйственными типами, с другой — с историко-этнографическими областями.

При различных соотношениях общемировой и традиционной культуры у разных народов и в разных районах мира наибольший удельный вес первой, естественно, наблюдается в странах Западной Европы, где она и зародилась, а также Северной Америки. При этом именно в странах Северной Америки эта культура приобрела наиболее обезличенный этнически, космополитический характер, и у большинства этнических групп их населения традиционные элементы сохраняются лишь в виде неболь-

ших осколков в особенностях быта, в воспоминаниях, в некоторых праздниках. В странах Европы общемировая культура присутствует в большом числе локальных вариантов: даже в сугубо городском быту различия между Гавром и Марселем, Гамбургом и Веной несомненно существеннее, чем различия между Атлантой и Торонто, не говоря уже о размахе различий между Стокгольмом и Мадридом, Лондоном и Афинами. Затем в странах Европы по разным причинам, хотя бы уже из соображений поддержания их туристской привлекательности, имеющей немалую экономическую ценность, достаточно большое внимание уделяется сохранению, поддержанию и даже возрождению многих внешних сторон традиционной духовной и материальной культуры, таких, как праздничный костюм, архитектура сельского жилища, календарные праздники и обряды, музыка, песни, танцы и т. д.

Здесь важно также вспомнить, что у некоторых европейских народов возрождение специфических этнических особенностей материальной и духовной культуры происходило еще в XIX—начале XX в. в связи с национально-освободительным движением. Очень ярко этот процесс национального пробуждения был выражен, например, у чехов, поляков, народов Югославии и т. д.

Практически в современной культуре каждой страны, каждого народа, не исключая даже и самые отсталые племена, присутствуют оба эти компонента — общемировой и традиционный, но, разумеется, баланс их бывает различен. Если значительная часть сельского населения Азии, Африки, Латинской Америки во многом или даже почти полностью сохраняет свой культурный комплекс, лишь отчасти дополняя его простейшими элементами общемировой культуры (такими, например, как металлическая кухонная посуда европейского типа фабричного производства), то в бытовой материальной культуре жителей современного канадского города внешне мы вряд ли легко заметим какие-либо специфические этнические или даже хотя бы общеканадские черты. И тем не менее население такого города может состоять из целого ряда этнических групп, например англосаксонских, ирландских, французских, польских, украинских, еврейских, немецких по своему происхождению. Представители этих групп могут полностью перейти на английский язык даже в повседневной жизни и в быту, где не только материальная, но и духовная культура может быть в значительной части составлена из этнически нейтральных компонентов, но тем не менее в их системе ценностей, т. е. взглядов на жизнь, ориентаций, форм поведения, все же сохраняется определенная этническая специфика, что и обуславливает сохранение такой группой своего особого этнического самосознания.

В тех случаях, когда в области материальной культуры этническая специфика теряется и заменяется культурой общемирового типа, она сохраняется и даже приобретает подчеркнутое значение в области системы ценностей, поведения, ориентации. У небольших этнических групп это может быть специфика профессиональной ориентации, например профессия монтажника-высотника у индейцев-могауков в США, профессия горного проводника или носильщика у гималайских шерпов в Индии. Впрочем, такая специфика профессиональной ориентации может входить и в давний традиционный комплекс этнически специфических черт куль-

туры, как, например, ювелирное дело у кубачинцев Дагестана или пастушество у таглыков (этнографической группы уйгуров Синьцзяна). У более крупных народов этническая специфика системы ценностей более равномерно распределена по разным направлениям ориентаций и поведения.

В странах Латинской Америки в городской среде также преобладает общемировая, этнически нейтральная культура, но и здесь, как уже отчасти было показано выше, она имеет большое число пронизанных местной спецификой вариантов. Городам Латинской Америки еще более ярко, чем городам Европы или Северной Америки, присущи социальные контрасты между бытом зажиточных, буржуазных слоев населения и бытом городской трудовой бедноты, обитателей так называемых фавел, трущоб окраинных районов. Культура жителей фавел, как бы она ни была бедна и скудна, все-таки скорее принадлежит к общемировому, этнически нейтральному стандарту, нежели этнически окрашенному варианту культуры. Это связано с тем, что поддержание какой-то этнической специфики в быту, в повседневной жизни, например приготовление традиционной пищи, требует определенных материальных затрат, нежели пользование самими дешевыми, низкосортными продуктами (или отходами продуктов) фабричного производства. Этнически специфические черты, можно скорее отметить в быту средних слоев, тогда как буржуазная верхушка общества отказывается от них, как от «плебейских», стремясь во всем подражать Европе или Северной Америке. Лишь во время столь распространенных в странах Латинской Америки фиест, например карнавалов, на первый план выступают хранящиеся в народной памяти самобытные, традиционные черты.

В сельской местности, напротив, во многих случаях традиционные, этнически специфические черты быта народов Латинской Америки (преимущественно индейские или негритянские по своему генезису) являются преобладающими. Но следует помнить, что многие элементы культуры, которые и сами их носители — крестьяне, и рассматривающие их со стороны городские жители (или приобщившиеся к городским ценностям европеизированные верхние слои сельского населения) воспринимают как сугубо индейские, на самом деле исторически могут оказаться заимствованиями элементов европейской культуры какой-либо прошедшей эпохи. Так, например, карнавальные костюмы индейцев чамула в Южной Мексике — не что иное, как имитация мундира французских гренадеров, служивших в войсках мексиканского императора Максимилиана в 1862 г.

В Азии соотношение общемировой и традиционной культуры существенно меняется от страны к стране. Так, население Японии, как городское, так и сельское, можно сказать, практически полностью усвоило все стороны общемировой, западного типа культуры, но в то же время почти полностью сохранило и все компоненты своей этнически специфичной, традиционной культуры. Например, в зависимости от ситуаций используют стандартную или традиционную одежду (европейский костюм надевают при выходе на работу, а дома, на досуге, носят национальное платье). На Филиппинах, бывшей испанской колонии, ситуация очень близка к только что описанной латиноамериканской. В Индии, Индонезии и других странах Южной и Юго-Восточной Азии при преобладании традиционной культуры на селе в городе наблюдается причудливое мозаич-

ное сочетание разных компонентов обоих вариантов. При этом в отличие от Латинской Америки наиболее «европеизированно» выглядят средние слои, ибо беднейшим слоям почти никакие элементы западной культуры вообще пока недоступны, а в экономически господствующих и наиболее образованных слоях распространено стремление к использованию традиционных культурных элементов (костюма, этикета, обрядности) из патристических, националистических соображений. Довольно сильно европеизирован быт города, особенно в верхних социальных слоях, в ряде стран Ближнего и Среднего Востока, таких, как Турция или Ливан, тогда как в Афганистане или Непале «вестернизация» затронула еще довольно слабо и городское население, не говоря уже о сельском. То же можно сказать и о большинстве стран Африки к югу от Сахары. Однако проникновение общемировой культуры западного типа даже в тех районах, где оно началось совсем недавно, идет все нарастающими темпами.

В условиях капитализма усвоение общемировой культуры часто принимает уродливые формы, когда в авангарде ее выступают такие «спутники» современной общемировой городской культуры, как падение моральных устоев, алкоголизм и наркомания, пропаганда секса и насилия. Поэтому понятно, что и руководители молодых независимых государств Азии, Африки и Океании, и идеологи национально-освободительного движения в странах этих континентов нередко противопоставляют традиционную и западную культуры. В своей крайней форме, в форме огульного отрицания ценностей западной культуры, такое противопоставление, конечно, неправомерно, однако пропаганда и защита ценностей своей традиционной, этнически специфической культуры полезна и нужна для данной страны и данного народа, так как мобилизует его национальную гордость и самоуважение, сознание высокой ценности того, что этот народ создал на своем историческом пути. Кроме того, по причинам, уже изложенным выше, традиционная культура каждого народа полезна для всего человечества. Разумеется, это не относится к тем случаям, когда либо в полемическом пылу, либо в националистическом угаре, либо в классово-эксплуататорских интересах ведется пропаганда реакционной части традиционной культуры, религиозного фанатизма, патриархальщины и феодальных пережитков. А они имеются в традиционных культурах разных народов, так как и в традиционных культурах могут быть выделены как прогрессивные, полезные, так и вредные, устаревшие их компоненты.

Помимо взаимодействия общемировой культуры и локальных культур, во всем современном мире идет все более усиливающийся процесс взаимодействия локальных, зональных или национальных культур между собой. Пожалуй, наибольшей интенсивности этот процесс достиг в СССР. Хотя развитие подобных процессов в обществах с еще непреодоленными классово-антагонистическими противоречиями не может достичь завершенности, оно тем не менее имеет место и в этих обществах. Так, вполне определенное единство представляет собой индийский народ, хотя он очень многонационален, и это единство достигается путем непрерывного культурного обмена и взаимообогащения всех населяющих Индию наций и народностей.

Взаимовлияние отдельных этнических специфических культур происходит прежде всего в рамках многонациональных государств. Оно имеет

место также не только между соседними, но и между отдаленными странами, хотя, конечно, с различной силой и интенсивностью. Интенсивный культурный обмен идет между всеми латиноамериканскими странами. Общность языка, давние исторические связи обуславливают особую важность взаимных культурных связей Бразилии и Португалии, прочих латиноамериканских стран и Испании. Многие страны Африки, бывшие прежде французскими колониями, хотя и завоевали политическую независимость, но отнюдь не порывают тесных культурных связей с Францией. С другой стороны, для таких бывших французских колоний, как Алжир или Тунис, первостепенное значение приобретает развитие связей в рамках мира арабских стран, от которого прежде они были в значительной мере искусственно оторваны. Все страны Африки стремятся к развитию внутриамериканских культурных связей. Огромного размаха достигли взаимные культурные влияния и культурный обмен между странами мировой социалистической системы. Обмен информацией всех видов, взаимное ознакомление с культурой друг друга, восприятие новых элементов из культур соседних и дальних стран имеют место практически во всех уголках земного шара.

Дальние и массовые переселения людей (миграции), взаимные культурные влияния, контакты, широкая диффузия отдельных элементов и комплексов культуры в той или иной форме имели место во все эпохи существования человечества. Однако именно начиная с эпохи Великих географических открытий, в новое и особенно в новейшее время они приобрели всеобщий, глобальный характер, стали не эпизодическим явлением, а постоянным правилом. Сейчас во всем мире почти не осталось уголков, где не происходили бы передвижения и изменения в составе населения (отъезд местных уроженцев в другие места, приезд новых поселенцев извне), куда повседневно не проникали бы какие-то товары, предметы, известия, сведения, прочая информация из весьма отдаленных от данной точки мест; где не встречались бы, не контактировали между собой представители разных этносов, не шла бы в тех или иных масштабах метисация людей разного этнического происхождения и расовой принадлежности.

Японские и китайские поселения и кварталы можно найти в США, Перу, Бразилии и других странах Америки, выходцы с островов Восточной Индии, из Пакистана, Индии, Шри-Ланки встречаются повсюду в Англии, в ФРГ постоянно прибывают на работу турки и греки, во Вьетнаме или на Кубе работают советские, польские, чешские специалисты, а в таких мировых центрах, как Москва, Нью-Йорк, Париж, никого не удивит встреча за одним столом делового совещания татарина и кубинца, шведа и бирманца. Все это вовсе не означает, однако, что на земле постепенно пестрый и мозаичный узор разных культур сменится однотонным, повсюду одинаковым обликом. Так же как Париж, Нью-Йорк, Варшава и Москва непохожи и вряд ли когда-нибудь станут похожими друг на друга, так и другие города и страны, местности и районы продолжают и будут продолжать сохранять свою, обусловленную и природными условиями, и историческими традициями специфику. Но только специфика эта не будет оставаться, как, впрочем, не оставалась она и в прошлом, неизменной, а будет постоянно меняться и развиваться, по-своему в каж-

дом месте обогащаясь за счет все более растущих контактов и культурных связей между разными народами Земли.

Таким образом, пространственные и культурные различия, т. е. различия между локальными вариантами культуры на разных территориях, в обозримой перспективе будут сохраняться. Более того, можно считать, что так же как для животных и растений их неодинаковость, морфологическая неоднородность, полиморфизм даже в пределах одного вида и одной популяции является биологическим средством адаптации, так и для человека таким средством адаптации, функционально изоморфным, по своему механизму полностью внебиологическим, является культурный полиморфизм: множественность культур в рамках человечества и вариантов культурных явлений в каждой конкретной культуре, начиная от общемировой и кончая любой малой субэтнической культурой, и есть тот адаптивный механизм, который позволяет человечеству в целом и его отдельным частям успешно развиваться, постоянно обновляя свое культурное достояние.

Интернационализация культуры — это всеобщая историческая тенденция, имеющая несомненно прогрессивное значение. С этим вряд ли кто-либо может серьезно спорить. С другой стороны, вопрос о том, как соотносится рост интернационализации культуры с судьбами локальных, этнически специфичных, национальных культур, является предметом оживленных дискуссий. В советской этнографической литературе подобная дискуссия десять лет назад развернулась вокруг статьи В. И. Козлова «Этнос и культура»¹¹. В ней затрагивается одна из ключевых проблем этнографии и культурологии — проблема соотношения общих и локальных культурных типов, общего и частного в культуре, национального и интернационального. Как отмечает сам автор, эта проблема по существу представляет собой комплекс взаимосвязанных проблем, анализ которых требует огромной научной работы. Мы здесь обратимся лишь к некоторым поднятым в этой статье вопросам.

Прежде всего следует отметить, что какое бы определение культуры ни было взято за основу, в любом случае мы приходим к специфическим и обычно определенным образом институционализированным формам или способам деятельности, характерным для тех или иных общностей людей, будь то этнос, государство, класс, профессиональная группа и т. д.¹² Общечеловеческий характер при этом имеет именно деятельность, пределы которой задаются и биологически обусловленным типом организации человека как вида, и исторически обусловленными материально-производственными возможностями, достигнутыми на данном этапе развития человечества в целом (имеются в виду максимальные достижения данной эпохи, которые реально никогда не охватывают все человечество или его большую часть).

В рамках этих пределов имеется бесконечное число возможных вариантов способов и форм, которыми тот или иной вид деятельности может осуществляться, однако реализуется среди них лишь определенное число способов, каждый из которых и выступает как один из определителей специфики той или иной локальной культуры. Даже в таких, казалось бы, чисто биологически детерминированных видах деятельности, как дыхание,

можно обнаружить региональную культурную специфику (достаточно вспомнить, например, хатха-йогу и другие локальные школы медитации). В питании потребление животного белка представляет собой общечеловеческую биологическую необходимость. Однако ни в одном районе мира люди не используют все возможные виды белка, доступные в данном участке биосферы, всегда имеет место определенная, достаточно строгая избирательность, наблюдается местная специфика и в наборе способов его потребления (переработки). В то же время при всем многообразии этих способов ни один из них не является присущим или известным всему человечеству в целом. Даже такие генеральные способы, как варка или жарка мяса, не являются абсолютно универсальными, не говоря уже об их многочисленных конкретных вариантах.

Отдельные культурные черты могут быть специфичными этнически (для какого-либо одного этноса), субэтнически (лишь для его определенной части, локальной или социальной); они могут быть и суперэтническими, распространенными на ряд этносов. В последнем случае эти черты можно подразделить на узкорегиональные, охватывающие лишь ограниченное число географически и культурно близких этносов, либо подлинно интернациональные, т. е. представленные у этносов, весьма разнородных во многих других определяющих чертах. Однако даже те слои и сегменты культуры, которые могут быть названы интернациональными, никогда не охватывали и не охватывают всего человечества в целом; они неизбежно имеют свои определенные границы как в географическом, так и в социальном пространстве; иными словами, они тяготеют к определенным географическим или социальным локасам. Таким образом, любая конкретная культура или отдельная культурная черта, даже имеющая право называться интернациональной, тем не менее не перестает быть по своему существу локальной.

Автор данной книги изучал первоначально закономерности взаимодействия этнически традиционной и общемировой урбанистической культуры на одном из наиболее ярких и показательных примеров, а именно на японском материале. Однако конкретные данные исследований по современной этнографии различных народов СССР, наблюдения над бытом народов различных стран Азии, Европы и других регионов мира позволяют утверждать, что при всем своеобразии явлений, возникающих в разной социально-экономической обстановке, в различных конкретных случаях, все-таки имеется ряд наиболее общих закономерностей, которые в той или иной мере проявляются повсеместно. Исходя из них как ожидаемых, в любом исследовании межкультурных взаимодействий указанного рода можно строить рабочую модель процессов культурного взаимодействия.

На методологическом уровне следует отметить прежде всего, что понятие «урбанистическая культура» является генерализованным и абстрактным. В реальной действительности мы встречаемся не с ней в абстрактной форме, а с конкретными ее локальными вариантами, специфичными для больших стран или географических ареалов (регионов), где местная культурно-бытовая специфика и в области урбанистической культуры имеет свои исторические корни и определяется общественно-экономическими условиями данной страны или региона. Так, например, в СССР исследователь имеет дело с общесоветскими культурными нормами, кото-

ры в каждом отдельном районе или у отдельных народов сочетаются в той или иной форме с чертами этнически специфичными, выражающими традиционное культурное наследие. В быту и повседневной жизни чукотского или курдского поселка, осетинского или азербайджанского города будут присутствовать и традиционные, и урбанистические черты и компоненты, находящиеся в определенной системе взаимодействия, сочетания и дополнения. При этом традиционные черты будут выступать в конкретной национальной (осетинской, чукотской и т. д.) форме, а урбанистические черты — в общесоветской форме. Последняя во многих, практически во всех отношениях так или иначе отличается от, скажем, общеамериканской нормативной формы урбанистической культуры, которая находится в определенных соотношениях с традиционными чертами быта, например, в поселке индейцев навахо или в городской группе нисзев — ниппоамериканцев. Но сами эти отличия в локальных вариантах урбанистической культуры, которые отличают один вариант от другого и все их вместе — от абстрагированной обобщенной модели урбанистической культуры вообще, в конечном счете связаны с тем локальным этническим субстратом, на котором сформировался данный вариант.

Перейдем теперь к рассмотрению ряда наиболее общих и универсальных конфигураций или структур, в которых выступают соотношения между отдельными элементами традиционной и урбанистической бытовой культуры. Следует особо подчеркнуть, что речь идет именно об урбанистической бытовой культуре, которая более или менее абстрагированно может рассматриваться как целостный и универсальный комплекс. Мы не включаем сюда различные секторы профессионально-технической и профессионально-научной культуры. Профессиональная культура врача, монтажника, математика, агронома, можно сказать, носит вполне универсальный, общемировой характер. В этом смысле она входит в мировую урбанистическую культуру как ее компонент. Но дело в том, что традиционные параллели этому сектору урбанистической культуры редки и неполны, а там, где их можно наблюдать, традиционный и урбанистический секторы практически не соприкасаются: так, например, нет сферы взаимодействия в деятельности врача-аллопата и врача-аюрведа в Индии.

В профессионально-художественной культуре, напротив, в особенности в неевропейских странах, урбанистический и традиционный секторы могут проявлять полный параллелизм и широкое взаимодействие в разных оттенках и пропорциях. Мы можем видеть баланс западных и традиционных жанров театра на сцене и на экране, смещение разных стилей живописи на вернисажах в Индии, Японии и других афроазиатских странах, т. е. весьма широкий спектр вариантов взаимодействия урбанистического и традиционного. Но изучение этих явлений входит в домен искусствоведения, а этнографу и социологу остается, определив удельный вес компонентов в конкретных фактах культуры, изучать распределение оценок и популярности их среди публики, принадлежащей к различным социальным слоям и этническим группам.

В современном индустриальном производстве традиционные черты удается выявить, как правило, в организации бытовых сторон на производстве (например, организация питания), и, таким образом, они входят в общую проблему изучения традиционного и урбанизованного быта.

В сельскохозяйственном и кустарно-ремесленном производстве, напротив, в самой технологии, в методах и в орудиях труда можно выявить черты, с одной стороны, основанные на современных общемировых научно-технических достижениях, с другой стороны, основанные на традициях и местном, этнически или регионально специфичном опыте. Однако проблемы модернизации технологии мелкого производства подлежат в основном ведению специальных технологических дисциплин. Для этносоциолога же интерес может представлять главным образом обобщенный уровень модернизации и то влияние, которое она оказывает на структуру местных социальных отношений.

Говоря о технической модернизации вообще, не только на производстве, но и в быту, следует отметить, что в культуроведении, как и в искусствоведении, следует по возможности четко проводить грань между очень различными явлениями: с одной стороны, безусловно этнически специфичными, безавторскими, народными, фольклорными, а с другой стороны, — авторскими, где этническая специфика если и выражается, то лишь как вторичный элемент определенной стилизации или общей этнической психологии и нуждается в специальном прослеживании. Точно так, как можно противопоставить народную японскую или английскую мелодию авторскому произведению японского или английского композитора, в котором, кроме имени автора, может вовсе не быть никаких этнических индикаторов (хотя чаще их все-таки удастся выявить), точно так и народную конструкцию прялки или плуга можно противопоставить авторской конструкции плуга или станка современного промышленного производства, о которых, не поглядев на марку, не всегда можно сказать, откуда они происходят (хотя ниже мы покажем, что и это не всегда бывает так).

Поэтому новые технические явления в быту, будучи проявлением технической урбанизации, подобно телефону или телевизору, еще сами по себе не могут приниматься за показатели социопсихологической и быто-стилевой урбанизации, ибо они вполне могут уживаться в доме, где и материальная, и социально-психологическая обстановка в остальном полностью сохраняют традиционный характер. В Японии, например, бытует как европейская (урбанистическая в нашем понимании), так и традиционно-японская посуда. Они используются в разных контекстах, с ними связаны разные стилевые оценки. При этом японская чайная и столовая посуда может быть изготовлена из традиционных материалов (дерева, лака) или новых (пластмасса), но это не меняет существенно ее восприятия как национальной. Таким образом, модернизация в технологическом аспекте и урбанизация в социологическом или вестернизация в этнокультурном — понятия вовсе не идентичные, хотя на практике обычно взаимосвязанные.

Можно в целом согласиться с положением, что основные формы материальной культуры определяются чаще спецификой локальных хозяйственно-культурных типов, нежели этнической спецификой, однако определяющую роль ХКТ нельзя абсолютизировать. При едином в общем кочевом скотоводческом ХКТ и, более того, при сходных даже в деталях его локальных вариантах в некоторых странах, этносы тюрко-монгольского происхождения, как правило, стойко придерживаются юрты как основного типа жилища от Средиземноморья (юрюки-бегдик) почти до берегов

Тихого океана (чахарские монголы), тогда как этносы, говорящие на семитских, индоевропейских и тибетских языках, в той же географической амплитуде (от Северной Африки до Восточного Тибета и Юньнана) столь же стойко держатся другого типа традиционного кочевого жилища, так называемого «черного шатра» (воспринятого, впрочем, и некоторыми группами юрюков). Высокая степень единства природных условий и ХКТ поливных пашенных рисоводов в значительной части равнинных районов стран Южной и Юго-Восточной Азии (Индия, Шри-Ланка, Бангладеш, Бирма, Таиланд, Лаос, Кампучия и др.) никак не может объяснить нам, почему в питании одних народов здесь молоко и молочные продукты занимают важнейшее место, а для других, ничуть не менее широко разводящих коров и буйволов, напротив, являются совершенно неприемлемыми.

В некоторых комментариях нуждается утверждение о пивелирующем воздействии капитализма на все элементы материальной культуры. Разумеется, такое воздействие имеет место и было бы нелепо его отрицать или преуменьшать его масштабы. Однако и оно не абсолютно. Даже в области моторостроения, станкостроения иногда можно выделить региональные различия, тяготеющие к определенным «национальным школам» — американской, английской, французской, позднее — японской; они, разумеется, не касаются технологической основы, в каждый исторический момент более или менее единой для всего мира, но проявляются в компоновке, дизайне и тому подобным внешним, формальным параметрах, так что опытный специалист если и не всегда, то нередко сможет по этим признакам определить, какое происхождение имеет то или иное изделие, даже не глядя на его фабричную марку. Различия «национальных школ» еще нагляднее, когда речь идет о предметах массового потребления, в особенности являющихся носителем социально-престижного знака, как, например, легковой автомобиль. Здесь они подчас определяются уже на любительском уровне.

Следует, кстати, отметить, что и в доиндустриальную эпоху, в обществах со всецело традиционалистской культурой, изопрагмы (т. е. границы ареалов¹³, относящихся к культуре потребления и жизнеобеспечения) имели большую тенденцию к совпадению с этноисторическими границами, нежели у явлений, относящихся к культуре первичного производства. В обширных зонах пустынь и степей Африки и Евразии или влажных тропиков Южной и Юго-Восточной Азии, где в области пищи и жилища мы отметили определенные этнические разграничения, их было бы бесспорно труднее провести на материале ножиц для стрижки овец или же пахотных орудий и методов ирригации.

Ряд фактов, призванных продемонстрировать, по мысли В. И. Козлова, вытеснение локально и этнически специфичных черт культуры чертами, этнически обезличенными (и потому якобы «интернациональными»), демонстрирует на деле иное значение этих явлений.

Верно, что некоторые традиционные блюда можно найти лишь в меню национальных ресторанов, да и то чаще всего с отметкой «нет». Но не они определяют современный профиль питания. Зато борщ, который можно встретить в повседневном меню колхозника нечерноземной части России, будет сильно отличаться от «борща» (под тем же названием) в семье

армянского колхозника не только по набору основных ингредиентов, наличию или отсутствию сметанной добавки, но прежде всего по количеству и набору специй, в которых ярко отразится этническая пищевая традиция. Верно, что «городской» костюм сменил традиционные комплексы одежды; однако, если мы сравним, как одевается городская молодежь в Эстонии и в Армении, какие излюбленные покрои головных уборов, зимних и летних, она предпочитает, сколь часто она употребляет галстук в комплексе с сорочкой (в Эстонии чаще) или сорочку, а не свитер или «водолазку» в комплексе с курткой или пиджаком (в Армении чаще), то мы заметим различия, которые в конечном счете нельзя объяснить ничем иным, как преобразованными этническими традициями.

Такие же различия мы найдем и в характере современной сельской застройки этих двух республик, причем, как правило, климатическими соображениями объяснить их не сможем. Что касается индийских сари, о которых пишет В. И. Козлов, то, не отрицая сословно-профессиональных различий по некоторым их параметрам, следует подчеркнуть, что основная масса различий безусловно пролетает по линиям региональных границ, во многом совпадающих с этническими. Индийский традиционный женский костюм, почти нигде не уступивший еще своих позиций европейскому, подвержен эволюции и воздействию факторов моды не менее, чем последний, но все эти изменения происходят в пределах этнорегиональных границ.

В целом можно констатировать, что в условиях индустриализации и урбанизации материальной культуры в регионах со смешанным этническим составом этнические различия в ней становятся, в отличие от доиндустриального периода, мало заметны (хотя и из этого правила есть существенные исключения). Однако стирание внутрорегиональных различий сопровождается сохранением линий межрегионального разграничения. Эти линии в современных условиях базируются на изопрагмах явлений не только традиционной, но главным образом современной индустриально-урбанистической материальной культуры. Именно в ней формируются локальные варианты, отличающиеся не столько характером отдельных элементов (покрой одежды, планировка квартиры, формы мебелировки), сколько характером преобладающей избирательности к ним (выбор излюбленных цветов и материалов из широкого ассортимента фабричного текстиля, преобладание тех или иных комбинаций европейской одежды, организация функционального использования жилого пространства, подбор и расстановка элементов мебелировки), а главное, различиями в распределении нагрузки социально-престижной знаковости по разным элементам материальной культуры.

Поскольку в каждом регионе основным субъектом формирования этих различий выступает доминирующий в данном регионе этнос, их вполне можно считать этническими. Другое дело, что в силу уже указанной специфики выражения различий для их фиксации и анализа требуется иной методический подход, нежели при изучении явлений традиционной материальной культуры. Кроме того, эти различия подвержены большой вариабельности как между разными социальными слоями в данном регионе, так и во времени, в связи с изменениями моды.

Культура как глобальный феномен представляет собой диффузное

единство множества процессов и явлений. Членения, которые мы вносим в нее при ее анализе, соответствуют реальным, объективным различиям, но в зависимости от сужения познавательных задач исследования мы концентрируем свое внимание лишь на определенных категориях различий. Вряд ли можно оспаривать правомерность выделения субкультуры отдельного класса (в рамках отдельного этноса или в межэтническом плане), отдельных видов и общностей профессиональной или конфессиональной культуры и т. д. Но это выделение может производиться лишь на основе какой-то небольшой определенной части общей культурной совокупности. Выделение же этнических или этнорегиональных культур, а еще точнее: культур определенных этносоциальных организмов (ЭСО)¹⁴ отвечает наиболее широким познавательным задачам, так как производится на основе гораздо большей доли совокупного культурного достояния выделяемой общности (хотя, разумеется, эта доля никогда не может равняться целому, т. е. всей совокупности культурного достояния). При этом в рамках ЭСО объективно вполне правомерно окажутся включенными и те индивиды, которые субъективно затрудняются отнести себя к определенному этносу.

В. И. Козлов проводит различие между этнической культурой и культурой этноса, хотя определенных их и не делает, но смысл такого различения из контекста вполне ясен. Оно правомерно, но недостаточно. Различать желательно целый ряд категорий, а именно: традиционную этническую культуру, куда могут быть включены лишь те традиции и элементы в культуре, которые зародились в доиндустриальный период развития этноса (они действительно уже почти нигде не образуют системы); этническую культуру современности, которая наряду с предыдущей включает вариативно адаптированные к нуждам и ценностям этноса инновации, в том числе и интернационального характера, и образует в рамках ЭСО определенную систему; культуру этноса, которая ограничена лишь слоем, общим для всех локальных групп данного этноса нередко очень узким, но все же образующим систему, служащую целям коммуникации этих групп; и наконец, культуру ЭСО, своего рода надсистему, включающую как все предыдущие, так и те элементы интернациональной и инонациональной культуры, которые приняты данным ЭСО, но не подвергнуты этнически специфичной адаптации (произведения инонациональных литератур, достижения мировой науки и т. д.). Впрочем, если произведение инонациональной литературы переводится на язык данного этноса, это уже можно расценивать как определенный уровень этнически специфичной адаптации.

Что касается утверждения о том, что в духовной культуре в целом этническая специфика выступает сильнее, чем в материальной, то факты показывают, сколь много ее компонентов (язык, фольклорные сюжеты и мотивы) оказываются межэтническими ничуть не в меньшей мере, чем, скажем, пахотные орудия, а с другой стороны, какая значительная ее часть оказывается резко социально дифференцированной, причем эта дифференциация в наши дни в индустриально развитых странах в ряде областей духовной культуры может выступать гораздо резче, чем в культуре материальной, где качественные социальные различия более сглажены.

Все вышесказанное подводит нас к тому, что на современном этапе

развития этнокультурных процессов при выделении этнически специфичного традиционного деления культуры на духовную и материальную оказывается мало действенным; одни части этих двух подразделений «работают» в этом плане, а другие — нет. Более действенным нам представляется четверное деление совокупного культурного достояния любого ЭСО, предложенное, в частности, Ю. И. Мкртумяном¹⁵. Приняв такое деление, мы видим, что в культуре первичного производства преобладают этнически мало специфичные элементы, значительно шире этническая специфика представлена в культуре жизнеобеспечения; в гуманитарной культуре мы находим огромное число как интернациональных, так и иноэтнических компонентов, ибо общий запас (тезаурус) гуманитарных знаний современного образованного человека проявляет наибольшее тяготение к охвату общемирового, общечеловеческого достояния; зато в соционормативной культуре мы обнаруживаем наибольшую долю этнически специфичного. Именно здесь сосредоточены ценностные ориентации и ценностное маркирование. Этому маркированию подвергаются культурные элементы, лежащие в других разделах совокупного культурного достояния.

Важным средством маркирования выступает язык: достаточно назвать почти идентичные виды молочнокислых продуктов или вертелных жарких специфично тюркскими, армянскими, грузинскими терминами *мацун*, *йогурт*, *айран* или *хоровац*, *цвади*, *шиш-кебаб*, чтобы они ассоциировались именно со «своей», этнически специфичной культурой, хотя сами эти термины могут иметь также и межэтническое распространение. В тех случаях, когда межэтничен сам язык, будь то немецкий (для австрийцев, немцев, германошвейцарцев) или малайский (для малайцев и индонезийцев), испанский (для различных этносов Латинской Америки), сербохорватский (для сербов и хорватов), он в свою очередь подвергается маркировке, часто вполне намеренной и осознанной, средствами алфавита, орфографии, диалектной лексической нагрузки, после чего опять-таки воспринимается как «свой», этнически специфичный.

Более или менее неосознанная или осознанная этнически специфичная ценностная маркировка распространяется на все сферы культуры жизнеобеспечения и гуманитарной культуры, и именно благодаря ей «Лунная соната» относится к немецкой культуре, балет «Щелкунчик» (с его заведомо немецким сюжетом!) — к русской, а «Отелло» (в любой постановке трагедии) — к английской. Однако нередко такая маркировка отрицается изначально (как в случае с гимном «Интернационал» и рядом других гимнов международного характера) или же не возникает в отчетливой форме (как в случае с оперой «Аида», написанной по международному социальному заказу к открытию Суэцкого канала и не воспринимающейся как специфически итальянская). Что же касается паучих трудов, будь то «Капитал» Маркса, периодическая таблица Менделеева или формула $E=mc^2$ Эйнштейна, то они интернациональны изначально, и какие-либо претензии на их этническую привязку совершенно беспочвенны, поскольку с момента создания они были адресованы человечеству в целом.

Очень односторонним и суженным выглядит поэтому утверждение, что традиционные материальные культуры этносов обычно взаимодействуют не между собой, а с межэтнической, или интернациональной, материальной культурой, постепенно уступая ей. Во-первых, интернациональ-

ная материальная культура — это философская абстракция; реально существуют лишь ее отдельные зональные варианты. Во-вторых, основным конечным источником обогащения интернациональной материальной культуры остаются локальные, этнические, традиционные культуры, которые, таким образом, действительно обогащают друг друга, хотя чаще всего не непосредственно, а опосредованно, через какой-либо зональный вариант интернациональной культуры. В-третьих, наконец, материальные культуры отдельных ЭСО взаимодействуют с межэтнической (интернациональной) культурой, не столько уступая ей, сколько адаптируя ее, приспособляя ее к своим специфическим нуждам, вычлняя в ней таким образом новые локальные варианты и маркируя ее элементы спецификой своей ценностной ориентации. Такая маркировка может вполне успешно достигаться хотя бы украшением общественных зданий традиционными орнаментами, а может осуществляться и более глубокими структурирующими средствами.

В странах Европы авторучка, торчащая из кармана, не означает вообще ничего, а спортивные тапочки на ногах означают лишь, что их носитель недавно занимался или намерен запясться физкультурой, тогда как в странах Тропической Африки то и другое становится декларацией приверженности к новым культурным ценностям, определенным социальным устремлениям, хотя владелец авторучки, возможно, еще и не научился писать. Японцы освоили рукопожатие наряду со своим традиционным способом приветствия, но ситуационно его употребление ограничено, и знаковый смысл его в тех или иных ситуациях иной, нежели в рукопожатии европейца или американца. Недопустимость, допустимость или обязательность в разных ситуациях хождения в обуви или босиком, полностью одетым, частично одетым или совсем или почти совсем обнаженным — знаковый смысл этих форм поведения в Европе, Индии или Японии совершенно различен, хотя сам комплекс стандартно-общемирового костюма для всех трех случаев может быть совершенно одинаков¹⁶.

Интернационализация культуры — процесс безусловно прогрессивный. Не следует лишь смотреть на него как на ограниченное временными рамками явление, которое должно-де когда-то «завершиться», причем чем скорее, тем лучше. Процесс интернационализации, т. е. всемирной интеграции культуры, шел и будет идти с тех пор и дотоле, пока существует сама культура. Он состоит в постоянном приобщении всего человечества к наиболее прогрессивным культурным инновациям, имеющим в момент своего возникновения локально ограниченный характер, в их поднятии на глобальный уровень и последующей повсеместной адаптации к разнообразным локальным специфическим условиям.

Нельзя закрывать глаза и на тот факт, что в современном мире в процессе усвоения и адаптации тех элементов культуры, которые поднялись на интернациональный уровень, происходит нередко и утеря отдельными этническими культурами некоторых своих положительных и ценных компонентов, а иногда и полная утеря локального и этнического своеобразия. Нельзя согласиться, что и это следует объективно воспринимать как закономерное, положительное явление. Мне представляется гораздо более верным мнение Т. П. Григорьевой о том, что «народ обязан сберечь свое национальное достояние, ибо только в этом случае он может внести

в общую сокровищницу народов что-то свое, неповторимое, без чего невозможно мировое единство. В этом, а не в том, чтобы быть, «как все», и состоит его интернациональный долг. Тот, кто забывает об этом, не только ущемляет национальное чувство другого народа, но и наносит ущерб самому себе, ибо отказывается от того, что принадлежит всем. . .»¹⁷

Важный статус локальной специфичности в любых жизненных процессах обусловлен тем, что потенции, заключенные как в биологической (природной), так и в социальной (культурной) сфере, могут быть выявлены лишь во множестве эволюционных форм путем их локального самоограничения и выработки соответствующих локально специализированных форм и способов существования, которые могли бы отразить конкретные условия осваиваемых сред обитания.

В силу этого поддержание локальной культурной специфики, выраженной в соответствующих культурных традициях, столь же важно для соответствующих единиц развития человечества, как и поддержание соответствующих видовых и подвидовых программ для единиц биологической эволюции. Особенно важным поддержание локальной культурной специфики обществ было для прошлых этапов развития человечества, когда исторически накопленный экологический опыт имел устойчивую локальную конфигурацию и был аккумулирован в этнических культурных традициях. Но и сегодня, когда часть важных природно-экологических функций, которые этнокультурные традиции были призваны выполнять в прошлом, стала переходить к массивам надэтнической культуры, характеризующихся тенденцией к унификации, локальное культурное разнообразие человечества в весьма значительной степени продолжает сохраняться, и это имеет свои глубокие эволюционные основания.

Дело прежде всего состоит в том, что локальное разнообразие культуры человечества, рассмотренное как его поливариантность, есть не что иное, как одно из выражений его избыточности. А эта избыточность потенциально имеет огромное адаптивно-эволюционное значение. Для эффективного выполнения своих адаптивных функций культура во всех своих формах проявления не в меньшей мере, чем способы биологического существования, должна в значительной степени носить избыточный характер и тем самым быть способной нести в себе необходимые потенции для достижения адаптивного эффекта в новых, порой резко изменяющихся условиях.

Отсутствие у человека процессов биологической видовой дивергенции как раз и делает необходимым его локальное разнообразие, проявляемое прежде всего в выработке различных этнических культур. С этой точки зрения этнические культуры, рассмотренные в проекции на общее развитие человечества, и биологические виды, взятые в их соотношениях к общему полю биологической эволюции, представляют собой во многом изоморфные и изофункциональные образования. Принципиально отличаясь по генезису и механизмам развития, эти образования тем не менее в ряде своих черт подобны в силу действия фундаментальных законов самоорганизации. Но между ними есть существеннейшее различие. Видовые программы, исключаящие восприятие жизненного опыта других видов, однозначно определяют направление движения, в рамках которого в зависимости от конкретно складывающихся ситуаций могут быть намечены основные направления эволюции каждого вида.

Для человеческих коллективов, которые способны к обмену элементами исторически выработанного опыта, культурные традиции не являются столь жесткими ограничителями в выборе путей дальнейшего развития. Общий массив информационного поля, в рамках которого происходят процессы отбора и выработки направления развития общества, неизмеримо шире, чем в процессах биоэволюции. Он к тому же историчен и находится в непосредственной зависимости от реальных процессов взаимодействия между различными обществами и присущими им культурами.

* * *

Будучи информационно открытыми системами, культуры различных обществ неизменно вступают во взаимодействие между собой всюду, где только имеет место непосредственный или опосредованный контакт между представителями социумов — носителей этих культур. Разумеется, история человечества знает примеры культур, которые долгое время развивались почти полностью изолированно, без каких-либо внешних контактов. Хотя некоторые из этих культур смогли породить достаточно развитые и самобытные цивилизации (в частности, в ряде мест в Полинезии), тем не менее для большинства из них характерна значительная отсталость, длительная стагнация и во всех случаях наряду с развитием — потеря значительной части исходного культурного достояния (например, у андманцев, тасманийцев, полярных эскимосов и т. д.). Взаимодействие, таким образом, является одним из важнейших условий для успешного развития любой культуры и для ее поддержания в полном объеме.

Однако взаимодействие культур, будучи в общем историческом плане явлением не только положительным, но в смысле общечеловеческого прогресса абсолютно необходимым, в своих конкретных проявлениях имеет, как показывает весь опыт истории, как позитивные (конструктивные), так и негативные (деструктивные) стороны. Можно выделить четыре типа воздействия социума (для этнолога это обычно этнос или составленный рядом тесно контактирующих этносов историко-культурный регион) на другой, типологически более или менее аналогичный социум. Это прибавление, убавление, усложнение (наращение) и обеднение (эрозия). Примером прибавления может служить воздействие индейской Америки на Европу вскоре после открытия первой со стороны второй. Прибавив к своей культуре ряд культурных растений (маис, картофель), продуктов и навыков (табак, какао) и др. предметов, Европа не испытала кардинального индейского влияния на уже имевшиеся формы своей культуры, т. е. не умножила и не усложнила под его стимулами форм и аспектов социального бытия. Напротив, влияние китайской культуры на японскую в раннем средневековье имело усложняющий со структуро-функциональной точки зрения созидающий эффект: не только видоизменились, но обогатились, стали более многоаспектными и религиозно-культурная система Японии, и ее правовая и политическая организация, и формы художественного творчества, и костюм, и пища, и многие другие составные компоненты культуры.

Существенно отметить факторы, которые делали это воздействие сугубо конструктивным, а не деструктивным. Как отмечают исследователи, «соприкосновение с континентальной культурой в III—VII вв. не было ни

внезапным, ни однократным. Приток иностранных новшеств носил пульсирующий характер. Это давало японцам возможность спокойно переварить новинки и исключало наступление шокового состояния»¹⁸.

Воздействие японцев на айнов до середины XIX в. имело аспекты и убавления (полная потеря айнами навыков изготовления керамики вследствие импорта готовой посуды), и прибавления (появление престижной значимости накопления лаковой посуды и мечей), но качественно не меняло айнскую культуру, не усложняло и не обедняло основных аспектов ее бытования. Однако с конца XIX в. идет интенсивная деструкция айнской культуры под влиянием японской, объем традиционного айнского культурного комплекса катастрофически уменьшается, что сопровождается (хотя и не компенсируется полностью) умножением японизированных аспектов быта и социальной жизни.

Прибавление от усложнения, как и убавление от обеднения, различается не просто количественно. Количество здесь переходит в качество: прибавление не приводит к перестройке структурных связей культуры, усложнение ее подразумевает. Реальные случаи взаимодействия культур состоят обычно из комбинации нескольких, а часто и всех четырех форм воздействия, их баланс предопределяет преобладание в контакте конструктивных либо деструктивных тенденций. При этом следует иметь в виду, что если этнос (социум) А воздействует на этнос (социум) В, то обычно непременно имеет место и обратное воздействие В на А. Однако контакт редко бывает полностью симметричным и эквивалентным. Обычно баланс форм воздействия, идущего от А на В, бывает существенно иной, нежели от В на А.

Процессы культурного взаимодействия во многом изоморфны процессам языкового взаимодействия, и в ходе их нередко возникает ситуация бикультурализма (изоморфная билингвизму), либо как более или менее стабильное состояние, либо как промежуточный этап на пути к культурной (и языковой) ассимиляции. Выше мы уже об этом более подробно говорили в специально посвященной этой теме главе, а в следующей главе рассмотрим механизмы культурных заимствований. Отметим только, что в принятой здесь нами типологии формирования бикультурализма относится к усложнению, а отдельное заимствование — к прибавлению культуры, и аналогия с языковыми процессами (различие между билингвизмом и языковым заимствованием) делает более понятным различие между этими двумя видами культурного взаимодействия. Добавим, что оба они могут иметь форму как прямого влияния, выражающегося в более или менее широком и преображенном заимствовании отдельных черт и целых комплексов (формирование специфических японских школ буддизма на базе исходных идей различных китайских школ), так и в форме непрямого стимулирования (усложнение племенной структуры и племенная интеграция у североамериканских индейцев перед лицом европейской колонизации¹⁹ или же формирование миллениаристских культов в специфической колониальной ситуации Меланезии)²⁰.

Бикультурализм, как и билингвизм, представляет собой типичный случай умножения культурного достояния, которое, однако, в случае одностороннего развития ассимилятивных процессов может привести к его уменьшению. Асимметричность контакта между А и В, ускоренность

потери черт А (т. е. перичного состояния), не восполняемая адекватным приобретением черт В (нового состояния), может усугубляться в данном случае явлением языковой и культурной интерференции. Если последняя приостанавливает процесс на полпути, результатом является возникновение маргинальной культурной группы, с обедненным культурным достоянием, со своего рода пиджинизированной культурой. Такого рода ситуации возникают обычно при контакте культур резко различающегося уровня, причем одна из них воспринимается как классово и политически доминирующая, что порождает у носителей второй комплекс неполноценности, идею неprestижности собственной культурной традиции.

Ситуация завоевания и доминирования при распространенности китайской культуры среди народов Южного Китая привела к формированию китаизированных, но маргинальных и культурно неравноправных до новейшего времени групп (кэцзя, шуйшанжэньцзя и др.), тогда как восприятие по собственной инициативе, без политического и экономического доминирования донора, той же культуры в Японии примерно в те же сроки и при том же перепаде уровней в момент начала контакта привело к несомненному и быстрому культурному обогащению и расцвету. Для наших дней можно привести примеры из советской действительности, где в условиях реального равноправия социалистических наций, отсутствия доминирования и подчиненности бикультурные процессы между общесоветской, выступающей в русской языковой форме культурой и национальными культурами принимают не ассимиляционную форму типа $A \downarrow B \uparrow$, а форму $A \uparrow B \downarrow$, т. е. рост усвоения общесоветских черт и русского языка сопровождается не упадком, а параллельным ростом каждой национальной культуры, в частности количественным и качественным развитием национальной литературы, театра, прессы и т. д. В свою очередь национальные культуры вносят свой значительный вклад в формирование общесоветского культурного достояния.

При взаимодействии различных культур, в зависимости от того, какой характер, равноправный или неравноправный, конфликтный или безконфликтный, носит это взаимодействие, в культуре-рецепторе по отношению к воздействию культуры-донора активизируются различные механизмы, выполняющие функции фильтров — селекторов по отношению к потоку культурного воздействия. Показательно сравнить отношение к внешним культурным воздействиям вплоть до XIX в. двух культур — японской и армянской. Исторические судьбы Японии и Армении были резко различны. В частности, Япония практически никогда не подвергалась нашествиям и завоеваниям, Армения же подвергалась им на протяжении веков почти постоянно. Соответственно Япония легко и охотно восприняла чужеземные по происхождению, выполнявшие в дальневосточном регионе роль межэтнических формы религии, письменность, огромное количество языковых заимствований, преобразившие всю лексику японского языка, и многое другое.

В армянской культуре почти в то же время, т. е. в начале средневековья, письменность, хотя и была создана по греческому образцу, но в совершенно особой, пезависимой графической форме, которая с тех пор стойко сохранялась. Стихийно проникавшим различным лексическим заимствованиям почти постоянно противостояла пуристическая тенденция литературного

языка, последовательно заменявшая прямые заимствования кальками на армянской корневой основе, целенаправленно восстанавливавшая исконно армянскую лексику. Даже восприятие межэтнической для Средиземноморья того времени христианской религии вскоре приняло форму создания ее этнически специфического армянского варианта, григорианского монофизитства, в дальнейшем резко противопоставляемого окружающему халкидонитству, не говоря уже о стойком противостоянии исламизации. С другой стороны, целый комплекс исконно армянских языческих концепций был этой религией беспрепятственно интегрирован. Аналогичные фильтры-селекторы контролировали усвоение регионально-межэтнических влияний и в других сферах армянской культуры, что и позволило ей сохранить свою самобытность в условиях постоянного внешнего культурного давления.

Чем более локальный характер носит восприятие инородных влияний и чем выше общий уровень развития культуры-рецептора, тем, как правило, чаще действие селективных механизмов носит более или менее направленный, осознанно контролируемый обществом характер. В настоящее время это особенно четко можно наблюдать на примере тех усилий, которые прилагают как правительства, так и общественность многих развивающихся стран к тому, чтобы при интенсивном и носящем в целом прогрессивный характер восприятии передовой технологии, достижений в области здравоохранения, образования, науки индустриально развитых стран, в то же время поставить определенные заслоны на пути проникновения негативных компонентов современной западной буржуазной культуры: наркомании, порнографии, идейных течений, проповедующих наиболее вульгарные формы гедонизма, индивидуализма и потребленчества.

В общемировом масштабе современная эпоха характеризуется двумя моделями культурного взаимодействия: взаимодействием локальных культур друг с другом (например, взаимодействие англо- и франкоканадской локальных культур в современной Канаде или фламандской и валлонской культуры в Бельгии) и гораздо шире распространенным взаимодействием локальных культур с общемировой индустриально-городской культурой. Последняя как целостность не имеет локальной и национальной привязки, но представляет тем не менее собой локальный исторический тип культуры в самом широком смысле слова. Контактирующие и взаимодействующие с ней культуры, напротив, являются локальными в узком смысле, т. е. национальными или традиционными культурами. До определенного момента общемировая культура воспринимается как престижная. Но достигая определенного уровня насыщения ею, она теряет это свойство, и знаком престижности становятся вновь национальные черты, или «фольклоризмы». Кроме того, идет и обратный процесс обогащения общемировой культуры, как взятой в целом, так и особенно в ее региональных проявлениях, за счет восприятия достижений локальных национальных культур, и дивергенция ее в форме образования ее специфических локальных вариантов.

Таким образом, даже в наши дни было бы безусловно ошибочно рассматривать процесс взаимодействия культур как односторонний процесс от множества к единству, от многообразия — к унификации, от этнического — к межэтническому и надэтническому. На протяжении всей

истории человечества тенденции к интеграции и дифференциации сосуществовали, тесно переплетаясь, и хотя в различные исторические периоды то одна, то другая тенденция могла преобладать, преобладание это никогда не бывало абсолютным. Повышение интереса к национальным традициям в большинстве стран третьего мира, рост интереса к «фольклоризмам» в индустриально развитых странах, повсеместное появление различных «молодежных», «энвайронменталистских» (партии «зеленых», движение Гринпис) и тому подобных своеобразных локальных и социально-групповых субкультур свидетельствует, что тенденции к культурной дифференциации продолжают активно действовать и в настоящее время.

Хотя процессы межкультурного взаимодействия, идущие в наши дни, продолжают те же самые тенденции к постоянному взаимодействию, которые были присущи всем периодам истории человечества, все же нынешний период обладает качественной спецификой по сравнению со всеми прошедшими. Специфика эта заключается не только в появлении интернациональной общемировой культуры, стоящей над национальными культурами, но и в том, что впервые взаимодействие культур стало происходить во все большей мере помимо непосредственных контактов их носителей. Контакты эти не уменьшились по своей интенсивности, напротив, они и по числу участков, и по охваченной ими территории неизмеримо возросли по сравнению с прошлым, но наряду с ними все большее значение приобретают процессы культурного обмена, в которых культурные ценности выступают как бы безлично, оторванно от своих непосредственных носителей и создателей. Этому способствуют все средства массовой коммуникации (телевидение, радио, кино и т. д.), международный книгооборот, все формы международной торговли и целый ряд других каналов. Эти каналы, в особенности при надлежащей направленности их использования, позволяют надеяться, что взаимодействие культур, носившее ранее почти всегда асимметричный характер (с доминированием воздействия основных центров цивилизации, и прежде всего западноевропейского), будет постепенно приобретать все более симметричный, гармонично сбалансированный характер.

Небывалое научное и техническое могущество, достигнутое человечеством сегодня, на исходе второго тысячелетия нашей эры, с одной стороны, позволяет думать, что перед взаимным обогащением различных культур открываются невиданно широкие перспективы. С другой стороны, это же могущество породило чудовищные орудия разрушения, представляющие реальную угрозу самому существованию человека и жизни на Земле. Даже не пущенное в ход, это оружие порождает раскол мира на противостоящие друг другу военно-политические блоки, способствует нагнетанию международного недоверия, отчужденности и враждебности. Лишь прекращение гонки вооружений, налаживание мирных и нормальных международных отношений на основе взаимного доверия могут превратить потенциальную возможность гармоничного взаимодействия всех культур мира в реальность.

¹ Брудный А. А., Кавтарадзе Д. Н. Экополис. Введение и проблемы. Экология малого города. Пушчино, 1981. С. 6—7.

² Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М., 1983. С. 43.

³ Семенов Ю. И. Предпосылки становления человеческого общества // История первобытного общества. Общие вопросы. М., 1983.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 189.

⁵ Францев Г. Культура // Философская энциклопедия. М., 1984. Т. 3. С. 126.

⁶ Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1964; Арзаханян Ц. Г. Трактат о гуманизме в современных буржуазных концепциях культуры и цивилизации: от Эразма Роттердамского до Бертрапа Рассела. М., 1969. С. 94—95; Он же. Культура и цивилизация // Вестник истории мировой культуры. 1961. № 3. С. 62—65.

⁷ Соколов Э. В. Культура и личность. Л., 1972. С. 67.

⁸ Эти функции более или менее соответствуют основным видам деятельности, выделяемым М. С. Каганом (см.: Каган М. С. Человеческая деятельность. С. 104—105).

⁹ Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11.

¹⁰ Здесь излагаются принципы классификации культуры, разработанные Э. В. Соколовым (см.: Арутюнов С. А., Соколов Э. В. Динамичность современной культуры // Страны и народы. Земля и человечество: Общий обзор. М., 1978. С. 322—324).

¹¹ Козлов В. И. Этнос и культура (к проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры) // СЭ. 1979. № 3.

¹² Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973. С. 26—43.

¹³ Термин введен Н. И. Толстым (см.: Толстой Н. И. Об одной карпатско-южнославянской изопротоме // Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. Тезисы докладов и сообщений. М., 1973. С. 50—55).

¹⁴ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 36—46.

¹⁵ Мкртчян Ю. И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнической культуры. Материалы симпозиума. Ереван, 1978. С. 42.

¹⁶ Арутюнов С. А. Современный быт японцев. М., 1968. С. 168—169.

¹⁷ Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М., 1979. С. 19—20.

¹⁸ Воробьев М. В. Япония в III—VIII веках. М., 1980. С. 285.

¹⁹ Fried M. M. The Notion of Tribe. Menlo Park, 1975.

²⁰ Бутимова М. С. Культ карго в Меланезии // СЭ. 1973. № 1. С. 81.

ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ ВЗАИМОДОПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ ИННОВАЦИЙ И ТРАДИЦИЙ

Традиция — это явление, изначально присущее человеку с момента появления его на свет, как в филогенетическом, так и в онтогенетическом смысле. Традиция означает передачу в диахронном плане, от старших к младшим, от поколения к поколению, от когорты к когорте, устоявшихся форм поведения, навыков, понятий, всего, что образует костяк культуры. В зачаточных формах традицию можно наблюдать уже в сообществах приматов, да и других общественных животных, чье поведение регулируется не только врожденным инстинктом, но и навыками, приобретенными путем научения.

У древнейших людей первоначально, видимо, имелись лишь те же зачаточные формы традиции, что и в сообществах обезьян. Но первые устоявшиеся формы орудий уже говорят нам о появлении новых традиций, традиций орудийной деятельности. В начале эти традиции передавались неосознанно, научением путем простого подражания, но с усложнением материальной культуры постепенно они все более осознавались и вербализировались, т. е. оформлялись словесно.

Совершенно очевидно, что традиция составляла наряду с врожденными навыками одну из основ существования и самовоспроизведения сообществ самых разных гоминид. Но очевидно также и то, что выделение человека из животного царства, в самом начале этого процесса и на всем протяжении его культурной (а также и биологической) эволюции произошло лишь благодаря появлению все новых и новых инноваций, определивших начало и последующее развитие орудийной деятельности.

Любая традиция — это бывшая инновация, и любая инновация — в потенции будущая традиция. В самом деле, ни одна традиционная черта не присуща любому обществу искони, она имеет свое начало, откуда-то появилась, следовательно, некогда была инновацией. И то, что мы видим ныне как инновацию, либо не приживется в культуре, отомрет и забудется, либо приживется, со временем перестанет смотреться как инновация, а значит, станет традицией. Когда австралопитек только становился человеком, первые проблески человеческой, культурной деятельности были вплетены, как совершенно необычная инновация, в ткань его биологической активности; с завершением формирования человека почти все грани его деятельности (включая практически все физиологические отправления) оказались так или иначе оформлены культурно, притом традиционно. И с тех пор все инновации, крайне редкие вначале и необычайно изобильные в наши дни, возникают не иначе, как на фоне давних культурных традиций.

Но равноправны ли члены этой оппозиции: «традиция — инновация»? Есть общества более традиционные, чем другие, более склонные к инновациям, и по степени этой склонности можно ранжировать их по некоторой шкале. Можно представить себе общество на одном конце этой шкалы, общество, традиционное на 100 %, где никогда не происходит ничего нового, где сегодня совершаются лишь те же действия и в тех же формах, какие совершались и вчера. Многие общества — изоляты первобытности, островные, лесные или горные, по-видимому нередко бывали подолгу очень близки к такому существованию. Отсутствие инноваций означает культурный застой, но не грозит непосредственно самому существованию общества. Однако можно ли представить общество, на 100 % инновационистское, где абсолютно все сегодня делается не то и не так, как вчера, а завтра вновь будет по-иному? Абсурдность такой ситуации очевидна.

Итак, первый, достаточно тривиальный, но важный вывод, который можно сделать: традиции могут существовать без инноваций, но не наоборот; традиции абсолютно необходимы для самого поддержания существования общества; инновация необходима для его развития.

Инновация, которая, укореняясь, имеет тенденцию превратиться в традицию, имеет решающее значение в эволюции общества: ее можно назвать «сильной» инновацией. Но и «слабая» инновация, которая не приживается и отмирает, не безразлична для эволюции. Пускай она отмирает и забывается бесследно, но за время своего брэнного существования она выполняет свою работу: расшатывает и ослабляет ткань традиций, делает их более податливыми для более сильных инноваций. Отторгнув одну, другую, третью инновацию, ослабленные в борьбе с ними, традиции очередную инновацию отторгнуть уже не могут.

В этом можно видеть исторический смысл и оправдание моды, даже самой нестойкой, эфемерной и нелепой. Уходят в прошлое хиппи, спадает волна «джинсового стиля», вышли из моды «водолазки», но они сделали свое дело — расшатали незыблемость твида, галстука, других «респектабельных» форм костюма и в значительной мере подорвали ценности того буржуазного истеблишмента, который эта незыблемость олицетворяла. Такую же роль в истории искусства сыграли в свое время пуантелизм, дадаизм и другие направления, представляющие в наши дни лишь исторический интерес, не вызывающие даже эпигонства, но расшатавшие традиции академизма и тем самым открывшие путь для более плодотворных художественных инноваций современности.

Как и слово «культура», так и слово «традиция» обладает широким семантическим полем, имеет множество значений. Слова эти широко употребляются в обыденной речи, им придается аксиологическое, ценностное значение. При этом, тогда как под культурой всегда имеется в виду нечто хорошее, традиции оцениваются амбивалентно, а прилагательное «традиционный» нередко служит синонимом косного и устарелого. Терминологическое определение этих слов, естественно, различно в разных дисциплинах, в которых они могут выступать как термины.

Э. С. Маркарян, много сделавший для раскрытия понятийного содержания термина «культура», посвятил ряд специальных работ и содержанию понятия «традиция». Специальный доклад и развернувшаяся по нему дискуссия опубликованы на страницах «Советской этнографии».

Э. С. Маркарян там определяет традицию как «выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах». Определение это очень широко, за рамками его остается помимо комплекса инноваций лишь комплекс индивидуальных стереотипов поведения. Что же касается форм окказионального нестереотипного поведения, то их можно рассматривать как одноразовые, не рассчитанные на эвентуальную стереотипизацию новации (например, за неимением табурета или стула сесть верхом на ящик).

В статье Э. С. Маркаряна по существу без дефиниции остались два тесно связанных с традицией понятия — обычай и ритуал, а их определение существенно для понимания сущности традиции. Поскольку насчет них общепринятой договоренности пока нет, следует дать такое определение. На наш взгляд, под обычаем следует иметь в виду такие стереотипизированные формы поведения, которые связаны с деятельностью, имеющей практическое значение. Ритуал же охватывает только те формы поведения, которые являются чисто знаковыми и сами по себе практического значения не имеют, хотя и могут опосредованно быть использованы в практических целях (коммуникации, психотерапии и др.). Так, например, в одежде современных европейцев пальто и другая плечевая одежда у мужчин застегивается направо, а у женщин — налево. Это обычай, ибо в практических целях как-то застегивать пальто необходимо. А вот одевание шапочек и мантий судьями и студентами в определенных ситуациях есть ритуал, ибо практическими потребностями он никак не обусловлен. Или же в традиционной армянской культуре жертвоприношение «матаг» является обычаем, оформляющим один из путей потребления мяса, а полагающийся при нем надрез уха у жертвы является частью соответствующего ритуала.

Предложенное Э. С. Маркаряном определение традиции настолько широко, что совпадает с подавляющей частью общего объема культуры, и это ущемляет его операциональность. За его пределами по существу, как мы уже сказали, остаются лишь формы личностной, индивидуальной культуры. Происходит это потому, что Э. С. Маркарян не находит оснований отделять от традиции кодифицированную часть культуры. Понятие традиции было бы целесообразнее ограничить лишь той частью культуры, которая более или менее постоянно воспроизводится в общественном сознании и общественном поведении и передается через последнее, и не включать сюда ту часть культуры, которая экстерииоризована (выведена вне самого человека) в хранилищах информации типа книг, картин, перфокарт и извлекается оттуда лишь по мере надобности. Само собой разумеется, что непреходимой грани между этими двумя разделами культуры нет: афоризмы А. С. Грибоедова входят в традицию русского народа, будучи употребляемы и воспринимаемы даже теми, кто не читал его великой комедии, но стихи многих малоизвестных поэтов, интересующие ныне лишь историка литературы, в эту традицию не входят. Не входит в традицию юридический прецедент или статья закона, которые отдельный адвокат может откопать и использовать лишь раз в десятилетие или реже, но положения воинского устава об отдаче чести и ношении формы, хотя и зафиксированы в статьях, все же входят в традицию, ибо

воспроизводятся и передаются в армейском быту постоянно и традиционно и т. д.

Отсюда следует, между прочим, что в традицию входят все обычаи, но не все ритуалы, так как часть их, зафиксированная в протоколе, может воспроизводиться лишь по особым случаям. Так, например, коронавание последнего принца Уэльского или похороны императора Мэйдзи отражали давно ушедшие из жизни и воскрешенные по разным источникам специально для этих случаев ритуальные традиции. Так что не всегда традиционно то, что «традиционно» выглядит: нередко бывает как раз наоборот. И еще один вывод: если в первобытном обществе почти вся культура действительно традиционна, то чем развитее общество, чем выше в нем степень экстерииоризации культуры, тем ниже уровень его традиционности, хотя емкость его памяти при этом повышается. Вывод вроде бы и тривиальный, но только по определению Э. С. Маркаряна к нему прийти нельзя.

Э. С. Маркарян бесспорно прав в том, что любая традиция была когда-то инновацией, любая инновация в принципе имеет шансы стать традицией и именно в способности усваивать инновации и заключается живучесть, адаптивная лабильность традиции. Следует только различать инновации эволюционные, вводящиеся постепенно и незаметно, и революционные, будь то путем изобретения или заимствования, которые способны привести к разрыву со старой традицией и к основанию новой.

Существенное значение имеет определение времени, потребного для превращения инновации в традицию. Оно, по-видимому, зависит от цикличности функционирования группы, в которой традиция укореняется. Представляется, что расчет такого времени, если брать этнос, общество в целом, упирается в продолжительность жизни поколения. Если живо еще поколение, пережившее момент введения инновации, иначе говоря, если этот момент еще жив в коллективной памяти общества, то инновацию можно считать, в масштабе этноса, относительно недавней. Эмпирически говоря, это касается инноваций, имеющих возраст около 50—60 лет.

Вторая ступень старения инновации может заключаться в том, что из живой памяти исчез момент введения инновации, но еще хранятся впечатления от рассказов очевидцев ее введения. Это примерно удваивает вышеприведенный срок и доводит его до столетия или несколько больше. После этого обстоятельства инновации основательно выветриваются из памяти общества, и инновация уже окончательно воспринимается как традиция.

В начале XIX в. такие явления культуры, как театр «бунраку» и «кабуки», ряд бытовых вещей, как платок типа «фуросики» и т. д. в Японии воспринимались уже как всецело традиционные, хотя время их появления — XVII—XVIII вв. В настоящее время в той же Японии столь же традиционным стал столетней давности европейский костюм из визитки и «штучных» полосатых брюк в качестве церемониального и траурного. Можно привести и множество других примеров.

Указанные сроки максимальны. Когда речь идет о традициях малых групп с более быстрой обновляемостью состава, например о традициях отдельных воинских частей или учебных заведений, то для превращения инновации в традицию достаточно одного срока обновляемости, т. е. 5—

10 лет, а иногда даже 2—3 года. Кроме того, вышеприведенный расчет происходит из высокого уровня семейной межпоколенной передачи информации. В случае, если этот уровень падает, т. е. возрастает информационный барьер между поколениями «отцов» и «детей», «дети» будут склонны воспринимать как традицию то, что их еще живые и активные «отцы» все еще помнят как инновацию. Понятно, что чем больше инноваций в обществе, и в особенности в молодежной субкультуре, тем короче сроки превращения инноваций в традиции. Иными словами: чем гуще «дождь» инноваций, тем короче срок «замерзания», превращения в традицию тех из них, которым удается избежать отторжения и забвения.

Стало быть, эфемерные, слабые инновации играют, помимо роли расшатывателей иммунитета традиций, о которой говорилось выше, еще и роль ускорителей вживания, превращения сильных инноваций в традиции. Чисто количественно увеличение притока инноваций, как эндогенных, так и экзогенных, следовательно, обязательно должно давать качественные изменения в плане обогащения общества новыми традициями. Как кажется, эмпирические наблюдения почти повсеместно подтверждают это предположение.

Принципиальное различие между традиционалистскими обществами доиндустриальной эпохи и современными обществами заключается, по-видимому, не в том, что в современном обществе одновременно действует ряд разнородных традиций. Разнородные традиции сосуществовали и в далеком прошлом, отражая классовые, сословные, кастовые и прочие деления общества (например, традиции феодальные и крестьянские). Различие состоит в том, что если ранее для кардинальных изменений в технологии производства и жизнеобеспечения требовалось время жизни нескольких поколений, то ныне такие изменения могут произойти и происходят несколько раз в пределах жизни одного поколения.

Этническая традиция, изменяющаяся гораздо медленнее, в таких условиях может определять лишь ту часть культуры, которая сравнительно мало зависит от изменений в технологии производства: например, определенную предпочтительность тех или иных занятий и вообще стержневую часть системы ценностных ориентаций; многие ценности семейного быта; язык и метаязыковые формы коммуникаций; автостереотины и стереотипы межэтнических отношений; значительную часть музыкально-хореографической, орнаментальной и вообще народно-художественной традиции; домашнюю кулинарию; навыки организации пространства (т. н. проксемику); бытовую обрядность и т. д.

Групповая традиция изменяется быстро и легко. Для нее часть традиций заменяется модой, действующей на протяжении ряда лет или даже десятилетий. Эта мода присуща и разделяема для некоторого ряда смежных когорт, который в быту условно называется, скажем, «поколением таких-то годов», но на самом деле меньше, чем поколение. Такая большая когорта может сменить свою моду по мере своего взросления, может сохранить привязанность к ней на всю жизнь, но в любом случае сохраняются межкогортные различия в ориентациях и формах поведения, лежащих за пределами общеэтнической традиции.

В пресловутом конфликте «отцов и детей» чаще всего «детей» обвиняют

в отказе от традиций «отцов» и чаще всего несправедливо: традиции они продолжают те же самые, но моду исповедуют другую.

Существенные различия в обновлении традиций можно наблюдать в наши дни между капиталистическими и социалистическими обществами. Абстрагируясь в данном случае от классового, социального, конкретно-исторического содержания традиций в том и другом случае, можно сделать следующее основное замечание. В социалистическом обществе обновление традиций идет значительно интенсивнее во многом благодаря тому, что среди инноваций преобладают сильные инновации. В современном буржуазном обществе основная масса инноваций падает на долю слабых, носящих эфемерный характер и относящихся к преходящей моде. В результате старые традиции расшатываются довольно интенсивно, но адекватного замещения их новыми, достаточно стабильными не происходит или происходит не в полной мере.

Помимо этнической традиции, в еще более широком плане существуют традиции регионально-эпохальные. При этом, если применительно к моде ее масштаб — это годы, максимум десятилетия, то эпоха традиции охватывает столетия. В этом смысле можно говорить о традициях эпохи Ренессанса, первоначального накопления, Великих географических открытий и т. д. Разумеется, традиции, характерные для этих эпох, охватывали не все население региона (в данном случае Европы), но так или иначе оказывали свое воздействие регионально на всех. На протяжении двух последних веков одной из важнейших традиций такого рода была все более широко распространяющаяся и усиливающаяся традиция ориентации на урбанизацию и индустриализацию всех сторон жизни, охватывающая как производство, так и потребление. В то же время не исключено, что в обозримом будущем для решения комплекса встающих перед человечеством проблем: энергетических, продовольственных, проблем охраны окружающей среды и др. — в ряде регионов мира во многих видах деятельности необходимо будет перейти к политике достаточно широкой дезиндустриализации и дезурбанизации как в сфере производства, так и еще более в сфере потребления и жизнеобеспечения; потребуются отход от традиций ориентации на рост потребления энергии и сырья и ряда других традиций сходного порядка. Поэтому проблема прогнозирования развития традиций, поставленная в статье Э. С. Маркаряна, представляется весьма актуальной.

ТИПОЛОГИЯ ИННОВАЦИЙ

Перейдем теперь к развернутой характеристике процессов вхождения инноваций в культуру этноса. Культура — понятие чрезвычайно сложное и многогранное. Поэтому в каждом случае, говоря о ней, желательно определить, что именно имеется в виду. В нашей работе принимается дефиниция, данная Э. С. Маркаряном². Следуя ей, мы понимаем под культурой совокупность способов человеческой деятельности. При этом как сама дефиниция, так и проводимое далее деление культуры на составляющие ее отдельные подсистемы и субкультуры и их соответствующие определения не являются единственно возможными. Могут быть иные членения и иные дефиниции, более широкие или более узкие и даже проведенные по иным критериям в зависимости от познавательных задач исследования.

Признавая весьма существенным уровень институционализации для определения того, вошли ли те или иные элементы в состав данной культуры, следует помнить, что в конкретной ситуации он не всегда выражен достаточно отчетливо. Тем не менее в целом именно этот критерий позволяет, на наш взгляд, отделить устоявшиеся и массовые феномены культуры от повсеместно существующих индивидуальных и даже групповых эпизодических способов оформления деятельности, не получающих, однако, закрепления в традиции. Инновации в культуре в момент своего зарождения могут быть еще не институционализированными, но как раз степень их институционализации и служит показателем того, насколько прочно они закрепляются в культуре.

Необходимо также различать культуру этноса и этническую культуру³. Под культурой этноса понимается вся совокупность культурного достояния, присущая данному этносу в лице его отдельных представителей, локальных групп, этнососоциальных организмов и т. п., независимо от того, имеют ли различные элементы и структуры этого достояния специфическую этническую окраску или же являются этнически нейтральными.

Так, например, в культуру тамильского этноса входят, во-первых, разнообразные и зачастую отличные друг от друга формы быта, присущие индийским и ланкийским тамилам и ряду тамильских этнических групп вне пределов Южной Азии; во-вторых, общеиндийские виды духовной культуры (религиозной, эпической, музыкальной, хореографической и т. д.); в-третьих, она включает в себя также многочисленные и тоже носящие ныне общеиндийский характер культурные заимствования европейского происхождения, равно как и все продукты и элементы этнически нейтральной индустриальной технологии и культуры, которыми в той или иной степени пользуются практически все группы тамилы⁴.

Под этнической культурой подразумевается совокупность лишь тех культурных элементов и структур, которые обладают этнической спецификой, выполняя как этнодифференцирующую функцию в рамках оппозиции «мы — не мы» (или «наше — не наше»), так и этноинтегрирующую функцию, способствуя осознанию своего единства различными, зачастую дисперсно разбросанными частями данного этноса.

Соответственно к тамильской этнической культуре следует отнести, например, такие формы пицци, как лепешки иддлы, аппалам, вадай и др. К ней же относится неприятие североиндийского (индоарийского) противопоставления эпических героев Рамы и Равана как положительного и отрицательного начал, так как Раван в оценке тамилы олицетворяет ряд положительных качеств. К ней же, разумеется, относится тамильский язык и все, что с ним прямо или косвенно связано⁵.

Применительно к целям нашей статьи можно использовать в несколько видоизмененном и модифицированном виде то деление культуры этноса на составляющие ее подсистемы, которое было предложено Ю. И. Мкртчяном⁶. Им выделены четыре основные подсистемы или сферы: производственная, жизнеобеспечивающая, соционормативная и познавательная. Разумеется, это далеко не единственное из возможных членений культуры. Кроме того, упомянутые подсистемы не могут быть отграничены друг от друга с абсолютной четкостью. В определенных случаях все они взаимоперекрываются, и множество культурных явлений (например, язык)

принадлежит одновременно к нескольким подсистемам. Однако надо помнить, что мы обсуждаем лишь теоретическую модель, которая всегда выглядит упрощенной и схематичной по сравнению с реальной действительностью. Следует также оговорить, что на данном уровне анализа речь идет лишь о наиболее общих закономерностях культурных изменений. Вполне возможно, что при более детальном анализе конкретных явлений в разных сферах или подсистемах культуры соотношения традиции и инновации обнаружат некоторые специфические для этих сфер закономерности, действующие наряду с общими.

С учетом отдельных оговорок под производственной подсистемой культуры понимается производство и воспроизводство материальных благ, орудий и средств производства в тех пределах, в которых производство отграничено от потребления. Это связано с тем обстоятельством, что в принятом нами условном членении культуры этноса процессы производственного характера, неразрывно и непосредственно связанные с потреблением, относятся уже к подсистеме жизнеобеспечения.

Жизнеобеспечивающая подсистема включает совокупность механизмов и средств, направленных на непосредственное поддержание жизнедеятельности ее носителей. Отсюда явствует, что эта подсистема функционирует преимущественно в сфере потребления. Однако в нее входят определенные элементы производства и распределения. Поэтому некоторые связанные с ними комплексы, например жилище и поселение, питание, одежда и ряд других, можно рассматривать как составные части этой подсистемы.

К соционормативной подсистеме культуры относятся такие институты, как право, мораль, обычай, ритуал, значительная часть религиозных институтов и различные социальные структуры.

Познавательная подсистема культуры включает как совокупность научных и эмпирических знаний и опыта, так и ту область познания, которая осуществляется не рациональным, а эмоциональным, чувственным путем, через искусство в самых различных его формах и проявлениях. При этом надо отметить, что, по общему правилу, чем более ранним в формационном отношении является уровень общественного развития, тем больше элементов познавательной культуры выступает в религиозной оболочке и в синкретической форме.

Как видно из схемы, все эти подсистемы соприкасаются, перекрываются, и каждая находит свое отражение во всех остальных. Например, такой элемент культуры, как хлеб, разумеется, относится в основном к подсистеме жизнеобеспечения. Однако он, как и любой другой предмет материальной культуры, есть результат реализации способов действия, входящих в подсистему производственную. Кроме того, хлеб имеет отношение и к соционормативной подсистеме, являясь во множестве традиционных культур элементом или объектом религиозных ритуалов, предписаний, ограничений и т. д., а также объектом и средством ряда безрелигиозных обрядов (типа хлеб—соль), норм морали, обычного и законодательно фиксированного права и т. д. Наконец, хлеб связан и с познавательной подсистемой, будучи в развитой современной культуре объектом научных и технологических исследований, а в традиционной культуре объектом фокусирования ряда эмпирически рациональных представлений; кроме

того, и в народной, и в профессиональной художественной культуре многих народов найдется немало ярких произведений различных форм искусства, так или иначе связанных с хлебом.

Чтобы завершить комментарий к предложенной здесь схеме, надо указать, что ее центральная часть, в которой синтезируются все четыре подсистемы, может рассматриваться как сверхзадача и конечная цель функционирования всех подсистем: это поддержание и качественно и количественно расширенного самовоспроизводства общества, которое выступает носителем данной культуры, достигаемое через оптимальную адаптацию к данным социально-историческим и природным условиям.

Трансформация через введение инноваций может происходить в любой из указанных подсистем, но степень интегрированности инновации, заключается, в частности, и в том, отражается ли данная инновация, и насколько сильно, в других подсистемах и приобретает ли она существенное значение для функции самовоспроизведения. Можно выделить три основные трансформации: а) слонтанную; б) стимулированную и в) заимствование.

Под спонтанной трансформацией подразумевается любая культурная инновация, возникающая в рамках данной культуры за счет факторов ее внутреннего развития, без содействия каких-либо явных внешних импульсов. Яркими примерами такой трансформации могут служить социальные и культурные изменения, происходившие в полинезийских этносах по мере их расселения и освоения ими отдельных, различных по своим условиям и ресурсам островов и архипелагов Океании⁸, или зарождение первичной государственности в Месопотамии и Египте.

Более поздний и частный пример — возникновение ряда систем письменности⁹. В языковой части культуры к спонтанным трансформациям могут быть отнесены любые внутренние изменения в области лексики, грамматики и фонетики.

Под стимулированной трансформацией понимается такая внутренняя трансформация культуры, которая происходит под косвенным воздействием внешних импульсов, но не имеет характера прямого заимствования. В качестве примера подобных изменений можно назвать вторичное закрепление крестьянства в некоторых странах Центральной и Восточной Европы в конце XVI—начале XVII в., вызванное увеличением спроса на сельскохозяйственную продукцию в ряде стран Западной Европы¹⁰.

Другой пример — миллениаристские движения в Океании, в частности карго-культы, отчасти вызванные специфическими формами контакта аборигенов с колониальными властями и знакомством с товарами индустриального производства¹¹.

В письменности примером может служить формирование таких своеобразных систем, как бамум в Африке или корейская буквенная¹². Стимулированной трансформации в языковой сфере практически нет. Новая лексика в подобных случаях либо прямо заимствуется, либо калькируется.

Заимствование представляет собой случай культурной трансформации, связанной с прямым внешним воздействием. Распространение мировых религий, формирование вторичной государственности, распространение путем заимствования различных систем письменности (древнесемитского алфавита, китайской иероглифики)¹³, лексические заимствования, имею-

щиеся практически во всех языках мира, и т. п. явления относятся к этой категории культурных изменений.

Между заимствованием, с одной стороны, и спонтанной и стимулированной трансформацией — с другой есть одно существенное различие. Инновация спонтанного или стимулированного типа, как правило, возникает в виде некоего единичного элемента культуры, который лишь в процессе своей эволюции в дальнейшем может разрастись в обширный комплекс или же систему культурных явлений путем присоединения все новых и новых спонтанных или заимствованных инноваций.

Так, хотя протестантизм в наши дни представляет собой сложную и многоплановую систему явлений разных сфер культуры, включая и этику, и ритуал, и материальную культуру (одежда, например), но все они отнюдь не содержались в первоначальной программе Лютера, предполагавшей лишь относительно умеренные реформы в системе католицизма. Объектом же заимствования могут быть и отдельное явление, и целый комплекс или система явлений. При этом заимствование может происходить как постепенно, начиная с отдельных элементов и поэтапно переходя к новым ступеням заимствования, так и сразу целой системой, особенно если в нем заинтересована государственная власть. Например, заимствование Японией буддизма происходило скорее по первому пути, растянувшись на несколько столетий (VI—VIII вв. н. э.), а европейской военно-административной системы в XIX в. — по второму, ибо она была воспринята именно как система сразу. Вариантов здесь, разумеется, может быть очень много.

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ КУЛЬТУРНУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ

Среди факторов, определяющих трансформацию культуры этноса, важнейшим, вне сомнения, следует назвать уровень социально-экономического развития, достигнутый данным обществом и обобщенно выражающийся в формационных категориях, характер выражения этого развития и тенденции его дальнейшей эволюции.

Конкретная историческая обстановка и ход ее изменения во времени, определяющие специфику реализации формационных предпосылок, могут считаться вторым по значимости фактором трансформации культуры любого общества и соответственно любого этноса.

Третьим по значимости фактором, определяющим трансформацию культуры, являются природная среда и ее соответствующие изменения. Роль этого фактора особенно велика для этносов, находящихся на сравнительно невысоком уровне социально-экономического развития, а среди них — для тех, чьи хозяйственно-культурные типы являются наиболее специализированными.

Указанные факторы играют двойную роль в трансформации культуры. Во-первых, их воздействие вызывает к жизни как потребность в соответствующих инновациях, так и сами эти инновации, поскольку лишь через последние культура может повышать эффективность своей основной функции — адаптации к социальной и природной среде. Во-вторых, после возникновения инновации пути ее дальнейшего распространения и разви-

тия определяются в первую очередь совокупностью тех же самых факторов, выступающих не изолированно, а в сложных отношениях взаимосвязи и взаимодействия.

Взаимозависимость различных факторов, вызывающих инновации, является очевидной, если рассматривать процессы эволюции культуры и общества под углом системного подхода, а не эволюционизма XIX в., особенно тэйлоровского толка¹⁴. Любая система характеризуется взаимозависимостью всех ее составных структур и элементов, так что изменение одной (или одного) неизбежно влечет за собой трансформацию других. Именно поэтому инновация, которая в принципе может начаться в любой отдельно взятой сфере культуры и в любой социальной прослойке или группе, обычно рано или поздно в той или иной мере приводит к некоторым изменениям и в других культурных сферах и социальных группах. Попытаемся проиллюстрировать эти положения на конкретных примерах.

Возникновение и первоначальное распространение ислама было связано с совокупным действием всех трех упомянутых факторов. К моменту начала проповеди Мухаммеда арабийское общество находилось в состоянии глубокого кризиса. Образование ряда княжеств и оккупация Южной Аравии эфиопами, а затем персами препятствовали миграциям бедуинов на север и юг. Процветавший в античное время «Путь благовоний» утратил в значительной мере свое значение. К тому же в результате изменения экологической ситуации между 591 и 640 гг. Аравию постигла серия сильных засух¹⁵, приведших к нарушению баланса между естественными ресурсами, поголовьем скота и численностью кочевого населения. В итоге по причинам как конкретно-исторического, так и природно-экологического порядка в Аравии образовался избыток населения, в первую очередь кочевого.

В то же время гибель южноаравийской цивилизации вследствие причин опять-таки конкретно-исторического порядка, усугубленных изменениями среды, которые вызвало разрушение знаменитой Маарибской плотины — антропогенный фактор в экологии, не только препятствовала седентаризации кочевников, но даже повлекла за собой номадизацию части оседлого населения¹⁶. Все это привело к перенаселению и сначала выразилось в усилении набегов и войн среди арабийских кочевников¹⁷. Аравия во второй половине VI — начале VII в. напоминала переполненный и перегретый паровой котел. Для выпуска пара необходимо было ее объединение в рамках одного государства. Социальные предпосылки для его возникновения были уже налично как в бедуинском, так и в оседлом обществах Аравии. Известное распространение в ней иудаизма и христианства подготовило почву для идеологической инновации — создания ислама. Быстро обнаружившаяся слабость Ирана и Византии была проявлением все той же конкретной исторической обстановки, которая способствовала успешному решению внутренних трудностей за счет внешней экспансии. Хотя, по справедливому мнению М. Уатта, «ислам зародился не в пустыне, а в финансово-коммерческой среде Мекки»¹⁸, бедуины, по циничному выражению халифа Омара, служившие всего-навсего сырьем для ислама¹⁹, массами мигрировали на территории завоеванных стран, неся с собой зеленое знамя новой мировой религии.

Напротив, возникновение и распространение буддизма и христиан-

ства связаны с действием лишь двух первых факторов, особенно социально-экономического. Со спецификой экологической обстановки они, по-видимому, никак связаны не были.

В то же время можно привести ряд примеров, когда культурные инновации и трансформации сопряжены главным образом с изменениями в среде обитания и их опосредованными последствиями. Скажем, основные черты так называемой неозскимосской культуры не претерпели существенных изменений на протяжении более чем двух тысяч лет, вплоть до XIX в. Однако различные этапы ее истории археологическими исследованиями выделяются очень четко по присущему каждому из них специфическому набору охотничьих орудий, прежде всего гарпунных паконечников. Последние самым непосредственным образом связаны с наличием или преобладанием тех или иных животных — объектов охоты: тюленей, моржей, китов, что в свою очередь предопределялось рядом эпохальных изменений климата, чередовавшихся потеплений и похолоданий²⁰.

Другие моменты культурной трансформации в рамках неозскимосской культуры, например изменения в художественно-орнаментальном стиле, восходят в конечном счете к тем же факторам природно-экологического порядка, но уже опосредованным социально-экономической обстановкой. В одни эпохи эта обстановка благоприятствовала появлению значительного избыточного продукта и укрупнению поселков, в другие, напротив, приводила к его существенному уменьшению²¹. Впрочем, не следует, очевидно, сбрасывать со счетов и внутренние закономерности развития стиля.

Закономерности восприятия внешних импульсов культурой этноса в самом сжатом виде сводятся к следующему: внешнее воздействие воспринимается тем полнее, быстрее и легче, чем ближе находятся друг к другу контактирующие культуры в стадийном, типологическом, историческом и прочих отношениях, поскольку судьба внешнего импульса во многом зависит от того, насколько он совпадает с тенденциями внутреннего развития или по крайней мере не противоречит им²². При этом этнолингвистическая близость в универсально-историческом плане не является определяющей ни в установлении самого контакта, ни уровня его интенсивности. Достаточно вспомнить такой тривиальный факт: культурная близость шведов и финнов превышает культурную близость шведов и немцев, а близость узбеков и таджиков больше, чем близость узбеков и киргизов. В то же время культура этноса может воспринимать некоторые внешние импульсы в применении к своей этнической специфике (т. е. этнической культуре), выступающей в таком случае в качестве одного из селекторов и критериев отбора.

Однако в классовых обществах сама культура этноса ни в коей мере не является типологически и социально однородным явлением. Применительно к восприятию внешнего импульса можно выделить три основные формы культуры этноса:

1. Этнические границы в основном совпадают с политическими, а сама культура этноса — с культурой данной политической единицы (например: современные мононациональные государства) или даже является более широкой, хотя иногда и более расплывчатой категорией (например, в городах-государствах древней Передней Азии или Эллады).

2. Этнос не является самостоятельным в политическом отношении,

однако представляет достаточно автономную и локализованную единицу, сохраняющую основные системные связи. Армянский этнос на территории своей исторической родины на протяжении значительной части средневековья служит в этом отношении наглядным примером.

3. Этнос не составляет самостоятельного политического образования, децентрализован, а его системные связи нарушены. Его этническая культура в данном случае представлена отдельными изолированными субструктурами, преимущественно в области духовной культуры, самосознания и т. п. Примером может быть цыганский этнос в различных странах мира.

В случае совпадения культуры этноса с культурой данной политической единицы, т. е. в случае целостного этносоциального организма, восприятие внешнего импульса наиболее близко или даже тождественно восприятию внешних импульсов культурой вообще. По существу культура этноса и культура данного этносоциального организма перекрывают друг друга. Критерий селекции внешних импульсов со стороны культуры этноса проявляется в основном в духовно-идеологической сфере, и поскольку культура этноса включает в себя этническую культуру, он может быть направлен на сохранение специфически-этнических черт или на соответствующую адаптацию и трансформацию заимствованных элементов.

Необходимо учитывать, что в классовом обществе культура этноса не является гомогенной, она представлена различными субкультурами, носители которых занимают различное положение в данном этносоциальном организме, могут по-разному относиться к восприятию внешних импульсов и оказывать различное по силе воздействие на степень их восприятия культурой этноса в целом. Далее мы остановимся на этом вопросе более подробно.

Соответственно восприятие внешнего импульса культурой этноса в целом зависит от того: а) насколько он соответствует тенденциям ее внутреннего развития; б) в какой мере он соответствует (или по крайней мере не противоречит) этноинтегрирующим и этнодифференцирующим функциям этнической культуры; в) каково отношение к внешнему импульсу различных классов, слоев, сословий — носителей данной культуры этноса и этнической культуры, а также каково их соотношение внутри данного этносоциального организма. При этом перечисленные факторы, а также ряд других чаще всего выступают не изолированно, а во взаимодействии друг с другом; особенности этого взаимодействия также определяют конечный эффект.

Хорошей иллюстрацией опять-таки могут служить разнообразные варианты восприятия мировых религий различными этносоциальными организациями и соответственно культурами этносов. В одних случаях, когда старые традиционные религии находились в состоянии кризиса и не имели прочной и широкой социальной опоры в данном этносоциальном организме, это восприятие происходило сравнительно быстро и безболезненно, особенно если оно сопровождалось заимствованием других элементов культуры-донора. Так, в частности, произошло с восприятием христианства германскими племенами, непосредственно втянутыми в Великое переселение народов.

В других случаях восприятие мировых религий протекало более

медленно и болезненно в результате давления обществ-доноров или носителей собственной элитарной субкультуры, зачастую вызывая внутренние конфликты. Восприятие христианства германоязычными племенами Скандинавии, а также финнами заняло значительный промежуток времени и сопровождалось серьезной борьбой разных слоев и групп внутри общества.

Специфика восприятия внешних импульсов политически несамостоятельным этносом и его культурой во многом определяется их положением в данном политическом образовании, отношением к общегосударственной культуре и другим культурам данного государства, особенно к культуре господствующего этноса, если она имеется.

При всех обстоятельствах вхождение данного этноса в состав политико-этнического государственного образования влечет за собой включение в его культуру элементов, присущих всем культурам этносов данной политической единицы (нередко в более или менее трансформированном виде). Однако эти элементы не всегда становятся интегральной частью его этнической культуры. Например, даже христианские народы Османской империи имели общие или сходные с турками элементы одежды, интерьера, утвари и т. п., но показательно, что после достижения независимости народами Балкан большинство таких элементов быстро вышло из употребления.

Дальнейшее распространение общих культурных элементов как вглубь, так и вширь в рамках данного политического объединения очевидно является одним из путей формирования историко-этнографических общностей. Однако в данном случае многие из заимствованных элементов могут не столько интегрироваться в культуру этноса, сколько включаться в нее в качестве неорганических, не вплетенных в структуру системных связей и поэтому легко утрачиваемых в изменившейся политической обстановке. Так случилось в Средней Азии, где многие заимствованные элементы или навязанные элементы греческой культуры быстро исчезли с падением эллинистической Греко-Бактрия. Другие заимствованные элементы, более соответствующие тенденциям внутреннего развития, становятся составной частью культуры этноса, а в дальнейшем иногда и этнической культуры. При этом они нередко подвергаются столь сильной переработке, что подчас требуется специальный анализ для установления их генезиса и первоначальных истоков.

В то же время важно отметить противоречивость восприятия внешних импульсов культурой этноса и этнической культурой в созданных насильственным путем многоэтнических государствах. С одной стороны, они, особенно первая, неизбежно становятся более открытыми и восприимчивыми к внешним воздействиям и заимствованиям. С другой — селективные черты этнической культуры в данном случае преимущественно направлены на сохранение этнической специфики и отсеечение угрожающих им элементов, восприятие которых чревато частичной или полной ассимиляцией. Очевидно, в этом заключается одна из причин стойкости сохранения христианства у завоеванных турками народов Балкан и Закавказья.

От специфики восприятия внешних импульсов перейдем к более широкому вопросу об общих механизмах зарождения и развития инноваций в культуре этноса, безотносительно к источнику последних. В наиболее полном и развернутом виде они включают в себя четыре основных этапа. Первый из них — селекция, второй — воспроизведение или копирование, третий — приспособление или модификация, четвертый — структурная интеграция.

Селекция заключается в отвергании одних импульсов или культурных мутаций (т. е. изобретений и инноваций в рамках данной культуры, без каких-либо внешних воздействий) и отборе других для последующего их усвоения или переработки. Критерием отбора, по общему правилу, служат как тенденции развития культуры, воспринимающей или порождающей инновации, так и ее социально-политические и экономические особенности.

Воспроизведение отражает раннюю стадию усвоения воспринятых извне или порожденных внутри инноваций. Оно заключается в простом копировании их, без попыток сколько-нибудь органической интеграции и серьезной трансформации. На данном этапе культура этноса может еще легко отбросить соответствующую инновацию, если изменившиеся условия делают ее ненужной для нормального функционирования и развития.

Именно наличие множества элементов, копируемых с других культур, но никак не интегрированных, и является важнейшим отличием культуры этноса от этнической культуры. Повсюду в современном мире копируется, например, так называемая «западная мода» или, наоборот, на западе копируются элементы восточных религий (йога, дзэн и т. д.).

Модификация связана с процессом постепенного усвоения инновации, ее приспособления применительно к специфике культуры данного этноса. Но, по общему правилу, этим дело не ограничивается. Бытовавшие ранее традиционные элементы данной культуры в тех сферах, где они соприкасаются с инновацией, также должны претерпеть определенную трансформацию. Системный подход к любой культуре, в том числе и культуре этноса, подразумевает, что адаптируемая в ней инновация на определенном этапе в свою очередь вызывает изменения в соприкасающихся с ней элементах культуры. Эти изменения тем сильнее, чем более важное значение в системе культурных связей и структур имеет данная инновация.

Последний, заключительный этап усвоения инновации — ее структурная интеграция в системе культуры данного этноса — по существу отражает ситуацию, когда инновация уже перестает осознаваться как таковая и превращается в органическую часть этнической культурной традиции. Более того, подвергшись соответствующей переработке, она может приобрести черты этнической специфики, отличной от ее первоначального прототипа. В этом случае бывшая инновация может получить этноинтегрирующую и этнодифференцирующую функции, из культуры этноса проникнуть в этническую культуру, как, например, армянское монофизитство, персидский шиизм, ирландский католицизм.

Эти четыре этапа выражают процесс усвоения инновации в наиболее полной форме. Представляется, однако, что в различных конкретных вариантах введения инновации в культуру этноса некоторые этапы могут выпадать или сливаться друг с другом. Так, в случае культурной мутации

нельзя четко разграничить селекцию и копирование. Среди ряда нововведений, которые могут ввести отдельные мастера в изготавливаемые ими предметы, обычно приживаются лишь те, которые начинают копировать другие мастера. Таким образом, в данном случае именно через копирование и происходит селекция. Поскольку подобная инновация зародилась внутри самой культуры этноса, нет надобности в ее модификации. Однако последняя может совершиться в виде практической обработки, доведения изобретения до его оптимального совершенства.

Но и при восприятии заимствованных инноваций не всегда происходит их модификация. Иногда инновации вписываются в систему культуры-реципиента и без таковой. Так, японский этнос, восприняв с минимальной модификацией китайскую иероглифическую письменность, вместе с ней практически без какой-либо модификации принял и традиции китайской каллиграфии, а также связанные с нею эстетические нормы²³.

В эпоху Великих географических открытий европейцы столкнулись с целым миром новых и чуждых для них культур индейцев Нового Света. В этих культурах, в частности, важное место занимали различные тонирующие и наркотирующие продукты, от безобидных и даже полезных, как какао, до сильнейших галлюциногенов. В восприятии их Европой можно выделить все четыре этапа: селекцию, в результате которой табак и какао были восприняты очень быстро, а кока и галлюциногены (пейоте и пр.) остались без внимания вплоть до новейшего времени; копирование, например, индейских навыков курения, вскоре, правда, ставших подвергаться модификации; коренную модификацию, которую претерпело, например, потребление какао, использовавшегося у ацтеков в основном для приготовления холодного, соленого и напеченного напитка; наконец, интеграцию, в результате которой трубка голландца или сигара англичанина превратилась в характернейшую черту этнического стереотипа, хотя в реальной действительности они зачастую могли оставаться принадлежностью не этноса в целом, а лишь его определенных социальных слоев. Аналогичную модификацию и интеграцию, причем различную в культурах различных этносов, претерпели также нюхательные и жевательные табаки.

Представляется, что в данных случаях, как, впрочем, и во многих других, селекция и модификация заимствования обусловились в значительной мере стадийно-формационными факторами. Так, употребление галлюциногенов исторически наиболее характерно для разлагающегося первобытного и раннеклассового общества; в самой Европе, где оно раньше практиковалось, например в Скандинавии, к эпохе Великих географических открытий они уже вышли из употребления.

Этапы восприятия заимствованных элементов или комплексов могут также определяться тем, совершается ли оно на уровне трудовых масс общества или же его правящей верхушки. В первом случае, как и при мутации, селекцию и копирование трудно разделить, селекция происходит именно через копирование. Во втором случае самостоятельный этап сознательной селекции иногда предшествует копированию. Примером может служить летописный и несомненно беллетризованный, но обобщенно отражающий факты реальной действительности рассказ о крещении Руси и предшествовавшем «пытании вер». Аналогичным образом происходило восприятие иудаизма в Хазарии. Еще одна аналогия — восприятие буд-

дизма в Японии на окончательном этапе в виде сложившегося канона определенных, уже вполне оформившихся ранее школ²⁴.

Из различных функций инновации для путей ее дальнейшего распространения важное значение имеют две: утилитарная и престижно-знаковая²⁵. В случае независимого изобретения (мутации), особенно на массовом (безавторском) уровне, чаще всего, по крайней мере на первых порах, преобладает утилитарная функция. Селекция и копирование происходят медленно; методом проб и ошибок выявляется наиболее удачная модель, оптимально приспособленная к культурной специфике и потребностям общества. Отбор совершается первоначально в сравнительно узком кругу экспериментаторов, в рамках одной социальной, профессиональной или локальной группы, а оптимальная модель в дальнейшем распространяется как вглубь, так и вширь в культуре данного этноса. При этом она долго тяготеет к тому социальному слою, в котором была создана, и по крайней мере в докапиталистических классовых обществах ее распространение нередко связано преимущественно с линиями семейно-брачных отношений.

Хорошим примером в этом отношении может служить история открытия и обработки железа. Первоначально этот процесс проходил крайне медленно и занял в Передней Азии много столетий. Это объясняют тем, что навыки производства железа долгое время были сопряжены с религиозно-магическими функциями, хранились в секрете и передавались по наследству в рамках определенных наследственно замкнутых профессиональных групп²⁶.

Когда независимое изобретение вызывается в первую очередь утилитарными потребностями, дальнейшее приобретение новым элементом культуры знакового или престижного значения связано с утратой им части своей утилитарности и восприятием его другими социальными слоями. При этом, по-видимому, преобладает движение из низших слоев в высшие, так как основным генератором новых явлений культуры, во всяком случае материальной, выступают трудящиеся массы. Разумеется, это не относится к развитым в индустриальном отношении обществам. В них изобретаемые элементы культуры, авторами которых обычно выступают представители средних слоев или интеллигенции, чаще всего не носят специфически этнического характера (подобно автомобилю). Однако положение о связи утраты утилитарности с обретением престижно-знакового значения относится и к этим инновациям.

Совершив престижное восхождение по ступеням социальной лестницы вплоть до элиты, элемент в преображенном виде может вновь вернуться в среду трудящихся масс. Например, японские деревянные сандалии на подставках, так называемые гэта, возникли в глубокой древности, очевидно, как чисто утилитарное приспособление для ходьбы по заболоченной местности. Уже на заре японской государственности они были восприняты знатью и, судя по их каменным имитациям, встречающимся в курганных погребениях, носили какой-то знаковый характер. В средние века, став очень высокими, они проникли уже в преобразованном виде в быт сперва горожан, а затем и крестьян и превратились в вид общепониманной обуви²⁷.

Другой пример — знаменитый скифский звериный стиль. В ранний период, в VII—V вв. до н. э., он бытовал в довольно широкой воинской среде, выполняя не только престижные, но и религиозно-магические

функции. Но в IV—III вв. до н. э. сферой бытования звериного стиля становится главным образом аристократическая среда, а его парадно-декоративные функции отчетливо выходят на первый план.

В отношении чисто утилитарных технологий элементов культуры нет принципиальных различий в путях распространения между самостоятельным изобретением и заимствованием. То и другое распространяется в определенной социально-профессиональной среде, заимствуется путем подражания и, следовательно, не обязательно сопряжено с кругом семейно-брачных связей. Их распространение предполагает наличие политических, территориально-соседских, деловых, дружеских и др. связей между различными группами населения, в том числе разноэтническими. Именно таким образом в XVII—XVIII вв. ижемские коми заимствовали от своих соседей-ненцев весь комплекс оленеводства. Понятно, что для такого заимствования необходимыми условиями являются не только относительно близкий уровень социально-экономического развития, но и тождественная или сходная экологическая ситуация, что как раз и имело место в приведенном случае.

По-иному складывается судьба тех иноэтнических заимствований, которые имеют не только чисто утилитарный, но и определенный престижно-знаковый характер, по крайней мере в глазах реципиентов. Как правило, элементы культуры такого рода заимствуются от одной культуры этноса к другой, причем процесс заимствования может приобретать цепной характер. До некоторой степени современным аналогом подобного явления может служить распространение моды.

Вопросы престижности инноваций, ценностного маркирования заимствований имеют особенно большое значение для процессов культурной трансформации. Они настолько важны и сложны, что мы посвятим им отдельную, следующую главу.

В обществах доклассовых, в которых нет существенной социальной стратификации, преобразование культурного элемента при его вертикальной мобильности, естественно, крайне ограничено. Горизонтальное распространение инновации решительно преобладает. Исключение составляет некоторое знаковое преобразование инновации в практике профессиональных ритуалов (например, шаманской), так как жречество в уже разлагающихся первобытных обществах начинает составлять особую социальную прослойку. При этом, однако, преобразованная инновация может снова войти в повседневный быт. Таково, очевидно, происхождение многих солярных, растительных, зооморфных, геометрических и прочих форм орнамента на бытовых предметах у многих народов мира.

Другим исключением являются культурные элементы, в которых престижное назначение приобретает доминирующую функцию. Сфера их бытования со временем полностью или частично может ограничиваться формирующейся аристократической прослойкой. В подобных случаях возможно, что инновация с самого начала имеет престижно-знаковое значение и даже появляется в результате определенного социального заказа.

Не только вертикальное, но и горизонтальное распространение инноваций в первобытном обществе ограничено. В числе прочих причин это обуславливается еще и небольшим размером этнических общностей перво-

бытности. Более того, сопряженность инновации с кругом брачных связей может приводить к тому, что она иногда долгое время остается в пределах даже не всей этнической общности, а ее отдельных подразделений.

При выходе инновации за пределы данного этноса мы имеем дело уже с иноэтничным заимствованием, для которого именно социальная однородность общества, его конформизм и традиционализм ставят существенные преграды. Конечно, в конце концов инновации распространяются иногда на целые континенты. Однако именно в силу указанных особенностей первобытного общества и его информационной структуры этот процесс идет крайне медленно, подчас растягиваясь на тысячелетия²⁸.

При непосредственном этнографическом наблюдении первобытных обществ, которое в современных условиях вообще мало где возможно, даже в оптимальных ситуациях очень трудно уловить процессы введения инноваций. Однако в тех случаях, когда то или иное общество, как, например, деревня Бонгу на Новой Гвинее, наблюдалось неоднократно, со сравнительно большими интервалами, наличие инноваций становится несомненным²⁹. Массовый археологический материал на протяжении существования той или иной археологической культуры, будь то керамика, жилище, орудия труда и особенно оружие, также дает много полезных сведений как о путях возникновения и распространения инноваций, так и о трудностях и препятствиях, стоящих на их пути³⁰. Мы не останавливаемся на этом материале подробнее в данной главе только потому, что сложная проблема корреляции между археологической культурой и соответствующими этносами еще не решена, о чем писалось выше в специально посвященной этому главе.

В докапиталистических классовых обществах именно наличие вертикальной структуры общества обеспечивает нередко более быстрое распространение культурных инноваций. Приподнятый в престижном отношении и преобразованный культурный элемент при обратном социальном спуске воспринимается и усваивается сравнительно легко; при этом этническая структура общества далеко не всегда играет существенную роль в определении путей его распространения.

Значительно большее многообразие информационных каналов (ярмарки, храмовые празднества и т. п.) в классовых обществах по сравнению с первобытными ускоряет распространение инноваций, особенно тех, которые передаются не через семейные связи или членство в наследственно замкнутой профессиональной группе, а путем подражания. Это, в частности, относится к тем инновациям, которые, скажем, в силу своей специфической технологии (например, новые сельскохозяйственные орудия труда или некоторые транспортные средства) не имеют перспективы приобрести популярность в элитарных слоях общества.

В современную эпоху важнейшим источником инноваций для локальных культур становится современная общемировая культура. Закономерности восприятия инноваций из нее обладают своей спецификой, которую ярче всего можно проиллюстрировать на примере восточноазиатских стран.

СИНТЕЗ ТРАДИЦИОННОГО И НОВОГО В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Одна из характерных особенностей культур стран Азии и Африки — синтез традиционной, «этнографической» культуры с культурой европейской, «западной» или, точнее, с современной общемировой урбанистической моделью. Степень интенсивности этого процесса в различных сферах культуры, а также в различных социальных группах и классах, в городе и в деревне неодинакова.

Изучение и осмысление форм взаимодействия традиционного и нового в культуре стран Азии и Африки, а также преобладание того или иного компонента в определенной сфере культуры имеют не только чисто научное значение, но нередко приобретают острую политическую окраску.

Закономерности взаимодействия традиционной культуры и культуры, заимствованной у запада, можно проследить прежде всего на примере стран Восточной Азии, так как здесь эти заимствования имеют наиболее древнюю историю по сравнению с другими странами Азии и Африки (кроме, может быть, стран Ближнего Востока). К тому же, поскольку исходные культуры резко отличаются друг от друга, их можно четко разграничить, что не всегда осуществимо в других случаях. В рамках данной главы мы оперируем в основном материалами корейской и японской бытовой культуры. Аналогичные исследования ведутся и по другим странам Восточной Азии — Китаю и Монголии, но там в силу разносторонних культурных влияний имеется своя специфика.

Исторические судьбы корейского и японского народов на протяжении последнего столетия складывались по-разному. Процесс взаимодействия национальных традиций этих народов с мировой культурной моделью также имеет специфические черты. Все это вызывает интерес к общим закономерностям, которые можно выявить в таком сложном процессе.

Встреча старого и нового, сочетание традиционного и «западного» в жизни и культуре корейцев и японцев уже несколько десятилетий привлекает внимание деятелей культуры, журналистов, писателей³¹. Имеются и специальные работы, в которых предпринята попытка теоретически осветить эту проблему и определить закономерности процесса взаимодействия традиционной культуры корейского и японского народов с мировой урбанистической культурной моделью³².

Изучение современной материальной культуры корейцев и японцев показывает, что процесс взаимодействия и взаимопроникновения традиционного и нового невозможно понять без учета характера и специфики современного этапа развития национальных форм материальной культуры, без учета степени ее модернизации. Хотя модернизация традиционной культуры нередко протекает параллельно с «европеизацией», явления эти неоднозначны. Предметы материальной культуры должны видоизменяться, чтобы соответствовать меняющейся общественно-политической обстановке. Модернизация идет в двух направлениях: по пути выработки новых, отвечающих современным запросам форм и по пути заимствования отдельных черт или готовых комплексов из арсенала мировой урбанистической культуры. Например, застрачивание складки-напуска (хасэри) на кимоно, употребление однослойного пояса (оби) с накладным бантом в японском

национальном женском костюме³³ или появление юбок (чхима) на лифе типа оккэчхима и панккэчхима, а также увеличение длины кофты (чогори) в корейском национальном женском костюме³⁴ — всего лишь попытки модернизации традиционной одежды без каких-либо признаков ее европеизации.

Примером модернизации в области корейского национального жилища может служить железная решетка или железная корзина, которую нередко монтируют в топку ондоля. Такая решетка дает возможность использовать для обогрева ондоля уголь вместо дорогостоящего дерева. С модернизацией связан обогрев ондоля при помощи электропечей³⁵. В КНДР в жилищном строительстве при сохранении ондоля используется принцип парового отопления: по трубам ондоля поступает горячая вода.

Модернизации быта несомненно способствует широкое проникновение техники (телефонов, радиоприемников, электроприборов, швейных машин и т. п.) и использование синтетических материалов. В настоящее время в КНДР в быту все шире применяют электрокотлы и электрокастрюли для варки риса, механические приспособления для изготовления пельменей (манту), электрорезки для овощей. Все эти явления сами по себе еще не служат показателем «европеизации», хотя нередко они воспринимаются как заимствования с запада. Например, изготовление традиционной корейской или японской посуды из пластмасс, а также корейского или японского типа одежды из синтетических тканей есть не европеизация, а модернизация, которой в равной мере могут подвергаться элементы неевропейского и европейского быта. Однако психологически модернизация и европеизация часто ассоциируются. Так, в последние десятилетия корейские женщины стали носить чхима более короткие, чем предусмотрено традицией. Это несомненно отражает лишь модернизацию национального костюма, однако укороченная чхима сочетается с чулками и обувью обязательно европейского стиля, а чхима традиционной длины — с носками носон и корейской обувью.

Любой предмет или комплекс предметов в бытовой среде, окружающей современного корейца или японца, могут быть, как правило, отнесены к одной из двух сфер культуры: национальной и «западной». В Японии традиционная сфера культуры известна под термином «васики», а западная — «сэйёсики» или просто «ёсики». В корейском быту предметы традиционного быта относятся к категории чосонсик, а «западного» — к категории соянсик, той же этимологии.

Более глубокое изучение современной материальной культуры японцев и корейцев показывает, что в ней наряду с предметами, которым могут быть целиком присущи черты только традиционной или «западной» культуры, нередко встречается комбинация тех или других черт, и лишь количественное преобладание каких-либо признаков в предмете ведет к его однозначному определению, обусловленному местом этого предмета в общественном сознании. В быту японцев и корейцев повсюду обнаруживается взаимопроникновение традиционного и нового, хотя характер этого явления в каждом конкретном случае различен.

Попробуем наметить некоторые пути взаимопроникновения традиционного и нового в современной материальной культуре корейцев и японцев.

Во-первых, механическое проникновение одной культурной традиции

в другую. В этом случае явлению или предмету присущи как японские или корейские черты, так и «западные». Однако каждая черта полностью сохраняет свою первоначальную специфику. Примером такого сочетания может служить в архитектуре современных городов КНДР и Японии устройство традиционных крохотных водоемов с золотыми рыбками и причудливыми камнями, маленьких водопадов или каменных садов во внутренних дворах современных многоэтажных зданий европейской архитектуры. Непременной деталью урбанистического пейзажа в КНДР стали небольшие пруды с лотосом соседствующие с многоэтажными зданиями в районах массовой застройки.

Подобные сочетания наблюдаются и в жилище: например, отель японского типа рёкан, но оборудованный не японскими ваннами фуру, а ваннами европейского типа; современные многоэтажные дома европейской архитектуры с корейским традиционным отоплением — с обогреваемым полом ондоль. В интерьере: украшение комнат, мебелированных по-европейски, национальными свитками с живописью или каллиграфией. В одежде: корейский жилет (тынгори) или кофта (чогори) или японская кофта (хаори), украшенные такими европейскими деталями, как хлястик или пуговицы; японское кимоно или костюм корейки, сшитые из европейской ткани; японская или корейская по фактуре и выделке ткань, но с европейским рисунком; или, напротив, ткань специфически европейского типа, но украшенная корейским или японским орнаментом. В пище: европейская трапеза или блюдо, к которому, однако, подается не хлеб, а сваренный на пару пресный рис гохан (яп.), пап (кор.).

Во-вторых, синтез, органическое слияние в одном предмете или явлении черт той или другой культуры, причем становится трудно определить отдельную традиционную или новую черту. Например, наблюдаемый сегодня в Корее обычай покрывать циновками пол, даже в комнатах, обставленных европейской мебелью. Такой же синтез можно видеть в устройстве окон в современных постройках Японии. Европейский принцип окна с застекленными рамами сочетается с традиционным принципом скольжения рамы в горизонтальных пазах, с убираем рамы в выступник рядом с оконным проемом. В Корее в некоторых современных постройках (чаще всего в отелях европейского стиля) широко используются традиционные раздвижные перегородки³⁶. Другой пример: японский дождевик амагото, надеваемый поверх женского кимоно, причем покроей амагото не является целиком ни японским, ни европейским, а сочетает детали того и другого.

В-третьих, использование нового заимствованного предмета согласно традиционным навыкам. Наиболее яркий пример — европейская обувь. Устройство интерьера национального дома корейцев и японцев (несмотря на значительные различия) на протяжении многих столетий выработало у этих народов обычай разуваться и переобуваться, входя в помещение. В результате в современном быту корейцев и японцев преобладает нешпурованная европейская обувь, широко распространены всевозможные приспособления для надевания обуви, используются туфли-слипперы не только в домашнем быту, но и на производстве, в транспорте. В Корее обычай переобуваться сохраняется даже при входе в жилое помещение, обставленное европейской мебелью. Домашние туфли стали непременной

деталью сервиса европейских отелей и в Корее и в Японии. Кроме того, в Японии в самолетах и в железнодорожных вагонах в креслах устраивают специальные приспособления, которые предусматривают употребление их в одном положении для опоры обутых ног, в других — для опоры разутых. Интересным примером является и наблюдаемая у японцев привычка снимать и надевать рубашку и пиджак одновременно, не разъединяя рукавов, так как это делается с комплексом кимоно хаори. Однако предмет может видоизменяться, например, стул дзаису с плоским сиденьем имеет подлокотники, спинку, как европейский стул, но не имеет ножек. Стул дзаису ставят на циновку и сидят на нем, поджав ноги. Этот предмет, хотя и ёсики по происхождению, но уже выпал из бытовой сферы ёсики и целиком перешел в сферу васики.

Возникает вопрос, какова социальная обусловленность тех закономерностей, которые определяют в той или иной сфере быта выбор «западной», традиционной или смешанной (синтетической) формы. Нам представляется, что эти закономерности обуславливаются четырьмя факторами: ролью навыка, отношением к бытовому предмету как к показателю социального престижа, соответствием или несоответствием структурных принципов заимствованных моделей структурным принципам этнических традиций, степенью оформленности данной сферы быта в традиционной культурной модели и ее судьбой в процессе аккультурации.

Навык как часть этнической системы поведения играет большую роль в процессе взаимодействия традиционного и нового. Из приведенных выше примеров видно, что при контакте или конфликте нового предмета и навыка преимущественно нередко бывает на стороне последнего. Обычай корейцев обязательно перед едой мыть руки или протирать их влажным полотенцем привел к тому, что деталью костюма корейского рабочего или строителя, одетого по-европейски, стало заткнутое за пояс с правой стороны свернутое полотенце³⁷. Любая торжественная трапеза у корейцев и японцев (на семейном и на официальном уровне) обязательно начинается с предложения всем присутствующим влажных салфеток для протирания рук и лица. В Японии аналогичный обычай привел к тому, что на транспорте в пакет-набор вагонного питания по возможности включается пакет с влажной салфеткой о-сибори, пропитанной моющим средством³⁸. Более активное влияние на предмет оказывают навыки, связанные с действием. Например, носок производственной обуви (тапочек, кед, резиновых сапог и т. п.) мастеровых и крестьян бывает раздвоен, чтобы обеспечить при работе привычное положение большого пальца ноги, а форма носка повседневной обуви японцев не отличается от обычной европейской.

Престижными соображениями объясняются многие закономерности в соотношении традиционного и нового. Их можно, в частности, проследить на примере одежды или архитектуры.

В некоторых развивающихся странах Азии и Африки наблюдается интересное явление: когда европейский костюм на высоком официальном уровне становится обязательным, возникает необходимость введения этнической детали как показателя этнического самоутверждения. Часто такой деталью в европейском костюме является головной убор. В архитектуре официальных зданий, которая в целом следует европейскому

образцу, нередко вводится этнический элемент в виде национальной формы крыши или декора. Подобного рода явления в архитектуре можно было наблюдать и в Японии еще в сравнительно недавнее время (в предвоенные и даже первые послевоенные годы), но сейчас они уже вышли из моды, очевидно в связи с тем, что психологическая потребность в специальном этническом самоутверждении отпала при достижении Японией высокого уровня экономического развития. В среде японской буржуазии одно время предпочтение отдавалось европейской кухне и европейскому жилищу. Однако в дальнейшем европейская кухня стала ассоциироваться преимущественно с буфетами, где закусывают на скорую руку, а европеизированное жилище — в основном с данти, районами массовой стандартизированной застройки.

Нередко заимствованный культурный комплекс прививается легко и прочно потому, что его структура имеет параллель в структуре функционально сходного традиционного комплекса. В Японии, например, широко распространен следующий комплекс одежды: черная визитка, полосатые брюки, манишка. Этот костюм используется для траурных церемоний. Он слагается с привычным черно-белым костюмом типа райфуку (кимоно, сшитое из ткани, украшенной черно-белыми гербами; хакама из той же ткани и хаори с белым бантом), с давних пор служившим церемониально-траурным костюмом. Оба комплекса в настоящее время равноправны, но по практическим соображениям превалирует европейский вариант, который этнически полностью освоен и стал элементом японской культуры стиля ёсики. В КНДР большой популярностью пользуется мужской костюм европейского покроя (брюки и полувоенный китель), сшитый, однако, из ткани белого цвета (полотна, чесучи, шелка). Это связано с традиционным цветом корейской национальной одежды. Приемлемым и даже модным считается сочетание женского корейского национального костюма с пальто европейского покроя, так как последнее ассоциируется с верхним халатом турумаги.

Из европейской мебели в Корее наиболее распространены низкие столики типа журнальных, которые по своим размерам ассоциируются с традиционными столами папсан. Журнальным столикам отдается предпочтение в интерьере помещений, предназначенных для официальных встреч и приемов.

Успехи и пути заимствования культурного комплекса во многом зависят и от того, в какой степени функциональный аналог этого комплекса был развит и оформлен в традиционной культуре. В сфере торговли, например, при общем высоком развитии оптовой и розничной специализированной торговли в Корее и в Японии раньше не было института универсальной торговли. Поэтому при сохранении в мелкой специализированной торговле многих традиционных черт все, что касалось универсальной торговли, было заимствовано в комплексе, и не предпринималось попыток его видоизменить или внести этнически окрашенные черты. Очевидно, такие попытки воспринимались бы как смешные, хотя для стороннего наблюдателя может казаться несуразным как раз то, что, скажем, мапекены в витринах японских магазинов имеют европеоидный, а не монголоидный облик. Сходным образом заимствовались и парикмахерские. Цирюльни издавна существовали в Японии и в Корее, но различие национальных и

европейских причесок было столь резким, что имело на первых порах даже определенное общественно-политическое значение³⁹. Поэтому исполнение одним и тем же мастером обоих стилей причесок представлялось невозможным. Парикмахерские, пришедшие на смену традиционным цирюльням, восприняли все европейские черты, вплоть до символики вывесок. Напротив, национальная баня в Японии сохранила в основном традиционные очертания. В дальнейшем, когда под европейским влиянием стали развиваться, например, купания на фешенебельных курортах, многие черты традиционной общественной бани нашли отражение и в них.

Все приведенные выше явления свидетельствуют о том, что вхождение в традиционный быт заимствованного в неевропейском контексте объясняется рядом сложных, но закономерных и социально обусловленных факторов. В каждой стране в этих процессах имеется своя специфика, однако есть основания полагать, что многие рассмотренные закономерности имеют относительно общий характер.

¹ Маркрян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. № 2 (дискуссия в № 2 и 3).

² Маркрян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1964. С. 11—13, 58—62; *Он же*. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973. С. 41—54, 76—85.

³ Козлов В. И. Этнос и культура // СЭ. 1979. № 3.

⁴ См.: Южный Индостан // Этнография питания народов Зарубежной Азии. М., 1981. С. 93—94.

⁵ Этнические процессы в странах Южной Азии. М., 1976. С. 123—125.

⁶ Мкртумян Ю. И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978. С. 42—46.

⁷ Токарев С. А. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С. 260, 278—279.

⁸ Те Ранги Хироа (Бак П.). Мореплаватели солнечного восхода. М., 1950.

⁹ Trager G. L. Writing and Writing Systems // Current Trends in Linguistics. V. 12. Linguistics and Adjacent Arts and Sciences. Part 1. The Hague, 1964. P. 437—467.

¹⁰ Всемирная история. Т. IV. М., 1958. С. 183, 390—391, 422—423.

¹¹ Lanternari V. The Religion of the Oppressed. N. Y., 1963; *Christiansen P.* The Melanesian Cargo Cult. Copenhagen, 1969; *Бутимова М. С.* Культ карго в Меланезии // СЭ. 1973. № 1.

¹² Фридрих И. История письма. М., 1979. С. 185, 202.

¹³ Народы Восточной Азии // Народы мира. Этнографические очерки. М.; Л., 1965. С. 125—128.

¹⁴ Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939.

¹⁵ Planchon E. de. The Geographical Setting // The Cambridge History of Islam. V. 2. The Further Lands. Islamic Society and Civilisation. Cambridge, 1970. P. 444.

¹⁶ Caskel W. The Bedouinization of Arabia // Studies in Islamic Cultural History. Menasha, 1954. (The American Anthropological Association. V. 56, N 2. Pt 2. Memoir N 76).

¹⁷ Bishai W. B. Islamic History of the Middle East: Background Development and the Fall of the Arab Empire. Boston, 1968. P. 61—62.

¹⁸ Watt M. W. Muhammed at Mecca. London, 1953. P. 20.

¹⁹ Hitti P. K. History of the Arabs. London, 1956. P. 29.

²⁰ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. М., 1975. С. 10, 76—106.

²¹ Там же. С. 172—178, 185.

²² Мы не рассматриваем здесь этнос в процессе становления, поскольку в этом случае внешние воздействия входят в число факторов этногенеза, что требует особого исследования.

²³ Модификация свелась к позднему добавлению небольшого числа новых иероглифов для обозначения специфически японских культурных и природных реалий.

²⁴ Kitagawa J. Religion in Japanese History. N. Y., 1966.

²⁵ Арутюнов С. А. Механизмы усвоения нововведений в этнической культуре // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978. С. 103.

²⁶ Арешян Г. Е. Железо в культуре древней Передней Азии и бассейна Эгейского моря // СА. 1976. № 1.

²⁷ Arutiunov S. A. The Process of Change through Cultural Borrowing // Cultures, 1978. V. 5. N 1. P. 98.

²⁸ Sumner W. Folkways. London, 1958; *Гофман А. Б., Левкович В. П.* Обычай как форма социальной регуляции // СЭ. 1973. № 1. С. 16—19.

²⁹ Чистов К. В. Традиционные и «вторичные» формы культуры // Расы и народы. 5. М., 1975.

³⁰ Некоторые примеры диагностики инноваций на археологическом материале нами разработаны в монографии: *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Проблемы... С. 102.

³¹ См., например: *Первенцев А.* В Корее. М., 1950; *Хохлов Н. П.* Корея наших дней. Очерки и путевые заметки советского журналиста. М., 1956; *Эренбург И. Г.* Японские заметки // Иностранная литература, 1957, № 8; *Федоренко Н. Т.* Японские записки. М., 1966; *Овчинников В.* Ветка сакуры. М., 1971 и др.

³² См.: *Dore R.* City Life in Japan (Life in a Tokyo Ward), London, 1958; *Вакамори Таро.* Тайсю бунка дайдай (Эпоха массовой культуры), Токио, 1961; *Арутюнов С. А.* Современный быт японцев. М., 1966; *Арутюнов С. А., Джарылгасинова Р. Ш.* Закономерности сочетаний традиционного и нового в развивающихся культурах стран Восточной Азии. М., 1970 (Доклад на VII Международном социол. конгрессе в Варне в 1970 г.).

³³ Материалы по модернизации японского национального костюма в значительной мере получены во время консультаций в университете домоводства «Оцума Дайгаку» в Токио. См. также работы: *Иидзуми Рокуро,* Нихондзин-но Фукусю (Одежда японцев) // Нихондзин сайкацу дзэнсю (Жизнь японцев). Т. 2. Токио, 1956; *Вакамори Таро.* Эпоха массовой культуры.

³⁴ Сведения о модернизации корейского национального костюма почерпнуты из следующих работ: Чосон ыт (Корейская одежда), Пхонъян, 1959; Korea. Its Land, People and Culture of All Ages. Seoul, 1960. P. 613.

³⁵ См.: *Wagner E.* Korea. The Old and the New. London, 1934. P. 74; Korea. Its Land... P. 607.

³⁶ См.: Pictorial Korea. Seoul, 1955.

³⁷ См.: *Первенцев А.* В Корее. С. 18; *Хохлов Н. П.* Корея... С. 103.

³⁸ Подобного рода бытовые усовершенствования имеют тенденцию распространяться и за пределами Японии, что свидетельствует о влиянии японской бытовой культурной модели на интернациональную модель.

³⁹ Достаточно вспомнить волнения в Корее в конце XIX в., связанные с попыткой насильственно изменить национальную прическу. В Японии в первые годы Мэйдзи (т. е. в конце 1860-х—начале 1870-х годов) большой популярностью пользовалась песенка:

Дзэнгири атама-о татайтэ мирэба,
Буммэй-то бунка-но ото га еуру.

Стукни по коротко остриженной башке,
Услышишь гулкий звук: «культура и прогресс».

РОТАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ УСВОЕНИЯ ПРЕСТИЖНЫХ ИННОВАЦИЙ

Любая инновация предполагает наличие донора и реципиента. В эндогенной инновации донором выступает изобретатель-новатор, единоличный или коллективный, авторский или безымянный. Его не всегда можно определить, но на деле он всегда есть. Донором, таким образом, выступает культура индивида или малой группы — ее можно назвать идиокультурой по аналогии с идиолектом как языком-идиомом индивида или малой группы, а реципиентом выступает культура более широкой группы. Идиомом такой группы слезит ее диалект, так что эту культуру можно назвать диакультурой. В максимуме это культура общества или этноса в целом. Таким образом, можно представить себе уравнение из нескольких пар: донор — реципиент, идиолект — диалект, «идиокультура» — «диакультура». В экзогенной инновации донор — это культура одного общества, коллектива, этноса, а реципиент — это культура другого общества. Разнообразие конкретных исторических условий порождает и разнообразие типов доноров и реципиентов инноваций, разнообразие их взаимоотношений и путей передачи инноваций.

В случае заимствования престижно-знаковых культурных элементов культура-донор на шкале престижных оценок обычно стоит выше, чем культура-реципиент. Это не обязательно отвечает реальному уровню ее развития. Например, культура кочевников, сама по себе сравнительно невысокая, в силу причин политического или конкретно-исторического характера может восприниматься как престижная и референтная различными слоями более развитых оседлых обществ. Так, китайцы в эпоху Хань, с отвращением относившиеся к пище кочевников, в III—VI вв. н. э. заимствовали у них много мясных и молочных блюд. Между тем для утилитарных заимствований перепад престижных уровней не имеет решающей роли. Они могут исходить из культур-доноров, и в реальном и в престижном отношениях находящихся на более низком уровне, чем культура-реципиент. Таковы, например, заимствования из индейских культур аборигенов в культуре народов Латинской Америки или маорийские заимствования в культуре английских переселенцев в Новой Зеландии. В языковой части культуры этноса таким производственно-технологическим заимствованиям обычно соответствуют терминологические: названия предметов, видов фауны и флоры, топонимика.

Явления знакового характера, заимствуемые при престижном перепаде, могут не иметь утилитарного значения или даже иметь его со знаком минус, например европейская одежда и пища, менее приспособленные

к климату и местным условиям, чем традиционные, и ведущие к простудным, зубным и иным заболеваниям в Океании, Арктике и многих других регионах мира. В области языка им соответствуют заимствования, изменяющие основной словарный фонд соответствующего языка: его числительные, местоимения, термины родства и пр. Нередко они лишь дублируют слова и понятия, существующие в местных языках. Престижность подобных заимствований состоит в том, что одеваться и питаться по-новому или употреблять в речи заимствованные слова считается признаком высокой культуры, высокого общественного положения, а продолжать употреблять предметы и слова своей культуры выглядит признаком «простонародья», «деревенщины».

Причина этого заключается не только в том, что инновация заимствуется у этнических групп, выступающих в качестве референтных по отношению к другим, но и в том, что в межэтнические контакты ранее всего вступают относительно элитарные слои населения: правящие классы, аристократия, купечество. В докапиталистических классовых обществах трудящиеся массы, как правило, вовлекаются в межэтнические контакты в гораздо меньшей степени, чем элитарные слои. Эти массы (преимущественно крестьянство) обычно тесно привязаны к своим поселениям и редко пересекают линии этнических границ. Поэтому распространение инокультурного заимствования в их среде происходит более или менее тем же путем, что и распространение инноваций в этнически однородной среде. У элитарных слоев гораздо больше возможностей ознакомиться и усвоить элементы иноэтнической культуры. В то же время, поскольку они выступают в качестве референтной группы по отношению к нижестоящим социальным слоям, понятно, что усвоенное элитой новшество подчас почти автоматически приобретает для последних престижное значение.

Возможны случаи, когда донор и реципиент инновации не разжированы, т. е. равны по уровню и статусу. Но все же часты случаи, когда донор пользуется большим престижем, чем реципиент. Даже в первобытном обществе изобретатель-новатор — это обычно соплеменник с высоким престижем (например, выдающийся шаман или охотник) и в контакте двух племен или общин обычно донор будет пользоваться несколько более высоким престижем, чем реципиент.

Не обязательно, чтобы инновация, исходящая от высокопрестижного донора, сама по себе всегда носила бы знак престижности. Так, например, буряты и другие народы Южной Сибири вскоре после контакта с русскими переселенцами, чья культура в целом пользовалась высоким престижем, весьма быстро заимствовали навыки хлебопечения — изготовления различных лепешек и хлебов как из пресного, так и квашеного теста. Однако эти виды пищи с самого начала были отнюдь не праздничными, а обычными, и особой престижной коннотации, по сравнению с традиционными блюдами, не несли. Но очень часто инновация, хотя бы в силу своей новизны и поначалу редкости, а также в связи с высоким престижем донора, имеет определенную престижную коннотацию. В армянской народной пище издревле большое место занимали блюда типа голубцов — «толма», т. е. пакеты из съедобных листьев (винограда, крапивы и ряда других растений) с начинкой из зерна или зернобобового или мясного фарша. Кочанная капуста начала широко распространяться в армянской

деревне под русским влиянием лишь со второй половины XIX в., и по началу голубцы из капустного листа были гораздо более высокопрестижны, чем обычные, виноградные. Однако постепенно они эту престижность потеряли. Ныне капустные голубцы стали обыденным блюдом, а престижными, для званых гостей, служат прежде всего виноградные.

Аналогичную смену ролей претерпело соотношение плодов лоха и яблоч, традиционного печенья «гата» и европейских тортов и многих других компонентов армянской пищи, да и не только пищи, а и многих других культурных элементов.

Здесь мы подходим к рассмотрению ротационного процесса взаимодействия инновации и традиции. Встречаются культуры А и В. Культура В заимствует у высокопрестижного донора А некий элемент культуры Ха; первоначально элитарный и высокопрестижный, Ха постепенно завоевывает популярность у все более широких (и социально все более низовых) слоев, вытесняя свой изофункциональный аналог Хв. В ходе этого снижения его престижный ореол тускнеет, и когда инновация Ха охватывает все слои общества, перестает быть диковиной, становится привычной, она превращается в традицию. Ее коннотация «а» забывается. И здесь почти исчезнувший, ставший редким старый аналог Хв вновь возносится на элитарный и престижный уровень.

Если мы обратимся к рассмотрению престижной роли костюма, то пример многочисленных стран Африки и Азии продемонстрирует нам широко распространенную закономерность. Первоначально урбанистический, т. е. «европейский городской» костюм, когда он впервые проникает в местную социальную среду, воспринимается как престижный. Затем, по мере того как он становится обыденным и привычным, значение престижности утрачивается и вновь престижными становятся народные традиционные формы костюма. Очень часто можно наблюдать смешанные формы костюма, в котором присутствуют как урбанистические, так и традиционные детали. Но сочетание их не произвольно, а определяется опять-таки некоторыми престижными закономерностями.

Костюм можно разделить на базисную и аксессуарную части. Базис — это минимум возможного костюма, который возможен и без аксессуаров, аксессуары же невозможны без базиса. Например, в комплексе брюки + рубашка, брюки являются базисом, а рубашка — аксессуаром. При этом нормальным сочетанием будет сочетание более престижного (нарядного) аксессуара с менее нарядным базисом, обратное соотношение, как правило, невозможно. Поэтому пока, например, в сельских районах Индии европейский костюм остается престижным, можно наблюдать сочетание дхоти + пиджак. Когда же традиционный костюм вновь становится знаком-символом, мы наблюдаем его как украшающий аксессуар при европейском базисе, например декоративный саронг над брюками в малазийском парадном мундире.

Вообще, чем ниже по шкале нарядности и престижности стоит вариант костюма, тем легче и произвольнее в нем смешение урбанистических и традиционных черт: на высших же ступенях престижной нарядности, например в церемониальном платье, такое сочетание либо строго регламентировано, либо равно нулю.

Сочетание традиционных и урбанистических черт в жилище, где вообще

смешение и синтез происходят довольно легко, обычно регулируется закономерностью концентрической структурной конфигурации: максимальная «вестернизация» допустима в наружных частях жилища, а по мере проникновения в глубь него, во все более и более интимные сферы интерьера, процент традиционных черт нарастает. Легко заметить, что здесь материализованы выражены общие закономерности бытовой жизненной сферы: чем более область быта и жизни открыта внешне, общедоступна для наблюдения, тем скорее она урбанизуется, и напротив, чем более она является интимной, тем дольше сохраняется традиционные черты. Лишь при полной урбанизации интимной сферы (или интерьера) традиционный знак-символ вновь может быть вынесен на экстерьер.

Подобная ротационного типа динамика соотношения традиции и заимствуемой инновации играет большую роль в освоении обществом заимствуемых компонентов культуры, в частности урбанистических. Сходную динамику можно наблюдать и в отношении фактов языка. Как правило, заимствуемая инонациональная, в частности интернациональная, лексика в первую очередь попадает в стилистически высшие, «элитарные» слои речи. По мере ее освоения и распространения она заполняет все более и более нижележащие стилистические слои. Когда заимствованная лексика полностью освоена языком на всех уровнях, тогда проявление языкового пуризма, стремления к употреблению чисто национальной лексики становятся характерны опять-таки для наивысших стилистических уровней, а насыщенность инородной лексикой становится типичной для низких стилей языка типа жаргонов, слэнгов, языка рекламы и т. д.

В силу почти полной этнической однородности и островного положения Японии, а следовательно, и отсутствия сухопутных этнических границ изложенные закономерности выступают на ее примере в особо четко выраженной форме. Япония по меньшей мере дважды пережила периоды интенсивного заимствования культурных инноваций: первый раз на протяжении VI—VIII вв. под влиянием Китая и Кореи, второй раз в конце XIX—начале XX в. под влиянием западных цивилизаций. В обоих случаях массивный поток инноваций вливался прежде всего в элитарную субкультуру, постепенно проникая в быт господствующих классов. Последние частично старались насадить инновации в массах административным путем. Так было в VII—VIII вв. с внедрением буддизма, так было и в XIX в. с введением европейской форменной одежды и прически. Однако темпы распространения и религии, и одежды и многих других элементов культуры мало зависели от административных мер. Зато четко проявлялась иная закономерность. Как только в элитарной субкультуре упомянутые заимствованные культурные элементы становились всеобщим нормативом, они довольно быстро начинали распространяться вниз по социальной шкале, приобретая дополнительное значение, коннотацию престижности.

Когда заимствованный элемент уже настолько врос в быт всего народа, что переставал восприниматься как престижный, начинался обратный процесс. Верхушечные слои, нуждаясь в определенных престижных символах, искали и находили их в тех компонентах традиционной культуры, которые выглядели как полузабытая архаика или во всяком случае не относились к числу повседневно употребляемых. Но получив

«права гражданства» в элитарной субкультуре, эти компоненты как бы вновь приобретали давно утраченное ими или даже никогда в них не присутствовавшее престижное значение и в преобразованном виде снова обретали ценность в глазах тех социальных групп, которые ранее готовы были без сожаления их утратить.

Так, в частности, произошло в Японии с синтоистской религией, которая к XVIII в. была близка к полному растворению и исчезновению в буддизме. В конце XVII — начале XIX в. возродился интерес к ней в среде реформистски настроенной аристократии. Затем в эпоху «революции Мэйдзи» синтоизм не только стал государственной религией, но и вновь прочно вошел на довольно долгое время (в ритуальной сфере даже по сей день) в культуру широких масс.

Выше мы уже говорили о том, как «гэта», бытовые деревянные сандалии, уже на заре японской государственности были восприняты знатью и стали носить знаковый характер. В средние века они, став очень высокими, использовались знатью для торжественных выходов, чтобы придать фигуре более высокий рост и торжественную осанку. Наконец, в позднем средневековье вместе с рядом других атрибутов феодального быта они проникают в преобразованном виде в быт сперва горожан, а затем и крестьян и становятся повседневным общеяпонским видом обуви. Со столь же давних времен в японской крестьянской культуре имелись плетеные циновки — подстилки, используемые для сидения и спанья на земляном или деревянном полу. В эпоху средневековья в быту класса феодалов и они претерпели изменения: циновками «татами», более плотными и добротными, обшитыми по краям плотной узорчатой тканью, стали покрывать весь пол жилища феодала или рыцаря. Постепенно князьям и самураям в этом стало подражать и городское состоятельное простонародье, а затем и крестьянство. Обычай полностью покрывать пол жилища татами стал общепринятым в крестьянском быту очень поздно — только в XIX в. Таким же путем сверху вниз распространились в средние века и заимствованные извне элементы культуры, например соевые продукты китайского происхождения, а в XIX — XX вв. — европейские элементы: одежда, обувь, мебель и т. д.

Характер социальной стратификации предопределяет как вертикальную личную мобильность в обществе, так и пути вертикального продвижения отдельных черт культуры. Социальная стратификация отсутствует в классическом первобытнообщинном обществе. Оно, как любое человеческое общество, не лишено понятия личного престижа, но здесь он связан не с принадлежностью к определенной социальной группе, а с личными заслугами и успехами. Это престиж добычливого охотника, умелого мастера, знатока обычаев и т. д. С появлением антагонистических классов, с растущей вертикальной дифференциацией общества этот вид престижа уходит на задний план, все более вытесняясь престижем, связанным с принадлежностью к определенному общественному слою. Один из этих слоев, достаточно высокий по своему положению, обычно выступает «референтной группой» для остального общества, т. е. идеальной целью для потенциального вертикального продвижения и образцом для подражания. При этом характерно, что основное ядро высшего слоя эксплуататорских классов, «истэблшмент», обладающий реальной властью, необязательно

выступает такой референтной группой, ею является чаще один из следующих слоев.

Так, в раннесредневековом японском обществе такой группой была не полностью оторванная от жизни народа придворная аристократия «күгэ», а военная верхушка «букаэ»; в народом индусском обществе в этой роли выступают не брахманы, а кшатрии (среди последних — прежде всего раджпуты); в современном буржуазном обществе — не богатейшие семейства монополистической буржуазии, предпочитающие не афишировать себя, а высшие слои так называемого среднего класса, в частности артистические круги и т. д. В современном социалистическом обществе, наконец, в ходе стирания различий между городским и сельским, физическим и умственным трудом, с развитием понимания важности и почетности любого труда и любой профессии растет вновь тенденция к преобладанию личного и коллективного (трудового) понятия вертикальной мобильности, но референтные группы остаются вполне действительными.

Выше уже говорилось о том, что престижность иноэтнических заимствований имеет свои корни не только в их экзотичности, но и в их первоначальной элитарности. При вращении в местную культурную среду эта элитарность постепенно стирается. Процесс вращивания в японскую культуру инноваций китайско-корейского происхождения был очень длительным, заняв целое тысячелетие. Понятно, что иноэтническое происхождение многих элементов культуры в такой ситуации легко забывалось. В особенности часто бывало так, когда вращивание касалось не образованных слоев общества, а гуши народных, преимущественно крестьянских, масс и происходило не в сфере идеологической надстройки общества, подобной религии, а в области бытовых предметов обихода. В результате этого такие явления культуры, как уже упоминавшиеся соевые пищевые продукты, и очень многие другие бытовые явления стали рассматриваться как неотъемлемая принадлежность исконно японской традиционной культуры.

Иначе обстоит дело с восприятием и интеграцией в японскую культуру европейских заимствований. Процесс этот начался в широком объеме немногим более ста лет назад, в середине XIX в., и по сей день в обиходном сознании японца совершенно четко деление всех элементов бытовой культуры на две категории: традиционную японскую «васики» и западно-европейскую «ёсики».

В предыдущей главе мы разобрали вопрос, какова структурная специфика тех закономерностей, которые определяют в той или иной сфере быта выбор западной, традиционной, смешанной или синтетической формы, а также тип и баланс смещения, и выделили четыре основных фактора, обуславливающих эти закономерности. Это, во-первых, роль навыка; во-вторых, структурная оформленность данной сферы быта в традиционной культурной модели и ее судьба в процессе аккумуляции; в-третьих, соответствие или несоответствие структурных принципов этнических традиций структурным принципам заимствуемых моделей; в-четвертых, отношение к бытовому предмету как к марке социального престижа.

Особенно важным фактором, влияющим на динамику и структуру быта, является роль бытового предмета как престижной марки. Понятие престижа и, соответственно, престижной марки составляет весьма значитель-

ную часть общей системы ценностей; по существу почти вся система ценностей отражается в этом понятии. Тем не менее роль концепции престижа в распространении бытовых явлений часто недооценивается. Например, широкое распространение в Японии телевидения (уже в конце 50-х годов) обычно принимают за показатель высокого общего жизненного уровня. Необычно здесь, правда, то, что количество телеточек (17 млн.) было больше числа радиоточек (10 млн.). Дело, по-видимому, объясняется тем, что в конце 50-х годов телевизор стал определенной престижной маркой. По признаку наличия или отсутствия телевизора домохозяйства разделялись в общественном мнении на зажиточные, нормальные и бедные, стоящие ниже уровня нормы. Поэтому даже весьма бедные семьи, отказывая себе в самом необходимом, стремились приобрести телевизор, причем нередко, приобретя, затем им не пользовались². Престижные соображения такого рода объясняют многие закономерности и в балансе «васики» — «ёсики».

Очень отчетливо эти закономерности выступают в сочетании западных и традиционных элементов в костюме, причем не только в Японии, но и в большинстве других стран Восточной и Южной Азии. Между национальным костюмом и европейским костюмом при прочих равных условиях (новизна, качество) всегда существует различие в оценке нарядности. В начале аккультурации естественно, более нарядным, престижным, желаемым выступает европейский костюм. Соответственно, в Японии 20-х годов японский базис (кимоно) мог выступать в сочетании с европейскими аксессуарами (юляна, ботинки и т. д.); они украшали общий костюм, придавая ему нарядность³. То же мы можем видеть и сейчас в других странах Азии, где базис в виде поясного элемента — дхоти, саронга, может дополняться европейскими аксессуарами, вплоть до пиджака.

Однако в 40—50-х годах положение в Японии изменилось. Война, оккупация привели к широкому распространению европеизированного костюма, тогда как национальный костюм стал для горожанина на первых порах даже не всегда доступной роскошью. В этих условиях обладание национальным костюмом становится престижной маркой. В наше время кимоно, как правило, дороже, чем функционально однозначная одежда европейского типа. Поэтому по шкале нарядности кимоно стоит выше европейского костюма. В наши дни европейские аксессуары с кимоно решительно несовместимы, тогда как национальные аксессуары (хаори, хаппи, накидки «нэппэко», обувь гэта и дзори и др.) с европейским базисным костюмом без труда совмещаются. Лишь кое-где в сельской среде европейский костюм считается все еще более нарядным по сравнению с местным традиционным крестьянским.

Более высокое престижное положение национального костюма по сравнению с европейским не мешает включению в него отдельных европейских черт, главным образом в отделке. Но примечательно следующее. Платье, как «васики», так и «ёсики» в японском быту имеет четыре градации нарядности: рабочее (сагёфуку), обычное (фуданги), выходное (харэги) и церемониальное (рэйфуку). Возможность включения инокультурных черт в эти костюмы убывает по мере возрастания градации, в рэйфуку она равна нулю.

Сходные явления мы наблюдаем и в зодчестве. Японское традиционное зодчество может быть только деревянным, традиции каменного зодчества в Японии практически нет. Поэтому в деловом строительстве (учреждения, торговые центры, большие отели и т. д.) престижный приоритет, очевидно, всегда останется за европейской архитектурой. Если по аналогии с костюмом мы попытаемся выделить и здесь базис и аксессуар, то базисом, очевидно, явится основная функциональная, целевая основа здания, т. е. интерьер, фасад же и внешняя отделка отойдут к аксессуарам.

И здесь мы наблюдаем любопытную закономерность. Конечно, есть здания, где все, от интерьера до фасада и забора, выдержано в духе «ёсики» (учреждения) и есть здания (храмы), где все выдержано в духе «васики». Но там, где оба стиля совмещаются, нарастание проявлений «ёсики» идет от центра к периферии, от интерьера к переходам, лестницам, фасаду и ограде здания. В последней почти во всех случаях, даже в малых жилых домах, преобладают черты «ёсики», а в интерьере даже в отелях европейского стиля неизменно есть элементы «васики». Эта концентрическая структура с нарастанием «западного» от внутреннего к внешнему проявляется во всем японском быте: чем быт интимнее, домашнее, тем больше в нем традиционных черт, и, наоборот, чем более он официален (деловая сфера деятельности), тем сильнее в нем выступает организация в духе «ёсики».

До конца 20-х—начала 30-х годов в Японии был очень популярен стиль «жапонеск», в котором к зданию, структурно вполне европейскому, присоединялись всевозможные японские маркеры — крыши, карнизы, обрамления проемов и т. п., но уже в конце 20-х годов у этого стиля появились оппоненты, считающие, что «японское» в архитектуре должно проявляться в отношении к материалу, пространству, свету и т. д.⁴ Лишь в послевоенные годы комплекс «японизма» был изжит в архитектуре, и современное строительство ведется в рамках общемировых канонов, хотя японские элементы — отдельные залы с японским интерьером, японские миниатюрные сады и другие компоненты — могут вводиться свободно и без нарочитости.

Таким образом, мы видим, как здесь проявляются какие-то определенные универсальные структурные закономерности, которые проходят свой сходный путь поэтапного развития. Сейчас европейские формы культуры восприняты японцами уже органически, они переварены и включены в национальную культурную модель. Теперь японцам уже нет необходимости как-то подчеркивать свою самобытность этнической маркой. Поэтому она как марка исчезла в нынешней японской архитектуре.

По-разному складывалась структура жилого помещения в странах Европы и Юго-Восточной Азии (куда генетически восходит и японское жилище). В Европе очаг был средоточием жизни, и дом вырос вокруг очага. Традиции жизни у очага сохранялись до позднейшего времени и воплотились в наши дни в кухне-столовой, которая по существу является не только «дайнинг-кичен», но и «ливинг-кичен»⁵.

Легкий свайный бамбуково-деревянный юго-восточноазиатский дом первоначально был сооружением безочажным. Пища готовилась вне дома, рядом с ним. И хотя впоследствии появились внутридомовые, врезанные в пол очаги (в Японии это прори и катацу), функции их остались ограни-

ченными. Кухня в японском доме, хотя и может быть объединена под общей крышей, представляет собой отдельное сооружение на уровне земли, не имеющее архитектурно ничего общего с приподнятой жилой плоскостью дома. Таким образом, возникновение ливинг-кичен в японском доме почти невозможно. И хотя теснота и темп современной жизни в ряде случаев вынуждают к частичному преобразованию кухни в дайнинг-кичен в быту рабочих и особенно крестьян, все равно прием пищи при первой возможности происходит в доме, на циновках.

В многоквартирных домах «данги», следующих общим принципам европейского зодчества, напротив, дайнинг-кичен чрезвычайно широко распространена и стала в большинстве случаев вполне ливинг-кичен. Общим с традиционной планировкой японского дома остается принцип прохода в основную часть квартиры через кухню.

В наши дни жилищным идеалом средних слоев, живущих в «данги», стало обладание отдельным домиком японского стиля — именно такой домик становится сейчас наиболее ценной и желаемой престижной маркой будущего.

Приведенный выше краткий анализ некоторых моментов, выхваченных из широчайшего поля взаимодействия традиционного и западного в современном японском быту, позволяет представить закономерности этого процесса в виде нескольких довольно простых графических схем. Прежде всего — это граф параллельный. В этом случае части комплекса располагаются как бы на линии: например, в рэйфуку это хакама—кимоно—хаори—бант, в питании это пара «сюсеку» (крахмалистая субстанция, рис, лапша) и «фукусеку» — вкусовая субстанция. При восприятии заимствованного этническое сознание совершает подстановку, расчленяя заимствованный комплекс на те же линейные элементы. Хлеб, таким образом, уравнивается с «сюсеку», в частности с рисом, хаори или хаппи — с курткой, кофтой, скрутком и т. д. Получается нечто вроде хапанения, обе половины которого или отдельные соответствующие члены в половинах могут подвергаться перестановке.

Второй граф — концентрический, где в центре размещается базисное, основное, функциональное, интимное, а по периферии — дополнительное, формальное, показное, официальное. Вариантом этого графа является радиус (или сектор) концентрического круга, дающий нам график вертикальной или иерархической структуры. По существу оба варианта графа выражают одну и ту же закономерность в самых различных областях жизни, причем как в статическом (синхронном), так и в динамическом (диахронном) аспекте.

Статическую концентричность можно наблюдать не только в переносном, но и в прямом, буквальном смысле слова, например в структуре жилища, где по периферии располагаются элементы более европеизированные, а в центре — традиционные. В переносном же смысле концентрична вся структура жизни и быта японцев, в которой, чем более интимный характер носит данный культурный элемент, тем в большей степени сохраняет он свои традиционные черты, и, напротив, чем больше он является внешним, публичным, показным, официальным, тем большую степень его европеизации мы можем ожидать.

Естественно, что в диахронном плане направление проникновения

заимствованных черт культуры идет от периферии к центру, т. е. от внешних, открытых посторонним влияниям сфер жизни к внутренним, все более глубинным слоям. Заимствование проникает «сверху вниз», от поверхностного, внешнего к глубинному, интимному базисному: от аксессуаров к базисным элементам одежды, от уличной жизни — к домашней, от верхушечных слоев общества — к низовым, пока не охватит все слои.

При этом традиционный элемент культуры, если он еще не окончательно вытеснен, в дальнейшем может вследствие возвращения к нему роли престижной марки вновь оказаться в верхней, внешней части нашего умозрительного графа. Этим, в частности, объясняется наибольшая степень европеизации в ряде стран Азии именно быта средних слоев, тогда как быт низовых слоев еще пронизан традиционными чертами, а быт элиты уже начал вновь ими обрастать.

Хотя в принципе концентричность расположения заимствованных и традиционных черт — общая закономерность, присущая всем сферам быта (жилищу, одежде, пище, обрядам жизненного цикла и т. д.), следует, конечно, помнить, что не во всех этих сферах распространение чужеродных влияний происходит с одинаковой быстротой, и поэтому диаграммы разных сфер быта, снятые в один и тот же момент, могут несколько отличаться друг от друга. Кроме того, решающее значение имеет то обстоятельство, что слои и волны влияния, проходя по графу сверху вниз, не просто вытесняют друг друга. Как мы уже показали, между ними происходят одновременно и диффузия, и культурный синтез. Поэтому прогнозируемая типичная ситуация для культур неевропейских стран в будущем представляется как сильно европеизированная (хотя отнюдь не просто европейская) основа бытовой культуры, нагруженная большим количеством украшающих и демонстративных традиционных черт.

Надо отметить, что если современная и будущая японская бытовая культура в основном представляется в виде синтеза недавно заимствованных элементов с традиционными, то сами эти традиционные элементы лишь на первый взгляд могут быть расценены как нечто однородное. На самом же деле и эта традиционная часть наполовину состоит из заимствованных элементов, но заимствованных так давно, что уж никому не придет мысль отделить их от традиции. Единичные, несистемные заимствования, внедряясь в традиционную среду, ассимилировались легко и быстро. Примером может служить португальское блюдо «тампура», заимствованное в средние века. Но основная масса определяемых заимствований в японской бытовой культуре — это материковые (корейско-китайские) заимствования, происшедшие в основном в период VI—IX вв.

Распространение и освоение заимствованных элементов культуры происходит, следовательно, в Японии таким же образом, как происходило ранее распространение специфически японских культурных явлений, во многом соответствуя схеме «сниженной культуры» Г. Науманна⁶. Так, например, произошло распространение таких основных составляющих японского интерьера предметов, как токонома и татами. Войдя сперва в жизнь высших слоев знати, они, став престижными марками, перешли к самурайству, и лишь позднее — в XIX в. — к крестьянству, став общенациональной нормой и, соответственно, потеряв престижное значение. В XX в. то же самое произошло с европейской пищей, одеждой и жилищем⁷.

Когда заимствованный элемент культуры теряет престижное значение и становится общенациональной нормой, создаются предпосылки для повышенной социальной оценки и для возрождения популярности соответствующего традиционного элемента.

Исторически известная нам японская этническая общность дважды пережила эпоху массовых заимствований: в раннем средневековье и в XIX—XX вв. Знаменательно, что в обоих случаях эти эпохи совпадали с подготовленными всем ходом внутреннего общественного развития революционными преобразованиями общественного строя: в первый раз — с формированием раннефеодального государства и последующим изживанием общинно-первобытных пережитков, во второй раз — с переходом от феодального строя к буржуазному, с последующим изживанием феодальных пережитков.

И в XX в., и в первый период освоение японским обществом культурных инноваций в общем следовало выведенному нами графу. Китайско-корейские заимствования в области одежды (кимоно, производное от халата танской эпохи, пришедшее на смену древнеяпонскому костюму из кофты и длинной юбки или штанов), в пище (чай) и других областях бытовой культуры также вначале ассимилировались верхами общества (их быт, например, в хэйанскую эпоху был очень сильно китайизован), но очень скоро превратились в общенациональное культурное достояние. Вслед за этим возникла тенденция возрождения тех элементов, которые в сознании современников противопоставлялись заимствованным как традиционные. Для средневековья это труднее проследить на собственно бытовых предметах (любопытно, например, что стулья китайского типа в быту знати так и не прижились и восторжествовал старый обычай сидеть на полу), но тенденция возврата к исконному «японизму» проявлялась у философов школы «вагакуся», и в религиозной жизни (возрождение синто), и в других областях культуры.

Характерно, что в период революции Мэйдзи наряду с тенденцией восприятия европейской культуры действовала и тенденция восстановления древней, «античной» японской культуры курганной эпохи, еще не «испорченной» китайскими и буддийскими влияниями. Это выразилось прежде всего в попытках ущемления буддизма («хайбуцу-кисяку»), в историко-мифологическом направлении в живописи и, наконец, в 1912 г. в обряде захоронения императора Мэйдзи, имитировавшем царские погребения курганной эпохи.

Интересно проследить ассимиляцию японским языком заимствований в обоих случаях. Китайские лексические заимствования «канго» вначале проникают в речь образованной элиты общества и только затем, постепенно вживаясь в речь крестьянских масс, становятся общенациональным языковым фактором и, наконец, в общенациональной речи перестают осознаваться как заимствования. Параллельно возникает правило: в поэтической и ритуальной речи элиты избегать этих заимствований, пользоваться только исконно японскими словами «ваго». Склонность к «ваго» впервые фиксируется еще в хэйанскую эпоху, а в мэйдзийское время становится своего рода шиком в определенных кругах интеллигенции. Тогда же начинается массовый процесс освоения японским языком европейской лексики («гайрайго»). «Гайрайго» вначале также фигурируют лишь в речи элиты, но

впоследствии, особенно в послевоенный период, широко проникают и в просторечье и в ряде случаев даже перестают осознаваться как заимствования. В связи с этим в речи «высокого стиля», особенно в письменной речи, возникает тенденция употреблять «ваго» и «канго» там, где в устной речи широко фигурируют «гайрайго»⁸.

Таким образом, общая закономерность состоит в том, что первоначально чуждые этнической традиции культурные заимствования проникают сначала преимущественно в быденную жизнь верхушечных слоев общества, но затем проделывают свой путь «сверху вниз», попутно обрастая связями синтетических взаимоотношений с традиционной культурой. Неотъемлемой частью действия этого механизма является повторный подъем на верх социально-престижной шкалы «исконных», традиционных элементов культуры. Такой исторический круговорот, очевидно, был немаловажным фактором, позволившим японской (и не только японской) культуре переварить, ассимилировать все многократные культурные заимствования и сохранить на протяжении многих веков свою преемственность и самобытность, несмотря на интенсивность заморских культурных влияний.

В ротационные процессы такого рода последовательно включается заимствование специфического элемента своей или чужой народной культуры или введение вновь созданного элемента в элитарную культуру, его преобразование, придание ему престижной значимости, а отсюда и модности, постепенное превращение его в обычный, повседневный элемент, потеря им функции знаковости и вновь превращение в часть общей этнической традиции. Подобные процессы имели место повсюду и действуют и по сей день: наиболее наглядный пример превращения элемента культуры из предмета роскоши и знака престижа в повседневное, всеобщее культурное достояние — это легковой автомобиль. Престижно-элитарную роль далее играют уже новые капризы моды, новые модели и фасоны, которые в свою очередь становятся обычными и всеобщими. Такие ротационные процессы играют огромную роль в постоянном развитии, эволюции, обновлении общенациональной и общемировой культуры.

Интересно сравнить с проанализированной ситуацией современную индийскую ситуацию. Здесь внешне наиболее «вестернизирован» быт средних слоев общества. Трудящиеся массы, в основном крестьянские, все еще почти всецело находятся в сфере традиционного быта, ибо модернизация его им недоступна; в высших, элитарных слоях общества традиционные аксессуары, в частности костюм, — уже своего рода престижная марка. Ценностные ориентации элитарных слоев сильно затронуты влиянием стандартов общемировой городской культуры: это допустимость развода и повторного замужества, тенденция к преобладанию малой (нуклеарной) семьи, пренебрежение вегетарианскими пищевыми запретами, терпимость к употреблению спиртных напитков и табака и т. д. Практически те же характеристики (хотя происхождение их иное) присущи ориентациям племенных и низкокастовых слоев индийского общества. Но если «наверху» слой модернизированных ориентаций имеет тенденцию к расширению, хотя и очень медленному, то «внизу» слой аналогичных ориентаций имеет тенденцию к исчезновению, так как здесь референтной группой является не европейская культура, не быт элиты, а образ жизни «средних слоев», где господствующей ориентационной схемой остается индустская

модель, имеющая обратные характеристики: недопустимость развода и повторного замужества, тенденция к максимализации пищевых запретов, отказ от спиртного и табака и т. д. В стремлении повысить свой групповой социальный статус низкие касты и племена все чаще обращаются к отказу от старых ориентаций в пользу классических индуистских. Процесс этот, получивший название «санскритизации»⁹, идет весьма интенсивно, хотя где-то в далекой перспективе отказ от индуистских норм в пользу «общемировых» представляется неизбежным. Те племенные общности, которые долго находились под влиянием христианских миссий, естественно, на путь «санскритизации» не вступают, и их приобщение к «элитарным» ценностям общемирового характера происходит, по крайней мере в племенной верхушке, значительно плотнее и быстрее, чем в массиве среднего класса, находящегося под господствующим влиянием индуистской идеологии.

В социалистической этнической культуре обрисованные выше ротационные процессы усвоения инновации, перескока ее с нижней ступени социальной шкалы на высшую и обратного спуска по шкале имеют место и в наши дни. Одно из проявлений этого процесса — широкое распространение так называемых фольклоризмов, т. е. традиционных деревенских форм, пищи, утвари, некоторых элементов обряда, украшений, в быту городских жителей, и прежде всего интеллигенции. Параллельно в быту сельского населения, которому еще недавно в какой-то мере была присуща традиционная культура, происходит активный процесс вытеснения ее формами индустриально-городской культуры. Однако можно ожидать, и некоторые симптомы этого уже имеют место, что фольклоризмы станут неотъемлемой принадлежностью быта всех слоев населения, в том числе и сельских. Но даже если фольклоризм будет представлен старинным сосудом, сохранившимся в данной семье с давних времен, все же его функции, отношение к нему выступают в сугубо преобразованном виде, и проявления фольклоризма в быту сельского населения исторически восходят не к своей традиционной культуре, а лишь к преобразованным в быту горожан элементам старой традиции.

Рассматриваемые процессы постоянного развития и обновления национальной и общемировой, традиционной и индустриально-городской культуры действуют не только в быту — пище, одежде, обуви, утвари, но и в духовной жизни. По тем же закономерностям идет освоение новых поэтических, музыкальных, танцевальных форм и стилей и т. д. Конечно, освоение новых культурных ценностей зависит от социально-экономических отношений в обществе, роль в нем профессиональных мастеров — художников, модельеров, дизайнеров обусловлена социально-политической системой, но общий механизм ротационных процессов, последовательность преобразования элементов культуры в ходе их социального круговорота остаются теми же.

¹ Крюков М. В., Малагин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. С. 132—133.

² Фудзитака Акира. Сайкацу-но нава-но тэрэвидзион (Телевидение и жизнь) // Хосо бунка кэнкюсэ нэмпо. 1963. № 8.

³ Ийдауми Рокуро. Нихондзин-но фукусю (Одежда японцев). Токио, 1956. С. 11.

⁴ Навлицкая Г. Б. Бамбуковый город. М., 1975. С. 12—13.

⁵ Маасс Я., Реферовская М. Современная квартира. Варшава, 1963.

⁶ См.: Основы этнографии. М., 1968. С. 239; Naumann H. Primitive Gemeinschafts Kultur. Jena, 1921; Idem. Grundzüge der Deutschen Volkskunde. Leipzig, 1922.

⁷ Dore A. P. City life in Japan. L., 1958.

⁸ Неверов С. В. Области распространения иноязычных слоев в общественной языковой практике современной Японии // Исследования по японскому языку. М., 1967.

⁹ Srinivas M. Religion and Society among the Goorghs of South India. London, 1952.

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЕЕ МЕСТО В КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ ЭТНОСА

На современном этапе развития этнографической науки возникает необходимость проведения таких исследований культуры этноса, которые могли бы дать возможность описать ее в виде ряда взаимосвязанных подсистем, каждая из которых выполняет специфические задачи адаптации к меняющимся условиям социальной и природной среды. Это предполагает установление значительно более тесных творческих связей этнографии с культурологией, призванной исследовать культуру теоретически как определенный целостный феномен. В свою очередь для культурологии очень важны опыт этнографии в изучении народов, особенно под углом зрения локального исторического разнообразия культуры человечества, а также основные принципы и система понятий, в которых кристаллизуется этот опыт. Взаимная заинтересованность данных областей науки ставит на повестку дня выработку особого типа интегративных исследований. Его можно назвать этнокультурологическими исследованиями¹.

Опыт такого исследования был предпринят автором совместно с рядом коллег — культурологов и этнографов в коллективной монографии², где рассмотрены и обобщены материалы двух экспедиций (август—сентябрь 1976 г. и июль—август 1978 г.) в ряде районов Армении.

Характеристика этноса как культурной общности делает необходимым разграничение культуры этноса от этнической культуры. Культуру этноса можно определить как совокупность способов, которыми институционализируются различные виды человеческой деятельности и которые обеспечивают функционирование и развитие этноса как социального организма. В отличие от этого этническая культура выражается в индивидуальном, своеобразном сочетании различных элементов культуры, являющихся универсальными, общими для всех или ряда этносов, в их специфической, этнической выраженности и маркированности.

За исключением тех аспектов жизнедеятельности человеческого организма, которые имеют чисто биологический, физиологический характер и не поддаются вариативной институционализации, все остальное многообразие видов человеческой деятельности осуществляется в рамках культуры. Основные виды этой деятельности по своему содержанию общие для всего человечества, в определенной степени они заданы его биологической организацией и общепланетарной средой его существования, в которой развилась как бытовая, так и трудовая деятельность человека. Но даже такие, казалось бы, чисто естественные отправления, как роды или половой акт, по-разному оформляются и осуществляются в разных локальных

культурах. Дыхание и другие биологические формы жизнедеятельности также не избежали культурного воздействия, примеры чему мы можем найти в хатха йоге и других школах медитации, в различных спортивных школах и направлениях древности и современности. Этнические различия проявляются во всех формах поведения, и именно в этих различиях выражается специфика этнических культур.

Культура, взятая в целом, представляет собой, как говорилось выше, огромный и всеобъемлющий комплекс внебиологически выработанных средств деятельности, разные компоненты которого связаны между собой весьма сложным образом. Анализ этого комплекса требует определенной систематизации и классификации, которая может быть произведена различными путями в зависимости от познавательных задач исследования.

Для познавательных целей анализа совокупности культуры этноса наиболее операциональным нам представляется ее исходное членение на культуру первичного производства (КПП), культуру жизнеобеспечения (КЖ), соционормативную культуру и гуманитарную культуру. При этом все эти подразделения этнической культуры связаны между собой, и компоненты каждого из них могут иметь аспекты и функции, связывающие их с остальными тремя подразделениями.

Как уже отмечалось выше, так же как нет непроходимых границ между КЖ и другими подразделениями культуры, а наоборот, между ними имеются области кондоминиума, более или менее равновеликой функциональной представленности, точно так же и между отдельными подсистемами КЖ есть пограничные компоненты. Например, очаг является деталью жилища и связан с его функционированием (отопление и др.), но он же служит для приготовления пищи, выпечки хлеба и тем самым неразрывно связан со сферой пищи.

Поскольку КЖ составляет ту часть культуры, которая непосредственно направлена на поддержание жизнедеятельности ее носителей, то понятно, что эта система функционирует прежде всего в сфере потребления. Однако она включает в себя и определенные моменты производства и распределения. Именно поэтому, относясь в целом к области материальной культуры, КЖ в своей конкретной форме отражает и выражает разнообразные аспекты социальной жизни и духовной культуры, как-то: соционормативные, престижные, эстетические, ритуально-культовые и т. д. В силу этих свойств КЖ и выступает в качестве того звена в огромном массиве культуры этноса, с которого удобнее всего начинать его исследование в целом. Можно сказать, что, поставив себе задачу системного анализа культуры этноса, мы должны в первую очередь изучить его КЖ.

Разумеется, деятельность людей не сводится к обеспечению своей элементарной жизнедеятельности. Однако эта жизнедеятельность в своей самой элементарной биологической форме служит непременным условием любой другой человеческой деятельности. В соответствии с этим в культуре прежде всего должен быть заложен механизм производства средств существования и создания с помощью этих средств достаточно комфортных параметров для нормальной человеческой жизнедеятельности.

Производство материальных благ лежит в основе существования любой общности людей, однако сами эти блага в своей первичной форме еще не обеспечивают воспроизводства жизнедеятельности своих создателей; для

этого они должны приобрести специфическую, приспособленную к определенным условиям потребления форму, т. е. быть переведены из КПП в КЖ. К числу таких форм относятся жилище и поселение как организованный и взаимосвязанный комплекс жилищ, с их необходимыми дополнительными территориальными компонентами, одежда и пища.

Все эти явления культуры входят в принятую в этнографии традиционную типологическую категорию «материальная культура», но не исчерпывают ее и в то же время не полностью покрываются ею. В материальную культуру, помимо упомянутых явлений, включаются также орудия производства, средства транспорта и другие материальные блага. Именно поэтому логично выделить из более широкого понятия материальной культуры сферу, включающую вышеперечисленные компоненты материальной культуры — поселение, жилище, одежду и пищу, обозначив их понятием КЖ.

Из самого целевого назначения КЖ ясно, что эта система призвана обеспечить потребление людьми наиболее насущно необходимых для них благ, хотя обычно любой конкретно взятый человек всегда потребляет и ряд таких материальных благ, например транспорт, связь, которые в КЖ не входят, не говоря уже о благах духовных. Но КЖ как система не исчерпывается потреблением, она включает в себя частично и производство (строительство дома, приготовление пищи, одежды и т. д.) и некоторые функции распределения (распределение жилой площади, порядок приема и раздачи пищи, порядок снабжения одеждой и т. д.).

Грань между первичным производством материальных благ и завершающими этапами их производства на уровне КЖ следует проводить там, где блага начинают принимать форму, окончательно направленную на удовлетворение биологических жизненных потребностей. Так, производство муки еще не входит в КЖ, но выпечка хлеба входит; рубка леса не входит, а заготовка балок для дома входит в КЖ и т. д.

КЖ интересует нас в качестве определенного внебиологически выработанного целостного культурного образования, благодаря которому осуществляется обеспечение людей первично необходимыми средствами поддержания их жизни. В качестве определенной подсистемы культуры КЖ может и должна соотноситься с другими сферами культуры, стоящими в одном структурном ряду с ней, а именно: со средствами первичного производства (культуры производства), нормативами социальной организации (включая нормы и традиции семейного уклада), художественно-эстетическими воззрениями (включая все виды народного творчества), этическими и идеологическими представлениями (включая религиозные верования) и т. д.

Выделение таких ранговых однопорядковых систем, и в их общем ряду КЖ, имеет еще и то методологическое обоснование, что, рассматривая отдельно каждую такую систему, следует обязательно учесть, каким образом в ней отразились остальные системы, в какой взаимосвязи они находятся между собой и с уровнем социально-экономического развития общества, в котором они функционируют. Бесспорно, что культура первичного производства выступает здесь определителем общетипологических характеристик системы этнической культуры в целом.

Изучая КЖ, с одной стороны, мы должны проследить, как изменяются

ее характеристики вслед за изменением характеристик первичного производства, с другой, рассматривая КЖ как систему удовлетворения потребностей общественного человека, мы должны постоянно иметь в виду, что эти потребности являются не только физиологическими, но и в огромной мере социально обусловленными, что и накладывает свою специфику на изучение КЖ как определенной целостности. Поэтому, изучая жилище, поселение, одежду и пищу, мы даже порой не столько концентрируем наше внимание на чисто витальных функциях, сколько на том, как в них отразились художественно-эстетические, престижно-знаковые, этические и идеологические установки данного общества, входящие в его соционормативную и гуманитарную культуру.

Тот круг явлений, который в указанном исследовании понимается под культурой жизнеобеспечения (КЖ), охватывает главным образом поселения, жилища, пищу и одежду. Можно назвать немало исследований первостепенного значения, в которых этнографы исследуют эти основные компоненты КЖ как независимые комплексы, не ставя, однако, специально задачу выявления существующих системных связей между ними³. В осуществленном же нами исследовании было решено сделать компоненты КЖ не только предметом системного сравнительного регионального и зонального анализа, но и попытаться изучить эти компоненты в их единстве. Охват всех компонентов КЖ не представился возможным. За рамками нашего исследования остались одежда и ряд периферийных компонентов КЖ, таких, как утварь, мебель, обувь и т. д.

Для каждого из взятых для исследования компонентов КЖ была разработана серия карт-анкет, где была заранее предусмотрена фиксация основных объектов потребления (виды домашних и диких животных, сельскохозяйственные культуры, компоненты поселений, детали жилища) — по одной оси и возможных видов их оформления и использования — по другой. Разумеется, оба компонентных списка могли расширяться в ходе исследования. В карте-анкете фиксировалось отсутствие или наличие данного компонента и формы его использования, притом с учетом степени распространенности. Дополнительные сведения, не укладывающиеся в рамки формализованной анкеты, записывались особо. Формализованная часть анкеты играла в исследовании весьма важную роль, так как сопоставление по любой ячейке анкеты формализованных «портретов» поселения, отобранных по принципу историко-культурного района, ландшафтной зоны или времени возникновения, позволяло сразу же выявить уровень сходства или различия по данному признаку (например, распространенность сырцового кирпича для кладки стен или приготовление запасов путем уларивания фруктовых соков).

В соответствии с целями исследования мы сочли необходимым абстрагировать четыре функциональные подсистемы культуры, способные целостно выразить основные звенья осуществления циклов деятельности различных исторических общностей людей. К ним относятся регулятивная подсистема, выполняющая прежде всего функции стимуляции, мотивации, программирования, контроля и координации деятельности; исполнительная подсистема, благодаря которой люди обеспечивают себя средствами реализации своих многообразных программ деятельности; подсистема средств физического жизнеобеспечения, которая позволяет людям поддер-

живать свое физическое существование и охраняет их от вредных воздействий среды⁴, наконец, подсистема надбиологического социокультурного воспроизводства, осуществляемого путем аккумуляции и социальной организации общественно значимого опыта в виде стереотипов культурной традиции.

Процесс экологической адаптации общества к природной среде происходит путем ее соответствующего социально организованного территориального освоения, которое выражается в строительстве жилищ и целых поселений, в организации производства необходимых для повседневной жизни пищевых продуктов, утвари, одежды и пр. Все эти элементы культуры и могут быть объединены в общем понятии «культура жизнеобеспечения».

Этнографы в соответствии с классификацией культуры на материальную и духовную обычно относят составляющие КЖ к первой. В целом такое отнесение несомненно правомерно, однако, во-первых, материальная культура этим не исчерпывается, хотя в ряде исследований ее характеристика и ограничивается описанием компонентов КЖ⁵. Во-вторых, относясь в целом к материальной культуре, многие, если не все, компоненты КЖ имеют определенное выражение или отражение и в сфере духовной культуры. И наконец, не вполне корректно обычно даваемое или подразумеваемое обоснование такой классификации, согласно которому материальная культура охватывает материально воплощенные предметы культуры, а духовная — систему знаний, представлений и общественных норм.

Нам представляется, что в основу деления культуры на материальную и духовную должно быть положено различие двух функций, которые призвана выполнять культура соответственно направленности одних ее элементов на биофизическую сферу (в том числе и организм самого человека), а других — на духовный мир людей, на создание и психику в целом.

С этой точки зрения к материальной культуре следует отнести как систему средств воздействия на биофизическую сферу (орудия труда), так и систему средств физического обеспечения человеческой деятельности, т. е. то, что в своей совокупности было названо культурой жизнеобеспечения⁶. Что касается духовной культуры, то ее основными компонентами выступают системы средств регуляции человеческой деятельности (соционормативная и гуманитарная культуры), в том числе и система средств производства и аккумуляции знаний (когнитивная культура)⁷.

Для целей дальнейшего исследования необходимо подчеркнуть, что рассмотренный выше принцип выделения материальной и духовной культуры базируется на выявлении доминантных функций этих подсистем культуры. Данное обстоятельство очень важно в силу многофункциональности большинства элементов культуры и образуемых ими комплексов. В этой многофункциональности легко убедиться на примере КЖ и отдельных ее составляющих.

Хотя исходными и доминантными для последних являются функции освоения природно-экологического пространства, защиты и физического поддержания человеческих коллективов, в процессе своего реального функционирования они выполняют и социорегулятивные функции. Надо иметь в виду, что элементы КЖ, помимо удовлетворения потребности

людей в чисто физическом обеспечении жизни, призваны удовлетворять и иные, как бы надстраивающиеся над ними социальные потребности. Очень важное место среди них занимают престижно-символические, коммуникативные и эстетические потребности.

Сказанное ни в коей мере не умаляет значение предложенного принципа вычленения КЖ из общей системы культуры. Следует помнить, что любая классификация в той или иной мере условна и ведет к огрублению действительности. Однако без подобного огрубления вообще невозможен научный анализ объектов исследования. Удовлетворение материальных и духовных потребностей представляет собой интегральный процесс, вычленение компонентов которого производится лишь путем логической и изолирующей абстракции. Это хорошо видно на примере выделенных комплексов КЖ. Хотя доминантными для них являются функции защиты и физического поддержания человеческих коллективов, но в процессе своего реального функционирования и развития эти комплексы выполняют и социорегулятивные (стимулирующие, программирующие, организующие, контролируемые) функции. Поэтому недопустимо отмеченные комплексы КЖ, как и явления других подсистем культуры, связывать с отдельно взятыми индивидами и выводить их непосредственно из витальных потребностей, не опосредствуя их потребностями существования социального организма. Культура есть социальное явление, и условием правильного понимания ее соответствующих элементов должно быть их рассмотрение сквозь призму социального организма.

Естественно, что между отдельными комплексами КЖ нет непроходимых граней, как нет их между КЖ и другими подразделениями культуры. Наоборот, в обоих случаях имеются более или менее равновеликие области взаимопроникновения.

Адаптированная к непосредственным целям нашего исследования схема культуры включает в себя четыре компонента: культуру первичного производства, культуру жизнеобеспечения, соционормативную культуру и познавательную или гуманитарную культуру⁸. Эта рабочая концептуальная схема, будучи результатом довольно длительных коллективных поисков, несомненно еще потребует дальнейшего совершенствования, но ее использование в настоящем виде оказалось методологически полезным для целей нашего исследования.

* * *

Сравнительно-типологический метод является одним из наиболее важных научных методов изучения этнических культур. Последние представляют собой сложное образование, и их изучение требует, помимо типологизации присущих им обоим черт, также и типологизации их локальной специфики на различных таксономических уровнях. В связи с этим важное значение приобретает разработка исходных принципов типологического обобщения при сравнительном изучении этнических культур и их соответствующих вариантов. В качестве таковых могут выступать «общий» и «локальный» исторические типы культуры.

Выделение общего исторического типа обусловлено существованием исторических закономерностей формирования, функционирования и развития социокультурных систем, а также сочетанием их с закономерностями

другого порядка, например ландшафтно-экологическими. Примерами указанных разновидностей общего исторического типа могут служить понятия «общественно-экономическая формация» и «хозяйственно-культурный тип». Выделение же локального исторического типа должно производиться путем конкретизации проявления общих закономерностей в определенных пространственно-временных рамках.

Именно эта понятийная схема была положена в основу методологии сравнительно-типологического изучения КЖ в проведенном нами исследовании. Задачи конкретного этнографического анализа потребовали конкретизации идеи различения общих и локальных исторических типов. Хотя эта идея была предложена еще в середине 60-х годов⁹ и принята многими специалистами, в своем первоначальном виде она не была в достаточной степени связана с исследовательской практикой, так как была выработана непосредственно в процессе критического анализа философско-исторической концепции эквивалентности культур, выделявшей локально-исторические системы культуры в рамках истории человечества в целом.

Проведенное же нами исследование было ограничено рамками одного этноса. Поэтому необходимо было адаптировать сформулированную ранее концептуальную схему к подобному уровню анализа. Это стало возможным после более четкой формулировки идеи относительности общих и локальных исторических типов культуры в зависимости от ставящихся познавательных задач и задаваемого общего поля исследования¹⁰.

Одна из проблем, которая встала перед авторским коллективом, состояла в нахождении основных элементарных единиц анализа. Поскольку ставилась вполне определенная познавательная задача (сравнительный анализ функционирования основных составляющих КЖ в армянском селе, включая и их символические аспекты), для проведения подобного анализа надо было выделить такие единицы, которые отвечали бы требованиям вполне определенных системных категорий.

Для пищи подобная единица анализа была определена через понятие *трапезы*, благодаря которому достигается требуемая комбинация элементов пищи в структурно-функциональные единицы исследования, соответствующие реальным жизненным ситуациям (обыденным, ритуальным) процесса потребления пищи. Именно трапезы, а не отдельные составляющие пищи выступают в качестве действительного эквивалента таким единицам исследования, как поселения, жилища и определенные комплексы одежды. Отметим в связи с этим, что пища, а также одежда в отличие от поселений и жилищ представляет собой значительно более лабильные и гетерогенные системы, составляющие которых находятся в дисперсном состоянии и комбинируются в реальные единицы в соответствующих трапезах и ритуалах, различаясь в половозрастных группах и в определенных бытовых и обрядовых ситуациях.

Именно на примере пищи представляется возможным поставить проблему классификации элементов материальной культуры, построения для них иерархической классификационной системы.

В комплексе систем жизнеобеспечения любого народа одно из ключевых мест принадлежит пище, которая составляет самую первую основную и повседневную витальную потребность человека. В свойственных разным народам наборах пищевых продуктов, способах их обработки, типах блюд,

в традициях пищевого предпочтения или избегания, в организации и ритуале трапез и в других аспектах культуры, прямо или косвенно связанных с пищей, отразилась этническая и культурная историческая специфичность народов.

Пища снабжает человека веществами, необходимыми для его нормального физиологического функционирования, пища дает человеку запас энергоресурсов.

Калорийность обеспечивается всеми тремя основными компонентами пищи, т. е. белками, жирами и углеводами (крахмалом и сахаром). Однако в калорийном балансе не только всех народов, знакомых с земледелием, но даже у большинства скотоводов и неспециализированных охотников и собирателей преобладает доля углеводов растительного происхождения, и прежде всего крахмала¹¹. Поэтому основные его источники и форма потребления в большинстве случаев могут считаться ключевыми для определения системы питания этноса.

Хотя в растительных продуктах наряду с крахмалом содержатся в немалом количестве белки, соли и другие вещества, тем не менее, как правило, всегда необходимы дополнительные источники белка, в частности, животного, без получения определенной нормы которого человеческий организм нормально функционировать не может. Поэтому общий профиль системы питания обычно задается характеристикой ее основных крахмалистых и белковых компонентов¹².

Прежде чем попасть на стол, пищевые продукты проходят в своей обработке ряд этапов. Среди них можно выделить несколько основных, условно обозначив их терминами «сырье, полуфабрикат, снедь и блюдо». Полуфабрикат — это продукт, прошедший определенную обработку, но еще не готовый к употреблению в пищу. Снедь — продукт, вполне готовый к употреблению в пищу без какой-либо дальнейшей обработки, притом продукт, допускающий более или менее длительное хранение. Наконец, блюдо — продукт, предназначенный к потреблению более или менее непосредственно по изготовлению и не допускающий длительного хранения. Так, зерно — сырье, мука и крупа — полуфабрикат, хлебные изделия — снедь, каши — блюдо; мясо — сырье, вяленое мясо — полуфабрикат, колбасы — снедь, жаркое — блюдо и т. д. Разумеется, как и во всех сферах материальной культуры, границы между этими условно выделяемыми категориями не абсолютны. Например, хотя сыр — это преимущественно снедь, тем не менее некоторые виды творожно-сырных изделий в основном могут служить полуфабрикатами при изготовлении блюд, а другие виды, предназначенные к непосредственному употреблению, скорее должны рассматриваться как блюдо.

Особый интерес с историко-этнографической точки зрения представляют имеющиеся почти у каждого народа специфические виды пищи и специальные блюда, отличающиеся от повседневных, носящие праздничное или ритуальное назначение. Одни из них имеют просто праздничную окраску и могут быть приготовлены по случаю любого праздника или трапезы, отличающейся от обычной большей торжественностью, присутствием почетных гостей и т. д. Другие четко приурочены к определенным календарным праздникам или моментам жизненного цикла: таковы новогодние блюда или церемониальные свадебные блюда или ритуальные

похоронно-поминальные блюда, жертвенная пища и т. д. Специфический интерес, который представляет изучение этих видов пищи, заключается в том, что иногда среди них представлены архаические типы пищи, в повседневной жизни уже вышедшие из употребления. Иногда же, напротив, блюдо, первоначально имевшее ритуальное, знаковое содержание, в ходе истории постепенно его теряет и превращается просто в праздничное, а затем даже и в повседневное.

В соответствии с религиозными представлениями, поверьями и их пережитками, бытующими среди данного этноса, в систему его питания входит ряд правил, носящих ритуально-культурный характер. С одной стороны, это могут быть предписанные традиционной нормой действия, с другой, запреты на какие-либо противопоказанные действия. Особенно наглядным проявлением таких культурно-ритуальных ограничений являются постоянные или временные запреты на определенные пищевые продукты, а также посты, обычно включающие и ряд других ограничений.

Каждому этносу присуща своя система питания, в чем-то схожая, а в чем-то отличная от систем питания других этносов. Для упорядоченного сравнительного изучения разных систем питания необходимо выработать их классификацию. Здесь такая попытка предпринимается на основе анализа главным образом одного конкретного примера, а именно системы питания армян.

Проблемы классификации в той или иной форме возникают в ходе любого этнографического исследования, ибо этнографическая наука имеет дело с такими явлениями, которые предполагают наличие определенной повторяемости. Уже сама по себе повторяемость явлений во времени и пространстве дает возможность их группировки и создания различных классификационных систем, в зависимости от познавательных задач исследования.

В отдельных разделах этнографической науки разработано немало удачных, детально разработанных, глубоко научно обоснованных классификационных схем. В советской этнографии к высшим и наиболее общим образцам таких классификаций принадлежат типология этнических общностей, выделение хозяйственно-культурных типов и категорий историко-этнографических областей и районов и др. Несмотря на наличие различных мнений в отношении числа выделяемых типов, их соотношения, терминологии и в других более частных вопросах, в общих принципах построения подобных классификаций советские этнографы, можно сказать, придерживаются весьма близких взглядов¹³. Что касается классификации конкретных явлений культуры, носящих более дробный и частный характер, то примеров подобных классификаций очень много: существуют классификации, созданные для различных явлений материальной и духовной культуры и их отдельных элементов, как, например, классификации средств транспорта, одежды, жилища и т. д.¹⁴

Однако большинство имеющихся конкретных классификаций явлений и элементов отдельных сфер и подразделений культуры осуществлено в отрыве от типологических классификаций высшего уровня обобщения и не предусматривает их дальнейшей соотносительности с классификационными схемами, обнимающими более широкие культурные категории, вплоть до культуры отдельного общества и в конечном счете всего человечества.

Из работ, содержащих попытку дать общую классификацию явлений материальной культуры, надо отметить труд А. Леруа-Гурана, на примере которого, несмотря на все его достоинства, отчетливо видны и все недостатки формально-схематического подхода к построению подобных классификаций или классификационных схем¹⁵.

При создании классификационных схем как в области материальной культуры, так и в значительной степени в области духовной культуры нам представляется важным рассматривать подвергаемые классификации явления как составные части более сложного и емкого комплекса, а именно хозяйственно-культурного типа; нельзя упускать из вида, что начиная с момента оформления любого конкретного хозяйственно-культурного типа и во всем дальнейшем ходе его функционирования и развития все его составные элементы находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности.

Вопрос о группировке хозяйственно-культурных типов и о принципах более дробной хозяйственно-культурной типологии все еще является предметом дискуссий, в ходе которых высказываются весьма различные мнения. В частности, нам представляется, что до сих пор еще не проводится четкого различия между конвергентными хозяйственно-культурными типами и родственными ХКТ. Так, если ХКТ мотыжных земледельцев тропических лесов Старого и Нового Света имеют самостоятельное происхождение, а сходство их сформировалось независимо друг от друга, лишь в силу действия сходных факторов и общих закономерностей, то все ХКТ плужных земледельцев Старого Света (возможно, за исключением лишь Восточной и Юго-Восточной Азии) восходят к общему источнику и родственны между собой, несмотря на все их различия.

То же самое можно сказать и о ХКТ специализированных оседлых рыболовов Приамурья, Камчатки, северо-западного побережья Северной Америки и др., где в каждом регионе указанное направление и связанные с ним культурно-бытовые особенности складывались самостоятельно, в отличие, например, от оленеводов, таежных и тундровых, которые при всем многообразии своих вариантов имеют единые истоки и общий центр происхождения.

Последовательное проведение различия конвергентных и родственных ХКТ, на наш взгляд, методологически очень важно именно при построении классификационных схем по образующим их отдельным компонентам культуры и хозяйства, ибо в случае родственных ХКТ желательно учитывать как структурные, так и генетические параметры, тогда как при анализе конвергентных ХКТ анализ может вестись только по структурным параметрам, так как отсутствие генетических связей в данном случае принято как постулат.

Попытка типологизации такого рода, где были бы учтены не только структурные, но и генетические параметры, в данной работе предпринимается на примере системы питания как одной из важнейших составных жизнеобеспечивающего сектора культуры.

Традиционная культура армянского народа вписывается, как известно, в переднеазиатский культурный ареал. Не предвзято во многом еще спорного вопроса о числе первичных очагов становления производящего хозяйства, можно считать несомненным, что, во всяком случае, важнейшим

из таких очагов был Переднеазиатский центр одомашнивания полезных растений и животных, который в расширенном понимании включает также территорию Армянского нагорья и Кавказа, особенно Южного¹⁶. Именно здесь сложился тот хозяйственный комплекс, варианты которого легли в основу целого ряда хозяйственно-культурных типов, распространявшихся затем по территории всей Евразии, за исключением Крайнего Севера, Востока, Юго-Востока. В то же время следует отметить, что за пределами Евразии до новейшего времени этот комплекс хозяйственно-культурных типов и связанных с ними весьма специфических особенностей питания, практически за исключением небольшой части Северной Африки, нигде не получил распространения. Речь идет о хозяйстве, основанном на возделывании зерновых культур в непрерывном сочетании с разведением крупного и мелкого рогатого скота и с использованием широкой гаммы получаемых от последнего продуктов, как мясных, так и молочных, при очень сложной и разнообразной ферментационной обработке последних (сыроварение, маслоделие и др.).

Мы не ставим себе здесь целью дать всеобъемлющую и полную картину эволюции форм и компонентов системы питания у армян во все исторические эпохи. Ясно, что такая задача потребовала бы гораздо более обширного материала и фундаментального рассмотрения, чем то, которое можно произвести в рамках данной работы. Поэтому мы пойдем по пути последовательной классификационной дихотомизации, выделяя все более и более низкие классификационные таксоны лишь по той линии, которая в конечном итоге подведет нас к этнографически хорошо прослеживаемой ситуации рубежа XIX—XX вв., в которой, однако, представляется возможным выделить пласты, весьма различные по времени образования. Их ретроспективный анализ может способствовать как познанию механизмов формирования и развития системы питания, так и выявлению качественного своеобразия компонентов системы питания у армян и соседних с ними народов, имеющих во многом аналогичные пищевые навыки и традиции. Определение роли и места каждого из элементов данной конкретной системы питания в ее исторической и функциональной сбалансированности может иметь определенное теоретическое значение для понимания культуры как универсального адаптивно-адаптирующего механизма.

В качестве первого этапа такой дихотомизации мы выделяем два основных типа, критерием различения которых является способ получения растительного компонента основной массы питания: через собирательство или земледелие. Что касается мясной пищи, то способ ее получения через охоту или скотоводство не влияет, как правило, существенно ни на качественный состав получаемого мяса, ни даже на удельный вес его в общей системе питания. Здесь возможны самые широкие вариации. Напротив, при переходе к получению растительной пищи через земледелие существенно изменяются именно качественные показатели этой пищи. Намечается резко преобладание продуктов одного—двух видов культурных растений и среди разных компонентов растительной пищи резко возрастает доля крахмального компонента.

Правда, иногда этот сдвиг опережает появление земледелия, так как в известной мере он присутствует уже в ХКТ «собирателей урожая», но про последних, как правило, можно сказать, что они находятся на пороге земледелия.

В конкретном применении к анализу армянской системы питания этот этап дихотомизации означает констатацию того, что основная масса растительного компонента пищи в традиционной армянской культуре получалась через земледелие; собирательство, как мы увидим ниже, присутствовало почти непременно, но имело сугубо вспомогательное значение. Такая ситуация сложилась на Армянском нагорье уже в период неолита¹⁷.

На следующем этапе дихотомизации, в рамках земледельческого типа системы питания, можно выделить два подтипа по характеру культурных растений, являющихся основным источником крахмала в пище: зерновые это растения или незерновые (корнеплоды, клубнеплоды).

У армян среди всех земледельческих продуктов решительно преобладали зерновые, в основном пшеница и полба; лишь в наиболее высокогорных районах с особо суровым климатом на первое место мог выступать ячмень, который, однако, неизменно воспринимался как вынужденный заменитель пшеницы.

Далее, вслед за типом и подтипом можно выделить класс систем питания: в рамках зернового подтипа, каковым является система питания у армян, также можно выделить два класса в зависимости от характера основного источника мясной пищи. Во всех хозяйственно-культурных типах, основанных на зерновом хозяйстве, либо широко употребляется в пищу мясо домашнего скота, либо, если этого не происходит, основным источником животного белка становятся присваивающие отрасли хозяйства, а среди них в первую очередь рыболовство и значительно реже — охота. В армянской системе питания мы имеем первый класс, который можно назвать зерново-скотоводческим. На исторической территории армян почти столь же рано, как и земледелие, фиксируется наличие разведения и крупного и мелкого рогатого скота, которое сохраняло свое большое значение во все последующие исторические эпохи¹⁸.

В рамках этого класса возможно подразделение на два подкласса: первый — с потреблением в пищу молока и молочных продуктов и второй — без такового. Деление это имеет очень существенное значение. Там, где нет доения скота или состав стада ограничен свиньями, забой скота является одним из центральных моментов во всей ценностной и ритуальной системе этноса (пример этого дает Юго-Восточная Азия, Меланезия и др.)¹⁹. Но с появлением использования молока, во-первых, развивается особая ценностная и ритуальная система, ориентированная на доение скота и изготовление молочных продуктов, а во-вторых, определяется тенденция к максимальному ограничению убоя скота. Своего крайнего развития эта тенденция достигла в Индии, где коровье масло окружено ореолом сакральности, убой коров категорически табуирован и во многих слоях общества имеется тенденция к полному вегетарианству²⁰.

Что касается армянской системы питания, то она принадлежит к развитым формам первого подкласса, обладая весьма сложными методами обработки молочных продуктов и рядом связанных с ними ритуально-ценностных ориентаций. Однако мясной аспект скотоводческой продукции сохраняется в ней в полной мере. Ценностные ориентации, связанные с мясом, не только весьма детализированы, но и доминируют по сравнению

с ориентациями, соотносимыми с молоком. Большое число ритуалов предполагает обязательный забой мелкого, а в нередких случаях и крупного рогатого скота.

Следующий уровень дробности классификации требует уже выделения большого видового и подвидового разнообразия систем питания, определяемого по целому ряду признаков. В рамках интересующего нас здесь зерново-мясомолочного подкласса эти признаки будут включать как доминирование тех или иных форм обработки зерновых продуктов, так и способы приготовления и хранения мяса и еще в большей степени — наличие и распространенность различных форм обработки молочных продуктов (различных культур молочных заквасок, вариантов сыроварения и т. д.). Выделение всех или хотя бы только ведущих видов систем питания в границах данного подкласса составляет задачу большой сложности, не выполнимую в рамках данной работы, и мы ограничимся лишь тем, что констатируем, что традиционная армянская система питания входит в переднеазиатскую локальную группу видов в рамках зерново-мясомолочного подкласса, в который укладываются системы питания обширной группы родственных культурных типов, широко распространенных в большей части Евразии. Очевидно, в связи с тем, что как раз в Передней Азии находятся корни формирования этой группы ХКТ, основанной на сочетании пашенного зернового земледелия с многоотраслевым животноводством, именно в переднеазиатской группе видов, и в частности в армянском виде системы питания, практически все специфические и определяющие черты этого комплекса выражены с наибольшей полнотой.

Других видов, соотнесенных с теми или иными этносами в данной группе, по-видимому, столько же, сколько этносов (по другим параметрам культуры те же этносы, возможно, будут группироваться иначе). Субэтнические различия мы должны рассматривать в большинстве случаев как подвидовые.

Вопрос о соотношении видового уровня системы питания и этноса должен, по-видимому, решаться однозначно: вид соответствует этносу и наоборот. Дело в том, что на уровне этноса объективное существование этноса как коммуникационного сгустка²¹ неразрывно связано с субъективным фактором самосознания, и свободный поток информации внутри этноса, связанный с его языковым и вообще знаковым единством, наталкивается на препятствия для инфосвязей на межэтнических границах. Поэтому, например, хотя по материальному содержанию восточногрузинская система питания гораздо ближе к армянской вообще и североармянской в особенности, нежели к западногрузинской, тем не менее она может быть объединена с последней на правах подвидов в рамках единого вида уже хотя бы в силу единого этнически специфичного терминологического оформления ее компонентов²². По этой же причине подразделения видового и подвидового уровня образуют обычно компактные ареалы (случаи дисперсного расселения этноса как отдельная проблема должны рассматриваться особо); что же касается таксономически более высоких подразделений, то в силу исторических причин они могут иметь и дизъюнктивный (разорванный) ареал.

Анализируя армянскую систему питания, мы можем выделить в ней три наиболее существенных пласта: основной пласт — это тот, который связан

с ведущим хозяйственно-культурным типом и непосредственно укладывается в вышеназванный зерново-мясомолочный комплекс; другой пласт — это пласт субстратного характера, связанный с рудиментами предшествовавшего становлению производящего хозяйства хозяйственно-культурного типа, основанного на собирательстве, охоте и рыболовстве; и, наконец, третий пласт носит адстратно-суперстратный характер и является отражением формирования историко-этнографических областей на Кавказе и во всей Передней Азии, развития межэтнических контактов и культурных заимствований, последующего усложнения, развития и обогащения структуры и спектра производящего хозяйства. При этом, конечно, следует иметь в виду, что все эти выделенные пласты порождают многочисленные явления смешанного и синтетического порядка.

В рамках первого пласта (хронологически являющегося вторым) следует прежде всего выделить зерновые продукты и основанные на них блюда. Именно зерновые продукты являются основой традиционного комплекса питания, не только давая, по ориентировочным подсчетам, значительно более половины общего калоража, но и входя в качестве основного или существенного дополнительного компонента в большую часть всевозможных блюд, зафиксированных у армян в интересующий нас период.

Даже если мы возьмем только те изделия, которые имеют в своей основе исключительно зерновые продукты, а все прочие включают только как второстепенные по важности добавки, и то получим весьма внушительный список блюд, снеди и полуфабрикатов. По технологии изготовления они укладываются в определенный эволюционный ряд (опять-таки с рядом ветвлений и сочетаний), отражающий историю становления и развития зернового хозяйства. Древнейшим в этом ряду представляется непосредственное употребление в пищу зерна в сыром или обжаренном виде, а затем муки (в тех же видах)²³. Ряд таких блюд дошел до наших дней. Они готовятся всухую или на масле, разбавляются водой или молоком. Более сложным способом приготовления является различная варка приоттовленного зерна или муки; сюда мы относим многочисленные формы каш, галушек и изделий из лапши. Третьим способом обработки зерновых продуктов выступает печеное тесто в самых различных технологических вариантах. Варьируют как виды самого теста (пресное как наиболее архаичское, сладкое и кислое), так и техника выпечки (на углях, на камнях, на специальной утвари и приспособлениях). Вершиной культуры дрожжевого хлебопечения является лаваш, допускающий практически неограниченное длительное хранение и самое разнообразное употребление.

Наиболее архаичные формы часто продолжают фигурировать как специфическая ритуальная пища, а с потерей ими сакральной коннотации продолжают функционировать в общей системе культуры как детская забава или лакомство. Характерно также, что наиболее древние и основные культуры (как, например, пшеница и полба у армян) заполняют все или почти все ячейки указанной классификационной схемы, кроме, разумеется, тех высокогорных областей, где они не вызревают и заменяются различными сортами ячменя. Соответственно дополнительный характер других культур выражается в том, что они представлены лишь в отдельных ячейках, а расширение их употребления связано с кризисными ситуациями.

Следует отметить, что с появлением кислого теста в переработку зерновых продуктов вносится качественно новое начало: к термическим и механическим способам обработки добавляется ферментационный. Сущность ферментационного способа состоит в том, что биологическая активность микроорганизмов создает в среде крахмала (разумеется, при наличии белка и других веществ, входящих в состав зерна) новую физическую пористую структуру и модифицирует химический состав массы, сообщая ей лучшую усвояемость. Другой путь ферментации — это проращивание зерна для получения солода.

Подобным результатом или ответвлением этой инновации является возникновение ряда хлебных солодовых и дрожжевых блюд и напитков. Таковы ацик и махох: ацик — солодовое блюдо из патоки и муки, махох — нечто промежуточное между жидким блюдом и напитком, имеющее дрожжевое происхождение. Пиво этнографически у армян ныне не представлено, но исторически оно засвидетельствовано и имело широкое распространение²⁴.

Продукты скотоводства в балансе и рационе питания армян стоят на втором месте вслед за продуктами земледелия. В наибольшей степени это относится к молочным компонентам питания. По сравнению с ними любые фруктово-овощные и даже мясные добавки в пищу являлись не столь значительными и обязательными в традиционной системе питания армян. И в этом отношении показательно, что сыр считается у армян едва ли не столь же необходимым компонентом пищи, как хлеб; наличие хлеба и сыра позволяет считать, что необходимые требования к ассортименту достаточной и достойной пищи удовлетворены.

Так же как и зерновые, молочные продукты подвергаются тем же трем способам обработки — термическому, механическому и ферментационному, но соотношение между ними тут несколько иное. На первом месте по роли в формировании ассортимента молочных продуктов стоит ферментация: спонтанная молочнокислая, культурная молочнокислая и сычужная (простокваша, мацун, сметана, сыр, творожистые массы). Далее идет механическая сепарация жирового компонента (сливки и масло), а затем уже с помощью термической обработки изготавливают различные творожистые массы (шор, лор и др.).

Весьма показательно, что у армян основное назначение всех без исключения молочных продуктов — это их употребление в пищу в сочетании с продуктами зернового хозяйства, прежде всего с хлебом, с которым употребляется все, начиная от парного молока и кончая сырами самой сложной технологии. Это наводит на предположение, что время становления молочного хозяйства у армян пужно, по-видимому, отнести к той эпохе, когда культура хлебопечения уже занимала господствующее положение в системе питания. Кроме того, молочные продукты, как твердые, так и жидкие, широко выступают как добавки к различным мучно-крупяным блюдам или выступают как субстрат для их приготовления: масло для похинд, мацун — для танов апур и др.

Общая классификационная схема молочных продуктов в армянской системе питания может быть представлена следующим образом: 1) кисломолочные продукты спонтанной и культурной ферментации; 2) цельномолочные продукты механической сепарации (сливки, сливочное масло);

3) продукты комбинированной ферментации и механической сепарации (жировой компонент, масло из сметаны и мацуна, белковый компонент — отжатый мацун и различные виды творога); 4) продукты плесневой и сычужной ферментации (сыры); 5) жидкие ферментированные продукты, сепарированные и осажденные. Становится ясным, что здесь возможно построение решетки на основе технологии, а если ортогонально наложить на нее другую, исходящую из видового разнообразия продуцентов, то можно создать таблицу, где нашли бы отражение объем, масштабы, а возможно, и генетическая последовательность, и ритуально-престижная значимость разных продуктов в соотношении с видовым составом.

Мясные продукты по распространенности уступают молочным. В способах обработки мясных продуктов есть существенное различие: если большинство молочных продуктов рассчитано на более или менее длительное хранение и в то же время на непосредственное употребление, т. е. выступает в форме снеди, то из мясных абсолютно преобладают блюда, рассчитанные только на непосредственное употребление, и сравнительно небольшое место занимают специфические формы снеди, рассчитанные на особо длительное хранение. Поэтому в обработке и приготовлении мясных продуктов мы выделяем такие основные способы приготовления блюд, как жарение на углях, жарение на жировом субстрате, варка, а с другой стороны, специфические способы консервации: посол, отжим, сушка, покрытие специальной смесью из пряностей. Промежуточное положение занимает каурма, по технологии приготовления подобная блюду, но рассчитанная на сравнительно длительное хранение. Характерно, что в качестве ритуальной пищи выступала исключительно вареная мясная пища. Жарение мяса на углях в отличие от других кулинарных приемов является почти исключительно мужской прерогативой.

Переходя к другому, генетически древнейшему пласту в системе питания армянского народа, надо отметить его богатство и его повсеместное распространение. В дореволюционное время во многих горных и засушливых районах фруктово-овощной компонент был представлен весьма незначительно. В этих условиях дикорастущие растения становились важнейшим источником витаминов и других биологически необходимых компонентов питания. Способы употребления, обработки и консервации здесь были, пожалуй, наиболее разнообразными. Они параллельны или соотносятся со способами обработки зерновых, молочных и мясных продуктов.

Дикорастущие травы, плоды, орехи широко употреблялись в пищу непосредственно в сыром виде, а некоторые после предварительного обжаривания. Многие из них были объектами варки или жарения на субстрате для приготовления различных блюд из дикорастущих и в сочетании с различными продуктами производящего хозяйства. Разнообразны были и способы их консервации: сушка, соления, квашения. В то же время нельзя выделить такие способы и примеры, которые были бы специфичны только для продуктов собирательства. Наоборот, многие способы использования последних, как, например, добавление в сыр, невозможны иначе, как на фоне производящего зерново-мясомолочного хозяйства. Субстратное присваивающее направление хозяйства в армянской системе питания уже полностью инкорпорировано и преобразовано производящим направлением. Соответственно и система его классифика-

ции является не автономной, а отражающей систему классификации продуктов основного направления хозяйства.

Суперстратный пласт в традиционной армянской системе питания оказывается очень многообразным и неоднородным. Это пласт, связанный прежде всего с влиянием других, иноэтнических цивилизаций, представляющий заимствования, с которыми, по крайней мере вначале, были связаны относительно высокопрестижные коннотации. Сюда же могут быть отнесены такие инновации в культуре питания, которые были созданы самостоятельно в рамках данного региона и этноса, не зависели непосредственно от заимствований и внешних влияний, но появились относительно поздно, уже в эпоху становления классового общества, и органически не были связаны с исходным зерноводческо-скотоводческим направлением хозяйства. Тем не менее полностью отрицать эту связь нельзя, так как в суперстратной сфере питания отразились и были использованы и преобразованы те навыки обработки исходных продуктов и приготовления пищи, которые ранее были отработаны на продуктах, органически свойственных данному ХКТ.

В качестве одного из важнейших компонентов этого пласта следует выделить пищевые продукты и блюда, приготовляемые из овощей и фруктов. Часть подобных растений несомненно была самостоятельно domesticiрована на месте, другая же была введена в культуру через заимствование. Однако независимо от происхождения огородничество и садоводство, особенно в горных районах, явилось более поздним пластом в хозяйстве, дополнительным по отношению к исходному для данного ХКТ зерноводческо-скотоводческому направлению.

На обработку и способы приготовления этих продуктов были частично экстраполированы приемы, выработанные на использовании в пищу дикорастущих съедобных растений — трав и плодов. Показательно, что корнеплоды, почти не представленные среди местных дикорастущих, вплоть до самого позднего времени, занимали в питании мало места, а использование культурных корнеплодов шло в основном аналогично использованию травянистых растений. В этом отношении наблюдается большой контраст, скажем, с юго-восточноазиатской системой питания, где корнеплоды занимают огромное место и были объектом собирательства в субстратном ХКТ. Помимо потребления в сыром виде приготовление овощей включает в основном ферментацию (квашение) и термическую обработку (варение, жарение), производимые по тем же принципам, что и термическая обработка мяса (включая жарение на вертеле, на углях). Механическая обработка (очистка от кожуры, шинковка, резка) в данном случае обычно выступает чаще всего как вспомогательная операция, предшествующая ферментационной или термической обработке.

К суперстратной категории продуктов, помимо овощных, мы относим и фрукты. Рассматриваемый регион явился центром одомашнивания многих садовых культур, таких, как груша, айва, алыча, гранат. Яблоня, черешня, абрикос, тутовник обрели здесь свою вторую родину и важнейший очаг сортообразования. Свидетельства достаточно широкого использования фруктов в питании на исторической территории Армении имеются уже начиная с урартской эпохи и даже ранее, а в античное время садоводство и обработка его продуктов достигали весьма высокого уровня развития.

Из способов обработки фруктов, помимо сушки, следует отметить приготовление сиропов (тутового, виноградного) и изделий на основе этих сиропов (например, тучхел), а также упаривание фруктового отвара до твердой консистенции (лаваш тту). В качестве источника сладкого вкусового ингредиента до появления сахара использовали мед, несомненно один из самых ранних продуктов собирательства, рано введенный в культуру. Наиболее архаичным источником сладости в данном ХКТ представляется солод, роль которого постепенно отмирает.

Сам принцип приготовления твердых продуктов из жидких фруктовых сиропов взят, очевидно, из практики молочного хозяйства по аналогии с сыро-творожными изделиями. Эта связь прослеживается и в терминологии (для ряда растительных продуктов пасто- и кашицеобразных применяется термин *мацун*), и в использовании высушенных продуктов как основы для супов.

Таким образом, в значительной степени овощные продукты выступают как субститут мясных, а фруктовые — как субститут молочных, и показательно, что их наибольшее распространение падает именно на районы, бедные продуктами животноводства.

Другой компонент суперстратного пласта в армянской системе питания — это те блюда, которые связаны в своем формировании не столько с данным ХКТ, сколько с переднеазиатской ИЭО. Это прежде всего рис, затем различные привозные пряности, а из блюд — блюда сложного состава, включающие в себя компоненты как из основного, обусловленного исконным ХКТ субстрата, так и из суперстрата. Таковы различные пловы, кюфта, толма, ариса и др. Сложная кулинария этих блюд сформировалась уже в условиях высокоразвитой городской переднеазиатской цивилизации и оттуда спустилась в крестьянскую культуру, причем показательно, что до недавнего времени все эти блюда в состав повседневных не входили.

Такова в самых общих чертах классификационная схема, предлагаемая нами для армянской системы питания. Важно отметить, что построение подобной классификационной схемы является лишь частью полной методической основы для этнографического анализа системы питания. Следующим этапом построения такой основы является систематизация тех аспектов питания, которые лежат вне рамок кулинарной технологии и ассортимента набора видов пищи. Одним из важнейших среди этих аспектов может быть, например, классификация трапез. Трапезы делятся по времени (утренние, дневные, вечерние), по ситуации (домашние, полевые, общественные), по осмыслению и престижности (повседневные, праздничные, ритуальные). Параметрами каждой трапезы является набор ее участников, характеристика лица, которое готовит эту трапезу, и ее материальный состав. Сопоставление этих параметров позволяет выявить социально-знаковую и материально-потребительскую роль различных компонентов в этнически специфической системе питания.

* * *

Важную роль в проведении этнокультурных изопрагм КЖ играет и другой аспект питания — поведенческий. Нередко у народов Азии можно встретить ситуацию, когда даже одно и то же действие, имеющее одну и ту же

цель, например нарезка овощей для маринования, может быть произведено кардинально различными способами, которые никак не отразятся на качестве конечного продукта, но для проведения границ этнокультурных ареалов в Южной или Восточной Азии могут иметь довольно большое значение. Такую же роль могут иметь и поведенческие нормы принятия пищи (рукой, ложкой, палочками или вилкой), даже если в самом составе блюд и продуктов не обнаружится существенного различия; примеры этого находим у народов Центральной Азии.

Само собой разумеется, что предложенная здесь классификационная модель является сугубо предварительной. Так же как в линнеевской классификации живой природы, все многообразие культурных форм не может быть выявлено через единую систему индикаторов, которые необходимо должны розниться в различных типах и классах явлений. Единым может быть лишь общий принцип последовательности классификации, обусловленной ступенчатым характером прогрессивного развития. Представляется, что этот принцип может быть применен не только к анализу системы питания, но и к анализу любой другой подсистемы КЖ, хотя в каждом случае это потребует специальных путей конкретизации этого общего принципа.

Этнографический подход к изучению пищи, как и других форм материальной культуры, отличается от прочих, например кулинарного или нутриционистского, в частности, тем, что этнографов пища интересует не с точки зрения технологии ее приготовления или сравнительной питательной ценности, а как явление бытовой культуры, находящееся во взаимосвязи с другими аспектами жизни, отражающее взаимоотношения людей в обществе и нормы их поведения, формы поедения, традиционные для данного общества. Этнографы интересуют, во-первых, повседневные поведенческие аспекты питания. Для него важно не только то, что именно люди едят, но и как они это делают, как они при этом располагаются, какой утварью и посудой пользуются, как именно используют эту утварь и посуду. Любая совместная трапеза, будь то семейный обед или трапеза попутчиков, не говоря уж о трапезах, которыми отмечаются какие-либо выходящие за рамки повседневной жизни события, есть не просто коллективно организованное насыщение. В любом случае это в то же время действие с определенным знаковым содержанием. Как минимум этого содержания оно включает в себя констатацию того, что собравшиеся принимают и разделяют определенные, установленные традицией данного этноса, минимальные этические и эстетические нормы поведения, а следовательно, принадлежат к одной культурной общности и проявляют определенный минимум благожелательности друг ко другу. В случае семейной трапезы или трапезы постоянного рабочего или какого-либо иного коллектива к этому добавляется и признание и утверждение каждого участвующего в ней в своей принадлежности к этому коллективу. Особая, также выделяемая в поведении ситуация создается, когда на трапезе группы повседневно общающихся между собою людей присутствует гость или когда на трапезу собираются не только члены семьи, но более широкий круг родственников или вообще лиц, стоящих в какой-либо структурной связи. В любом случае трапеза как действие имеет более или менее традиционно

соблюдаемый и осознаваемый сценарий с заведомым распределением ролей, с включением определенных знаковых форм поведения. Все это, вместе взятое, составляет общую совокупность этикета, церемониала, этических и эстетических нормативов трапезы.

Набор основных продуктов, употребляемых в пищу, и типы блюд, приготовляемых из них, наличие характерных дополнительных компонентов типа приправ и специй, способы обработки продукта и приготовления блюд, пищевые ограничения и предпочтения, правила поведения, связанные с приготовлением и приемом пищи, — все это в совокупности и образует систему питания, характерную для какого-либо отдельного этноса или для определенного региона, населенного рядом близких по культуре этносов. В то же время по каждой из этих категорий признаков любая конкретная система питания может иметь и обычно имеет ряд локальных вариантов.

В выделении модели питания мы абстрагируемся от поведенческих аспектов питания, от второстепенных кулинарных деталей и определяем лишь главное: за счет какого продукта (чаще всего крахмалистого) обеспечивается основная калорийность пищи и в каком виде употребляется этот продукт, а также какими продуктами и в каком виде покрывается потребность в белках. В некоторых случаях, правда, место крахмала и других углеводов растительного происхождения как основных источников энергии для организма человека могут занимать углеводы (сахара) и жиры животного происхождения, в частности молочные.

Важно отметить также, что в основе какой-либо конкретной системы питания может лежать не обязательно лишь одна какая-то пищевая модель, в ряде случаев в одной системе питания могут быть представлены одновременно несколько моделей, находящихся в различных сочетаниях.

Сравнение различных аспектов традиционного народного питания в том виде, в каком оно выступает в разных регионах, позволяет определить моменты их общности или разграничения. Подобное порайонное исследование пищи как явления материальной культуры должно служить шагом к построению общей географии элементов традиционной культуры в их исторической динамике.

В наше время, в эпоху быстрого распространения более или менее унифицированной общемировой урбанистической культуры, этническое своеобразие народов в материально-бытовой сфере постепенно стирается. Однако показательно, что в области пищи этнографическая специфика сохраняется несравненно более стойко и долго, нежели в других сферах материальной культуры, например в одежде и жилище. Эта стойкость традиций пищевого предпочтения делает их изучение важным источником знаний об этнической истории народов.

Очерченные нами объекты исследования далеко не одинаковы по своей этноспецифической нагрузке. Для того чтобы выявить причину этого, распределим их по оси «публичное — интимное». Значение этого плана рассмотрения обусловлено определенной культурологической закономерностью, состоящей в том, что наибольшую склонность к сохранению черт традиционности и этничности проявляют наиболее интимные стороны жизни и, соответственно, выражающие их явления культуры. Явления же культуры, выражающие наиболее публичные стороны жизни людей,

склонны к выработке этнически нейтральных форм, лишь иногда снабжаемых факультативной этнической маркой (типа орнамента и т. д.). В этом отношении питание, в числе прочих физиологических процессов, несомненно должно считаться принадлежащим к интимным сферам жизни и общение в ходе трапезы является одним из наиболее интимных видов общения, тогда как общение в поселении (на улице, на площади) принадлежит к наиболее публичным видам. Соответственно из разных комплексов культуры поселение в наименьшей, а пища в наибольшей степени выражают этнически специфичные черты, и поэтому они могут рассматриваться как полярные на указанной оси.

Хотя в любом комплексе КЖ мы можем найти знаково-символические функции, они не всюду проявлены одинаково четко. В поселенческом комплексе, например, знаковость, престижность, символичность, как правило, могут быть связаны лишь с его отдельными элементами или выступать как его дополнительная, эксплицитно не выраженная функция, в то время как в жилищном комплексе они проявлены и в архитектонике, и в декоре, и в отдельных деталях построек. Пожалуй, наиболее четко эти свойства выражаются в комплексе питания, где знаковость может быть присуща и исходным продуктам для приготовления блюд, и способам их приготовления, и особенностям их внешнего оформления, и способам потребления.

Один из аспектов знаковости, выраженный в комплексах КЖ, проходит по оси «сакральное — профанное», с обширной долей более или менее нейтральных компонентов в срединной части этой оси. С этой осью связан целый ряд других бинарных оппозиций, которые могут выступать по отношению к ней либо как независимые, ортогональные, либо как коррелированные, вплоть до параллелизма и даже полного слияния. Таковы оппозиции «домашнее — дикое», «женское — мужское», «печальное — радостное», «темное — светлое», «вареное — жареное» и т. д.

Другой аспект, чаще всего не коррелирующийся с первым, заключается в оппозиции по оси «престижное — непрестижное», с более или менее разработанной шкалой иерархии престижности по этой оси. Наличие указанных осей «сакральное — профанное» и «престижное — непрестижное» создает предпосылки для конструирования разветвленной типологии различных комплексов и компонентов КЖ в плане их семиотического осмысления.

Конфигурация всех рассмотренных параметров зависит главным образом от уровня социально-экономического развития этноса и от конкретных исторических условий его формирования и существования. Но кроме этих факторов, в формировании КЖ, пожалуй, даже в большей степени, чем в формировании культуры первичного производства, не говоря уже о двух остальных подсистемах культуры, существенную роль играет природно-экологический фактор, который необходимо всесторонне учитывать, не допуская, однако, его абсолютизации. Поэтому в проведенном исследовании перед исследователями встала необходимость учета действия экологических факторов в формировании локальной вариативности КЖ в рамках единой этнической культуры.

Конечная цель происходящего в наши дни пересмотра традиционных, устоявшихся, оправдавших себя в прошлом, но в известной мере исчерпав-

ших себя методик этнографического исследования, цель поиска новых формулировок, новых форм постановки познавательных задач, по-видимому, состоит в том, чтобы создать базу для типологического обобщения и классификационного анализа разнородных и многоплановых культурных явлений. При этом они должны выступать не как механические совокупности отдельных формальных признаков, а как иерархия различных типологических систем, связи внутри которых можно было бы проследить на любом таксономическом уровне. Эта задача стоит перед любой крупномасштабной этнографической работой, тем более перед работой этнокультурологического характера.

Предпринятая в данном исследовании попытка создания концептуальной схемы выделения подсистем культуры и взаимосвязи их составных комплексов в конечном счете преследует именно эти цели. В идеале планомерное и широкое проведение подобных исследований различных этнических культур может иметь своим результатом такую многоуровневую интеграцию отдельных явлений в комплексах культуры, которая позволила бы осуществлять типологическое сопоставление и выявление исторических соотношений между любыми целостными культурными совокупностями и их органическими составными частями, определение закономерностей динамики их развития, формирования и выделения в них изоморфных и гетероморфных, инвариантных и вариантных категорий.

Разумеется, исследование, предпринятое нами, т. е. ограниченное рамками одной этнической культуры и рассматривающее в ней даже не целостную подсистему КЖ, а лишь отдельный хотя и существеннейший ее комплекс, в лучшем случае может быть только шагом на долгом пути к решению подобной задачи. Однако некоторые предварительные выводы можно сделать, и основываясь на результатах проводившегося нами исследования.

Мы уже отмечали, что престижные, ритуально-символические и прочие знаковые функции наиболее эксплицитно выражены в комплексе питания, несколько менее — в жилище и еще менее — в поселенческом комплексе. Можно сказать, что такое же соотношение наблюдается и в степени выраженности в этих комплексах этнических черт, и в тенденции к их устойчивому сохранению. То и другое наименее ярко выражено в комплексе поселения.

На ряде примеров из других культур (в частности, японской) можно показать, что при распределении культурных явлений и деталей отдельных компонентов по оси «интимное — общественное» сохранность и органическая вписанность этнически специфических черт нарастает в сторону интимности, или «эзотеричности», элементов культуры и падает в направлении их «экзотеричности» (общедоступности).

При анализе любого комплекса в рамках КЖ можно выделить соотношения по этнокультурным регионам, обобщенно определяемые по оси «центральное — периферийное», соотношения по ландшафтно-климатическим зонам, выражаемые в нашем случае осью «долинное — горное», эпохальные соотношения типа «новое — старое» и имущественно-социальные соотношения типа «более зажиточное — менее зажиточное». Переходы в подобных континуумах происходят постепенно, но в одних случаях эта

постепенность ровная, плавная, в других случаях в ней заметны моменты скачкообразных изменений. Так, например, эпохальные изменения в жилище происходят более резко и скачкообразно, нежели в пище; зональные различия в структуре жилищного комплекса выражены резче и явственнее, чем в поселенческом комплексе, и т. д.

Любопытно, что все названные оси соотношений (бинарных оппозиций) на практике выступают не вполне независимо друг от друга, а явно коррелируются между собой. На характеристику региона в целом существенно влияет преобладающая в нем ландшафтная зона. Долинная зона в любом случае выступает в роли эталона, в направлении которого постепенно эволюционируют комплексы остальных двух зон. Не случайно комплексам Айрататского региона еще в дореволюционный период были присущи некоторые зачатки сдвигов в сторону урбанизации, которые в периферийных регионах и в особенности в их горных зонах начали появляться лишь много позже.

Прогрессивное развития культуры этноса в целом характеризуется процессом все большей унификации. Объясняется это тем, что вариативность сосредоточена в наибольшей степени в правых членах указанных бинарных оппозиций, от которых развитие идет в сторону левых, причем последние выступают в качестве референтных вех для первых. Так, в выделенных нами оппозициях «долинное — горное», «центральное — периферийное», «новое — старое», «зажиточное — бедное» совершенно четко можно проследить, что типы жилищ и поселений гораздо многообразнее в горной зоне, нежели в равнинной; типы бедняцких жилищ были весьма разнообразны, тогда как жилища зажиточных семей строились более или менее по одному, считавшемуся наиболее престижным в данной момент плану, и этот план был особенно характерен именно для равнинной зоны центрального района; новые, современные формы жилища весьма унифицированы в отличие от разнообразных старых, традиционных форм. Развитие идет постепенно от этих старых форм к новым, причем закономерно сопровождается вытеснением периферийных черт центральными, все большей степенью проявления в горных районах черт, ранее свойственных только равнинным районам.

Некоторая нивелировка этнически специфических черт КЖ в ходе такой эволюции сопровождается не снижением, а, напротив, скорее повышением знаковой нагрузки на отдельные элементы культуры по мере социально-экономического прогресса. Весьма различавшиеся ранее по регионам и социальным уровням меню трапез унифицируются, но ассортимент престижных и праздничных блюд при этом возрастает, нюансы их знаковых функций становятся все более многозначными. Доля затрат на отделку, на эстетическое оформление жилища, которая в старину была очень невелика, ныне достигает одной трети всей суммы затрат на сооружение жилища и даже более. Рост роли престижной знаковости происходит параллельно с постепенным ослаблением, изживанием значимости оппозиции мирского и сакрального, что, разумеется, связано с общим падением роли культовых моментов в жизни общества.

Отдельные комплексы КЖ выступают как четко оформленные системы, где изменение в одном компоненте так или иначе сказывается на всех остальных. В частности, отчетливо видны параллелизм и взаимная допол-

нительность животноводческих и незерновых растительных продуктов. Так, например, в способах и в терминологии приготовления и использования овощи выступают в более тесной связи с мясом и как субститут его, а фрукты более коррелируются с молочными продуктами, в частности сухофрукты выступают как заменители кисломолочных в роли субстрата жидких блюд. В долинной системе питания по сравнению с горной, естественно, удельный вес мясо-молочных компонентов снижен, а фруктово-овощных повышен. В целом в системе питания ярко выражены сбалансированный полиморфизм разных параллельных форм обеспечения: ячмень и просо как дополнительные зерновые наряду с пшеницей, пресные лепешки наряду с заквасным хлебом и т. д. При этом в относительно благоприятных ситуациях ведущая форма наиболее распространена, а остальные сосуществуют с ней как частичные дополнения, отчасти ритуального характера, отчасти даже в роли детской забавы. Однако в кризисных и экстремальных ситуациях эти дополнительные формы становятся основной пищей, а ведущая форма функционирует уже скорее как празднично-престижная.

Так, например, при обеспеченности пшеничной мукой и необходимым для тонирного хлебопечения кизячным топливом заквасной пшеничный тонирный хлеб является основным пищевым продуктом, тогда как пресные лепешки, выпекаемые на раскаленных камнях, ячменный хлеб, просяные лепешки, выпекаемые на протвине, могут изготавливаться либо в связи с некоторыми ритуалами, либо просто для разнообразия или в качестве лакомства для детей (в горячем виде такие лепешки обладают определенными вкусовыми достоинствами). Однако в ситуации недостаточной обеспеченности эти виды хлеба могут стать основным пищевым продуктом, а настоящий пшеничный лаваш будет выпекаться лишь в особо праздничных случаях. То же можно сказать о «котапах» — своего рода пирогах с начинкой из лебеды и других дикорастущих трав, о замене дикорастущими травами мясного компонента в кашах и супах и т. д.

Проведенное исследование КЖ, имея экспериментальный характер, не преследовало цели выявления всех существенных системных связей между ее выделенными компонентами. Но оно с достаточной очевидностью показало перспективность этнокультурологического подхода в решении этой, по-видимому, наиболее важной задачи изучения КЖ, как и других подсистем культуры. Отметим, что есть случаи, когда изменения в жилище и пище выступают взаимосвязанно, например прекращение содержания молочного скота и переход на покупные молочные продукты, сопровождающиеся ликвидацией хлеба при доме; или же исчезновение топира и переход с лавашных форм хлеба на каравайные. Однако создается впечатление, что больше выражена не столько взаимозависимость отдельных комплексов жизнеобеспечения, сколько их параллельная зависимость от факторов других подсистем культуры — производственной, соционормативной и пр.

В КЖ, как, по-видимому, в культуре в целом, можно наблюдать две формы социокультурной адаптивной эволюции, которые за неимением других терминов были названы терминами, заимствованными из теории биологической адаптивной эволюции: культурными идиоадаптациями и ароморфозами. Под идиоадаптацией следует понимать такое видоизмене-

ние организма (в данном случае этносоциального организма), которое не сопровождается общими структурными прогрессивными изменениями; так, у армян при доминировании среди традиционных жилищ домов типа «глхатун», со ступенчато-пирамидальными перекрытиями, в ряде регионов нашли широкое распространение дома типа «габовтун», со сводчатыми каменными перекрытиями, а также пещерные жилища; не обладая существенными конструктивными и комфортными преимуществами перед глхатуном, эти дома представляли собой типичный пример культурной идиоадаптации к среде, относительно бедной строительным лесом, но зато богатой диким камнем и выходами мягких пород, весьма удобных для такого строительства. Примером идиоадаптации можно считать и распространение в ряде мест, особенно предгорной и горной зоны, компактно-слитных форм поселений при общем преобладании ветвисто-уличных и кучевых. Различные формы использования дикорастущих растений, субституция кислых фруктовых продуктов для приготовления ряда блюд вместо кисломолочных, использование различных видов мяса и жира для приготовления запасов каурмы можно привести в качестве культурных идиоадаптивных изменений в системе питания.

Напротив, ароморфоз предполагает приспособительную адаптацию, связанную со структурными прогрессивными изменениями, с повышением общего уровня активности данного организма. В этом смысле обогащение рациона населения горных и засушливых районов овощными и фруктовыми компонентами в результате усиления межрайонных экономических связей, развития оросительной сети, интродукции новых засухо- и холодоустойчивых сортов и культур представляет собой именно ароморфический тип изменения, так же как и распространение двухэтажных, многокамерных типов жилых зданий.

В прошлом, когда не было условий для прогрессивного социально-экономического развития армянского народа на своей коренной этнической территории либо когда такой прогресс был весьма медленным и относительным, преобладали разные формы идиоадаптации и культурной дивергенции в приспособлении к разным условиям обитания.

Эпоха социалистического строительства, приведшая к коренным преобразованиям в жизни армянского народа, отмечена преобладанием именно ароморфических форм эволюции. В эту эпоху влияние социальных условий на специфику комплексов жизнеобеспечения становится несравненно более сильным, чем влияние природных условий. Соответственно региональные и зональные различия в них имеют тенденцию к сглаживанию, а вся система КЖ современного армянского села, постоянно обогащаясь и усложняясь, проявляет в то же время тенденцию к унификации в рамках этноса в целом.

В таком сложном феномене, как культура жизнеобеспечения, можно выделить пять видов соотношения: по этнокультурным регионам, в рамках которых велось исследование; по ландшафтным зонам; по хронологическим периодам; между различными социально-профессиональными слоями, и наконец, соотношения культуры жизнеобеспечения и отдельных составляющих ее элементов с другими подсистемами культуры и их элементами.

То, что элементы культуры этноса варьируют по зонам, регионам и периодам, не ново. Однако интересна уже констатация того установлен-

ного проведенным исследованием факта, что для разных элементов культуры характерна большая или меньшая вариативность в разных плоскостях: в пище, например, зональные различия существеннее, чем региональные, но проявляются они не столько в трапезах и блюдах, сколько в продуктах и способах хранения; в жилище и поселении, напротив, региональные отличия существеннее, чем зональные. Эпохальные, типологические изменения происходят в жилище и отчасти в поселении более резким, скачкообразным способом, нежели в пище, и т. д. При условии методически достаточно строгого и систематического сравнительного анализа этих компонентов можно прийти к весьма интересным выводам.

Так, региону в целом оказываются присущи качества преобладающей зоны (равнинной в Айрарате, предгорной в Сюнике, горной в Шираке); одна из зон, равнинная, выступает в качестве эталона, на который равняются и в направлении которого постепенно эволюционируют и пища, и жилище остальных зон; характеристики равнинной зоны совпадают с региональной характеристикой Айрарата, который выступает как усредняющий вариант между Шираком и Сюником и одновременно более продвинул в плане урбанизации, оппозиции «горный — равнинный, периферийный — центральный, бедный — богатый, отсталый — развитый» оказываются отчетливо скоррелированными, и культура этноса в целом, развиваясь в прогрессивной тенденции, одновременно идет ко все большей унификации.

Бинарные оппозиции разного рода постоянно выявляются в анализе элементов культуры жизнеобеспечения. Рассмотрение отражения в ней соционормативных и гуманитарных (например, эстетических) функций культуры в данном исследовании осуществлено путем трактовки символического содержания жизнеобеспечивающих элементов как знаковой системы со своим определенным алфавитом и грамматикой. При этом можно усмотреть не снижение, а повышение ритуально-знаковой нагрузки на компоненты жизнеобеспечения (диверсификация ассортимента престижных блюд, повышение эстетической функции в общих затратах на жилище, появление эстетической и престижной функции у центра поселения и даже поселения в целом). Это повышение знаковости связано с общим обмирщением (секуляризацией), десакрализацией культуры, когда культовая, сакральная ее часть теряет свое значение и ее знаковость распространяется на все мирское; соответственно оппозиция «мирской — сакральной» (с которой связано множество других более частных оппозиций) переходит в оппозицию «престижный — непрестижный».

Очень важным и тесно связанным с культурологическим подходом представляется нам тот результат, что во всех сферах жизнеобеспечения можно выделить элементы с той или иной степенью престижной означенности. Еще более важно то, что при диахроническом подходе каждая подсистема КЖ теряет свою иллюзорную стабильность и выступает в динамике, а именно: одни элементы, в прошлом престижные, эту престижность с определенной закономерностью теряют, а другие ее обретают, реконструируют, или же для выполнения престижной функции вводятся культурные инновации.

Культурологический подход позволяет, пусть даже, в силу неполноты материала, в приближенной и ограниченной мере, представить каждую

жизнеобеспечивающую подсистему как систему, в которой имеются доминирующие или ведущие и второстепенные, третьестепенные и дополнительно-служебные компоненты. Причем изменение в каждом из них влечет за собой компенсаторное изменение если не во всех прочих компонентах, то во всяком случае в тех, которые относятся к ним как спаренные (гомологичные, субституционные, комплементарные). Это конкретно можно проследить в лице на динамике баланса зерновых, на соотношении фруктовых и молочных, овощных и мясных продуктов.

Известным достижением является уже и то, что удалось выявить саму эту парность или комплементарность отдельных компонентов в системе. В то же время приходится констатировать, что выявить до конца функционирование КЖ в целом как единой системы нам в настоящем исследовании не удалось. Хотя в ряде случаев ясно, что изменения в системе питания (замена своих молочных продуктов покупными, переход от лаваша к подовому хлебу и т. д.) влияют на структуру жилища и поселения (забвение хлеба, изменение функций очажных сооружений и пр.), но вполне целостной картины их взаимосвязи на базе этих выводов все же не складывается. В частности, обратное влияние, т. е. жилищной сферы на пищевую, проследживается еще слабее, хотя и оно имеет место: с выводом очага-тонира за пределы комнаты, с исчезновением камина-бухари падает вплоть до почти полного исчезновения доля тонирных и запеченных в золе блюд. Однако несомненно, что изменения в пище гораздо менее сильны и более постепенны, нежели в жилище. Эти изменения могут и не находиться в соотношении аргумента и функции. Очевидно, в большинстве случаев, даже когда между ними можно обнаружить прямую корреляцию, в обеих сферах они являются параллельными производными от изменений, происходящих в других сферах культуры, и прежде всего, разумеется, в производственной, т. е. в конечном счете в экономике.

В целом создается впечатление, что различные сферы культуры жизнеобеспечения, даже такие тесно связанные, как пища и утварь, жилище и мебель, не говоря уже об одежде в своих изменениях как во времени, так и в пространстве, хотя и зависят в какой-то степени друг от друга, но степень этой зависимости относительно невелика, и в значительной мере изменения эти определяются прежде всего соотношением факторов, действующих в других сопредельных сферах культуры. Именно эта относительная независимость сложения и развития разных сфер жизнеобеспечения обусловила то, что при их описании и анализе оказалось затруднительным применить полностью идентичные принципы. При едином в целом методологическом подходе и предпосылках методика описания и анализа поселения, жилища и пищи по необходимости строится несколько по-разному, прежде всего в зависимости от того, как это диктуют выявленные в ходе исследования конкретные закономерности данных по этим отдельным комплексам материалов.

Особый комплекс вопросов представляет собой проблема экологических факторов в формировании культурных вариаций и тесно связанная с ней проблема адаптивной эволюции и баланса в ней процессов «идеоадаптации» и «ароморфозов». Для сколько-нибудь полной оценки этих факторов и процессов имеющегося в нашем распоряжении фактического материала явно недостаточно, но некоторые наметки он все же позволяет

сделать. Создается впечатление, что хотя факторы природной среды несомненно накладывают отпечаток на любые проявления культуры жизнеобеспечения, но в еще большей степени на них влияют социально-историческое окружение, а также локальные традиции, сложившиеся в результате конкретных обстоятельств исторического развития; эти факторы доминируют над природно-экологическими, но не подавляют их, а взаимодействуют и переплетаются с ними.

Сбалансированный культурный полиморфизм, т. е. способность общества использовать в разных обстоятельствах ряд заложенных в общем фонде его традиций, существующих средств адаптации (в разных пропорциях, не отказываясь полностью ни от одного из них ни на каком этапе развития и не отдавая ни одному из них абсолютного предпочтения), играл особенно большую роль в прошлом, позволяя успешно преодолевать периоды временных затруднений. Примером этого может служить параллельное использование ряда зерновых культур — пшеницы, ячменя, проса, параллельное существование дрожжевого и пресного хлебопечения и др. Тенденция к унификации средств жизнеобеспечения в наше время, с преимущественной или даже исключительной опорой лишь на одно из ряда возможных альтернативных решений (в данном ряду, скажем, подовый пшеничный дрожжевой хлеб), по-видимому, непосредственно не угрожает снизить адаптивный потенциал культуры жизнеобеспечения, однако эта тенденция все же ведет, иногда просто в угоду определенной моде или предвзятым установкам, к известному обеднению культурного многообразия в жизнеобеспечивающей сфере.

До сих пор мы говорили главным образом о вариативности, полиморфизме культуры в целом и КЖ в частности. Однако в цели нашего исследования входило также и выявление инвариантов, определение общих для всего этноса контуров. Подобно тому как антропологи могут создать обобщенный фотопортрет народа, наложив друг на друга десятки снятых в едином масштабе негативов-снимков отдельных индивидов, так и мы, создав единый масштаб, т. е. серию единых анкет с максимально стандартизованными вопросами, получили десятки силуэтов отдельных деревень, из них сложились силуэты зон или регионов, а из них в свою очередь — обобщенный силуэт КЖ всей сельской Армении.

Надо отметить, что совпадающие, полностью или в очень сильной мере, черты при таком наложении преобладали, т. е. можно сказать, что основные характеристики большинства элементов КЖ едины или близки для всего массива армянской этнической культуры.

Вариативность наблюдается главным образом в отдельных элементах пищи, таких, как местные виды продуктов, блюд и трапез, при в общем вполне единой основной модели питания. Типы жилищ многообразны, так же как и их планировка, но исходят они опять-таки из единых принципов построения обитаемой среды и служат выполнению в разных вариантах одних и тех же функций. Таким образом, проблема различия общего и локального в КЖ сельского населения Армении поддается успешному решению при сопоставлении совокупностей элементов отдельных подсистем на разных уровнях алфавита и грамматики культуры.

Касаясь собственно практического выхода исследований в области жизнеобеспечения, отметим, что полученные выводы могут быть в изве-

ственной мере использованы в хозяйственной практике (например, в области организации коммунальных услуг, снабжения, организации строительства на селе). Однако еще в большей мере нам представляются существенными выводы, которые можно сделать из анализа ритуально-престижных функций, присутствующих в системе жизнеобеспечения.

С одной стороны, эти выводы могут помочь в работе по изживанию отдельных вредных пережитков, имеющих место в нашей действительности. С другой стороны, хотелось бы подчеркнуть, что имеющие место отдельные отрицательные явления, в частности престижеобразующее расточительство, стимулирующее чрезмерную пышность «престижных» мероприятий, не сводятся к пережиткам, а являются в значительной мере побочными новообразованиями, не имеющими корней в этнической традиции. Пропаганда по борьбе с ними, на наш взгляд, может успешно вестись в плане воспитания уважения к лучшим этническим традициям, порой забываемым, в плане направленного формирования новой обрядности, опирающейся именно на эти традиции.

Практическая роль исследований данного типа прежде всего состоит в том, что они создают необходимую систематическую информационную базу для действенной пропаганды и рекультивации различных элементов народных традиций, например, полузабытых в наши дни, но полезных и практических видов блюд и снэди народной кухни. Причем собственно практический, утилитарный эффект может во многих случаях органически сочетаться с осуществлением ритуально-организующих функций рассматриваемых традиций. Так, подобное сочетание может иметь место при рекультивации традиций воздержанности в потреблении спиртного, бережного отношения к хлебу, порицания выбрасывания пригодных к использованию продуктов и пр.

Подобного рода исследования, позволяя оценивать существовавшие и существующие варианты поселений, жилищ, пищи и одежды, тем самым выступают в качестве необходимой научной основы для возможной рекультивации соответствующих традиций, их дальнейшего развития и модификации к существующим условиям. Причем этот исследовательский подход можно приложить и к другим сферам культуры, очень перспективен он для сравнительного изучения образа жизни народов в его целостности.

Задача сравнительного анализа образа жизни народов Советского Союза сегодня очень актуальна, эта проблема в последние годы оказалась в центре внимания представителей самых различных областей научного знания.

Выработка требуемой методологии сравнительных исследований очень важна для решения многих исследовательских и практических задач. Одной из них следует считать задачу управляемого взаимообогащения культур народов Советского Союза. Ведь СССР представляет собой огромный резервуар многообразного, приспособленного к самым различным условиям жизни опыта. Задача в этой связи состоит в том, чтобы суметь сделать наилучшие и соответствующие современным условиям жизни образцы этого опыта достоянием различных народов нашей страны, иначе говоря, трансформировать локальные культурные традиции в общие, общесоюзные.

¹ Markarjan E. S. Ethno-Culturology and Ethnographic Studies // Problems of the European Ethnography and Folklore. Summaries. II Congress of the International Society for European Ethnology and Folklore. Moscow, 1982. P. 192—195.

² Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983.

³ См., например: *Вложквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский сборник. М., 1956. (ТИЭ. Т. 31); Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М., 1968; Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. М., 1981; *Беллиер В. Н.* Народная одежда удмуртов (материалы к этногенезу) // ТИЭ. 1951. Т. 10; *Волкова Н. Г.* *Джавалишвили Г. Н.* Вытовая культура Грузии XIX—XX вв.: традиции и инновации. М., 1982.

⁴ Именно данная подсистема дает основание для выделения культуры жизнеобеспечения.

⁵ См., например: Народы Европейской части СССР. I // Народы мира. Этнографические очерки. М., 1964. С. 817—851.

⁶ В связи с рассмотрением данной подсистемы важно отметить, что все без исключения подсистемы культуры в конечном счете направлены (каждая по-своему) на обеспечение и поддержание общественной жизни людей, человеческой деятельности: это и стимуляционно-мотивирующие, и программирующие, и исполнительные, и воспроизводящие звенья культуры. Особая роль «культуры жизнеобеспечения» состоит именно в физическом обеспечении жизнедеятельности людей.

⁷ Более подробно об этом см.: *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969. С. 86; *Он же.* Теория культуры и современная наука. М., 1983. Гл. 2, № 1.

⁸ Более подробно об этом см.: *Мкртумян Ю. Я.* Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978.

⁹ *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. С. 113—114.

¹⁰ *Маркарян Э. С.* Исходные предпосылки исследования этнических культур // Методологические проблемы исследования этнических культур. С. 13—15; *Он же.* Теория культуры. . . Гл. 4, № 2, 3.

¹¹ *Woodburn J.* An Introduction to Hadza Ecology // Man the Hunter. Chicago, 1968. P. 51.

¹² *Покшишевский В. В.* Человечество и продовольственные ресурсы. М., 1974. С. 44—47.

¹³ *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 125; *Андрианов Б. В.*, *Чебоксаров Н. Н.* Историко-этнографические области // СЭ. 1975. № 3; *Он же.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ. 1972. № 2.

¹⁴ Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979; *Вийрес А. О.* История крестьянского транспорта в Прибалтике. Автореф. докт. дисс. М., 1979; Костюм народов Средней Азии. М., 1979; *Сычев Л. П.*, *Сычев В. Л.* Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М., 1975.

¹⁵ *Leroi-Gourhan A.* Milieu et techniques. Paris, 1945; *Idem.* L'homme et la matière. Paris, 1943.

¹⁶ *Жуковский П. М.* Культурные растения и их сородичи. Л., 1971; *Синская Е. Н.* Историческая география культурной флоры. Л., 1969.

¹⁷ См.: *Еремян С. Т.* Естественно-исторические основы питания армянского народа // Армянская кулинария. М., 1960. С. 24; *Арутюнян Л. В.* О некоторых особенностях питания армянского народа // Там же. С. 29.

¹⁸ *Арутюнян Л. В.* О некоторых особенностях. . . С. 30—31; *Мартirosян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.

¹⁹ Народы Австралии и Океании. М., 1956. С. 399.

²⁰ Народы Южной Азии. М., 1963. С. 261; Боги, брахманы, люди. М., 1969. С. 399.

²¹ *Арутюнов С. А.*, *Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. 2. М., 1972.

²² Народы Кавказа. II // Народы мира. Этнографические очерки. М., 1962. С. 305—307.

²³ *Арутюнян Л. В.* Некоторые фрагменты из истории питания армян. Ереван, 1971. С. 8.

²⁴ *Еремян С. Т.* Естественно-исторические основы. . . С. 27; см. также: *Ксенофонт.* Анабасис. М.: Л., 1951. Кн. IV, Гл. 5. № 25—27.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ (вместо заключения)

Во многих главах данной книги предпринималась попытка так или иначе продемонстрировать адаптивное значение этнических культур и их полиморфизма. Поэтому в заключение уместно будет поставить вопрос, каково место этнических культур в одной из важнейших стоящих ныне перед человечеством проблем, а именно в предотвращении грозящего планете экологического кризиса.

Любому пишущему на тему, так или иначе связанную с экологическим кризисом, легче всего склониться к эсхатологическим тонам, к апокалиптическим видениям кошмара, который ожидает человечество, если не произойдет чудо. Ведь иначе как чудом нельзя было бы назвать внезапное прозрение и стремительную — на протяжении жизни одного-двух поколений — коренную смену нынешней модели экологического поведения. Реалистическое мышление не дает оснований ожидать чего-либо подобного.

В то же время уже сейчас почти повсеместно в той или иной форме ощущается усиливающееся в планетарном масштабе давление взаимобусловленных демографических, энергетических, продовольственных и экологических проблем. Если эти факторы дойдут до того критического уровня, на котором между ними должна будет установиться ощутимая обратная связь, человечеству и в самом деле будет грозить если и не гибель, то во всяком случае очень серьезные потрясения, которые приведут к резкому снижению и его численности, и качества жизни, и уровня потребления. И если резкая переориентация, стремительное изменение современного образа жизни — утопия, то можно и нужно постараться замедлить нынешнее развитие в опасном направлении, постоянно следя за расстоянием до критической точки и стремясь максимально выиграть время для постепенного перехода на новый, безопасный курс.

Все мероприятия, направленные против угрозы экологической катастрофы, таким образом, можно разделить на две группы: одна — всевозможные природоохранные меры типа развития замкнутой технологии, которые сами по себе не предотвращают возможности кризиса, но позволяют отдалить его момент, т. е. выиграть время; вторая — долгосрочные мероприятия, значительно более сложные, которые, собственно, и определяют новый курс в обход экологического рифа.

И если первая группа мероприятий упирается в проблемы главным образом технические, экономические, отчасти юридические и политические, то вторая подводит к проблемам еще более сложным — социально-психологическим и этнокультурным.

В чем сущность угрожающего нам экологического кризиса? Строго говоря, он явится далеко не первым в истории человечества. Очевидно, когда под воздействием демографического давления первые группы людей должны были покинуть свою колыбельную нишу в Южной и Восточной Африке и расселиться в ландшафтах, где до сих пор гоминиды не обитали, перед нами встала задача приспособления к новой, непривычной среде. Эта задача была решена средствами культуры и технологии нижнего палеолита.

В эпоху верхнего палеолита почти во всей умеренной зоне Евразии распространилась высокоразвитая культура с развитым обменом, весьма сложными религиозными представлениями и социальными отношениями, с удивительным искусством, которое не перестает потрясать и покорять нас по сей день. Экологической базой этой культуры была высокоспециализированная охота на крупных млекопитающих. На рубеже голоцена эта база весьма резко сузилась. Выход был в конце концов найден в так называемой неолитической революции, в становлении производящего хозяйства — земледелия и скотоводства. Но до этого, в эпоху начала мезолита, очевидно, почти всюду происходила определенная депопуляция, атомизация общества, довольно существенный культурный и экономический регресс. Однако продолжался он относительно недолго («всего» лишь два-три тысячелетия) и сменился эпохой расцвета раннеземледельческих обществ.

В более позднее время, в эпоху раннеклассовых и рабовладельческих государств, случались сходные катастрофы более узлокального характера. Если упадок Римской империи не был прямо связан с экологией (хотя определенную косвенную роль экологические факторы в нем, возможно, и играли), то в упадке классической майяской или хараппской протоиндийской цивилизации экологические факторы были, по некоторым предположениям, основными.

Эти кризисы мы называли узлокальными, но само понятие локальности и глобальности относительно. Ни один исторический процесс никогда не охватывал все человечество полностью, какие-то рефугиумы всегда оставались. Видимо, характерно и не лишено эволюционно-адаптивного смысла то обстоятельство, что по крайней мере до сегодняшнего момента ни одна крупная социокультурная инновация не отменяла в глобальном масштабе полностью все предыдущие состояния, а лишь все более сдвигала их на задний план.

Но главное характерно, что все разобранные кризисные ситуации (а их число легко умножить) не были тупиковыми: после трудностей и некоторого улады наступал новый подъем на обновленной социокультурной основе, но неизменно с сохранением и интеграцией многих достижений предыдущего этапа (чем дальше, тем больше выясняется, например, роль доарийского, хараппского наследия в формировании индийской культуры). Однако всякий раз интегрировались лишь отдельные достижения, а сама структура докризисного периода отрицалась.

Надо полагать, что и нынешнюю экологическую ситуацию человечество сумеет успешно преодолеть, что оно интегрирует в новую социокультурную модель многие лучшие достижения нынешней культуры, но с отрицанием современной структуры производства и потребления. Ряд обнадеживающих

тенденций в этом направлении уже просматривается. Прежде всего изменяется психологический климат, отношение к среде, взгляды на принципы взаимоотношений человека и природы. И эти изменения охватывают все более широкие круги, находят определенный реальный выход в росте ассигнований на природоохранные мероприятия, в разработке и внедрении новых технологических принципов. Хотя решающей материальной силой эти изменения в мировом масштабе пока не стали, но само их появление многозначительно. То, что сегодня существует в виде частного образца, завтра может и во многих случаях, по-видимому, должно стать массовым явлением.

Конечно, нынешняя ситуация существенно отличается от всех предыдущих. И дело не только в том, что она более глобальна, или в том, что она стоит не перед нашими далекими предками, а перед нами самими. Нынешняя ситуация имеет индустриально-урбанистический характер, какого прежние не имели.

В доиндустриальную эпоху жизнедеятельность каждой локальной популяции в основном была непосредственно связана с локальным ландшафтом, из которого она черпала почти все необходимое для своего существования и за пределы которого почти не выходили изменения, вызванные деятельностью этой популяции. Такое единство локального человеческого сообщества (с присущими ему характерными способами деятельности) и окружающего ландшафта получило наименование антропогеоценоза (термин предложен В. П. Алексеевым). Множество антропогеоценозов было вписано в круговорот вещества в биосфере подобно любым другим ценозам. Происходящие временами деструктивные явления антропогенного характера — обезлесение, засоление почв и т. п. — не отличались по масштабу переноса вещества от сходных неантропогенных явлений, например связанных с тектоническими движениями, климатическими сдвигами и т. д.

С вступлением человечества в индустриальную фазу система антропогеоценозов распалась. Антропогенный перенос вещества приобрел планетарный характер, вошел в дисбаланс с естественным круговоротом вещества. Из отдельных локусов, масштабно сопоставимых с антропогеоценозами прошлого, изымается (в виде руды, сельскохозяйственного сырья и пр.) огромное количество вещества, ранее тысячелетиями пребывавшего в этих локусах инертно-неподвижным или включенным в цикл естественного круговорота. Пройдя через эфемерную фазу потребления, это же изъятое вещество в виде отходов попадает в другие локусы, к его приему не приспособленные. В результате такого перемещения омертвляются до необратимого уровня и те локусы, из которых изымаются исходные вещества (на месте изъятия остаются дыры карьеров, бедленд, терриконы — мертвая материя, не способная давать ничего, даже кислорода), и те, в которые попадают массы отходов (причем не только территориально ограниченные участки суши, но и океан и атмосфера).

Даже если бы масштаб такого перемещения оставался бы постоянно на одном и том же уровне, все равно этот процесс логически привел бы к омертвлению планеты — уничтожению почвенного слоя, к гибели жизни в мировом океане, к исчезновению озонового слоя в атмосфере, о чем нас предупреждают экологи. Но это перемещение не остается на одном уровне,

до сих пор наблюдался его экспоненциальный рост, т. е. все возрастающие размеры потребления вещества и энергии на каждого человека. Если человечество хочет выжить, рост этот должен быть остановлен, а затем масштабы перемещения должны быть постепенно снижены до уровня, на котором естественные силы биосферы еще в состоянии справиться с ним.

В этом суть индустриального экологического кризиса. Наиболее вероятный выход из него, по-видимому, может быть найден в максимальном приближении — разумеется, на новой социальной и технологической основе — к системе, сходной с иерархией антропогеоценозов разных масштабов: от отдельных поселений или сравнительно небольших районов до целых стабильных и самовоспроизводящихся ландшафтных зон. Необходимы будут и такие технологические меры, которые могут способствовать круговороту вещества в планетарном масштабе. (Кстати, предприятия с замкнутым технологическим циклом — это своего рода имитация антропогеоценозов, хотя и весьма односторонняя, неполная.)

Конечно, нынешняя модель производства и потребления будет сохраняться и развиваться еще долго, но предвидеть ее смену и готовиться к ней надо уже сейчас.

Какие же социокультурные предпосылки делают такой переход принципиально возможным?

Сегодня лишь небольшая часть вещества, перемещаемого в ходе технологических циклов, обслуживает витальные, биологически обусловленные нужды потребления — они не имеют тенденции к неограниченному росту. А вот в сфере ритуально-престижного потребления, где в отличие от витального потребления продукты изнашиваются не физически, а морально, — здесь рост потребления теоретически неограничен. На эту-то сферу и приходится сегодня большая часть затрат вещества и энергии — тех самых затрат, стремительный рост которых и стал одной из непосредственных причин кризисных явлений в окружающей среде.

Разумеется, если человек удовлетворяет только витальные потребности, он существует, но не живет. А чтобы существовать могло общество, его члены должны уже не просто существовать, но жить полноценной жизнью, одним из компонентов которой и является завоевание престижа. Стремление к престижу древнее самого человека, так как престижная иерархия имеется у всех стадных приматов и у многих других млекопитающих. Человек же без такого стремления вообще не может быть человеком.

Но нельзя ли добиться такого положения, при котором ритуально-престижные нужды удовлетворялись бы в основном предметами неестественного характера, а структура потребления материальных благ позволяла бы избегать перемещения и трансформации больших количеств вещества и энергии? С культурологической точки зрения в этом нет ничего невозможного — при условии, конечно, что дальнейший прогресс разделения труда позволит преодолеть существенные различия между умственным и физическим трудом. Варибельность человеческой деятельности создает бесконечное многообразие форм приобретения престижа, в том числе и через отказ, через аскетизм и даже, в крайних вариантах, через самоуничтожение (например, хакакири). Однако до сих пор шире всего было распространено приобретение престижа через расточительство.

Мы обозначаем его заимствованным из английского языка термином «вейстинг», так как он в разной мере обозначает как «зряшную трату», бесполезный перевод «добра», так и «мусорение», нагромождение отходов. И накопление ненужных вещей, и перевод зерна в алкоголь с последующим его ритуальным выпиванием («потлачи» первобытности и пышные банкеты современных урбанистических обществ), и помпезно-монументальное строительство, и культовая практика — все это разные формы вейстинга. Он может иметь внешне конструктивную форму, но по существу он деструктивен.

Не приходится спорить, что в наши дни крупнейшим и самым опасным каналом вейстинга является гонка вооружений, которая тоже в конечном счете связана с извращенными представлениями о престиже как цели государственной политики. Все усилия миролюбивых сил, все мирные инициативы несут в себе, таким образом, и чрезвычайно существенный антивейстинговый компонент. Однако даже при полном отказе от вооружений, при полном переходе производства на мирные рельсы вейстинг остается крупнейшей планетарной деструктивной силой до тех пор, пока существует «общество потребления», т. е. пока производство направлено в большей мере на удовлетворение материально-потребительских социальных установок, нежели духовно-созидательных.

Вряд ли можно думать, что отход от вейстинга, связанного с безумно расточительным потреблением, возможен через самоограничение в этом потреблении, через проповедь воздержания и умеренности, через призывы к аскетизму и т. д. Аскетизм чужд современным социальным настроениям, да и в прошлом он служит средством обретения престижа лишь для единиц. Крупные монашеские организации, казалось бы, основанные на принципах аскетизма, неизменно как в христианстве, так и в буддизме превращались в гнездилища феодальной эксплуатации, роскоши, изливств, т. е. служили все тому же вейстингу, облеченному в религиозные одежды. В идеологиях более архаических обществ «героический отказ» мог занимать заметное место в мифологии, но никогда не претворялся на практике.

Обращение к мифологии «героического отказа» лишь подтверждает доминирующее значение вейстинга в престижеобретении. Общества, создающие мифологему «героического отказа», сами этот отказ не практикуют. Они переносят его бремя на «культурного героя», чтобы утвердить свое право передать вейстингу «экологические дары». Этика «отказа» реально архаическим культурам не свойственна или свойственна лишь в малой степени, а ориентация на вейстинг, как правило, свойственна им в столь же высокой степени, как и урбанистическим культурам.

Однако углубленный этнокультурологический и социопсихологический анализ как архаических, так и современных культур имеет тем не менее для поиска экологических решений большое значение. Коль скоро обретение престижа есть необходимое условие жизни человека и коль скоро превалирующий до сих пор путь обретения престижа ведет в конечном счете к деструкции всей экосистемы, следует обратиться к иным путям обретения престижа — их можно обнаружить практически во всех культурах. И внимание культурологического и социопсихологического анализа должно быть обращено на выявление факторов, способствующих формиро-

ванию как конструктивных, так и деструктивных тенденций престижеобретения. Здесь сравнительно-культурные исследования могут сыграть весьма важную роль и помочь выработать политику, направленную на поддержание конструктивных тенденций и на снижение деструктивных тенденций.

В подходе к динамике этнокультурного развития, как можно было заметить при чтении предыдущих глав этой книги, мы исходили из основного закона диалектического развития — закона отрицания отрицания. В принципе почти любая приживающаяся культурная новация означает в той или иной мере отрицание предшествующего, исходного состояния. Эта новация, становясь традицией, идет по пути дальнейшего развития, качественного и количественного роста и выполняет обычно, с точки зрения адаптивной сверхзадачи всего культурного механизма, эволюционно прогрессивные функции. В дальнейшем, однако, неограниченное развитие новой традиции приводит, по мере ее старения, к противоречиям как с очередными, более поздними новациями, так и с собственными целями и функциями, что в свою очередь ведет к ограничению ее действия, к отказу от нее в целом ряде первоначальных сфер действия, т. е. к отрицанию отрицания и к подстановке вместо нее некоторых предшествовавших ей культурных форм, но в преобразованном виде. Это, в частности, происходит с престижным значением заимствованной новации в локальной культуре. Перестав осознаваться как новация, получая всеобщее распространение, бывшее заимствование теряет и первоначальную престижность, которая вновь зачастую начинает обозначаться преобразованными предшествовавшими традиционными формами.

Обычно, рассматривая эволюцию культуры этноса в целом, мы разбираем ее в парадигме одного витка эволюционной спирали, или одной триады отрицания отрицания. Так, например, рассматривая взаимоотношения культуры гренландцев или исландцев с датской культурой, выступающей в качестве носителя общей модернизации или урбанизации, мы рассматриваем всю культурную историю, предшествовавшую контакту с новоявленной метрополией, как некий единый тезис, как целостное развитие единой и непрерывающейся традиции. Контакт с датской культурой выступает как антитезис, как отрицание этой традиции, грозящее потенциальной ассимиляцией, а национальное возрождение, возврат к этническим ценностям, позволяющий избежать ассимиляции, — как завершение триады, как синтезис или отрицание отрицания. При этом мы абстрагируемся от возможности того, что в рамках тезиса, т. е. доконтактного периода развития гренландской культуры, могли быть свои внутренние витки со сходной парадигмой. Археологические данные склоняют нас к предположению, что они действительно имели место, но материалов для их достоверной характеристики недостаточно.

Рассматривая культурную эволюцию японского этноса, мы вооружены более надежными источниками и можем проследить по крайней мере два витка. Один — это интенсивная китаизация древнеяпонской культуры, начинающаяся с V—VI вв. н. э. и особенно сильно действующая в несколько последующих веков, но преодоленная и завершившаяся созданием целостной позднесредневековой японской культуры в том виде, в котором она выступала в XVII—XVIII вв. Как эту культуру, так и

весь период ее формирования можно принять за исходный тезис следующего витка, начавшегося в середине XIX в. восприятием элементов вестернизации и завершившегося в XX в. их органическим усвоением и интеграцией.

Если мы попытаемся проследить историю этнической динамики человечества, то также обнаружим в ней не один, а несколько витков диалектической спирали. С началом антропогенеза гипотетически реконструируемый нами процесс развития ведет к стяжению разрозненных гаремных стад в более крупные лабильные стада, к превращению их из стад в родовые общины, к образованию предплемен, а затем, в ходе растущей кооперации предплемен, и к образованию настоящих племен, включающих по несколько родов каждое. Однако затем этот интегративный процесс сменяется дифференцирующим, что в немалой мере связано с появлением производящего хозяйства, с дифференциацией хозяйственно-культурных типов, с освоением новых ландшафтных ниш, т. е. по существу с «неолитической революцией». Вплоть до возникновения классового общества доминирует этот дифференциационный процесс, приводящий к возникновению множества все более и более дивергирующих языковых семей.

Формирование классового общества, ведущее к образованию больших рабовладельческих империй, поворачивает ведущие тенденции этнической динамики в сторону интеграции. Там, где эти тенденции достигают полного развития, образуются античные или раннеклассовые суперэтноты: популюс романус в Средиземноморье, индоарийский в Северной Индии, древнекитайский на Дальнем Востоке, кечуанский в Тауантинсуйю и др. Но дальнейшая их эволюция вновь приводит к средневековой, феодальной дробной дифференциации, которая сменяется обратными интегративными тенденциями лишь с развитием капитализма и сложением буржуазных наций.

По-видимому, ник этого процесса интеграции, ассимиляции малых групп и прогрессирующего укрупнения наций в общемировом плане уже пройден, хотя в развивающихся странах процессы национальной консолидации находятся еще на восходящей ветви. Однако в высокоразвитых странах речь идет все более и более не о консолидации, а наоборот, о путях оптимизации этнического и культурного плюрализма. Таким образом, логично было бы ожидать в будущем определенного «разукрупнения» крупных наций, переноса центра тяжести этнообразующих инфосвязей с общенациональных, тяготеющих к столичным округам уровней на уровни тех локальных, областных групп, из которых эти нации сложены.

И наконец, подходя к истории культурной эволюции человечества с наиболее обобщающих точек зрения, мы можем усмотреть в ней такие витки спирали развития, которые, начавшись с антропогенеза как тезиса, еще не получили своего развития, и в нынешний момент мы находимся лишь на их второй, отрицающей тезис стадии. Однако констатация этой стадии дает нам право прогнозировать и стадию отрицания отрицания в некотором будущем.

Рассмотрим, как складывалось соотношение материального и духовного прогресса на протяжении всей истории человечества. Начальный многосоттысячелетний ее период мы обозначаем как палеолитический, и это обобщающее название не случайно. Несмотря на существенную раз-

ницу между каменными технологиями нижнего и верхнего палеолита, они имеют больше моментов сходства, нежели различий, и материальная, хозяйственная основа бытия людей верхнего палеолита, ориньякцев или мадленцев, базировалась, с некоторыми усовершенствованиями, на основных достижениях, совершенных еще архантропами. Однако путь духовного развития, проделанный человеком за это же время, был громаден. Если кроманьонец в области своих материальных достижений стоит в десятки, сотни раз ближе к архантропу, чем к нам, то духовно он был, наоборот, несравненно ближе к нам, чем к архантропу, ибо обладал уже и великолепным искусством, и неплохим знанием календаря, и несомненно развитой мифологией и религией, и, видимо, уже достаточно сложной социальной организацией.

Бурный прогресс материальной сферы, технологии, энерговооруженности, производительности труда начался с неолитической революции, после утверждения производящего хозяйства, и не перестает наращивать свое ускорение и по сей день. Конечно, этот материальный прогресс сопровождался и духовным прогрессом. Однако нельзя отделаться от впечатления, что духовный прогресс во все охваченные письменной историей времена существенно отставал от материального прогресса, роста материального производства и потребления, и отставание это стало особенно заметно в новое и новейшее время, когда темпы вещественного, технологического, материально-потребительского прогресса стали просто головокружительными.

Эти темпы не могут ни бесконечно расти, ни даже долго сохраняться: уже сегодня достигнутый объем производства энергии угрожает всей планете катастрофическим перегревом. Единственный вывод, который можно из этого сделать, следующий: первый, палеолитический период роста человечества был периодом интенсивного духовного, но сравнительно скромного материального роста; второй период, от неолитической революции до революции нынешней, компьютерной, был временем бурного роста материальных сил, при довольно скромном по сравнению с ними духовном росте. Третий период, на пороге которого мы находимся сейчас, должен ознаменоваться если не прекращением, то резким замедлением материального роста и переключением всех созидательных сил на интенсивное духовное развитие.

Перспектива переключения все большего и большего объема человеческой энергии с создания и потребления овецистленных ценностей на производство и потребление ценностей духовных, не сопровождающееся перемещением и переработкой таких больших количеств вещества и энергии, требует всемерно расширять и углублять гуманитарные исследования и гуманитарное образование, сочетающееся с экологическим и эстетическим воспитанием. Отмечаемый сегодня сдвиг интересов учащейся молодежи от точных и технических знаний к гуманитарным, по-видимому, отражает интуитивное осознание по крайней мере частью общества этой объективной перспективы.

Понятно, что на практике духовные ценности существуют в сугубо материальной форме (книги, киноленты, репродукционные аппараты и т. д.); однако, например, в буржуазной массовой культуре, культуре китча и «мыльных опер», сомнительное и убогое духовное содержание

требует для своего воплощения огромных материальных затрат; высшие же и подлинные достижения духовности могут быть уместены в весьма скромную по размерам и стоимости материальную оболочку.

Развитие духовной культуры требует материальной базы, и было бы утопично и ретроградно по самой сути призывать к отказу от все более совершенных и эффективных технологических достижений. Но реализация этих достижений вовсе не требует тех затрат энергии и веществ, которыми она сейчас обычно сопровождается. Характерно, что в странах, наиболее близко соприкоснувшихся с экологической угрозой, например в Японии, наблюдается свертывание энергоемких и материалоемких отраслей производства и развитие за счет этого преимущественно трудоемких и наукоемких отраслей. Параллельно этому сама технология этих отраслей все более миниатюризируется.

Аналогичные закономерности наблюдаются и в области расселения, и в демографическом аспекте. Тогда как в странах, относительно отстающих по уровню своего развития, например в Мексике, продолжается и общий прирост населения, и увеличивающийся его отток в мегалополисы, в наиболее индустриально развитых странах уже отмечается кое-где и минусовый демографический прирост, и уменьшение абсолютной численности населения крупнейших городов. Таким образом, уже в спонтанных закономерностях развития современной индустриальной культуры мы можем наблюдать как экологически угрожающие, так и экологически обнадеживающие варианты.

Обычная практика футурологических прогнозов состоит в том, что наблюдаемые за определенный период существовавшие и существующие тенденции развития экстраполируются на некоторый период будущего. Будучи пригодной для ограниченных прогнозов на ближайшие сроки, такая практика непригодна для дальнего предвидения, ибо она игнорирует основной диалектический закон бытия, закон отрицания отрицания. Если же исходить из действия этого закона, то разрушение антропогеоценозов, безудержная индустриализация и урбанизация, являющиеся отрицанием прежнего, антропогеоценотического, доиндустриального, доурбанистического состояния общества, после его прохода через эту фазу отрицания, должны будут закономерно смениться восстановлением на новой основе системы антропогеоценозов, сопряженным с существенной дезиндустриализацией и дезурбанизацией.

Представляется само собой разумеющимся, что для такой перемены в направлении развития необходимо не только прекращение гонки вооружений и постоянной угрозы военного конфликта, но и ликвидация капиталистической конкуренции монополий, хищнического всевластия транснациональных корпораций, а короче говоря, торжество подлинно социалистической системы производства в общемировом масштабе. Понятно, что это не может быть вопросом самого ближайшего будущего. Но это не должно быть и вопросом неопределенно отдаленного будущего, потому что существующее экологическое поведение просто не может быть в него экстраполировано.

Все симптомы зарождения зачатков новой структуры производства и потребления, приближающейся к экологически здоровой системе антропогеоценотического круговорота вещества, вряд ли возможно здесь

перечислить. Отметим лишь некоторые из них. Так, хотя основная часть энергии в современном мире все еще получается от сжигания невозобновляемых запасов ископаемого топлива, параллельно с этим идет поиск и усовершенствование технологии иных, экологически чистых источников энергии (солнечные батареи, биогаз и т. д.). Тенденция все большего роста энергетических затрат для все большего наращивания скорости обнаруживает признаки истощения. В частности, это заметно в том, что сверхзвуковая гражданская авиация, которой еще недавно повсюду прочили большое будущее, по существу оказалась практически малоприменимой. Совершенствование электроники и различных видов дальней связи, по-видимому, позволит уже в довольно недалеком будущем существенно снизить потребность в дальних скоростных поездках, а значит, и снизить те энергетические и экологические затраты, которыми сейчас сопровождается их пока еще продолжающийся рост. Тогда как для капиталистической экономики характерна тенденция дальних перевозок монокультурно производимых товаров, в социалистической экономике наблюдается все большее внимание к использованию местных ресурсов, к максимальному самообеспечению относительно небольших районов. Очень показателен также тот энтузиазм, с которым все большее число городских жителей, людей самых различных профессий, принимается за освоение и возделывание садово-дачных участков, причем мотивация этого энтузиазма лежит не только в тяге к природе, свежему воздуху, ручному труду и т. д., но и все более в заинтересованности в самообеспечении такими овощами и фруктами, экологическая чистота которых (мера примененных удобрений, фунгицидов и т. д.) находилась бы под личным контролем потребителей.

Эти симптомы позволяют в какой-то мере представить себе будущую преобладающую структуру расселения и производства на нашей планете не в виде сочетания немногих мегалополисов и их обширных малолюдных аграрных «хинтерландов», к чему привела бы прямая экстраполяция ныне доминирующих тенденций, а в виде равномерной сети относительно небольших сгустков населения, сбалансированно занятого как в промышленном, так и в сельскохозяйственном производстве.

Такая перспектива предполагает и изменения в характере доминирующего процесса современного этнокультурного развития, т. е. типа взаимодействия общемировой урбанистической культуры с локальными традиционными культурами. В мире, ориентированном на рост мегалополисов, закономерно возрастание их этнической мозаичности, все большее преобладание индустриальной урбанистической культуры, в которую элементы традиционных культур интегрируются в сильно преобразованной форме. Но в мире, ориентированном на ренессанс антропогеоценозов, ситуация неизбежно должна быть обратной: в рамках ценозов будет происходить переход от мозаичности к этнической гомогенности, при которой обновленные традиционные культуры станут той доминирующей средой, куда в преобразованной форме будут включаться элементы индустриальной культуры.

Эта перспектива нового повышения значения и статуса обновленных традиционных культур в будущем требует от нас, обитателей настоящего, максимума внимания к проблеме сохранения традиционных

культур. При этом ясно, что речь идет не о консервации их в виде оранжерейных, искусственно питаемых и поддерживаемых в неизменном виде экспонатов, наподобие некоторых резерваций, а о неослабном внимании к созданию условий для полноценного естественного развития и совершенствования живых локальных этнических специфических культур, поддержанию их позитивных традиций и тщательному изучению и фиксации всех тех компонентов культуры, которые ныне отмирают, т. е. выпадают из русла межпоколенной трансмиссии, ибо никто не может поручиться, что в дальнейшем не возникнет нужда в их восстановлении.

Надо подчеркнуть, что практически любая традиционная культура сочетает в себе как «экофильные», так и «экофобные» черты. При этом экофобные черты нередко могут преобладать. За исключением наиболее отсталых обществ охотников и собирателей, которые почти не создают окультуренной среды в виде жилищ и поселений, почти всем традиционным культурам свойственна бинарная оппозиция культуры и природы, «дома» и «дикого поля», причем за домом закреплены благостные, сакральные коннотации, а за диким полем — коннотации демонические, связанные с опасностью. В них отражается ощущение враждебного противостояния человека природе. Это один из самых трудных психологических барьеров, который человеку предстоит преодолеть.

В этом плане представляется малопродуктивным нередко встречающееся противопоставление разных культурных моделей, оформленных в религиозных концепциях, например христианской, с одной стороны, и индуистской или синто-буддийской — с другой. Хотя в двух последних человек не столь резко противопоставляется природе, как в первой, не следует все же забывать, что, во-первых, противопоставление все же имеется, а во-вторых, все эти концепции — лишь надстройка над уже упоминавшейся бинарной оппозицией, присущей практически всему человечеству. Несмотря на однородность этических постулатов во всей восточноазиатской историко-этнографической области, лишь горы Японии сохранили свой зеленый покров, а горы Кореи и Китая были полностью обезлесены. Любовь индийцев к животным трогательна, и приятно видеть птиц, белок, обезьян, почти не боящихся человека, зато бездомные «священные» коровы часто объедают всю зелень, до которой могут дотянуться, так что каждый саженец здесь приходится окружать солидной проволочной или кирпичной оградой.

Хороший пример сочетания в одной культуре экофобных и экофильных черт дают эскимосы. С одной стороны, их охотничья практика (как и практика людей палеолита, стремившихся уничтожить и часто уничтожавших целое стадо, заведомо зная, что потреблена будет лишь часть его) ориентирована на максимум добычи, на «овер-килл», на добычу далеко сверх потребности, притом на истребление преимущественно самок и молодых особей. Демографическая динамика эскимосов, соответственно, представляла собой пульсацию от резких депопуляций при голодовках до столь же резких увеличений численности при улучшении условий.

При столь экофобном отношении к основным ресурсам, т. е. морскому зверю, отношение к ряду второстепенных природных ресурсов было явно экофильным. Так, одной из важнейших функций «хозяев земли» (фигуры не мифической, а вполне реальной, наследственно-должностной) являлось

определение начала сезона сбора травы. Трава использовалась для подстилок, для стелек в обуви. Разрешение на ее сбор давалось поздней осенью, после устойчивых морозов, когда сбор травостоя уже не мог привести к разрушению корневой системы.

Анализ факторов, порождающих экофобные и экофильные тенденции, размышления над путями устранения первых и развития вторых, по-видимому, также входят в число важнейших задач культурологии и этнографии. Они нужны как для переориентации нашей урбанистической культуры, так и для направленного воздействия на традиционные культуры там, где они продолжают играть существенную экологическую роль.

Сегодня основные культурные, социальные, информационные, коммуникационные, а стало быть, и этнические процессы и связи завязаны в первую очередь на крупные города. Крупные города связаны с массовыми перемещениями людей, с высокой этнической мозаичностью, они в известной мере служат «плавильными тиглями» ассимиляции, но они же создают и возможность существования землячеств и этнических кварталов, поддержания обособленности в мозаичности.

Развитие современной электронной техники может вскоре создать и кое-где уже создает возможность участия в совещательном, учебном, даже производственном процессе, не выходя из собственного дома, всецело через систему коммуникаций. Соответственно и интенсивность, и дальность перемещений людей должна будет падать. Все более будет размываться сам смысл существования больших городов. На смену промышленным и административным мегалополисам, противостоящим сельскохозяйственному хинтерланду, все в большей степени должны будут приходиться средние и малые города, сочетающие промышленность и сельское хозяйство, тесно связанные с сельскохозяйственным окружением, кругообмен вещества с которыми будет максимально приближен к замкнутому, антропогеоценотическому циклу. Обособленное состояние этнических общин в таких поселениях вряд ли возможно, и даже будучи вначале этнически мозаичными, они, с одной стороны, будут этнически гомогенизироваться, с другой — приобретать черты собственной локальной субэтнической специфики.

Читателю может показаться, что автор рисует здесь утопические картины неопределенно далекого будущего. Действительно, более или менее близкое соответствие описанной картине можно наблюдать пока лишь в считанном числе экспериментальных поселений, однако многие описанные черты в той или иной мере уже реализуются в «субурбах», пригородных поселках высококвалифицированного рабочего и так называемого «среднего класса» в США, Канаде, Японии и некоторых других высокоразвитых индустриальных странах. И если раньше житель «субурба» ездил из него на работу в город, то сейчас и конторская активность, и некрупные формы «чистых» промышленных производств все более активно введруются в пригороды, передвигая рабочие места поближе к месту обитания квалифицированной рабочей силы.

Сегодня, в ситуации участвующих проявлений межэтнических противоречий, раздающиеся нередко пожелания размежеваться и замкнуться в «национальных кварталах» не только реакционны по существу, но и реально неосуществимы, ибо жизнь сверхкрупных городов неизбежно

связана с этнической мозаичностью. Но дезурбанизация, разукрупнение городов должны автоматически вести к повышению этнической гомогенности. При этом развитие техники коммуникаций и рост значения связей между разукрупненными производствами столь же автоматически будут препятствовать и тенденциям внутриэтнической замкнутости. В этих условиях полноценное развитие локальных культур потребует усиленного обращения к ресурсам традиционного культурного наследия. Можно отметить, что уже сегодня «пригородные субкультуры» отличаются повышенным интересом к этому наследию, к фольклоризмам, традиционным формам общения, более проявленным здесь, нежели в обезличенной жизни людских муравейников мегалополисов.

Весьма существенно в этом плане то обстоятельство, что современное этническое сознание, за вычетом, возможно, лишь небольшого числа полностью или почти полностью дисперсных этносов, тесно связано с осознанием и поэтизацией исконной для данного этноса ландшафтно-географической ниши. Для русских это не только березки и рябины, но и вся совокупность российских ландшафтов, от таежных до степных, во всем многообразии их фауны, флоры и рельефа. Для армянина это не только контуры Арарата и Арагаца, ивы и аисты лежащей между ними долины, но и весь комплекс весьма разнообразной природы Армянского нагорья. Это осознание — явление относительно новое, интенсивно развивающееся, несущее в себе важную экофильную направленность.

Очень характерно, что современные движения в защиту национальной культуры и специфики не только тесно переплетены с экологическими требованиями, но очень часто именно с них и начинаются. В СССР мы можем наблюдать это в Прибалтике и в Закавказье, на Ямале и в Эвенкии. Естественно, что в ландшафте ямальской тундры каждый холм, камень, куст, каждый цветок и каждая малая птица исполнены значения для ненца, исконного обитателя этих мест: с ними связаны ориентиры, приметы, образы фольклора и множество других ассоциаций. Но никаких подобных связей нет в сознании приезжего строителя, геолога, нефтепромышленника. Даже отнюдь не будучи вандалом по своему воспитанию, он не может относиться к хрупкой арктической природе столь же естественно бережно, как местный житель. В этом различии можно видеть одну из существенных причин сегодняшних межэтнических противоречий. Для ее снятия приезжее население должно не только освоить язык коренной национальности, но и усвоить его ментальность, его ассоциативные связи с деталями местного ландшафта. Иными словами, экологические установки огромной части нашего общества нуждаются в неотложных усилиях по их существованию преобразованию.

Психологическую потребность в ритуально-престижном потреблении можно также преобразовать таким способом, чтобы оно, оставаясь относительно трудоемким, стало бы менее энергоемким и гораздо менее материалоёмким. Так, на основе новой технологии возможен хотя бы частичный возврат от массового серийно-конвейерного производства недолговечных дешевых вещей к индивидуализированному, полуручному изготовлению вещей уникальных, относительно дорогих, но исключительно долговечных, предназначенных для почти неограниченно долгого использования и не рассчитанных на «престижное» устаревание.

Отметим, в частности, что если капризы моды, заставляющие многих выбрасывать или уничтожать еще вполне пригодные к использованию одежду, утварь, мебель для замены их сиюминутно модными моделями, представляя собой форму престижеобразующего вейстинга, то использование сомнительно удобных предметов одноразового пользования, приводящих к чудовищным масштабам замусоривания (банок, бутылок, стаканчиков и других контейнеров, пластмассовых ложек и вилок и т. п.), никакой престижеобразующей функции не несет и вполне поддается регуляции довольно простыми механизмами, например введением залоговой стоимости. С другой стороны, старая вещь, пройдя через падение своей престижности, когда к ней относятся как к ненужной рухляди, по тому же закону отрицания отрицания в дальнейшем, если она уцелеет, начинает приобретать антикварную, престижную ценность, заставляющую многих отыскивать подобные вещи даже на свалках и заботливо их реставрировать.

Но дело не только в престижеобразующей функции вещи. Важным фактором в отношениях человека и вещи является эмоциональное отношение к вещи. Вещь, являющаяся предметом обезличенной общемировой культуры, легко отправить на свалку: при этом не рвутся духовные связи. Если же вещь осознается как этнически специфичная, то с нею неизбежно связан ряд аспектов, отличающих этнически нейтральные культурные формы от этнически окрашенных, и чем изощреннее становится наш духовный мир, тем больший резонанс в нем вызывают материальные предметы, так или иначе связанные с этнической, притом уходящей в глубь веков традицией. Характерно, что труд, всецело посвященный современной индустриальной экономике (Современная технология и экономическое развитие Японии, М., 1986), его автор, выдающийся японский специалист в области менеджмента, Моритани Масанори заканчивает словами: «По мере того как идет переход от предметов первой необходимости к предметам, связанным с миром чувств, свойства изделий будут испытывать все более глубокое воздействие национальной культуры» (с. 264).

Хотя даже в социалистическом обществе мы еще далеки от полного торжества интернационалистических идей, тем не менее их прогрессивное значение не подлежит сомнению, и рост интернационалистического сознания, изживание любых пережитков национализма, шовинизма, этноцентризма представляются необратимой перспективой общественного развития. Но это не отменяет, а наоборот, предполагает усиление осознания этносами значимости собственных вкладов в общечеловеческое достоинство, осознания ценности этнически специфичных позитивных традиций. И хотя центр тяжести этнического самосознания перемещается из области материальной культуры в духовную сферу, обратное воздействие, по мере того как в материальной сфере чисто жизнеобеспечивающие предметы сменяются предметами, так или иначе связанными с «миром чувств», также все более имеет место. Этот процесс может иметь большое значение для общей ценностной переориентации общества, и в частности его экологической переориентации.

Экологическая переориентация общества в известной степени облегчается тем обстоятельством, что на первом уровне — это перестройка не столько глубинных социально-психологических установок, сколько

ОГЛАВЛЕНИЕ

моделей социального поведения. Известно, что сходное поведение разных социальных групп может вытекать из различных мотиваций. Если для одних групп она вытекает из их традиций, из логики их социального положения, из осознаваемых на групповом уровне целей и ценностей, то для других оно может быть чисто имитативным: люди выбирают данную модель поведения, потому что таково поведение референтной группы. Определив, какие группы для кого являются в данном обществе референтными, очевидно, целесообразно будет основные усилия сосредоточить на выработке экофильных ориентаций именно у референтных групп, обладающих к тому же, как правило, более высоким общекультурным и общеобразовательным уровнем. Как только поведение этих групп станет явно экофильным и антивейстинговым, те же тенденции в силу постоянной тяги к имитации начнут развиваться, хотя и с некоторым запозданием, и среди всех остальных групп общества.

Поскольку ясно, что экспоненциальный рост народонаселения, энергопотребления, материального производства не может продолжаться бесконечно и все эти параметры когда-то должны будут на длительное время стабилизироваться, возникает вопрос: не приведет ли это к стагнации и упадку общества? Думается все же, что рост как таковой не прекратится, но лишь изменит свое направление — из экстенсивного станет интенсивным. Ведь не пришло же человечество в упадок оттого, скажем, что еще на неандертальской фазе прекратился рост объема головного мозга. Количественный рост может смениться качественным. Что же касается основного показателя культурного прогресса человечества — роста его тезауруса, его знаний о себе и об окружающем мире, то какой рост пределов не имеет и, по-видимому, будет в эксплицитном виде выполнять ту же функцию основного смысла существования (функцию, кстати сказать, в высшей мере адаптивную), которую в имплицитном виде он выполнял и ранее. До сих пор основные усилия людей были направлены на познание окружающего мира с целью его переустройства и адаптации к себе. В дальнейшем следует ожидать переноса максимума усилий на познание человека, его не только физической, но и духовной природы, с целью ее все более полной адаптации к окружающему миру.

<i>Глава первая</i>	Генезис этнической культуры и этногенез (вместо введения)	5
<i>Глава вторая</i>	Сеть коммуникаций как основа этнического бытия. Информационные потоки в популяциях. — Эволюция человека и среда. — Синхронная и диахронная информация. — Нации, народности, племена.	17
<i>Глава третья</i>	Археологические культуры и этносы	41
<i>Глава четвертая</i>	Этнокультурная динамика в доклассовых, раннеклассовых и рабовладельческих обществах . . . . . У истоков языка и культуры. — Доэтнические формы социальной организации. — Верхнепалеолитические предплемена. — Сдвиги эпохи мезолита. — Неолитическая революция. — Хозяйственно-культурная дифференциация и формы взаимодействия этносов. — Этнические общности эпохи разложения первобытнообщинного строя и образования ранних государств.	51
<i>Глава пятая</i>	Этнокультурные процессы с начала новой эры до наших дней Этнокультурные процессы средневековья. — Этнокультурные процессы в эпоху Великих географических открытий. — Этнокультурная специфика формирования буржуазных наций в эпоху капитализма. — Этнокультурные процессы в бывших колониальных и зависимых странах. — Этнокультурные процессы в эпоху социализма.	83
<i>Глава шестая</i>	Структурный параллелизм двухкультурности и двуязычия	114
<i>Глава седьмая</i>	Этническое и межэтническое в культуре	128
<i>Глава восьмая</i>	Традиция и инновация. Взаимодополнительность инноваций и традиций . . . . . Типология инноваций. — Факторы, определяющие культурную трансформацию. — Механизмы внедрения инноваций. — Сплетение традиционного и нового в материальной культуре народов Восточной Азии	160
<i>Глава девятая</i>	Ротационный механизм усвоения престижных инноваций	186
<i>Глава десятая</i>	Культура жизнеобеспечения и ее место в культурной динамике этноса	200
<i>Глава одиннадцатая</i>	Экологические аспекты этнокультурологических проблем (вместо заключения)	230

CONTENTS

<i>Chapter one</i>	The genesis of ethnic cultures and ethnogenesis (instead of an introduction)	5
<i>Chapter two</i>	The network of communications as the basis of ethnic identity. Information flows in populations. — Human evolution and natural environment. — Synchronous and diachronous information. — Nations, narodnosts and tribes	17
<i>Chapter three</i>	Archeological cultures and ethnicities	41
<i>Chapter fore</i>	Ethnocultural dynamics in pre-class, early class and slave-owning societies At the beginnings of language and culture. — Pre-ethnic forms of social organization. — Upper-palaeolithic proto-tribes. — Mesolithic shifts. — Neolithic revolution. — Economic and cultural differentiation and forms of ethnic interaction. — Ethnicity at the time of transition and early state formation	51
<i>Chapter five</i>	Ethnocultural processes from the beginning of new era till the present days. . . . . Ethnocultural processes in the time of Great geographic discoveries. — Ethnocultural aspects in the formation of bourgeois nations in the capitalist epoch. — Ethnocultural processes in the former colonial and dependent territories. — Ethnocultural processes in the socialist era	83
<i>Chapter six</i>	Structural parallels between bilingualism and biculturalism	114
<i>Chapter seven</i>	Ethnic and inter-ethnic cultural features	128
<i>Chapter eight</i>	Traditions and innovations . . . . . Mutual complementarity of innovations and traditions. — Typology of innovations. — Determinants of cultural transformation. — Ways for implantation of innovations. — Synthesis of traditional and new features in the material culture of Eastern Asian peoples	160
<i>Chapter nine</i>	Rotational patterns in implantation of prestigious innovations	186
<i>Chapter ten</i>	Subsistence culture and its place in the ethnic cultural dynamics	200
<i>Chapter eleven</i>	Ecological aspects of ethno-culturological problems (instead of the conclusion)	230

Сергей Александрович Арутюнов
НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ:
РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Утверждено к печати
Ордена Дружбы народов
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор
С. Н. Васильченко

Художник
О. В. Камлев

Художественный редактор
И. Д. Богачев

Технические редакторы
И. В. Бочарова, И. Н. Плохова

Корректоры
Л. И. Левашова, Н. А. Несмеява

ИБ № 38925

Сдано в набор 17.03.89
Подписано к печати 18.07.89
Формат 70×90^{1/16}
Бумага офсетная № 1
Гарнитура обыкновенная новая
Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,3. Усл. кр. от. 19,3. Уч.-изд. л. 20,1
Тираж 3000 экз. Тип. зак. 1402.
Цена 3 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, В-34, Ленинград, 9 линия, 12.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
ВЫЙДЕТ В СВЕТ КНИГА

Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н. Г.

СТАРЫЙ ТБИЛИСИ.
ГОРОД И ГОРОЖАНЕ В XIX в.

20 л. с ил. 2 р.

Авторы раскрывают перед читателем панораму более чем вековой истории жизни города — от присоединения Грузии к России (1801 г.) до конца XIX в. Тбилиси всегда был многонациональным городом, а начиная с XIX в. представляет собой настоящий конгломерат народов, языков, религий. Авторы дают подробную характеристику каждой из национальных общин Тбилиси: особенности городской семьи и семейной обрядности, хозяйственный быт, городские праздники и увеселения. Уникальные фотографии, помещенные в книгу, запечатлели уголки и сценки старого Тбилиси.

Для историков, этнографов, искусствоведов, краеведов и широкого круга читателей.

Книга высылается наложенным платежом

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 252107 Киев, Татарская ул., 6, магазин «Книга — почтой»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».